

КАПОТАН

КАПОТАН

Berpanəşr

Министерство Культуры и Туризма
Азербайджанской Республики

Национальная Библиотека Азербайджана
имени М.Ф.Ахундова

АЗƏРБАЈЧАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫ

НИЗАМИ адына ƏДƏБИЈАТ вə ДИЛ ИНСТИТУТУ

АЗƏРБАЈЧАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫ НƏШИЈАТЫ

Баку - 1959

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА им. НИЗАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Баку - 1959

Ответственный за выпуск: В. Бахманлы
Редактор: А. Асадзаде
Художественный редактор: К. Лидия
Дизайн: Н. Махмудов
Верстка: А.Аллахвердиев
Корректор: С. Самедова

Кероглу
Эпос

ISBN 995221042-2

Министерство Культуры и Туризма
Азербайджанской Республики

Национальная Библиотека Азербайджана
имени М. Ф. Ахундова

“Хатун плюс “
Баку
2010

При издании произведения были сохранены все данные оригинала

ПРЕДИСЛОВИЕ

Богата и плодородна земля Азербайджана. Неисчислимы жемчужины ее творческой сокровищницы, хранящей духовное наследие древнего народа.

Народ Страны Огней, литература которого дала человечеству таких блестящих мастеров художественного слова, как Низами, Хагани, Физули, М. Ф. Ахундов, Самед Вургун и другие, создал песни, рожденные в повседневном труде, легенды, отразившие древние представления о сотворении вселенной, пословицы и поговорки – краткое, но необычайно глубокое воплощение мудрости и сметливости трудового народа, сказки и баяты¹, лирико-романтическое творчество ашугов, слагающих песни о верности самоотверженных влюбленных, героико-романтические дастаны (эпос) и предания, увековечившие важные исторические события и отразившие духовную мощь доблестных героев, совершающих легендарные подвиги во славу родины и народа.

После создания первого азербайджанского эпоса «Дедэ-Коркуд» (XI в.) появился выдающийся памятник устной литературы конца XVI – начала XVII века эпос «Кероглу» – художественное отражение борьбы азербайджанского народа против иноземных захватчиков. Этот памятник искусства перекликался с историческими событиями того времени. Он распространился не только среди создавшего его народа, но стал широко известен от Средней Азии до Балкан, завоевав должное место в устной и письменной литературе народов, борющихся за свою свободу. Тема эпоса вызвала многочисленные отклики и подражания в творчестве других народов.

В конце XVI – начале XVII века Азербайджан стал ареной войны между османским султанством и иранским шахством. Османско-иранские войны 1535– 1547, 1578– 1585, 1585– 1588 годов и набеги, продолжавшиеся почти до середины XVII века, в основном велись на территории Азербайджана и превратили страну в разва-

лины. В разрушенных бесконечными войнами городах ремесла пришли в упадок, разоренные деревни нищали, сельское хозяйство было в запустении. Резко ухудшились торговые связи: русские и западноевропейские купцы перестали привозить товары в Азербайджан. Старые культурные центры страны утратили прежний блеск и значение.

Разрушительные войны уничтожали памятники культуры, иноземные захватчики беспощадно сжигали труды великих мастеров. Поэтому многие произведения поэтов, творивших в те времена, не дошли до нас.

В героических песнях того периода отражена борьба народа за свободу и независимость. В них с большой любовью воспевались доблесть и бесстрашие героев, их самоотверженность и бескорыстие. Восторгаясь непобедимыми богатырями, народ распевал эти песни, варьировал, перерабатывал, шлифовал их, превращая в поэтические сказания. Те из песен, которые были связаны с именем Кероглу, сыграли значительную роль в создании одноименного эпоса, имеющего огромное художественно-историческое значение.

После того, как османские полчища завоевали Азербайджан, султан разделил страну на пашалыги и санджаги¹ и попытался управлять ими по османским законам. Официально освободив местных феодалов от всех налогов, султан впоследствии нарушил свои обязательства и начал проводить политику насильственного присоединения Азербайджана как отдельной провинции к османскому государству. Османское султанство, переживавшее упадок, старалось всячески ликвидировать свою экономическую отсталость, интенсивно эксплуатируя народ, облагая его различными налогами и беспощадно увеличивая их в завоеванных странах. Тяжким бременем ложилось на плечи народа и неумное желание пашей увеличить личную собственность. Алчные и корыстолюбивые чиновники, взимая налоги сверх установленной меры, творили невиданные жестокости и преступления. В те годы положение народа намного ухудшилось, даже по сравнению с его нелегкой жизнью при «кызылбашах». Непосильная тяжесть официальных государственных налогов, произвол пашей и чиновников душили городскую бедноту

¹ Баяты – грустная лирическая песня.

¹ Пашалыг и санджаг – административно-территориальные деления

и крестьян, обязанных содержать местных феодалов и духовенство. Все эти бедствия и лишения вынуждали крестьян и неимущее городское население покидать родные места, бежать на чужбину и даже, если это было возможно, селиться на землях Сефевидов. Население уменьшалось, налоги продолжали расти и оставшиеся вынуждены были выплачивать долю беглецов.

Царившие в стране насилие и грабеж вызвали крестьянские волнения, охватившие всю страну. Местные феодалы также были недовольны политикой централизации, которую проводило османское государство. Турецкие паши, подавлявшие волнения в городах огнем и мечом - своих янычаров, были бессильны сломить сопротивление крестьян, которые, убегая в горы, вели ожесточенную войну.

По сведениям историков XVII века среди восставших азербайджанских крестьян были армяне и грузины. Нередко в войсках повстанцев встречались и беглецы из османских армий.

Народные волнения охватили не только Азербайджан, но и восточные провинции самой Турции и широкой волной прокатились по покоренной Аравии. В официальных документах эти волнения назывались «джалалидскими бунтами».

По некоторым летописным источникам известно, что группы повстанцев и в последующие годы долго не складывали оружия и после покорения страны шах Аббасом I продолжали вести борьбу с захватчиками и помогавшими им местными феодалами. Основная часть восставших, до конца верных народному делу, состояла из воинственных, смелых и мужественных людей. Народные певцы и ашуги слагали песни о подвигах, бесстрашии и прямотуши этих героев.

Но необходимо отметить, что все эти народные волнения не были связаны между собой. Неорганизованность крестьянской массы мешала их объединению и совместной борьбе, делала невозможным изгнание захватчиков. Но, несмотря на разобщенность, антифеодальное движение масс длилось в течение всего XVII века.

Летописец Аракел Тавризский, живший в то время, упоминает о двадцати трех предводителях восставших, среди которых мы встречаем имена Кероглу и Гизироглу. Он пишет: «Это тот Кероглу, ...который сочинил много песен, кои ныне воспевают ашуги».

Далее летописец, говоря о соратниках Кероглу, пишет: «Гизироглу Мустафа-бек с тысячью всадниками также является товарищем Кероглу, которого последний очень часто упоминает в своих песнях».

Исходя из того, что Аракел Тавризский в своей летописи, законченный в 1662 году, повествует об исторических событиях своего времени и, называя имена Кероглу и его соратников, говорит о них, как об участниках описываемых им реальных событий, мы можем предположить, что Кероглу действительно существовал как историческая личность.

Таким образом, мы видим, что эпос «Кероглу» был создан в конце XVI – начале XVII века на основе реальных событий. Отдельные его песни долгое время хранила только память ашугов, но впоследствии они постепенно включались в сборники, составляемые любителями поэзии и искусства. А отсюда некоторые стихотворения, в особенности любовно-героические песни о Кероглу, попадали в рукописи, написанные в XVII, XVIII, XIX веках в Азербайджане. В последующие годы внимание исследователей привлекало широкое распространение эпоса и в частности любовь народов Закавказья к Кероглу, как к своему национальному герою, повсеместное исполнение песен, связанных с его именем.

В 40-х годах XIX века А. Ходзько записал со слов ашугов Южного Азербайджана песни о Кероглу и в 1842 г. издал их на английском языке. В 1856 году С. Пенн перевел их на русский язык и напечатал в газете «Кавказ» под названием «Кероглу – восточный поэт-наездник»¹.

В русском переводе своего произведения «Гюлистан-Ирэм» азербайджанский историк и просветитель Аббаскулиага Бакиханов особо упоминает крепость «Кероглу».

Однако научное исследование и собрание эпоса началось только в советский период. В эти годы собранные со слов ашугов различные варианты были записаны сотрудниками Института литературы и языка имени Низами Академии наук Азербайджанской ССР, печатались отдельные главы-ветви эпоса и, наконец, в 1949 году Институт завершил его научное издание.

¹ Газ. «Кавказ», 1856, № 21, 24, 26, 27, 30, 34, 36, 42.

Эпос «Кероглу» – героическая эпопея. В нем отразились глубокий патриотический дух, любовь к трудовому народу и ненависть к угнетателям. Лейтмотивом произведения является описание походов Кероглу и героизм его соратников.

Вступительная часть эпоса представляет собой рассказ о трагической судьбе Алы-киши – отца героя. Жестокий Гасан-хан, подстрекаемый турецким пашой, ослепил своего табунщика. Алы-киши жаждет мести. Его сын Ровшан, прозванный Кероглу (сын слепого), клянется отомстить за отца и за свой угнетенный народ. Вырастив чудесного коня Гырата и добыв египетский меч, он собирает вокруг себя таких же удальцов, как сам, и начинает борьбу.

В конце эпоса описывается старость Кероглу, его борьба после завоеваний шаха Аббаса и трудность ее с появлением огнестрельного оружия.

Песни об отдельных «походах» Кероглу ашуги называют гол (главами-ветвями). Следует отметить, что некоторые из них повествуют о совершенно забытых теперь походах Кероглу. Иногда в этих песнях упоминаются грузинские имена и названия местностей. Можно предположить, что некогда в эпосе существовали отдельные главы, содержание которых было связано с Грузией.

В главе «Побег раба» говорится об Аравии, что заслуживает особого внимания исследователей. Очевидно, события, о которых рассказывается в этой главе, связаны с народными восстаниями арабов Ирака и Сирии, происходившими в XVI–XVII веках, так как они, как и движение, возглавляемое Кероглу, были направлены против турецкого владычества. Возможно, что соратники Кероглу поддерживали связь с арабскими повстанцами, и поэтому в отдельных главах эпоса прослеживаются мотивы, связанные с Аравией и городом Алеппо.

Главный герой – сын простого табунщика. Создатели эпоса воплотили в образе Кероглу мощь народа, мечты о справедливости, воспев его как героя-полководца и народного защитника.

Кероглу храбр, бесстрашен и непобедим. Он – прекрасный наездник, умело владеющий оружием: мечом, копьем, палицей, луком, находчив и сметлив в бою. Он уважает простых тружеников, покровительствует им, ведет борьбу во имя справедливости и свободы. Благодаря своему уму и отваге, он всегда угадывает уловки

врага и побеждает его. Герой щедр, благороден, хранит верность своей возлюбленной. Народ восхваляет его как ашуга и тонкого ценителя поэзии и искусства.

Кероглу не может и не хочет бороться огнестрельным оружием. Такая борьба ему кажется трусливой и коварной. Сначала он не верит, что слабый и малодушный человек издали, только спустив курок, может убить богатыря. Убедившись в этом, он жалеет о прошлых благородных боях, когда бойцы бились один на один, сетует об утраченном мужестве и героизме.

Смерть подходит на склоне печального дня.
Миновали шум-гам, хай-харай, суетня.
Появилось ружье – смелым смерть, западня.
Я старею, иль время мое постарело.

Однако, говоря, что отвага героев отошла в прошлое и что сам он уже не пригоден для ратных дел, Кероглу не успокаивается. Видя, что зверства захватчиков продолжаются, он снова собирает свою боевую дружину. «Пока есть враг, мы должны биться», – так объясняет герой свою бесконечную борьбу. Кероглу ненавидит главарей захватнических армий, пашей и ханов, предающих свое отечество, купцов, обирающих народ. Он горячий защитник простых и честных людей, враг всего лживого и подлого.

Коль назовут рабом, то скрутят шею.
Я столб, стоящий впереди рабов.

В этом отношении характерен эпизод («Журавлиное перо»), рассказывающий об отношениях Кероглу к знати и бедному крестьянину-жнецу.

Друзья Кероглу едут в Багдад за журавлиным пером. Багдадский паша арестовывает их и приказывает повесить на площади перед всем народом. Узнав об этом, Кероглу и его удальцы едут спасать своих товарищей. Недалеко от города они встречают знатного горожанина, который спешит к месту казни, чтобы принять участие в жестоком веселье. Друзья Кероглу убивают его. Едут дальше и видят старика, который жнет хлеб, оплакивая храбрецов, попавших

в плен. Товарищи Кероглу помогают ему. Старик благодарит и дает им мудрый совет, как пробраться в город незамеченными. Прощаясь, Кероглу щедро вознаграждает его.

В главах, повествующих о других походах, говорится как герою и его удалцам всегда помогают бедняки: пастухи, батраки, дети бедных вдов. Они первые приносят в Ченлибель вести о попавших в плен товарищах Кероглу и о нем самом. Все эти эпизоды говорят об отношении масс к движению Кероглу и самого Кероглу к народу. А то, что историки феодализма отрицательно характеризуют людей, присоединявшихся к этому движению, подчеркивает его классовый характер.

Одной из лучших черт народного героя является то, что он защищает не личные, а общенародные интересы. Он до конца своей жизни предан народному делу и ради него готов идти на смерть Кероглу прислушивается к советам товарищей, умеет отличить друга от врага.

Только раз ошибся он, поверив Хамзе, но и тот не стал ему врагом: женившись на дочери Хасан-паши, Хамза сам помогает Кероглу увести похищенного Гырата. Со словами: «Кероглу, я сдержал свое слово, что дал тебе на мельнице», – он подает ему стремя.

В эпосе говорится не только о героизме Кероглу – он не одинок в борьбе. Вокруг него сплотились лучшие сыны народа: Дели-Гасан, Демирчиоглу, Белли-Ахмед Гюрджуоглу, Эйваз, Алайпозан, Танры-танымаз и другие не уступают своему предводителю в отваге и мужестве. Так, пойманный врагами Демирчиоглу не покоряется и не выдает тайн даже тогда, когда с него живого сдирают кожу.

В эпосе отважные молодцы Кероглу названы делибашами¹. Но смысл этого слова очень далек от его первоначального значения. Здесь оно означает «герой», «храбрец», «воин»; употребление слова «дели» в таком значении продолжалось до XX века. И даже в XX веке так называли «качагов», т. е. тех, кто самоотверженно боролся против властей и помещиков: Дели-Алы, Дели-Мамед, Дели-Али и др.

В свой отряд Кероглу принимает людей испытанных, уже побывавших в опасных переделках. Он воспитывает в своих соратни-

ках благородные чувства, учит их быть отважными и скромными, ценить дружбу и товарищество, уважать бедняков, любить родину. Его удалцы на поле битвы необыкновенно храбры. Их сила несокрушима, а скромность и простота безграничны. Они никогда не хвастают своим мужеством; возвращаясь из самых опасных походов, волн из отряда Кероглу воспринимает это как нечто обычное и повседневное.

Один из самых интересных образов эпоса – ашуг Джунун; в различных вариантах он обрисован по-разному. В варианте, напечатанном Гумметом Ализаде, в главе-ветви «Кероглу и ашуг Джунун», записанной со слов ашуга Али, говорится о том, как богатый купец возил ашуга Джунуна в сундуке за своим караваном и как Кероглу, захватив караван освобождает ашуга, и тот остается в его отряде.

В варианте ашуга Мирзы Джунун выходит из сундука, когда был захвачен караван купца по имени Саррафи-Заркулах, и остается в Ченлибеле.

Следующий вариант повествует о том, как во время веселого пира товарищам Кероглу захотелось послушать ашуга. Приводят Джунуна. В этом варианте его зовут Джаван, а в варианте, записанном со слов ашуга Асада, он является ашугом Джефер-паши. Таким образом, мы видим, что Джунун не исторический образ, он рожден теми, кто создавал эпос. Народ показал, как творцы поэзии и искусства принимали участие в движении Кероглу, страстным пропагандистом которого был ашуг Джунун. Распространяя среди народа славу о доблести Кероглу, воспевая его мужество и бесстрашие, он одновременно призывал отважную молодежь идти в Ченлибель, влиться в отряд повстанцев.

Женские образы эпоса вызывают глубокую любовь и симпатию. Нарисованы они ярко и рельефно, но их непосредственное участие в боях не описывается. Большинство женских персонажей – дочери купцов, пашей и ханов, горячо сочувствующие делу Кероглу. И. В. Сталин в приветствии первому съезду женщин-горянок писал: «В истории человечества ни одно серьезное освободительное движение не обходилось без близкого участия в нем женщин...»¹

¹ Делибаш – буквально: безумец, сумасшедший.

¹ Сталин И. В., Сочинения, т. 5, стр. 60.

Среди вариантов эпоса существуют такие, в которых говорится о женщинах, идущих в бой. Так, в «Багдадском походе» ашуга Исмаила рассказано о жене цирюльника Ахмеда Пери-джахан.

Женщины горячо сочувствуют борцам за народное счастье, верят, что они разрушат неприступные стены гаремов и возвратят затворницам свободу. Религия ислама и феодальный строй держали в неволе и подчинении дочерей пашей и ханов так же, как женщин простого народа. Они были рабынями в собственных дворцах и мечтая вырваться на свободу, добровольно шли в Ченлибель, становились самыми преданными участниками движения Кероглу.

Первой женщиной, пришедшей в стан повстанцев, была Нигяр. Слыша о мужестве и благородстве Кероглу, о том, как свободно и дружно живут в Ченлибеле, она влюбляется в героя, не видя его. Нигяр посылает к Кероглу гонца, прося увезти ее в Ченлибель.

В эпосе Нигяр показана как благоразумная, чуткая, ласковая и верная своему чувству подруга. В ее образе воплощена духовная красота азербайджанской женщины. Всю свою жизнь Нигяр посвятила движению Кероглу. Она страстно верит в правоту своего возлюбленного и изо всех сил помогает ему бороться против феодального гнета. Нигяр оказывает материнскую заботу соратникам Кероглу, ее ум и предусмотрительность часто указывают им верный путь.

Однако мягкой и нежной Нигяр не чужд героизм. В тяжелую для Ченлибеля минуту ее тонкий стан опоясывается мечом, а маленькая рука метко шлет стрелы, беспощадно разящие врагов; она становится надежной опорой Кероглу в старости.

В эпосе рассказывается о желании Нигяр иметь детей, которых она мечтает воспитать смелыми защитниками Ченлибеля. Тоска Нигяр о ребенке, ее безутешное горе слышится в ее жалобе Кероглу:

Как мне следить за домом в Ченлибеле?
Мороз пробрался в душу не к тебе ли?
И из пустой и пыльной колыбели
Ребзячьего смешного зова нет.

Кероглу разделяет желание Нигяр, и они решают усыновить Эйваза. Нигяр любит его и заботится о нем, как родная мать.

Другим женским персонажем эпоса является Телли. Это – женщина-герой, она сама пришла в Ченлибель. Телли бесстрашна. Еще будучи в Эрзеруме, надев боевые доспехи и выдав себя за Кероглу, она пугает стражников, освобождает из тюрьмы ашуга Джунуна и посылает его в Ченлибель. Этим поступком Телли доказывает свою безграничную преданность делу Кероглу. Телли, как и Нигяр, своими советами, умом и предосторожностью помогает товарищам Кероглу. Ее личное мужество и бескорыстная вера являются примером для всех ченлибельцев.

Таким образом, хотя большинство участниц движения Кероглу и принадлежит к высшему сословию, народные певцы воплотили в их образах лучшие черты азербайджанских женщин.

Представители господствующего класса: паши, ханы и помещики, с которыми борется Кероглу, выведены в эпосе как отрицательные образы. Трусливые, тщеславные готовые ради своей выгоды разорить и уничтожить весь народ, они сильны и трудно уязвимы, так-как обладают неограниченными правами и властью, У них есть войска, полководцы, богатыри, в их руках – несметные богатства. Трусливые на поле битвы, они выставляют себя героями перед народом. Создатели эпоса показали хитрую и коварную знать врагом простых людей. При поражении эти «храбрецы» теряют свое напускное величие и униженно молят о пощаде, а победив, становятся палачами.

Кероглу переодевшись ашугом, высмеивает своими песнями хвастающихся мнимыми подвигами ханов и пашей, вызывает их, дрожащих от страха, на единоборство.

Заставляя Кероглу насмеяться над Хасан-пашой, Джеферпашой и другими представителями власть имущих, народные певцы как бы усиливают борьбу героя с отрицательными силами оружием сатиры и юмора.

Создатели эпоса наградили коня и меч Кероглу легендарной силой. Конь герой, рожденный морским жеребцом, обладает чудесными свойствами. Примечательно, что в поэме Низами «Хосров и Ширин» тоже фигурирует волшебный конь Шабдиз. Гырат Кероглу бежит, как ветер, летит, как птица. Он знает все думы своего хозяи-

на. Почувяв врага, он бьет копытом землю, в случае опасности перевоплощается в хромую клячу с облезлым хвостом, чтобы спасти Кероглу от беды. И поэт-наездник слагает о нем свои лучшие песни.

На вершину горы, словно буря взлетит,
В трудный час мне опора мой верный Гырат,
Он за день одолеет двухмесячный путь,
Он не требует шпоры, мой верный Гырат.

Когда Хамза угоняет Гырата, Кероглу просит его не обижать коня.

Гырат – что очи мои,
Слезы очи точат мои,
Слова слушай мои,
Не мучай Гырата, Хамза.

В средневековых походах конь имел огромное значение, зачастую от него зависел успех боя, и поэтому в героических произведениях с такой безграничной любовью воспевается боевой конь – друг и опора богатыря.

Стихами и прозой живописует сказитель крылатый бег Гырата. Но особенно интересно показано перевоплощение его в немощную клячу.

«Старший конюх сел на Гырата, но что он ни делал, конь не двигался с места. Наконец, выйдя из себя, конюх хлестнул коня. Гырат опустил уши. Когда же конюх снова хлестнул коня, Гырат поджал хвост, прикрыл один глаз и кое-как поплелся, прихрамывая на одну ногу. Аслан-паша рассмеялся:

– Видно... это хромый конь слуги. И с виду сам похож на слугу». В эпосе много поэтических строк, воспевающих египетский меч Кероглу. Он сделан из молнии и поэтому не ломается и не тупеет. В нем таится волшебная сила, разящая насмерть несметные полчища врагов. Следует отметить, что определение «египетский» мы встречаем и ранее, в стихотворениях поэта XIV века Насими. Очевидно, в средние века мечи, изготовленные в Египте, были прочнее других и прославились на весь мир.

Эпос «Кероглу» привлекает внимание своим построением и художественно-изобразительными средствами. Как литературно-исторический памятник он сложился из отдельных песен и легенд о борьбе восставших крестьян против иноземных захватчиков и местных феодалов. Каждая глава-ветвь эпоса является законченным художественным произведением, все вместе они объединены одной сюжетной линией. Проза и поэтическая часть органически связаны. Проза включает в себя описание и рассказ, написанные простым, понятным языком. Поэтическую часть составляют стихотворные строфы в форме «гошма», которые поются героями. Отметим, что и с точки зрения неразрывной связи этих гошма с содержанием текста эпос отличается от поэмы письменной литературы. Как известно, в поэмах основным средством для выражения внутренних чувств и переживаний героя является газелла, обычно не связанная с сюжетом произведения. Если исключить газеллы из поэмы, то это не повредит ни содержанию ни общему развитию повествования. А эпос «Кероглу» нельзя представить себе без гошма, на которых в большинстве случаев строятся диалоги персонажей.

В эпосе гошма присуща своеобразная торжественность. С одной стороны, в них дана самохарактеристика героев, в которой выражается их глубокая вера в собственную силу и бесстрашие, с другой – приказы и поручения Кероглу, призывающего своих воинов к бою. Зовя своих соратников в поход, Кероглу обращается к ним:

Удальцы мои, по коням!
В Баллыджу мой путь лежит.
Удальцы мои, нынче битва начаться должна.
Быть разгромлены эти убийцы должны!

Узнается по ранам тяжелым игид.
Струи вражеской крови пролиться должны.

Наказы Кероглу также передаются этой формой стиха.

На вершине высокой – высокой горы
Цветник с одной стороны, снег – с другой.
Горят во рту пересохшем моем
Язык с одной стороны, зубы – с другой.

Это – первое четверостишие гошма, в котором Кероглу наказывает своим удалцам разделиться на группы по пять-шесть человек и смешаться с народом; тут же он учит их, как надо вести себя в бою. Воины Кероглу – простые, скромные люди. Они восхищаются героизмом товарищей, ничего не говоря о своих подвигах. Но встречаясь с врагом, они с гордостью восхваляют в гошма свою доблесть и отвагу. Художественные средства этих четверостиший прекрасно передают воинственный пыл неустрашимых борцов.

Однако в эпосе есть гошма и лирического содержания. В них поется о глубокой тоске по родине, о любви к другу, о тяжести одиночества, причем этим мотивы превалируют над другими. Глубокой искренностью и нежной страстью полны гошма, сопровождающие любовно-лирические сцены. Они резко отличаются от таких боевых песен, как:

Я упустил в Аравию раба.
Сметите все преграды, но найдите!
Коль в камень влез он и прикрылся камнем,
Возьмите хоть Фархада, но найдите!

Или:

Народ сойдется, судный день настанет,
Я Исафилу в рог трубить не дам.
Меч обнажу я и начну сраженье.
И крепостям чужим тут быть не дам.

Песни где герой в тоске обращается к журавлям, – символу далекой родины («О летящий в небе, клин журавлей»), где говорится о любви Кероглу и Нигяр («Светлоокая Нигяр», «Нигяр, свет очей голубых, почему от меня отвернулась»), а также послания девушек к Кероглу и песни-жалобы Нигяр («Как выразить мою печаль и горе») имеют лирическую тональность и мелодию. Обрамляя соответствующие ситуации, они органически связываются с сюжетом, придавая произведению художественную завершенность. Помимо них, в текст вплетены гошма, прославляющие Гьрата и египетский меч Кероглу, а также четверостишия рисующие богатую

природу Азербайджана: снежные вершины его гор, зеленые луга и долины, что придает эпосу своеобразную красочность.

Идейно-художественная завершенность произведения, несомненно, объясняется тем, что оно веками обрабатывалось народными мастерами и было доведено до высокого совершенства.

В беседе с автором оперы «Кероглу» Уз. Гаджибековым И. В. Сталин сказал: «Достоинство оперы в том, что она написана на основе народного творчества, сюжет ее построен на народном эпосе. Некоторые композиторы свысока смотрят на народное творчество, но они ошибаются. Народ свои песни шлифует в продолжении столетий и доводит до высшей ступени искусства»¹.

Тема «Кероглу» еще более усилила героические и патриотические мотивы в азербайджанской поэзии. Благодаря эпосу, родилось новое понимание подвига: героизм должен служить не личным интересам, а благу всего народа.

Героические мотивы являются традиционными в азербайджанской литературе. В творчестве Низами, Ассара Тебризи и других поэтов изображение героизма и любви к родине занимает значительное место. Следует отметить, что до эпоса «Кероглу» героизм не связывался с конкретными историческими условиями, а изображался как борьба одиночек, которая велась или из-за личных интересов, или за захват власти. Зачастую изображение борьбы за общенародное дело было выражением высокой мечты самого поэта. Что касается эпоса «Кероглу», то патриотизм и героика его направлены на служение Родине и народу.

Героический и воинственный дух, пронизывающий эпос, был продиктован самой эпохой. Однако сказители, используя древнюю традицию, стремились придать ей новое осмысление. Так, в «Кероглу» понятие родины является новым и всеобъемлющим. Отчизна мыслится не узко, как это было в средневековье, а широко, включая весь Азербайджан

Все произведение проникнуто глубокой любовью к богатой природе: горам, лугам, цветущим садам родного края. Наряду с красотой Ченлибеля, описываются его величие и слава. В гошма, со-

¹ Уз. Г а д ж и б е к о в. Пути советской оперы «Советская музыка». 1939, № 5.

хранившихся в рукописях XVII– XVIII веков, так воспевается природа Азербайджана:

Пусть на вашей груди гиацинты горят,
Пусть у лилий слезой не печалится взгляд;
Пусть приносит зима и цветов аромат,
И весеннюю песнь родника мне, о горы!

На хребтах облака – словно белый шатер,
И пронизан сиянием всюду простор;
Пусть же амбру разносит дыхание гор,
И рубином сверкают все камни, о горы!

Песни народных певцов и ашугов о красоте азербайджанской природы оказывали непосредственное влияние на письменную литературу, углубляя патриотические мотивы в поэзии и искусстве.

Каждая гошма эпоса пелась в зависимости от своей тональности и содержания на определенную мелодию. Некоторые из этих мелодий дошли до нас. В их музыке слышится боевое настроение, воинственность, которыми дышат слова песен.

В течение долгого времени азербайджанский народ шел в бой под звуки «джанги» – боевого марша Кероглу. И не случайно именно этот традиционный марш использован в драме Самеда Вургуна «Вагиф». Народный герой Эльдар, ведя свое войско против шаха Каджара, восклицает:

Меч Кероглу, помоги мне!
Играйте наступление – «джанги!»

Мудрый старик дарит Эльдару египетский клинок, символ свободы. Принимая дар, Эльдар говорит:

«Меч Кероглу благородный,
В гриве Гырата хранившийся,
Низких врагов покоривший,
Смертью казнивший предателей.
Тысячекратно омытый

Вражеской черною кровью,
Спасший отцовскую родину
От наглецов чужеземных
Пахарей оберегавший,
Труд осенявший защитой,
Кованный древними дедами...»

И то, что предводитель повстанцев Эльдар, сражая Каджара мечом Кероглу, говорит: «Священный меч по праву поднимаю», прекрасный пример использования исторических традиций в художественной литературе.

Русское издание эпоса привлекло в свое время внимание журнала «Современник». В его десятом номере за 1856 год была помещена рецензия, автором которой, возможно, был сам Н. Г. Чернышевский. В ней говорилось, что эпос является выражением чаяний и стремлении азербайджанского народа, а главного героя Кероглу, автор назвал защитником простых людей.

В течение веков имя Кероглу было символом бесстрашия и мужества. В дни Великой Отечественной войны оно прозвучало с новой силой в произведениях писателей и поэтов Азербайджана. Поэты в стихотворениях, написанных в стиле гошма Кероглу, воспевали героизм советских воинов. Участник севастопольской обороны писатель Абульгасан в романе «Бастионы дружбы» пишет, как бойцов-азербайджанцев вдохновляли героические песни Кероглу. Именем легендарного героя называли самых храбрых и сильных; со страниц фронтовых газет это имя звало на подвиги во имя Родины. Ашуги пели гошма Кероглу, призывая советских людей к беспощадной борьбе с врагом.

Все сказанное нами в какой-то мере обрисовывает эпоху зарождения, исторические условия и идейное направление эпоса «Кероглу», а также дает некоторое представление о том, насколько велика роль, которую сыграло это произведение в истории азербайджанского народа. Освободительное движение под руководством Кероглу, возникшее в Азербайджане и превратившееся затем в серьезное антифеодальное восстание, было художественно отображено в знаменитом эпосе азербайджанского народа.

Возникновение среди народов Средней Азии собственного варианта эпоса «Кероглу» несомненно связано с идеями свободы и братства азербайджанского дастана. Широкое распространение и известность получил эпос и среди турецких народов Анатолии и Балкан. Однако здесь он превратился в небольшое повествование, напоминающее сказки, созданные в городской среде, которое постепенно переходит в рассказ. Подобное изменение жанра вызвано либо тем, что турецкие исследователи не могли собрать все части эпоса и восстановить его полностью, либо тем, что подвиги Кероглу давно забыты турецкими народами. В упрощенном до сказки турецком варианте эпоса изменилось и его идейное направление. Сам герой изображен не как предводитель народного движения, выступавший против султанского деспотизма и феодального строя, а как «качаг» (беглец), борющийся с Болу-беком, мелким, феодалом, чтобы отомстить за личную обиду. Вероятно, причина такого видоизменения жанра в том, что героический эпос, имевший когда-то огромное социальное значение, с течением времени утратил свою силу и идейно обнищал, или же варианты его были собраны в городской мещанской среде. Если мы сравним наш вариант со среднеазиатским, то увидим, как последний в некоторой степени еще носит следы специфических особенностей древних легенд, чего нельзя сказать о турецком варианте, целиком утратившим свою эпическую сущность и отражающим идеологию городского мещанства.

Такое сравнение еще раз доказывает азербайджанское происхождение эпоса, послужившего основой для грузинских, курдских и аджарских вариантов. Интересно, что у этих народов проза эпоса представлена чаще на их родном языке, что же касается поэзии, то она всегда бывает на азербайджанском, и это опять-таки доказывает возникновение эпоса на азербайджанской почве. Еще большим подтверждением этого служат песни Кероглу, написанные по-азербайджански на грузинском алфавите.

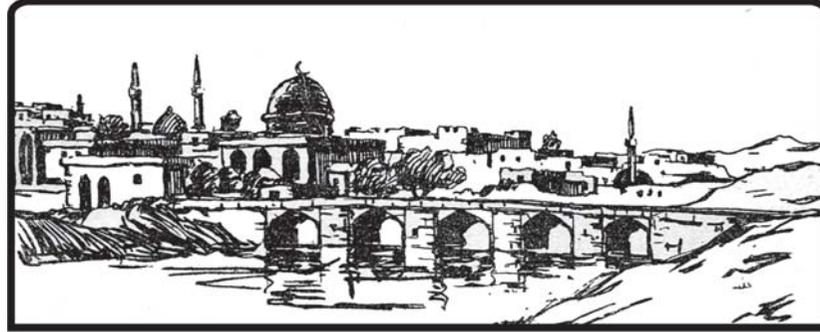
Как указывалось в начале, исследование эпоса начато, в основном, после установления Советской власти. В 1927 году Вели Хулфлу издал часть дастана отдельной брошюрой. В 1936 году был опубликован вариант, записанный со слов известного азербайджанского ашуга Гусейна. Несколько глав-ветвей эпоса выпущены в свет в 1941 году Гумметом Ализаде, заслуги которого в области собира-

ния фольклора очень велики. Безусловно, все эти издания представляли определенную ценность, но не снимали необходимости создания единого текста путем сравнения всех глав-ветвей и вариантов. Институтом литературы и языка имени Низами были организованы и посланы экспедиции в различные районы страны, собравшие более пятидесяти вариантов. Используя эти материалы, а также гошма Кероглу, написанные в XVII, XVIII и XIX веках азербайджанским и грузинским алфавитами кандидат филологических наук М. Г. Тахмасиб в 1949 году создал научно-критический текст эпоса; в 1956 году им же был издан переработанный и более точный его вариант. Настоящее издание «Кероглу» является переводом варианта 1956 года с сильно сокращенными комментариями.

Все сделанное не дает право считать исследование эпоса законченным. Кроме известных нам семнадцати глав-ветвей, имеются еще и другие, давно забытые, восстановление которых до сих пор не представляется возможным.

ՅՈՒՑ
ԿԱՐՄԻՆ

АЛЫ-КИШИ

Много лет Алы-киши¹ пас коней Гасан-хана. Так и загубил он жизнь на ханской службе. Стал стар и сед, опекая табуны своего господина.

Каждое утро, едва занимался рассвет, Алы-киши гнал коней в поле, весь день пас их, а к ночи пригонял обратно в загон. В горах, на скалах и в долинах уже не было места, куда бы ни ступала его нога.

Как-то раз Алы-киши погнал табун к морю. Кони паслись на берегу, а старик сидел в сторонке, прислонясь к камню. Только успела заняться заря, смотрит, вдруг из моря выходят два жеребца. Вышли они и ворвались в табун. Покрыли двух кобылиц и снова ушли в море. Столько лет пас Алы-киши табуны, а такого не видел. Поспешно поднявшись, он пометил обеих кобылиц. Но о том, что произошло, никому ни слова!

Шли месяцы Алы-киши считал дни и ночи, не спуская глаз с тех двух кобылиц. Когда же пришло время, он не отходил от них, ждал пока они не ожеребились².

Жеребята росли-росли и стало в табуне двумя конями больше.

Однажды тогатский Хасан-паша приехал в гости к Гасан-хану. Гасан-хан торжественно принял пашу. За беседой паша сказал хану:

– Гасан-хан, слышал я, есть у тебя славные, чистокровные кони. Подари мне двух жеребцов из своего табуна.

Гасан-хан, выразив полную готовность услужить гостю, призвал к себе Алы-киши.

– Завтра не выгоняй табун в поле. Я выберу для паши двух коней.

Едва Гасан-хан произнес это, как Алы-киши вспомнил про жеребцов. Чтобы хан не ударил лицом в грязь перед пашой, он поднялся с зарей, поймал жеребцов, привязал их в загоне, а табун погнал в поле.

Вскоре Гасан-хан и паша пришли в загон. Посмотрел паша, видит, стоят на привязи два длинных, тощих жеребца, и понял, что их приберегли для него;.

Усмехнулся паша и сказал:

– Гасан-хан, мне говорили, что у тебя есть настоящие племенные кони. А это что? Таких невзрачных коняг у меня и самого найдется немало.

Слова паши стрелой пронзили Гасан-хана.

– Глупый старик! – закричал он, повернувшись к Алы-киши. – Разве не сказал я тебе, чтобы ты не-выгонял табун, почему ты ослушался меня?

– Да продлит аллах твои дни, хан! – ответил Алы-киши. – Я старый табунщик. Каждого коня в табуне знаю, как пальцы на своей руке. Ты не смотри, что жеребцы такие поджарые. Если не хочешь осрамиться отдай их паше.

Спокойные слова Алы-киши, уверенного в правоте своей, еще пуще разгневали хана, и он крикнул:

– По всему свету идет слава о племенных конях из моих табунов. А ты показываешь паше этих чахлах коней и заставляешь меня краснеть!

– Да продлит аллах твои дни, хан! – сказал Алы-киши.– Возвысить я хочу тебя перед пашой. Разве не известно тебе, что я

знаю толк в конях? В твоих табунах лучше этих коней нет. Обойди хоть целый свет, лучше не сыщешь.

Разгневался Гасан-хан и сказал:

– Знать ничего не знаю! Даю тебе час, ищи хоть на небе, хоть на земле, но подай сюда чистокровных коней, подобающих паше и достойных моего имени. Сейчас же иди, выбери и приведи.

– Хан, прикажи тогда кому-нибудь другому выбрать коней для паши. Во всем табуне лучше этих нет. Моя рука не подымет выбрать худших и оставить лучших. Этого не позволит моя честь.

Рассвирепел хан. Призвал он палача и приказал обезглавить Алы-киши. Разгневался и паша. Дерзость Алы-киши рассердила и его. Он сказал:

– Гасан-хан! Вижу твой табунщик высоко оценил этих коней. А, может быть, он и прав? Пусть же ценою каждого из этих жеребцов будет его собственный глаз.

Совет паши пришелся по душе Гасан-хану, и по его приказу палач выколол Алы-киши оба глаза.

Старик не проронил ни звука. Ни один стон не вырвался из его груди. Когда же палач сделал свое дело, Алы-киши поднялся и сказал:

– Гасан-хан! Нет у человека ничего дороже глаз. Ты лишил меня их. Всю свою жизнь я отдал служению тебе, из кожи лез, постарел, поседел, а ты вот как отплатил за мою службу. По одному слову паши ослепил меня. Ну что ж... Видно, так мне суждено. Но раз за жеребцов заплатил я своими глазами, будь хозяином своего слова, отдай их мне.

Гасан-хан приказал привязать поводья к рукам Алы-киши и прогнал его со двора.

Слепой Алы-киши, ведя на поводу коней, поплелся домой.

Весть о случившемся разнеслась по селу. Народ собрался к Алы-киши. Узнал обо всем и его сын, Ровшан.

Ровшан не уступал в силе и отваге Рустаму³. Ему едва исполнилось лет пятнадцать-шестнадцать, о было в нем столько силы, что, ухвати он дерево за ветвь, – вырвал бы с корнем, схвати быка за рога, – поднял бы над головой.

Увидя отца, Ровшан спросил:

– Что с тобой, отец? Скажи, кто сотворил с тобой такое?

Алы-киши рассказал сыну все, как было. Ровшан разъярился, словно тигр. Вскочил он с места и сказал:

– Отец, твой сын отомстит за тебя. Посмотрим, как Гасанхан устоит передо мной.

Алы-киши подозвал сына и усадил возле себя. Положив руку ему на плечо, он сказал:

– Время мести еще не пришло, сынок. Придет пора, я сам скажу тебе. Теперь слушай внимательно. Глаза мои были выколоты из-за этих коней, и эти же кони помогут тебе отомстить за меня. Отдаю их тебе. Это лошади не простые. Их породили морские кони. Ты должен выстроить большую конюшню. Таковую, чтобы в нее не мог проникнуть ни один луч света. Ровно сорок дней кони будут стоять в этой конюшне. И все сорок дней человеческий глаз не должен видеть их.

– Хорошо, отец, но как же я смогу их кормить? – спросил Ровшан.

– В конюшне ты сделаешь для каждого коня ясли в сорок ячеек и наполнишь их ячменем и сеном. От источника Зумрудбулаг⁴, что в конце села, ты проведешь в конюшню канаву. Возле яслей устроишь место для водопоя. Сорок дней кони будут есть, пить и расти. А пока конюшня не готова, отведи их и привяжи где-нибудь.

– Ровшан сначала постелил отцу постель, потом отвел коней и начал строить конюшню. Когда конюшня была готова, пришел Алы-киши. Ощупью проверил он, сделано ли все по его приказу. Потом сказал:

– Хорошо. Теперь наполни ясли и пусти воду, но снова напоминаю: ни один луч не должен проникнуть в конюшню, ни один глаз человеческий не должен видеть этих коней.

Ровшан исполнил все, как велел отец, привел коней, поставил их в стойла, привязал и крепко-накрепко запер дверь.

Прошло тридцать восемь дней.

Еще наши отцы и деды говорили: чего не хватает человеку –

это терпенья! Ровшан ждал тридцать восемь дней. На тридцать девятый, как ни старался, не мог выдержать. Словно кто-то проник в его сердце и все нашептывал: «То, что может совершиться в сорок дней, совершится и в тридцать девять. Ступай, взгляни на коней». Ровшан влез на крышу конюшни, проделал маленькое отверстие, заглянул внутрь и не поверил своим глазам. У коня, что стоял справа в стойле, на плечах было два крыла. Крылья горели как пламя, сверкали золотом. Ровшан тотчас оглянулся на того коня, что стоял слева! Видит, у него крыльев нет. Снова перевел взгляд на первого – крылья у того стали постепенно гаснуть. Пожалел Ровшан о том, что сделал. Хотел залепить отверстие, но было уже поздно.. Крылья будто таяли и, наконец, совсем исчезли. Ударил себя Ровшан по голове. Но как помочь горю? Устыдившись того, что совершил, заделал он отверстие и вернулся назад. Но отцу об этом он ничего не сказал: Да... миновал и этот день. На сороковой день зовет Алы-киши Ровшана:

– Сын мой, проводи меня к копиям.

Ровшан взял отца за руку и повел в конюшню. Алы-киши подошел к одному копы, провел рукой от головы до хвоста, затем повернулся к Ровшану:

– Дитя мое, на этих копей смотрел человеческий глаз.

Ровшан не знал, что сказать, и спросил:

– Отец, откуда ты узнал это?

– Сын мой, не скрывай от меня ничего, говорю тебе, коней видел человеческий глаз. У этого коня должны были быть крылья. Говори правду, что здесь произошло?

Ровшан рассказал отцу все, как было. Алы-киши и говорит:

– Сын мой, нетерпеливый всегда причиняет себе зло. Ты пострадал из-за того, что недостало у тебя терпения. Но горевать об этом поздно. Что было, то было, а что было, то прошло.

Потом приблизился он к тому коню, что стоял в левом стойле. Копь стал длинным, поджарым, тонконогим. Алы-киши провел рукой по морде, глазам, крупу коня. Затем снова вернулся к первому. Конь этот был прекрасен – с изогнутой шеей, широкой грудью, выпуклыми глазами и черной гривой, высокий с узкой спиной,

крутыми бедрами. Надо было иметь глаза, чтобы полюбоваться им. Конь заржал и взвился на дыбы.

Оскалив зубы, он хотел броситься на Алы-киши. Старый табунщик крикнул. Конь узнал его по голосу и успокоился. Алы-киши погладил его по гриве, шее, спине, потом сказал:

– Сынок, еще несколько дней не выводи их из конюшни. А запирать дверь не надо. Сам ты каждый день будешь приходить кормить и поить их⁵.

Ровшан отвел отца в дом, а сам вернулся в конюшню, чтобы накормить коней.

Так прошло несколько дней. Как-то раз отец спросил Ровшана:

– Ну, сынок, что подельывают наши кони? Как они едят?

– Отец, – отвечал Ровшан, – конь, что стоит справа, не жует, а мелет как мельница. Ячменя и сена не напасешься. И другой конь не плох. Но ест меньше. Да и сам он спокойнее, а тот, что справа, не стоит на месте. Пляшет, точно обозлившийся верблюд.

Старик снова вместе с сыном пошел в конюшню. Ощупал он коней и сказал:

– Ровшан, сын, кони хороши, теперь уже можно оседлать их и по-одному испытать. Поезжай сперва по свежеполитой пахоте, потом по колючему кустарнику, а после скачи по скалистым кручам.

Ровшан, как сказал отец, вскочил сперва на коня из правого стойла. Проехал сначала по свежеполитой пахоте и вернулся к Алы-киши. Старик зажал коню ноздри, конь не фыркнул. Послушал сердце и убедился – дышит ровно. Ощупал копыта, не нашел и комочка грязи. Тогда Ровшан вскочил на другого коня, поехал в поле, и снова вернулся к отцу. Алы-киши и этому коню зажал ноздри, выслушал сердце, ощупал копыта. И этот конь всем был хорош; только к одному из его копыт пристал комочек грязи.

Ровшан снова сел на первого коня и поскакал по колючему кустарнику. Промчавшись сквозь кустарник, конь вернулся с быстротой молнии и встал возле старого табунщика. Алы-киши ощупал его ноги и нигде не мог найти колючки или ссадины. И

второй конь выдержал испытание, только одну из задних ног его слегка оцарапала колючка.

Теперь Ровшана ждало последнее испытание. Снова вскочил он на первого коня и поскакал к скалистым кручам. Конь пулей спустился с крутого склона и, взвившись соколом, встал около старого табунщика. Алы-киши крепко сжал коню ноги, конь не вздрогнул, не пошевелился, не моргнул глазом.

Настала очередь второго коня. Ровшан пустил и его вниз по склону. Конь, ударяя копытами о камни, спустился с горы.

Старик сказал:

– Сын мой, Ровшан, первый конь отлично выдержал свое испытание. И второй неплох. Оправдает он положенные на него труды. Но с первым конем ему не сравниться. Равного не сыщется под небом. Называю первого Гырат, другого – Дурат. Коли придется тебе идти в опасный путь на врагов, осаждают крепости – садись на Гырата, он выручит тебя из беды, спасет от смерти. Хорошенько смотри за ним, береги пуще жизни.

Помолчал старик, потом сказал:

– Сын мой, кони выросли, прошли все испытания. Пришло время отомстить Гасан-хану. Выведи, оседлай их, пойдем сводить наши счета.

Еще в детстве, играя в поле, Ровшан нашел на земле какой-то камень. Камень был мал, но очень тяжел и крепок. Он сверкал, переливаясь искрами. Ровшан поднял камень и швырнул в пасшегося на лугу теленка. Камень пролетел мимо, но поднятый им вихрь свалил теленка, и тот околел. Ровшан пришел и рассказал отцу все, как было.

Выслушав сына, Алы-киши сказал:

– Ровшан, ступай разузнай, чей был теленок, заплати за него столько, чтоб хозяин не остался в обиде, а потом разыщи камень и принеси мне.

Ровшан пошел, сперва заплатил за теленка, а потом отыскал камень и принес отцу. Алы-киши ощупал камень, поворачивая его и так и сяк, – и понял: камень этот – упавший с неба осколок молнии.

На другой день Алы-киши один, без Ровшана, взяв камень, пошел к кузнецу. После взаимных приветствий он протянул мастеру небольшой осколок от камня и сказал:

– Мастер, сделай мне из этого шило.

Мастер взглянул сначала на осколок, потом на Алы-киши:

– Алы-киши, – сказал он, возвращая осколок, – ты человек, повидавший свет, разве выкуешь шило из камня?

После долгих споров и уговоров Алы-киши упросил мастера положить камень на наковальню и попробовать, куется он или нет. Смотрит кузнец – и вправду камень было легко ковать, поддавался он молоту точно воск. И пожалел он о словах, сказанных Алы-киши. Сделав шило, он отдал его Алы-киши. Тот уплатил за труд и спрятал шило в карман. А камень понес к оружейнику и сказал:

– Мастер, выкуй мне из этого камня меч.

Оружейник был еще большим пустомелей, чем кузнец. Все же и его после долгих споров и уговоров Алы-киши удалось упростить.

За семь дней мастер выковал из камня меч и воскликнул:

– Клянусь аллахом, что это за меч! Горит как солнце, сияет как луна!

Позарился мастер на меч. И когда в назначенный срок Алы-киши пришел за ним, он дал ему взамен другой. Но Алы-киши повел свое дело умело. Молча вытащил он из кармана шило, вонзил в клинок и проткнул его насквозь.

Увидел оружейник, что ему не провести Алы-киши и, делать нечего, – отдал ему его меч. Алы-киши взял свой меч и принес домой⁶, но Ровшану об этом не сказал ни слова.

Ровшан оседлал, как подобает, Гырата и Дурата и подвел их к отцу. Когда все было готово к отъезду, Алы-киши прошел в дом, вынул из тайника меч, отдала его Ровшану и сказал:

– Ровшан, возьми меч и с честью носи его. Такого, меча еще не видел мир. Перед ним ничто не устоит. Он все расколет, разрушит, раскрошит. Этим мечом ты заставишь ханов, беков и пашей захлебнуться в их собственкной крови. А трусов и предателей меч этот заставит вопить о пощаде. С этим мечом будешь ты покорять

крепости, разрушать все на своем пути. Но никому не говори, что он выкован из молнии. Скажи, что ковали его из египетской стали. Пока под тобою Гырат и этот меч у твоего пояса, никакой враг тебе не страшен.

Ровшан взял меч. Алы-киши сел на Дурата, а Ровшан на Гырата, и они пустились в путь. Как молнии мчались кони, и дорога покорно стлалась им под ноги.

Долго ли, коротко ли ехали, – наконец, домчались они до дворца Гасан-хана. Ровшан остановился поодаль. Старый Алы-киши осадил Дурата перед самым дворцом и окликнул Гасан-хана. Тот вышел и увидел Алы-киши на высоком длинногривом коне. Оглянулся хан, смотрит – и сын Алы тут. И сидит на таком коне, какого-и сам творец не видывал.

– Гасан-хан, кони эти – те самые невзрачные жеребья, что так раздосадовали тебя. Из-за них ты приказал выколоть мне глаза. Посмотри теперь, какими они стали, – сказал Алы-киши и добавил: – Гасан-хан, я хотел тебе добра, а ты этого не понял. За мое добро ты лишил меня света и радости жизни. Теперь я пришел рассчитаться с тобой сполна. Выходи, или ты не мужчина!

Слова Алы-киши разгневали Гасан-хана. Обнажив меч, он кинулся к старику. Ровшан двинул на него Гырата. И не успел сверкнуть в воздухе выкованный из молнии египетский меч, как голова хана покатилась по земле, Поднялся страшный шум. Войска хана бросились на Ровшана и Алы-киши. Ровшан помчался им навстречу. С одной стороны Гырат, а с другой – Дурат и сам Ровшан со своим мечом начисто смели передовые отряды.

Но войска хана шли непрерывным потоком, отряд за отрядом. Легче было бы сосчитать муравьев, чем ханские войска. И Алы-киши сказал:

– Сын мой, одному тебе не под силу сразить столькок воинов. Кончится тем, что тебя или убьют или захватят в плен. Гони лошадей, выберемся отсюда, пока не поздно.

Ровшан не послушался было отца и снова ринулся в бой, так и кося головы и руки. Но, опасаясь, что враги могут захватить слепого отца, он, хоть и неохотно, покинул поле боя и вместе с Алы-киши погнал коней в открытую степь.

Войска пустились за ними в погоню. Отец с сыном ускакали уже далеко, когда Ровшан остановил Гырата. Обернувшись, он увидел, что отряд всадников на гнедых конях вот-вот настигнет их.

– Отец, – сказал он, – всадники на гнедых конях сейчас настигнут нас.

– Ровшан, сын мой, поверни коня на вспаханное и политое поле, пусть тогда попробуют нагнать нас.

Ровшан так и сделал. Ни один из гнедых коней не смог выбраться из евежеполитой пахоты – все они увязли там.

Гырат и Дурат молнией вынеслись с поля и поскакали. Не успели они проехать немного, как Ровшан снова натянул поводья Гырата и обернулся. Видит, на этот раз мчится вихрем отряд всадников на вороных конях.

– Отец, – сказал Ровшан, – всадники на вороных конях вот-вот настигнут нас.

– Сынок, – отвечал Алы-киши, – свороти в колючие кустарники.

Ровшан своротил туда, и всадники на вороных конях поскакали следом. Но ни один из них не сумел выбраться оттуда. Ноги коней обгарились алой кровью.

Проехал Ровшан еще немного, снова натянул поводья, обернулся и видит: теперь отряд на белых конях вихрем мчится, почти настигая их.

– Отец, – сказал он, – еще один отряд на белых конях настигает нас.

– Не бойся, сын мой, сверни в скалистые горы!

Ровшан повернул коней. Белые кони не сумели взобраться по каменистым кручам и остановились на полпути. А Гырат и Дурат, пролетев точно соколы, скрылись за отвесными скалами.

Отец и сын ехали до самого вечера. Наконец, в сумерках достигли они берега какой-то реки. Алы-киши спросил у сына, что это за место.

– Отец, – ответил Ровшан, – оно все в зелени, кругом деревья, травы, а посредине протекает река.

– Сын мой, оставаться надолго здесь нельзя. Тут пасутся

чьи-то табуны, стада, отары, и не будет нам от них покоя. А если ханы и паши проведуют о нас, то нападут и убьют.

Отец и сын провели эту ночь на берегу реки, а с рассветом снова пустились в путь. Долго ли, коротко ли ехали, вечером добрались до равнины. И тут Алы-киши спросил у сына, что это за место.

– Отец, – ответил Ровшан, – это равнина и конца-краю ей не видно.

– И тут оставаться нельзя. На копиях мигом настигнут нас. А то и караваны растопчут.

Проведя на равнине эту ночь, наутро они снова пустились в путь. Ехали, ехали и достигли, наконец, хребта высокой горы. Алы-киши спросил:

– Сын мой, а что это за место?

– Отец, – ответил Ровшан, – тут повсюду отроги да скалы и горный хребет, окутанный туманами.

– Посмотри, сынок, а по обе стороны его нет ли еще более высоких гор? – спросил Алы-киши.

– Да, отец, есть. Одна – направо, другая – налево, и вершины их в снегу.

– Ровшан, – сказал Алы-киши, – это самое место я и ищу. Я хорошо знаю эти края. В молодости не раз шалея я здесь на коне, стрелял из лука в джейранов, добыл немало косуль. Называется это место Ченлибель. Тут мы и останемся. Построим себе дом, а коням – конюшню.

Ровшан построил дом и конюшню. Отец и сын стали жить в Ченлибеле.

Как-то раз позвал Алы-киши Ровшана и сказал:

– Ровшан, где-то здесь в горах пробиваются два родника. Называются они Гоша-булаг⁷. Через каждые семь лет, в четверг, на востоке зажигается одна звезда, на западе – другая. Звезды эти поднимаются и сталкиваются посреди неба, и тогда Гоша-булаг блещит, пенится и разливается. Тот, кто омоется пеной Гоша-булага, станет таким богатырем, что равного ему не сыщется на свете. Кто выпьет ее, станет ашугом, и голос его будет так могуч, что от

звука его львы в лесах придут в трепет, у птиц опадут крылья, а кони и мулы лишатся копыт. Много храбрецов, много царевичей приходило сюда, в поисках этой воды, но счастье не улыбнулось ни одному из них. Теперь седьмой год на исходе. Настало время. Пойди и найди Гоша-булаг, сделай все, что я велел, только одну чашу наполни пеной и принеси мне.

Ровшан отправился, долго рыскал по скалам и, наконец, дошел до отвесной неприступной скалы, такой, что только богатырю под силу взобраться на нее. Обошел Ровшан скалу со всех сторон и не нашел места, где можно было бы за что-нибудь ухватиться. Снял он тогда с пояса аркан, закинул на скалу и, выбиваясь из сил, вскарабкался на нее. Смотрит, расстилается перед ним такой красоты цветник, что и словами не описать.. Розы призывают роз, соловьи – соловьев. Словно кто-то семидесятью двумя перьями и семидесятью двумя красками нарисовал на вершине этой скалы сад-цветник. Посредине стоит старое развесистое дерево, а под ним Гоша-булаг блестит, точно журавлиное око и струясь, как слеза, превращает все вокруг в молочное озеро. Ровшан ждал – наступил вечер, он ждал еще – настала ночь. И вот, смотрит он, на востоке зажглась одна звезда, а на западе – другая. Звезды эти поднялись и столкнулись прямо над Гоша-булагом, и воды его забурлили и разлились. Белая пена поднялась в рост человека. Ровшан наполнил пеной полную чашу и вылил на себя, а другую выпил. Хотел наполнить в третий раз. Где там, какая пена? Вода в роднике спала и стала чистой и прозрачной. Ударил себя Ровшан по голове, по коленям. Но что поделаешь?.. Горько раскаиваясь, вернулся он с пустой чашей назад, рассказал отцу обо всем, что было⁸.

Вздыхнул Алы-киши и сказал:

– Исцеление моим очам было в этой пене. А ее-то достать и не удалось.

Если Ровшану и раньше было тяжело, то теперь он места не находил себе от горя. Бил он себя по голове, стеноя и каясь, почему сначала выпил сам. Алы-киши сказал:

– Сын мой, слезами горю не поможешь. Что было, то было,

а что было, то прошло. Верно, мне не суждено еще раз увидеть тебя. Пришло мне время умереть. Теперь слушай, что я хочу сказать тебе.

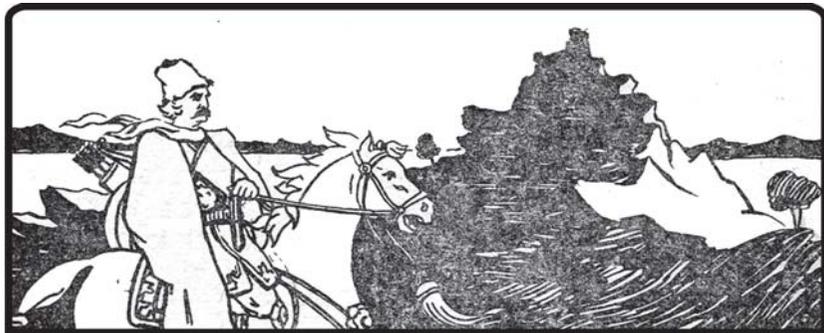
Ровшан сел около отца.

– Дитя мое, – начал Алы-киши. – Промчится месяц, пройдет год, и имя твое прославится по всему миру, от Востока до Запада. Пена, – что ты выпил, даст твоим рукам силу, получишь ты дар слагать песни, и голос твой обретет такую мощь, что перед ним труба самого Исфафила⁹ будет подобна жужжанию мухи. Беки, ханы, паши при одном имени твоём падут на колени. Пока ты будешь сидеть на спине Гырата и египетский меч будет у твоего пояса, а сам ты будешь жить в Ченлибеле, никто не сумеет одолеть тебя. Но только в этих краях есть знаменитый разбойник. Зовут его Дели-Гасан¹⁰. Вот кого берегись. Ступай, отныне будешь ты зваться Кероглу¹¹.

Таково было завещание Алы-киши, который, как говорится, подарил свое дыхание лучшему из сыновей.

Похоронив отца около Гоша-булага, Кероглу с того дня остался жить в Ченлибеле¹².

КЕРОГЛУ И ДЕЛИ-ГАСАН

Как-то раз, оседлав Гырата, Кероглу выехал на дорогу, что вилась у подножья Ченлибея. Видит, едет отряд всадников. Все с оружием. А впереди – молодец, такой молодец, что хоть весь свет отдай за него. Посмотришь ему в лицо, заглянешь в очи, сразу видно – настоящий игид¹. Увидел он Кероглу, кликнул свой отряд. Всадники тотчас окружили Кероглу. Тот остановился: посмотрим, мол, чем кончится дело. Удалец вздыбил коня и осадил его прямо перед Кероглу. Взглянул на него, взглянул на коня и спросил:

– Эй, послушай, ты что за человек? Что делаешь в этих краях?

– Да так, еду путем-дорогой, – отвечает ему Кероглу.

А игид так и впился глазами в Гырата:

– Где ты взял такого коня?

– Это конь мой, – ответил Кероглу.

– А ну-ка сойди с него, – сказал удалец, – конь этот мне больше подходит.

– Езжай своей дорогой, – посоветовал Кероглу. – Иначе тебе же будет худо.

Слова эти разгневали игида. Серdito натянул он поводья, так что конь под ним взвился на дыбы. Повернулся он к Кероглу и говорит:

– Видно, ты еще не знаешь меня? А если б знал, то прикусил бы язык. Я – Дели-Гасан. Кто бы ни проехал по этой дороге, должен платить мне дань.

Кероглу догадался: да ведь это тот самый Дели-Гасан, о котором говорил ему отец.

Еще раз оглядел он молодого удальца и его коня, видит, Дели-Гасан и впрямь настоящий игид.

С того дня, как предал земле прах своего отца, Кероглу все искал этой встречи. Почему бы им не сдружиться и не быть заодно? – подумал он, но тут же решил, что это не так просто. Без боя тут не обойтись. Задумался он, как быть. А пока он думал свою думу, Де-ли-Гасан крикнул ему:

– Эй, ты, говорю тебе, слезай с коня! Или настал твой смертный час!

– Дели-Гасан, – спокойно ответил Кероглу, – не кричи, игид действует руками, а не языком.

– Послушай, кто ты таков, что так важничаешь передо мной? – спросил Дели-Гасан.

– Подожди, я тебе скажу кто я, – ответил Кероглу и натянул поводья. Конь его взвился так, что камни полетели из-под копыт и высоко пронеслись над головой Дели-Гасана. Окружившие было Кероглу всадники пришли в смятение. Перекинув саз², Кероглу крепко прижал его к груди и запел:

Салам, Эджема сын³, – коль бой начну
Останется ристалище за мной.
Прекрасен мой Гырат, я сам – герой!
И- конь, и меч блистающий – со мною,

Силен в искусстве ратном, выйду в бой,
Доволен небом данною судьбой.
Во мне игида узнает любой,
И горы в дымке тающей – со мною.

Знай, что Ровшаном всяк меня зовет.
Я – Кероглу, и не страшусь невзгод,
Здесь все мое и запад и восход –
Весь этот край сияющий – со мною!

Дели-Гасан поглядел сперва на Кероглу, потом на своих всадников и захохотал. Засмеялись и всадники. Кероглу вспыхнул от обиды. Хотел он обнажить свой меч и показать себя, но, прокляв про себя слепого шайтана⁴, снова взял он в руки саз и вот что спел:

Когда храбрец вступает в бой –
Он понапрасну бушевать не должен.
Того, что предначертано судьбой,
Он в этом мире избегать не должен!

Не испугаюсь, если враг жесток:
Предателей наказывает бог.
Коль ты игид – так дай себе зарок:
Игид игида предавать не должен.

Я, Кероглу, отважен и суров, –
Пусть будет пятьдесят иль сто врагов, –
Всем храбрым будет мой наказ таков:
В бою рассудок потерять не должен!

Песнь Кероглу рассердила Дели-Гасана. Кликнув своих людей, он хотел обрушиться на Кероглу, но послушаем прежде, что тот спел ему:

Я так тебе скажу, Дели-Гасан:
Клянусь, что схватки в этот день не будет!
Иначе, словно лев, я разъярюсь.
Клянусь, что схватки в этот день не будет.

Игид и трус – не схожи с давних пор.
Пусть недруг пропадет в ущельях гор.
Судья найдется, чтоб решить наш спор,
Клянусь, что схватки в этот день не будет.

Меч обнажу и прегражу пути.
Я Кероглу, отважней не найти.
Нет ярости сейчас в моей груди –
Клянусь, что схватки в этот день не будет!

Дели-Гасан подумал, что Кероглу испугался его и сказал, обернувшись к своим людям:

– Послушайте, я решил было, что это и в самом деле игид, Рустам-Зал. А оказалось, это пустомеля, болтун. Схватите его и за кичливость отберите у него коня, а самому всыпьте по заслугам и отпустите.

Видит Кероглу, без боя не обойтись. Обнажил свой меч и спел:

Не горячись, Дели-Гасан, – мечом
Египетским ударю длинным я!
Метнусь, как шестопер⁵, и грудь твою
Разрежу на две половины я.

Не может трус кичиться без конца
И поносить игида-храбреца.
Хоть на небо беги, но подлеца,
Поймав, аркан на шею кину я.

Зачем глядишь разгневанно и зло?
Дрожишь, как лист, что ветром унесло?
Тебе, чтобы ничто не помогло,
И руки завяжу за спину я.

Коль кликну клич – ты жалости не жди.
Кровь, как вода, прольется на пути.
И беков всех, и ханов – впереди.
Гырата погоню в долину я.

У Кероглу отважная судьба.
Мне незнакомы ложь и похвальба.
В Алеппо⁶ потащив, тебя, раба,
Продать на рынке не премину я!

Разгневался Дели-Гасан на Кероглу. Отъехав в сторону, приказал он своим людям схватить его.

Отряд Дели-Гасана двинулся было на Кероглу, но, поворотив коня, Кероглу, как разъяренный лев, ринулся вперед. На своем Гырате он мгновенно смял и опрокинул всадников. Многие погибли, а оставшиеся в живых разбежались.

Кероглу молнией подскакал к стоящему в стороне Дели-Гасану. Стал он перед ним, и послушаем, что спел:

И так уж Гырат покружился в бою.
Коль есть смельчаки у тебя – пусть выходят.
Пускай узнают они силу мою.
Я кровью залью их, рубя, – пусть выходят

Султан или хан – не боюсь никого.
Пусть выйдет, кичлив, – испытаю его.
Мужи да не прячут лица своего.
Пусть скачут, коней торопя, пусть выходят.

Главу Кероглу не склонит пред врагом.
Кто смел – тот стоит как гранит пред врагам.
Победный мой клич раздается кругом:
Останусь, врагов истребя, – пусть выходят!

Кероглу и Дели-Гасану пришлось сразиться. Обнажив мечи, они налетели друг на друга. Но что мечи! Взялись за палицы. Но что палицы! Схватились за пики. И пики не решили дела. Оба спешили и началась борьба врукопашную. Долго бились Дели-Гасан и Кероглу. То один, то другой наваливался со всей своей огромной силой. Наконец, Кероглу, издав свой боевой клич, схватил Дели-Гасана и ударил его оземь. Опершись коленом в грудь его, выхватил он свой меч.

Из груди Дели-Гасана вырвался тяжелый вздох.

Кероглу сказал:

– Что ты так тяжело вздыхаешь? Боишься каплю крови потерять?

– О, игид, я вздыхаю не от страха за свою жизнь. Я дал обет и теперь не смогу выполнить свою клятву.

– В чем же ты поклялся? – спросил Кероглу.

– Поклялся я побрататься с тем, кто одолеет меня, до самой смерти быть ему другом. Теперь ты победил меня, убьешь, и я не выполню своего обета.

Радостно все это было слышать Кероглу. Он поднялся, помог встать Дели-Гасану и трижды ударил его по спине.

Дели-Гасан прошел под мечом Кероглу и поклялся до самой смерти быть ему братом, служить верой к правдой.

– Удалой Кероглу, ровно семь лет, как я считал себя владыкой этих дорог. До сих пор никто и соломинки не мог положить поперек моего пути. За эти семь лет ни один купец, ни один караван не мог пройти здесь, не уплатив мне дани. Много накопил я богатств, золота, серебра, самоцветов, взятых мной у беков, ханов и купцов. По обычаю игидов, теперь все это – твое. Поедем, прими то, что принадлежит мне.

Не сразу поверил ему Кероглу. Сомнение взяло его: а вдруг Дели-Гасан готовит ему ловушку? Но потом, поразмыслив, он сказал самому себе: «Не беда, так будет лучше. Так я испытаю его. Если он смел и благороден, пусть докажет это теперь. Если же предатель, тоже покажет, каков он есть».

Сел он на Гырата и сказал Дели-Гасану:

– Садись на коня, поедем!

Впереди Дели-Гасан, следом Кероглу. Долго ли, коротко ли ехали они, наконец, подъехали к подножью крутой скалы. Там рос густой кустарник. Дели-Гасан пустил коня в кусты, Кероглу за ним. Не много успели они проехать, видят – впереди пещера. Дели-Гасан спешился и, взяв Гырата под уздцы, сказал:

– Приехали. Теперь сойди с коня.

Кероглу, снова пропустив Дели-Гасана вперед, вошел в пеще-

ру. Видит, золота и серебра тут столько, точно собрали сюда сокровища семи падишахов. Он обошел всю пещеру и, взглянув на драгоценности, сказал Дели-Гасану:

– Пусть пока все это остается здесь. Сейчас это нам не нужно. Когда мы обживемся в Ченлибеле и соберем удалцов, вот тогда это понадобится нам.

Так и случилось.

С того дня к Кероглу начали со всех сторон стекаться удалцы, и вскоре Ченлибель стал их пристанищем.

КЕРОГЛУ В СТАМБУЛЕ

Далеко разнеслась слава о Кероглу. И всяк, кто не хотел больше терпеть гнет ханов и пашей, шел в Ченлибель, чтобы прикнуть к его отряду. Жизнь теперь в Ченлибеле текла совсем особенному. Только приходи и любуйся! Кто строил себе жильё, кто упражнялся в стрельбе из лука, кто джигитовал на коне, кто состязался на скачках. Бывало, что, когда лихие джигиты обнажали мечи, они словно огни вулкана озаряли Ченлибель и светили на все четыре стороны. Иногда случалось, что налетевшие тучи окутывали Ченлибель, и тогда гремел гром, сверкала молния, лил дождь. Поднимался такой вихрь, будто наступил конец света. Но вскоре ветер так же внезапно утихал, дождь переставал лить, туман рассеивался. Снова звенели голоса куропатов, небо прояснялось, становилось чистым, как зеркало. Старуха-бабушка, перекинув свой пояс, украшала небо семью цветами¹.

В Ченлибеле были свои законы и обычаи. Когда наступали часы работы – все работали, в воинский час – упражнялись в воин-

ских занятиях, а когда приходило время забав и развлечений – развлекались, кто как мог. Удальцы несли охрану вокруг горы.

Быстро разнеслась слава о Кероглу, не было такого места на земле, где бы не знали о нем. Не было такого хана или паши, у кого при имени Кероглу не пробежала бы дрожь по спине. Не было такого игида, такого удальца, сердце которого не забилося бы сильнее при имени Кероглу.

Слава о нем дошла и до Стамбула. В одной из стамбульских деревень жил юноша по имени Белли-Ахмед². У него только-только начинали пробиваться усы. Но в силе и мощи он не уступал Рустаму-пехлевану³. Сам же он был добр и щедр.

Случись ему что-нибудь найти, он всегда был рад поделиться своей находкой. Его скромная суфра⁴ постоянно расстилалась для друзей и приятелей.

Белли-Ахмед был пленен славой Кероглу. Словно кто-то нашептывал ему: «Игид должен служить игиду». Белли-Ахмед долго думал, гадал и так и эдак, долго, как говорится, мерил, долго кроил и, наконец, как-то утром, потуже завязав свои чарыхи⁵, отправился в путь-дорогу, в сторону Ченлибея. Долго шел, ненадолго останавливался, недолго шел, надолго останавливался, и однажды в пятницу, дошел, наконец, до Стамбула. Только появился он на базаре, как слышит, глашатаи о чем-то кричат. Тотчас на базаре поднялась такая суматоха, началась такая суета, стал народ бежать туда-сюда, что только гляди. В мгновение ока весь рынок опустел. Только Белли-Ахмед остался стоять, ошеломленный. Смотрит, какой-то хромой купец бежит, еле волоча ногу. Белли-Ахмед преградил ему дорогу:

– Послушай, что случилось с людьми? Куда все убежали?

Купец посмотрел на него снизу вверх и говорит:

– Да ты, племянничек, видно, нездешний?

– Нездешний, – ответил Белли-Ахмед. – Я только что вошел в город.

Купец, прихрамывая и волоча ногу, принялся рассказывать:

– Султан наш отправился в паломничество в Мекку. Каждую пятницу султанская дочь, Нигяр-ханум, ходит в мечеть. Как толь-

ко ока выходит из дворца, глашатаи кричат, чтоб все расходились по домам. Султан повелел, чтоб ни один чужой мужчина не осмелился даже в сторону Нигяр-ханум посмотреть.

– Хорошо, – спросил Белли-Ахмед, – а почему все оставляют открытыми лавки?

– А это приказ дочери султана, – ответил купец. – Когда она идет через базар, все лавки должны быть открыты. Нигяр-ханум заходит и выбирает, что ей понравится, а потом прислужницы уже могут сторговаться о цене с купцами.

Торопливо закончив свой рассказ, купец побежал и скрылся с глаз. Голоса глашатаев слышались уже недалеке. Белли-Ахмед не знал, что делать. Остаться тут – могут схватить, бежать, но куда? Где укрыться? Огляделся он вокруг, видит – неподалеку овощная лавка... Ну, будь, что будет, подумал он, и вошел в лавку. Притворил он дверь, а сам стал смотреть в щелку.

Много ли, мало ли времени прошло, наконец, показалось шествие. Прошли глашатаи, прошла стража и, когда прошли палачи, смотрит Белли-Ахмед и видит, – окруженная сорока стройными девушками, идет сама Нигяр-ханум – девица неопикуемой красоты.

Дочь султана шла, заглядывая в лавки. Дойдя до той, в которой спрятался Белли-Ахмед, она вдруг остановилась и, обернувшись к девушкам, сказала:

– Что такое? Все лавки брошены на произвол. Богатые менялы оставили свое золото и драгоценности. На всем базаре не найдется ни одной запертой лавки, почему же закрыта эта овощная лавочка? Это неспроста. Я должна заглянуть туда.

Сердце у Белли-Ахмеда так и оборвалось, вот-вот упадет к ногам. Но гордость не позволила ему склонить головы. Если сейчас дочь султана войдет и застанет его, аллах ведает, что случится. Что подумают о нем люди? Верно скажут, что он нарочно спрятался, чтобы взглянуть на дочь султана. Но дело сделано. Нигяр-ханум с девушками подходила к лавке. Белли-Ахмед решил было спрятаться под прилавок, но не захотел ронять своей чести. Встал он посреди лавки и начал ждать.

Прислужницы открыли двери. Нигяр-ханум вошла внутрь. Увидела, что посреди лавки стоит какой-то юноша и нахмурилась... Заметив это, Белли-Ахмед молча опустил голову.

– Узнайте, что за человек. Что он тут делает? – приказала Нигяр-ханум своим прислужницам. Девушки тотчас окружили Белли-Ахмеда и, подталкивая его, подвели к Нигяр-ханум.

– Скажи, кто ты? – спросила она, – что делаешь тут?

Белли-Ахмед ответил:

– Ханум⁶, клянусь аллахом, я пришел из дальних мест и не знаю здешних обычаев. Я еще и часу не пробыл здесь. Шел я по базару и увидел, что вдруг все бросились бежать. Я не знал, что мне делать, куда пойти. Вот я и спрятался тут.

Видит Нигяр-ханум, что юноша и впрямь как будто не местный житель и не похож на плута. Ни разу не поднял он глаз и не взглянул на нее, а стоял с опущенной головой. Но чтобы проверить, что это за человек, Нигяр-ханум сказала:

– Ты лжешь. Ты нарочно спрятался тут, чтобы посмотреть на нас. Я сейчас же прикажу отдать тебя в руки палачей.

– Ханум, – проговорил Белли-Ахмед. – Не боюсь я твоих палачей. Пусть сама смерть мне в глаза глядит, лгать я не стану. Спрятался я тут за тем, чтоб подглядывать. Только, правду сказать, когда вы проходили, я смотрел в щелку.

Убедилась Нигяр-ханум, что он говорит правду, и сказала:

– Что ж, ты выглядишь честным человеком. И коли сказал правду, не бойся, наказывать тебя я не стану. Отвечай, кто ты, откуда и куда идешь?

– Ханум, я простой сельчанин, – ответил он. – Зовут меня Белли-Ахмедом. А шел я в Ченлибель.

Услышав про Ченлибель, Нигяр-ханум задумалась и еще больше нахмурилась.

– Ладно, Белли-Ахмед, – сказала она, – говорят, в Ченлибеле живет некий человек по имени Кероглу. Скажи, кто он?

Белли-Ахмед был сметливым парнем. Он умел ловить суть дела на лету и раскусил, что Нигяр-ханум не зря спрашивает его. Знал Белли-Ахмед, что немало девушек вздыхает и сохнет по

Кероглу. И теперь по первому же вопросу султанской дочки понял, что и она тоже томится по удалцу. Иначе зачем бы дочери султана спрашивать о Кероглу? На душе у него тотчас полегчало, и, он ответил:

– Ханум, клянусь аллахом, пока я ничего не могу сказать тебе про Кероглу, я ведь его еще и не видал. Слава идет большая про его отвагу.

– Хорошо, – сказала Нигяр-ханум. – Коли ты не знаешь Кероглу, зачем идешь к нему в Ченлибель?

– Ханум, я уже сказал, пусть мне грозят тысячи смертей – лгать не стану. Хочешь, вели меня повесить, хочешь – изрубить, раз ты спросила, – я отвечу правду. Я хочу служить Кероглу.

Приздумалась Нигяр-ханум. Долго ль думала, недолго ль, наконец, взяла бумагу, написала на ней что-то, запечатала своей печатью, отдала Белли-Ахмеду.

– Раз ты идешь в Ченлибель, передай эту весточку Кероглу. Окажешь, от Нигяр-ханум – дочери султана.

Потом, нагнувшись, шепнула ему на ухо:

– Скажи, пусть прочтет. Если согласен, пускай сам приедет, а не то пусть пришлет через тебя ответ.

Белли-Ахмед склонился в знак покорности, спрятал письмо и, подняв голову, сказал:

– Ханум, а вдруг Кероглу не поверит, что письмо твоею ручкой написано. Говорят, он бывает упрям. Да ведь он еще не знает меня.

Сняв с руки золотой браслет, Нигяр-ханум протянула его Белли-Ахмеду. А в придачу дала пригоршню золотых, чтобы он купил себе коня и не шел пешком. Когда же Белли-Ахмед спрятал браслет и золото, Нигяр-ханум сказала:

– Крепко храни тайну. А узнает о ней кто-нибудь, считай себя мертвым. Будь у тебя тысяча жизней, на все найдутся палачи.

– Ханум, говорил я тебе, что смерти не боюсь. Будь спокойна. Или я совсем не берусь за дело, а коли уж взялся, – конечно! Недаром зовусь я Белли-Ахмедом. Скорее кровь моя потечет рекой, чем выведает кто у меня твою тайну.

Пусть теперь Нигяр-ханум возвращается домой со своими сорока стройными девушками. О ком же мне поведать вам, как не о Белли-Ахмеде.

Белли-Ахмед пошел прямо на конскую площадь. Купив оседланного коня, он вскочил на него и сказал: «Да хранит аллах моего господина!» и поскакал по дороге в Ченлибель.

Так, не отличая ночи от дня, а дня – от ночи, после долгого пути доехал он, наконец, до подножья Ченлибеля. Посмотрел он кругом, чтобы найти проход к горе, вдруг видит – со всех четырех сторон окружили его.

– Эй, чего это вы кольцом сошлись вокруг меня? Я не купец, чтоб взять с меня дань, и не паша, чтоб получить за меня выкуп. Я таков же, как и вы. Отведите меня к Кероглу. У меня к нему дело.

– Сперва скажи мне, какое у тебя дело, – заметил один из удальцов. – Если понадобится проведем тебя к нему. А может мы и сами ответим тебе.

– Если бы вы могли ответить мне, не стал бы я искать Кероглу. Мне надо видеть его самого.

Словом, удальцы – свое, Белли-Ахмед – свое.

В конце-концов увидели удальцы – нет, ничего невыпытают у упряма. Повели его к Кероглу. Белли-Ахмед вручил ему весточку от Нигяр-ханум. Кероглу распечатал письмо и прочел, что писала султанская дочь.

Жизнь за тебя отдам я, Кероглу.
Пленит меча блистание меня:
Приди и увези, коль ты игид –
Измучили стенания меня.

На Ченлибеле доблестный герой,
Перед врагом, как муж, стоишь горой!
Верна я слову – буду век с тобой, –
Нет в мире постояннее меня.

Султана дочь – Нигяр – уже давно
Презрела шаха с ханом заодно.
Есть у меня желание одно:
Зови своей желанною меня⁷

Только Кероглу прочитал письмо, тотчас же призвал он Дели-Мехтера⁸ и сказал:

– Оседлай Гырата, я должен ехать в Стамбул.

– Кероглу, где твой разум, что тебе делать в Стамбуле? – запротестовали воины. – Не знаешь разве, что паши жаждут твоей крови? Поедешь и пропадешь.

– Нет, – сказал Кероглу, – я должен ехать.

– Да скажи, наконец, – настаивали удальцы. – Почему ты должен ехать?

Кероглу прочел им письмо Нигяр. Выслушав его, Дели-Гасан повернулся к воинам и сказал:

– Разве может не ехать он после этакого письма? Такому молодцу, как наш Кероглу, как раз под пару будет такая розочка, как султанская дочь. Только, друг Кероглу, путь тебе предстоит трудный и опасный. Не езди один. Позволь и нам отправиться с тобой.

Тут Кероглу прижал к груди свой саз и сказал:

– Нет, Дели-Гасан!

К своей красавице, игид,
Один поедет он, один.
Чтоб враг был по заслугам бит,
Один поедет он, один.

И неприятеля сразит,
И край враждебный разорит,
И налетит, и сокрушит –
Один поедет он, один.

Он свой стальной надев доспех,
Пройдет дорогу без помех.
Храбрец, одолевая всех,
Один поедет он, один.

К Нигяр спешит он – не свернуть
Его с пути–пылает грудь.
В далекий путь, в далекий путь
Один поедет он, один.

Я, Кероглу, беру клинок,
Чтобы султана, что жесток,
Перед Гыратом гнать я смог –
Один поеду я, один.

И снова повторил то, что пропел под звуки саза:

– Мои отважные удалыцы, за Нигяр-ханум отправлюсь я
один. Вы оставайтесь. Охраняйте Ченлибель.

Оказав это, Кероглу поднялся. Отвага его пришлась по нраву
Белли-Ахмеду.

– Кероглу! – сказал он. – Поверь глазу моему – только ты
достоин Нигяр-ханум. Жаль, если девушка эта достанется кому-
нибудь другому.

На голос любимой скорей отзовись.
Иди, Кероглу, спеши, Кероглу.
За милую – тоже отдать бы мне жизнь!
Иди, Кероглу, спеши, Кероглу!

Тирме⁹ у нее – небывалый цвет.
Как райская птица – прекрасней нет.
Исполнилось ей пятнадцать лет.
Иди, Кероглу, спеши, Кероглу!

Нигяр, как пери, это – имя ее.
В дорогу бери это слово мое:
Увидишь – не сможешь уйти без нее,
Иди, Кероглу, спеши, Кероглу!

Ахмед говорит: отказаться нельзя.
Любою водой напиваться нельзя.
И сразу во всем разобраться нельзя.
Иди, Кероглу, спеши, Кероглу!

– Ну, я отправляюсь в путь, – сказал Кероглу Дели-Гасану: –
Тебе поручаю заботу о молодцах. А Белли-Ахмеду придется
побыть у вас до моего возвращения.

Покорно склонив голову, Дели-Гасан тотчас приказал взять
Белли-Ахмеда под стражу, и двум воинам крепко-накрепко стеречь
его. У Кероглу был такой обычай. Всякого вестника он не отпу-
стит, пока не проверит сказанного. Если тот говорил правду,
Кероглу награждал его и провожал с почетом. Если же тот замыш-
лял зло и язык его был лжив, то дело решал египетский меч.

Только Кероглу успел отдать свои приказания Дели-Гасану,
как Дели-Мехтер подвел Гырата. Кероглу подвесил к поясу меч,
взял пику и, распрощавшись со своими удалыцами, соколом взле-
тел на спину Гырата и пустился в путь.

Когда Гырат чувствовал, что поводья не натянуты, он летел,
точно пущенная из лука стрела. Удалыцы только-то и увидели, что
пыль на дороге к Ченлибелю. Молнией несся окрыленный Гырат,
перелетал через горы, мчался над долами. Другой бы такой путь и
за неделю не осилил, а он уже на следующий день к вечеру под-
скакал к Стамбулу.

Кероглу постучался в двери первого же встретившегося ему
на окраине домика. Ему открыла старушка.

– Послушай, мать, я из дальних стран, – обратился к ней
Кероглу, – не приютишь ли ты меня на одну ночь?

– Почему бы нет? – отвечала старушка. – Пусть хоть смерть
зайдет в дом, куда не заходят гости. Слезай, заходи!

Кероглу спешился. Провел Гырата на конюшню, а сам вошел
в дом и сел в сторонке. Старуха принесла хлеба. Поев, Кероглу
стал расспрашивать старуху про ее жизнь.

– Эх, – вздохнула она, – на всем свете у меня есть один-
единственный сын, зеница моего ока. Он садовник в гранатовом
саду дочери султана Нигяр-ханум.

Кероглу принял это за доброе предзнаменование. Казалось,
счастье само свалилось к нему с неба. Говоря о том, о сем, он
разузнал, что самого султана в Стамбуле нет: он отправился в
паломничество в Мекку.

– Послушай, мать, – спросил он старуху, – а где же твой сын?

– Дочь нашего султана, Нигяр-ханум, – ответила, старуха, – каждый месяц с сорока своими красавицами-прислужницами отправляется гулять в гранатовый сад.. Послезавтра как раз наступает срок. Она придет. Значит, сыну надо присмотреть, чтобы в саду все было в порядке.

Допоздна затянулась беседа Кероглу со старухой, но сколько они ни ждали, сын старухи так и не пришел. Наконец, она сказала:

– Дитя мое, он не пришел. Должно быть, переночует в саду. Дай-ка я постелю тебе постель, ложись себе и спи. Ты, верно, устал с дороги.

– Хорошо, – ответил Кероглу. – Хочешь постелить– стели!

Старуха начала стлать постель. Кероглу увидел: она стелет ему на почетном месте, а себе – у самого входа, и сказал:

– Не надо, мать. Постели лучше мне у дверей! Старуха призадумалась. Вспомнила она о том, как он расспрашивал о султани и его дочери. Посмотрела на богатырскую фигуру Кероглу и его невиданное оружие и испугалась:

– Ай, сынок! – сказала она. – Я человек старый, Беспокойный. Ночью частенько выхожу посмотреть, что делается во дворе...

– Не беда, – ответил Кероглу. – Можешь даже ходить по мне. Не бойся, ребер мне не переломаешь. Но если случится вдруг, что понадобится выйти мне, да задену я тебя ненароком, от тебя мокрое место останется.

Старухе возразить было нечего. Пришлось ей постелить Кероглу у дверей.

Не успел он лечь, как тут же уснул. От богатырского храпа его трясся весь домик. Старуха глаз не смогла сомкнуть.

Среди ночи Кероглу проснулся. Смотрит, старушка не спит.

– Послушай, мать, почему не спишь?

– Не знаю, сынок, не спится что-то.

– Может, ты боишься меня? – спросил Кероглу. Нет, сынок, не боюсь, – ответила она, – просто так...

Понял Кероглу, что старуха что-то не договаривает, и сказал:

– Мать, заклинаю тебя жизнью сына, скажи мне правду, почему ты не спишь?

Побоялась старушка накликать беду на своего единственного сына и сказала:

– Клянусь богом, сын мой, закралась мне в душу дума. Хочется мне узнать, кто ты таков. Совсем не похож ты на здешних людей.

– Ладно, мать, а кто я такой по-твоему? – спросил Кероглу.

– Эх, сынок, – ответила старуха, – смотрю я на тебя и не знаю, ей-богу. И сказать-то совестно... Может, ты Рустам-пехлеван...

Рассмеялся Кероглу и сказал: – Нет, мать, не угадала!

– Тогда, верно, Араб-Рейхан?

– Нет, опять не угадала.

Подумала старуха еще немного и говорит: – Тогда уж не Гизироглу ли Мустафабек?

– Нет, мать, и не он.

Старушка замялась немного, потом посмотрела на гостя:

– Не знаю тогда, сынок, клянусь аллахом... Послушай, а вдруг ты Кероглу?...

– Вот теперь угадала, – сказал он, усмехнувшись. Старуха не проронила ни звука. Кероглу раза два окликнул ее – нет, молчит. Наконец, встал, подошел к ней и что же видит старуха упала и лежит замертво. Попрыскал он ее водой и кое-как привел в чувство. Только пришла она в себя, поднялась и собралась было бежать, но Кероглу схватил ее за руку.

– Куда бежишь, мать? Что я людоед что ли, чего боишься меня?

– Как это чего боюсь? Я еще храбрая женщина. У другой бы при одном имени твоём лопнуло сердце. Паши бледнеют от страха, пехлеваны ищут мышиную норку, чтобы спрятаться, когда слышат твоё имя. А я что? Всего-навсего минутку без памяти была, а ты говоришь,, что я боюсь.

Кероглу засмеялся, успокоил старуху и потом сказал:

– Никому не открывай моей тайны. А не то... Если даже влезешь в глиняный горшок и поднимешься на седьмое небо¹⁰ или обратишься в рыбу и нырнешь на дно морское, тебя не минует моя рука.

– Упаси аллах! – ответила старуха. – Как это я открою твою тайну?! И через три месяца после твоего отъезда у меня сил не будет подняться с постели или вымолвить хоть слово.

Увидел Кероглу, что старуха и впрямь не на шутку испугалась его, и сказал:

– Послушай, мать, видно наслушались вы тут черной лжи про меня от пашей. Им-то и надлежит меня бояться. Их я и должен казнить. А ты чего боишься меня?

Долго еще говорил Кероглу. Рассказал старухе как обосновался в Ченлибеле со своими удальцами. И о том, почему такая вражда к пашам и ханам живет в его сердце. Шутил, смеялся и немного развеселил старуху. Потом снова улегся и заснул.

Но старушка не сомкнула глаз. Всякие мысли одолевали ее. Наконец, окликнула она Кероглу и спросила:

– Послушай, сынок, а ведь ты не сказал, зачем по жаловал сюда?

– Мать, скажи раньше, сумеешь ли ты сохранить тайну или нет?

– Первое, что тебе отвечу, – сказала старуха, – сохранить тайну дело нехитрое. А второе, что скажу тебе, – не понимаю я что ли, с кем мне придется сводить счеты? Не бойся, говори!

– Мать, скажу правду, – начал Кероглу, – дочь султана Нигяр прислала мне весточку, пишет, чтоб я приехал и увез ее. Вот я и приехал за ней.

– Ну, что тебе сказать? – проговорила старуха. – И впрямь Нигяр-ханум словно для тебя создана. Пусть, благословит вас аллах! Но как ты увезешь ее?

– Твой сын должен помочь мне, – ответил Кероглу.

– Да, без него вам не обойтись, – живо произнесла старуха. – Почему бы ему не помочь? Если не тебе, так кому же поможет он? Даст бог, минует завтрашний день, а на другой прямо из гранатового сада...

Словом, проспали они эту ночь. Настало утро. Кероглу встал, накормил, напоил коня, почистил его, дал старухе денег, чтоб купила, что потребуется, и приготовила поесть. И еще велел ей позвать сына.

А сам вышел из дому и отправился к одному мастеру. Уплатив пригоршню золотых, заказал он султанскую именную печать и положил ее в карман.

Оттуда Кероглу направился к уличному писцу, славившемуся своим умением писать молитвы и заклинания. Тот нацепив очки на кончик носа, сидел поджидая заказчиков, Кероглу подошел к нему и сказал:

– Эфенди¹¹, есть у меня старуха-бабушка. Вот уже долгое время она лежит на смертном одре. Что только мы ни делаем, не дает ей аллах здоровья. Теперь мне указали на тебя. Говорят, ты пишешь чудодейственные молитвы. Пойдем, напиши одну для моей бабушки.

Эфенди поспешно поднялся на ноги. Захватив перо и чернильницу, пошел с Кероглу, как говорится, держась одной рукой за карман, а другой – за иман¹².

Шли они, шли и, наконец, дошли до дома старухи. Смотрит эфенди, носится по двору какая-то старуха и хлопот у нее по горло: готовит обед.

– Послушай, игид, ты говорил, что бабушка твоя больна, а она вон мечется то двору? – сказал он Кероглу.

Кероглу подошел к нему поближе:

– Эфенди, если тебе дорога жизнь, достань перо и бумагу и от имени султана напиши письмо его дочери Нигяр-ханум.

Тот покосился на Кероглу и ответил:

– Кто я и кто султан, о чем ты толкуешь? Схватил его Кероглу за руки и сказал:

– Эфенди, не заставляй меня напрасно проливать кровь. Вынь перо, бумагу и пиши!

– Душа моя, – ответил тот, – что же мне писать от имени султана его дочери? Как я могу знать?

– Что писать, скажу я. Ты приготовь бумагу и перо.

Видит тот, нет, от этого удальца легко не отделаешься. Дрожащими руками вынул он клочок бумаги. Кероглу сказал:

– Напиши от имени падишаха его дочери Нигяр: «Человек, который вручит тебе это письмо, – мой чавуш¹³. Принять его

должно в моем дворце с таким же почетом и уважением, как бы это был я сам».

Эфенди, поглядывая исподлобья на Кероглу, написал письмо. Только принялся он поспешно запечатывать его, как Кероглу сказал:

– Подожди, дай я посмотрю, что ты там написал. Эфенди побледнел.

– Нет, я еще не кончил, – заикаясь пролепетал он. – Я некрасиво написал, с ошибками. Придется писать все сначала.

Прочел Кероглу и увидел, что эфенди написал: «Нигяр-ханум! Это разбойник, как только он придет, прикажи схватить его и повесить».

Кероглу гневно посмотрел на писца и сказал:

– Не думай, что я не знаю грамоты. А письмо должен написать ты, чтобы оно было написано вашим языком.

Эфенди в страхе порвал письмо, написал новое и протянул Кероглу. Тот посмотрел и увидел – теперь все написано так, как надо. Приложил к письму сделанную по его заказу султанскую печать и спрятал письмо в карман.

– Эфенди, – сказал он затем, – думал я, что ты добрый человек и собирался отблагодарить тебя. А приходится поступать по-иному. Теперь вижу – нельзя выпускать тебя отсюда. Уйдешь ты и все дело испортишь. А убивать тебя тоже не хочу. Жалею. Дел у меня тут на два дня. И придется тебе эти два дня оставаться здесь. Если не подымеешь шум-гам, перед отъездом я награжу тебя за второе письмо, а если не будешь сидеть спокойно, тогда получишь сполна за первое письмо.

Сказав это, Кероглу втолкнул писца в конюшню, где стоял Гырат, запер дверь на замок и спрятал ключ.

Потом Кероглу пошел на базар и купил все, что нужно было, чтобы одеться чавушем. Переодевшись и взяв в руки четки, он направился ко дворцу султана.

Привратники, увидя в руке его письмо с печатью султана, склонились до земли. Ворота распахнулись настежь. И Кероглу, пройдя во двор, громко крикнул:

– Где Нигяр? Или она боится простудить ноги, если выйдет мне навстречу?

Все придворные от страха задрожали, как листья на дереве.

Пройдя через сорок дверей, Кероглу вошел в сад.

Нигяр-ханум, окруженная сорока девушками, сидела у окна и смотрела в сад. Увидев чавуша, она тотчас отправила одну из прислужниц узнать, в чем дело.

Прислужница подошла к Кероглу.

Завидев девушку, он закричал:

– Где Нигяр? Почему она не выходит мне навстречу? Не знает разве, что я послан самим султаном?

Прислужница провела его в покой и побежала известить Нигяр-ханум. Когда же та в окружении сорока красавиц вышла к нему, увидел Кероглу, что Белли-Ахмед говорил правду. Нигяр и впрямь была достойна стать его возлюбленной. Намекнул он, чтобы девушки вышли: ему, дескать, надо оказать ей нечто секретное.

Девушки вышли. Когда Кероглу и Нигяр-ханум остались наедине, снял он с себя и отбросил в сторону абу и чалму¹⁴. Смотрит Нигяр и видит – чавуш превратился в красивого молодца. Кероглу прижал руки к груди и поклонился Нигяр-ханум. Нигяр-ханум не ответила на его поклон. Кероглу поклонился снова. И снова Нигяр-ханум не ответила на поклон и попыталась покинуть покой.

Взял Кероглу свой саз и послушаем, что спел:

Тобой непринятый привет
Заставит горевать тебя.
Я беден. У ашуга нет
Казны, чтоб в жены взять тебя..

По саду вешнему идешь –
И юношей бросает в дрожь,
Твой лик, с бумагой белой схож, –
Перу не описать тебя.

Пусть нет монет, чтоб раздавать,
Богатства нет, чтоб разбросать –
Одно осталось – силой взять
И в Ченлибель умчать тебя.

О, гор каких прохлада ты
И плод какого сада ты,
Нигяр, моя отрада ты –
И должен мир узнать тебя!

Видит Нигяр-ханум, что перед нею ашуг и, должна быть, незря все время поет о любви. Громко рассмеялась она и сказала:

– Ты, ашуг, а я дочь султана. Чем ты богат, чем славен, чтобы решиться сватать меня?

Кероглу ответил ей:

Вершины гор, высоких наших гор
Темны бывают и ясны бывают.
Будь вечно в деле. Помни, что дела
С тобой и без тебя красны бывают.

Мужчина, будь честнее, чем Иса,
А девушка – прекрасней, чем Ниса,
Хотя я знаю, у нее глаза
Светлы бывают и черны бывают.

Игид, что без коня, – уж не игид.
Доспехи Кероглу – крепчайший щит,
Пусть небогат, – будь родом чист.
Игид с казной бывает, без казны бывает.

Слышит Нигяр-ханум, что он упоминает имя Кероглу. Видит, что золотой браслет, посланный ею с Белли-Ах-медом, украшает саз ашуга. И поняла – это Кероглу! Ее голубые глаза пылливо посмотрели на него. Говорят, любовь таится в очах. Взгляды их скрестились, сердца забились сильнее.

Кероглу подошел ближе и взял ее за руку.

– Что ты думаешь делать? – спросила Нигяр.

– Я приехал из Ченлибея увезти тебя. О чем еще думать?

– Как же ты увезешь меня? – спросила Нигяр. – Кругом столько войска. А если даже увезешь, то куда?

Кероглу ответил ей:

Светлоокая Нигяр, тебя
В горы Ченлибея увезу.
На Гырата усажу тебя
И, как вихрь метели, увезу.

Я тянусь к очам твоим, к бровям.
Прегражу клинком я путь врагам,
Жизнь отдам, а милой не отдам,
И добьюсь я цели – увезу.

Сокола ли коршун бросит в жар?
Нас никто не разлучит с Нигяр.
Силой отниму тебя у бар,
Чтоб мешать не смели, – увезу.

Я перед султаном не дрожу,
Войско вышлет – войско отражу
И для крови русло проложу,
Чтоб валы кипели, – увезу.

Кероглу отважен, как всегда.
Пусть меня страшатся господа,
Мы с Нигяр перелетим туда –
Прямо к Ченлибею, – увезу.

– Нет, здесь одного удалства мало, – сказала Нигяр. – Силою ничего не добьешься. Лучше, пока мои люди ничего не заметили, надень свою чалму, абу и уходи отсюда. Завтра я пойду на прогулку в гранатовый сад. Если сумеешь похитить, похищай меня оттуда.

Видит Кероглу – Нигяр рассуждает разумно. Вышел и отправился прямо в дом старухи. А там уже сын старухи пришел и ждет его. Поздоровавшись, они сели. Юноша спросил Кероглу, зачем он приехал. Кероглу осталось только взять саз, послушаем что он спел:

Юноша! Сейчас в пределы ваши
За Нигяр я прибыл, за Нигяр,
За моей красавицей османской –
За Нигяр я прибыл, за Нигяр.

Мы с Гыратом, как стрела, летели
И врагов сметали, не жалели.
Я – Ровшан, я прибыл с Ченлибея,
За Нигяр я прибыл, за Нигяр.

Кероглу, я жить в тиши смогу ли?
Мы в бараний рог пашей согнули.
Дочь султана я ишу в Стамбуле,
За Нигяр я прибыл, за Нигяр.

– Послушай, игид, – сказал юноша, – как ты один сможешь
увезти Нигяр-ханум, когда кругом османские войска?

– Ты пусти меня в сад, – отвечал Кероглу, – а как увезу, это
дело мое.

Сначала юноша не решался. Не хотел давать слова. Но тут
мать, с одной стороны, Кероглу – с другой, насели на него, и он со-
гласился.

Ночь миновала. Наутро Кероглу поднялся с постели, накормил,
напоил Гырата, сам поел, попил и когда все было готово
вывел писца из конюшни и сказал:

– Эфенди, вчера ты хотел причинить мне зло. Но я отплачу
тебе добром. Вижу, ты стар и немощен. Только знай: я – Кероглу!

Тут вся краска сбежала с лица эфенди. Он весь затрясся.

– Ладно, не трясись! – сказал Кероглу. – Бери эти золотые и
трать на что вздумается. Но если узнаю, что ты открыл мою тайну,
– горе тебе. А теперь иди.

Спрятав золото в карман, писец, поминутно оглядываясь,
вышел за ворота. Выпроводив его, Кероглу сел на Гырата и вместе
с молодым садовником отправился в гранатовый сад. Приехав
туда, он сошел с коня, привязал его, а сам, усевшись под гранато-
вым деревом, стал ждать прихода Нигяр-ханум. Много ль время

прошло, мало ли, видит Кероглу, идет Нигяр-ханум, а с нею сорок
красавиц-девушек.

Кероглу спрятался за дерево!. Девушки прошли мимо. Ни
одна не заметила его. Погуляли они немного, и Нигяр-ханум, ока-
зав что устала, села под дерево. Разслала она девушек в разные
стороны и осталась одна. Вышел Кероглу из своей засады и подо-
шел к Нигяр-ханум. Поклонился ей и сказал:

– Нигяр-ханум, я готов!

– На чем же ты повезешь меня в Ченлибель? Разве не стра-
шат тебя войска моего отца? Ведь им числа нет.

– Не тревожься, Нигяр-ханум, – ответил Кероглу, – только
бы нам сесть на Гырата, а там нам уже ничего не страшно.

– Ты все твердишь о Гырате, – сказала Нигяр. – Что это за
конь? Неужто он пронесет нас обоих сквозь такие преграды?

Послушаем, что ответил Кероглу:

На вершину горы, словно буря, взлетит,
В трудный час мне опора – мой верный Гырат..
Он за день одолеет двухмесячный путь,
Он не требует шпоры, мой верный Гырат.

Пыль дорог к облакам подымает мой конь,
На врага он обрушится, словно огонь,
Злобный недруг не в силах уйти от погони,
Перескочит и горы мой верный Гырат.

Поглядит Кероглу на лихого коня –
Он летит на врага наподобье огня...
Утром в яслях его не найдешь ячменя,
Самый быстрый – все знают – мой верный
Гырат.

– Как ты прославляешь своего Гырата, – сказала Нигяр-
ханум. – Пойдем же посмотрим, что это за конь.

Кероглу подвел Нигяр к Гырату. Видит Нигяр, конь в самом
деле чудесный. Отвязав его, Кероглу соколом взлетел ему на

спину. Не успела Нигяр и глазом моргнуть, как Кероглу обхватил ее одной рукой, поднял и посадил позади себя. Конь взвился на дыбы и перелетел через каменную ограду.

– Постой, подожди, нельзя же так, давай подумаем, посоветуемся! – закричала Нигяр.

Но Кероглу уже мчался по дороге к Ченлибелю.

Оставим Кероглу с Нигяр-ханум, пусть себе мчатся на Гырате, а расскажем о брате султанской дочери.

У стамбульского султана был сын по имени Бурджу-Султан. Как только разнеслась весть, что Нигяр-ханум похищена, все всполошились. Бурджу-Султан вскочил на коня и поднял войска. Еще воины садились на лошадей, а уж Бурджу-Султан, раза два хлестнув своего коня, поскакал вперед.

Гырат, окрылившись, летел быстрее ветра. Мчались они, мчались и, наконец, добрались до зеленой лужайки. Хоть и богатырь Кероглу, да и тот устал, ведь за всю ночь глаз он не сомкнул. Да и тяжесть какая-то лежала у него на сердце, может быть, потому, что пришлось тайно увезти Нигяр-ханум. Остановил Гырата Кероглу и сошел с коня. Пустил его на траву, а сам с Нигяр-ханум пошел к роднику.

Пробовала уговорить его Нигяр. – Поедем, – говорит, а то догонят нас, тебя убьют, а меня вернут назад! Но Кероглу твердил свое:

– Не бойся, никто не сумеет догнать нас.

Видит Нигяр, что Кероглу не из тех, кто отступает от сказанного. Уселась она. Кероглу стреножил коня, пустил на зеленый луг и сказал:

– Нигяр-ханум, я сосну немного, а ты последи за конем. Как только заметишь, что он перестал щипать траву и беспокойно бьет копытом, знай, что враг уже близок. Тогда буди меня скорей.

Сказав это, Кероглу положил голову на колени голубоглазой Нигяр и уснул.

Прошло немного времени, смотрит Нигяр, Гырат бьет копытом так, что и не опишешь, и громко ржет.

Разбудила она Кероглу:

– Вставай, посмотри, что с конем.

– Не бойся, ничего, – сказал Кероглу. – Чует он врага.

Смотрят – вдали какой-то всадник мчится, точно молния.

Взглянула на него Нигяр и тотчас узнала:

– Это мой брат.

– Приедет, посмотрим, что он скажет, – отвечал Кероглу.

Поднялся он, уселся на коня, посадил Нигяр и стал ждать.

Бурджу-Султан подъехал. Увидел Нигяр на коне позади Кероглу и крикнул:

– Разбойник, отдай девушку!

– Султанский сынок, – ответил Кероглу, – не сердись, хочешь увезти сестру, увези, зачем же браниться? Так уж у нас вышло.

Услышав это, Бурджу-Султан осмелел:

– Что значит, увези, так вышло... Увезти ее я увезу, только вместе с твоей головой.

– Вот и хорошо! – смеясь проговорил Кероглу. – Согласен! Но, султанский сынок, кажется, в спешке ты не подтянул подпругу. Поправь, потом сразимся, а то вдруг слетишь с коня – и Нигяр-ханум огорчится.

Нагнулся Бурджу-Султан, взглянуть на подпругу, а Кероглу тотчас схватил его за ворот. Как Бурджу-Султан ни пыжился, вырваться из его рук не мог.

– Эх, султанский сынок, – сказал Кероглу. – Захочу, ударю тебя оземь, и праху от тебя не останется. Но, видишь, я не делаю этого, отпускаю тебя, езжай с миром.

Освободившись из рук Кероглу, Бурджу-Султан поворотил коня и яростно напал на Кероглу. Тот в одну мгновение заставил Гырата отскочить в сторону. Бурджу-Султан метнул в Кероглу копьё. Подхватив копьё на лету, Кероглу стащил с коня Бурджу-Султана и бросил наземь.

Видя, как обернулось дело, Нигяр сказала:

– Кероглу, вижу ты в большом гневе и правда на твоей стороне. Но ради меня пощади его. Он мой единственный брат.

Кероглу поднял Бурджу-Султана, обернулся к Нигяр и сказал:

На груди твоей раскрылись розы,
Ты прекрасна, словно сад, Нигяр...

Не пристало льву с лисой сражаться,
Ведь со всех сторон глядят, Нигяр.

Я клянусь предателя папаху.
Сам он в сети попадет со страху.
Подхвачу тебя в седло я смаху.
Увезу тебя к себе, Нигяр.

Трус способен только на измену,
Друг готов пробить за друга стену.
Я рабов освобождал от плена
И любому был как брат, Нигяр.

Я приехал в этот край открыто,
Чтоб топтали недруга копыта,
Чтоб моя Нигяр была отбита,
Не таюсь, как конокрад, Нигяр.

Кероглу я. Выйду к злому стану
И клинок египетский достану.
Головы сносить врагам я стану –
Здесь закон сраженья свят, Нигяр.

Потом он отпустил Бурджу-Султана и сказал:

– Ступай, ради Нигяр прощаю тебя. Но смотри встретишься еще раз на моем пути – убью.

Кероглу снова сел на Гырата и пустился с Нигяр-ханум в дорогу.

Бурджу-Султан не знал, куда податься. Вернуться назад, – стыдно, ехать вперед одному – страшно. Он подождал, пока не подросло войско. И тогда, расхрабившись, пустился догонять Кероглу.

Кероглу ехал не торопясь, обернулся и увидел вдали целую рать. Повернул он коня обратно, остановился и стал ждать. Видит Нигяр, что Кероглу решил принять бой и говорит:

– Кероглу, не следовало тебе похищать меня, а коли похитил, не мешкай, езжай дальше. У отца войск много, а ты один. Тебе с

ними не справиться. Не вступай в бой!

– Как повезу я теперь тебя в Ченлибель? – ответил Кероглу.
– Потом скажут, что я хитростью выкрал дочь султана и привез. Должен я сразиться с ними.

Тут как раз и подошло войско султана. Кероглу, не снимая Нигяр-ханум со своего коня, обнажил египетский меч и ринулся на врага.

Оставим их тут сражаться, а пока расскажем об удальцах в Ченлибеле.

Долго ждал Дели-Гасан, видит, Кероглу не едет. Собрал он удальцов и сказал:

– Кероглу не вернулся. Может его схватили и мы останемся без атамана. Надо ехать за ним.

Оставив половину отряда с Дели-Мехтером в Ченлибеле, остальных Дели-Гасан взял с собой и отправился искать Кероглу. Ехали они, ехали и подоспели ко времени. Видят, Кероглу косит мечом направо и налево. Удальцы, издав свой боевой клич, бросились на султанскую рать. Бой разгорелся. Удальцы Кероглу окружили войско Бурджу-Султана. Кероглу окинул взглядом полебитвы, взглянул на удальцов, повеселел, взял свой саз и послушаем, что он спел Нигяр-ханум:

Погляди вокруг, моя Нигяр,
Видишь: удальцы мои пришли.
Дочь султана и любовь моя,
Видишь: удальцы мои пришли.

Чтобы камнем падать с высоты,
Затыкать пашам клинками, рты,
Пополам врагам ломать хребты, –
Видишь: удальцы мои пришли.

Я за друга жизнь отдать могу,
Он и сам не даст меня врагу.
С дальних гор на помощь жожаку,
Видишь: удальцы мои пришли.

Щит в руке и булава в руке,
Солнца луч играет на клинке.
Пусть паши дрожат невдалеке,
Видишь: удальцы мои пришли.

Жизнь игида пролетит в бою,
Бьется он в своем, в чужом краю.
Кероглу, смотри на рать свою,
Видишь: удальцы мои пришли.

Тут у игидов разгорелось сердце пуще прежнего. С одной стороны Кероглу, а с другой – его удальцы помчались на султанские войска, и павшие – пали, уцелевшие – бросились врассыпную.

Кероглу с Нигяр-ханум двинулся во главе отряда к Ченлибелю. Долго ли ехали, коротко ли, через горы и реки, холмы и овраги, доехали, наконец, до Ченлибеля.

Увидела Нигяр-ханум место, куда они приехали, – вершины высоких гор, покрытый густыми травами и цветами луг и спросила: – Кероглу, это Ченлибель?

Послушаем, что ответил Кероглу Нигяр-ханум:

Пики гор подернуты туманом,
Вот он – Ченлибель, мой Ченлибель.
Здесь живут бесстрашные игиды,
Вот он – Ченлибель, мой Ченлибель.

Здесь купцов освобожу от денег,
Здесь в ловушку попадет изменник
И без глаз уйдет богатый пленник,
Вот он – Ченлибель, мой Ченлибель.

Пропасти, заснеженные горы –
Удальцам надежная опора.
Караван не ускользнет от взора.
Вот он – Ченлибель, мой Ченлибель.

Неприступный для любых султанов,
Край орлов и кочевых туманов,
Стан лихих, отважных пехлеваиов,
Вот он – Ченлибель, мой Ченлибель.

Не пробраться вражескому строю
Через все засады за горою.
Лагерь Кероглу, гнездо героя,
Вот он – Ченлибель, мой Ченлибель.

В Ченлибеле поднялась суета. Все удальцы, вооружившись и вскочив на коней, выехали навстречу. Кто стрелял из лука, кто джигитовал с мечом, кто с копьем. Склоны Ченлибеля превратились в ристалище. Нигяр-ханум сняли с коня, усадили на застланные ковром крытые носилки и подняли в Ченлибель.

И пошел тут пир: кто играл, кто танцевал, кто пел. – Кероглу и Нигяр усадили на почетное место среди пировавших. Разостлали суфры.

Всем было весело. Глаза и лица так и горели. Но счастливей всех был Белли-Ахмед. Словно витал он на седьмом небе.

Кто чем мог одарял его.

Подарки сыпались за подарками.

– Послушай, Кероглу, – сказала Нигяр-ханум, – почему бы и тебе не подарить что-нибудь Белли-Ахмеду?

– Я велел освободить его и принял в свой отряд, – чем не подарок? – сказал Кероглу. – А когда он покажет, что достоин называться ченлибельским удальцом, тогда получит награду от меня. Я награждаю только игидов.

– Кероглу, – сказал Белли-Ахмед, – не страх и не голод привели меня сюда. Если бы я не был игидом, меня не звали бы Белли-Ахмедом. Наступит день, я получу подарок и от тебя.

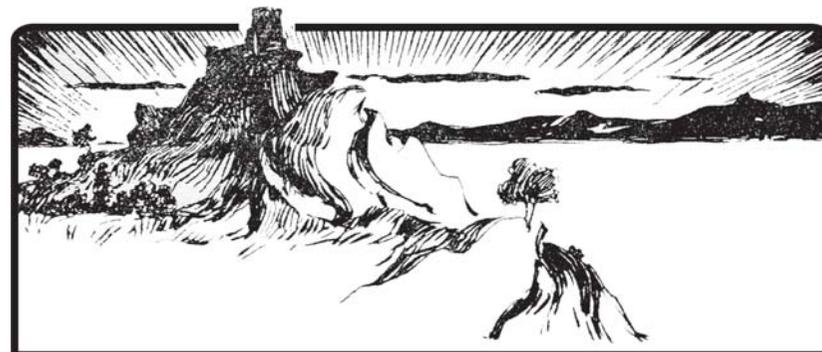
– Хвала ему, – сказали на это все и снова пошли пировать.

Посмотрел Кероглу на Нигяр, посмотрел на своих удальцов и сердце его возрадовалось. Взял он свой трехструнный саз, прижал к груди и запел:

Отыскал в Стамбуле розу я чудесную,
У меня желаний больше не осталось.
К Ченлибелю мчался на своем Гырате я,
У меня желаний больше не осталось.

Подтяну подпругу – не спешу со шпорами,
Гляну на Гырата – горы прыгнут в стороны,
На врагов обрушусь – улетят, как вороны.
У меня желаний больше не осталось.

Кероглу, пирую в стане Ченлибея я,
Где найду красавицу – увезу в ущелия,
Помогу соратникам всем добиться цели я.
У меня желаний больше не осталось.

ПРИХОД ДЕМИРЧИОГЛУ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

День ото дня умножались ряды защитников Ченлибея. Все больше приходило к Кероглу отважных молодцов. Дошло дело до того, что, когда Кероглу поднялся на врага, обнажились в миг семьсот семьдесят семь мечей. Кероглу разделил удальцов на отряды и над каждым поставил начальника. Среди них были прославленные игиды Дели-Гасан, Дели-Мехтер, Чопур-Сафар¹, Дели-Мехти, Алайпозан², Тыпдагыдан³, Тохмагвуран⁴, Геридонмаз⁵, Танрытанымаз⁶, Дильбильмез⁷, Гюрджуоглу⁸, Горхуганмаз⁹, Белли-Ахмед и Исабала. Дойди дело до схватки, каждый из них не уступит и ста игидам.

Кероглу любил своих воинов и заботился о них. Им не приходилось дважды просить его о чем-нибудь.

Славачо привольной жизни удальцов Ченлибея разнеслась далеко. Что ни день в Ченлибель приходили новые люди, чтобы честью и правдой послужить Кероглу. Да и сам он раз узнавал о новых игидах, старался привлечь их в Ченлибель. Бывало, что пройдет неделя или две, сядет он на своего Гырата и поедет по окрестным селам и городам – не встретит ли верных людей.

Рассказывают, что как-то Кероглу в старой одежде гуртовщика, держал путь в Нахичевань. объехал он город слева, потом справа и, наконец, остановил коня у самого базара, перед кузницей.

Увидев его, кузнец поспешно поднялся с места, разложил готовые подковы, чтоб тот мог выбрать. Понравилась Кероглу приветливость кузнеца. А надо вам сказать, что у Кероглу в каждом городе, в каждой деревушке были свои друзья. Захотел он подружиться и с кузнецом, да сначала решил подшутить над ним. Будто рассматривая подковы, он одну за другой согнул их в руке и, вернув кузнецу, сказал:

– Дружище, что это за кривые, косые куски железа, давай подковы.

Кузнец посмотрел снизу вверх на покупателя и, не сказав ни слова, снял мерку с копыт Гырата. Выковал он четыре добротные подковы, и хотел подковать коня.

Никто, кроме Кероглу, не смог бы оторвать от земли копыта Гырата. Зная это, он, засучив рукава, сам приподнял сперва одну, потом другую ногу коня. Передние копыта его были подкованы, когда же черед дошел до задних, Гырат заупрямился. Как Кероглу ни старался, не мог приподнять ногу коня. Но оставим их тут возиться, с Гыратом и расскажем о сыне кузнеца.

У кузнеца был сын, совсем еще юный. Сызмальства мальчишки прозвали его Демирчиоглу¹⁰.

Демирчиоглу рос не по дням, а по часам и стал высоченным, могучим пехлеваном. Кто видел его раз, тому хотелось взглянуть и в другой. Когда Кероглу подвел Гырата к кузнецу, Демирчиоглу был в кузнице. Смотрит, к отцу пришел заказчик, по одежде похож на гуртовщика, а лицом – чистый пехлеван.

Пришелся он по душе Демирчиоглу. Но когда Кероглу стал шутить, гнуть подковы и возвращать их, Демирчиоглу вспыхнул. Хотел было он встать и достойно, ответить ему, но, прокляв в душе слепого шайтана, сдержался и стал ждать, чем все это кончится.

А кузнец возился-возился с упрямым Гыратом и в конце концов поранил себе молотком палец.

Тут Демирчиоглу уже не мог больше сдержаться. Он был и сердит и рад, что Кероглу не в силах сладить с конем. Тихонько выйдя из кузницы, он крадучись подошел к ним и, оттолкнув Кероглу, сразу приподнял Гырата за обе задние ноги. Как конь ни бился, как ни старался вырваться из ручищ Демирчиоглу, не мог. Наконец, устав, он затих. Посмотрел Демирчиоглу снизу вверх на Кероглу и сказал:

– Эдакий здоровенный мужчина и не можешь приподнять ногу коню. Отец, иди, подкуй коня!

Посмотрел Кероглу на юношу, посмотрел на Гырата и не проронил ни слова. Однако сила Демирчиоглу поразила его.

Кузнец подковал коня. Кероглу опустил руку в карман и вынул деньги. Взял Демирчиоглу монеты и, оглядев их с обеих сторон, как прежде Кероглу подковы, смял в руке, словно воск, и вернул:

– Если даешь, давай настоящие деньги, на что нам, эти кривули, косули?

Взял Кероглу деньги, посмотрел, видит, в самом деле, так оно и есть. Снова вынул он из кармана пригоршню-монет и дал Демирчиоглу.

На этот раз Демирчиоглу, потеряв монеты между пальцами, стер с них чеканку и, бросив Кероглу, сказал:

– Нам фальшивые деньги не нужны. Возьми, быть может, тебе они пригодятся.

Кероглу понял, что этот молодец задирает его. Не сказав ни слова, он отдал деньги самому кузнецу, сел на Гырата и поскакал. Ехал он и все думал, как заманить Демирчиоглу в Ченлибель и уговорить его примкнуть к игидам. Погруженный свои мысли, приехал он в Ченлибель. Удальцы вышли ему навстречу. Видят, Кероглу мрачен, точно какое горе свалилось ему на плечи. Но сколько они ни спрашивали, Кероглу ничего не ответил им.

Оставим их теперь в Ченлибеле и расскажем о Демирчиоглу.

После того, как Кероглу ускакал на своем коне, кузнец сказал сыну:

– Эх, сынок, что ты наделал? Жили мы себе тихо, мирно, а теперь ты заварил кашу!

Но, отец, – ответил Демирчиоглу, – что я такое, сделал, какую заварил кашу? Он погнул наши подковы, а я его монеты. Пусть бы сидел спокойно. Что мы дети что ли? Чего ему тут бахвалиться?

– Дитя мое, – сказал кузнец, – знаешь ли, кто это? Это удалой Кероглу из Ченлибеля. Он приводит в страх и трепет самих пашей и беков. Я нарочно притворился, будто не узнал его.

– Ох, отец, почему ты сразу не сказал об этом, я сложил бы его пополам и смял своими коленями. Показал бы ему, что он за пехлеван.

Сколько кузнец ни убеждал: «Сын мой, брось и думать об этом, тебе с Кероглу не справиться», Демирчиоглу твердил свое:

– Нет, я должен проучить его... Твердят Кероглу! Кероглу! А я-то думаю, что это за человек, почему все так боятся его. Ах, жаль, что я не знал... Жаль! Видно ему еще не довелось встречаться с настоящими игидами. Видал, как он притих, когда я смял его денежки и вернул ему самому. От страха и слова вымолвить не посмел.

– Сынок, – сказал кузнец, – ты еще молод, просто не стал он связываться с тобой. Ты не гляди, что он такой. При одном его имени паши и ханы дрожат, как листья.

– Что ж, – ответил Демирчиоглу, – паши и ханы будут трястись. Где им взять мужества? А ты не слушай весь этот шум-гам! Кероглу! Кероглу! Видал, – он не мог справиться с какой-то клячей...

– Какая это кляча? Этого коня называют бешеным Гыратом удалого Кероглу. Да любой хан или паша отдаст за этого коня все свое состояние.

– Ладно, отец, – сказал Демирчиоглу, – дай мне неделю сроку, если за это время я не приведу тебе этого коня, то не буду достоин носить папаху¹¹.

Сло вом, сколько кузнец ни увещевал сына, ничего не вышло. В конце концов Демирчиоглу взял тайком от отца цепь от плуга, опоясался ею и пустился в Ченлибель. Долго ли шел он, коротко ли, шел через горы, леса и доли, наконец, дошел к ночи до Ченлибеля. Только поднялся он на гору, как на вершине столкнул-

ся с Кероглу. А была уже, как сказано, темная ночь.

– Эй, кто там? – окликнул Кероглу. – Что ты делаешь здесь в такую позднюю пору?

– Какое тебе дело, кто я? – ответил Демирчиоглу. Кероглу тотчас узнал его по голосу. А сам, чтобы остаться неузнанным, изменил голос и сказал:

– Чего ты сердишься? Ведь я тебе ничего обидного не оказал, спросил только, кто ты и что тут делаешь?

– Я ищу Кероглу. У меня к нему дело.

– И я ищу его.

– А на что он тебе? – спросил Демирчиоглу.

– О, он причинил мне зло. Я пришел свести с ним счеты. Посмотрим на чьей стороне правда.

– И мне нужно закончить с ним свое дело, – промолвил Демирчиоглу. – Несколько дней тому назад он приходил подковать своего коня. Жаль, что я не знал его. Потом уж, когда он уехал, отец сказал, что это был Кероглу. Этой ночью я должен увести отсюда или его самого или его коня.

Хотел было Кероглу схватить его в охапку и отвести к удалцам, но подумал: «Дай-ка я еще разок испытаю его храбрость». И, снова изменив голос, он сказал:

– С самого вечера я тут. Все высмотрел, разузнал. Сейчас Кероглу нет, но конь его в конюшне.

– Пойдем, покажи мне эту конюшню, – предложил Демирчиоглу.

– Отлично, – ответил Кероглу. – Давай уведем Гырата. Где бы Кероглу ни был, а он все равно придет за конем. Тогда посмотрим, чью сторону возьмет аллах.

Сказав это, Кероглу повел за собой Демирчиоглу, и по кривым извилистым тропкам привел к конюшне. Смотрят, на дверях висит большой замок.

– Как же мы теперь будем ломать замок? – тихонько спросил Кероглу.

Демирчиоглу покосился на него:

– Выдумает тоже, что я открою для тебя тут кузницу? –

Проговорив это, Демирчиоглу проворно вскарабкался на конюшню. Мгновенно проделал брешь в крыше, потом, сняв с себя цепь и отдав один конец Кероглу, сказал:

– Спустишь в конюшню, продень цепь под грудь коня, а конец дай мне.

Кероглу молча спустился в конюшню. Продел цепь под грудь коня и конец передал Демирчиоглу. Тот приналег, понатужился, смотрит Кероглу, стреноженный Гырат поднялся в воздух.

– Эй, стой, – крикнул Кероглу, – я поправлю цепь!

Демирчиоглу слепка ослабил конец цепи. Кероглу обвязал цепью и Дурата. Демирчиоглу напрягся, и оба коня поднялись в воздух. Удивился Кероглу, что за чудовище, настоящий пехлеван! Если закрепить цепь, то поднимет он и гору.

Словом, Демирчиоглу поднял Гырата на крышу, сорвал и бросил путы с коня, и сказал Кероглу:

– Садись на круп коня.

Хотел было Демирчиоглу сам сесть на Гырата. Гырат оскалил зубы, двинулся на него и чуть было не оторвал ему голову. Кероглу бросился к коню. Увидев его, Гырат успокоился. Сдерживая коня, Кероглу сказал:

– Садись сначала ты, а потом сяду я.

У Гырата был такой нрав: кому Кероглу вручал поводья, того он слушался. Словом, оба сели на коня. Когда перевалили через гору и поехали по дороге, Кероглу спросил:

– Послушай, милый мой, как это говорится у нас, – если не предвидеть беду, добру не бывать. Вдруг Кероглу вернется, узнает, что мы увели Гырата, возьмет своих удальцов и погонится за нами, что мы тогда станем делать?

– Ну и что ж, пусть гонится, – отвечал Демирчиоглу. – Пускай гонится хоть со вчерашнего дня, с сегодняшним будет два. Этого-то я и хочу.

– И ты ничуть не боишься его? – спросил Кероглу.

– Я не боюсь ни его меча, ни его удальцов, – ответил Демирчиоглу. – Только слышал, что в бою он вдруг может клич кликнуть. Если что и испугает меня, так разве только его голосина.

– Ну, кричит он редко-редко. Зато сила в ручищах этого злодея здоровенная. Стоит ему схватить что-нибудь – кончено.

– Эх, пришел бы он сейчас сюда, я показал бы ему силушку его рук.

Кероглу промолчал. Проехали они еще немного. Кероглу видит, что Ченлибель остался далеко позади. Если они схватятся и поднимут тут шум, удальцы не услышат. Приложил он губы к уху Демирчиоглу и как крикнет! Демирчиоглу перекувыркнулся и свалился прямо под ноги Гырата.

Кероглу соскочил с коня, крепко связал руки Демирчиоглу цепью. Кое-как Демирчиоглу пришел в себя, приподнялся, сел и спросил:

– Уж не ты ли сам Кероглу?

– Да, я самый, – ответил он.

– Хвала тебе! Достоин ты этого имени. Развяжи мне руки, пойдем. С нынешнего дня стану я тебе младшим братом.

– Нет, приятель, – ответил Кероглу. – Рук тебе развязывать я не стану. Развяжу, а ты вдруг задумаешь шалить. Встань, пойдем так.

– Будь спокоен, развяжи. Я ведь сказал, что с этого дня я тебе младший брат.

Кероглу не послушал его. Тогда Демирчиоглу сказал:

– Я человек прямой, коли дал слово, держу его. Или ты думаешь, если не снимешь цепи, сам не сумею?

Сказав это, Демирчиоглу глубоко вздохнул, понатужился разок, – цепь разорвалась на куски и упала наземь. Повернувшись к Кероглу, он промолвил:

– Кероглу, не поверил ты мне, не снял цепи. Но мое слово крепко. Куда прикажешь, туда и поедем. Теперь до конца жизни буду я с тобой. Только одно условие ставлю: коли мне захочется, съезжу в город, навещу отца с матерью.

– Вольному воля, – отвечал Кероглу. – Когда бы ни пожелал, можешь ехать.

Снова уселись оба на Гырата и поехали в Ченлибель. Собрались игиды, радушно встретили Демирчиоглу и устроили пир.

Видит Нигяр-ханум, что Демирчиоглу без пояса, с непокрытой головой, и спрашивает его:

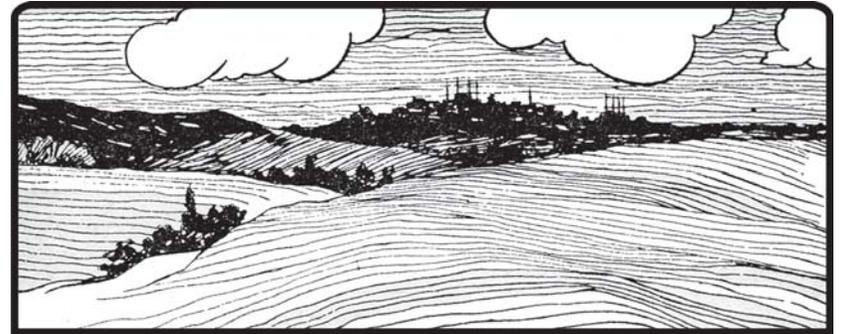
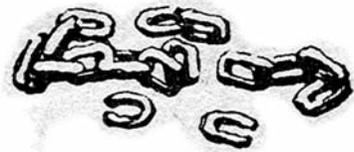
– Игид, почему на тебе нет пояса?

– Клянусь аллахом, ханум, – отвечал он, – был у меня единственный пояс, Кероглу связал им мне руки, я рассердился, рванул – и он порвался.

Кероглу рассказал про то, как справился богатырь с цепью. Все воздали хвалу мощи Демирчиоглу.

Рады были Кероглу и его удалцы, что среди них оказался такой богатырь.

Демирчиоглу всегда был верен своему слову. Подружившись с удалцами, стал он Кероглу верным помощником и опорой.

ЭРЗЕРУМСКИЙ ПОХОД КЕРОГЛУ

У эрзерумского Джефер-паши был ашуг по имени Джунун¹. Он был искуснейшим певцом и много повидал на своем веку. Немало хвастливых ашугов победил он на ашугских состязаниях, отобрав у них сазы². Немало юношей обучил он ашугокому искусству и подарил им сазы.

Перед дворцом Джефер-паши были две площади. Одна – для пехлеванов, другая – для ашугов. Пехлеванская площадь всегда оставалась за Гара-пехлеваном³, ашугская – за Джунуном. В дни празднеств по приказу Джефер-паши украшались обе площади. Стекавшиеся из дальних и ближних мест пехлеваны и ашуги испытывали тут свою силу и умение. Джефер-паша завел такой обычай: побежденный платил сто туманов, победитель получал столько же.

Подумать только! Сколько лет прошло и не было случая, чтобы кто-нибудь победил Гара-пехлевана и ашуга Джунуна. И сколько спин и ребер переломал Гара-пехлеван на поединках богатырей, столько же ашугов заставил Джунун сомкнуть уста, отобрав у них сазы.

Давно уже хотелось Джунуну отправиться в Ченлибель повидать Кероглу, но боялся Джефер-паши, так как он враждовал с Кероглу. Кероглу не раз нападал на его караваны. А узнав, что Кероглу увез в Ченлибель султанскую дочь Нигяр-ханум, вконец обозлился Джефер-паша. От страха и злобы он целые ночи не смыкал глаз. А тут еще султан разослал всем пашам и военачальникам фирман⁴, посулив тому, кто привезет Кероглу или его голову, все земные богатства. Прочитав фирман султана, Джефер-паша все раздумывал, как быть, что бы такое придумать, чтобы погубить Кероглу – ведь этот злодей, сын злодея, дошел в своей дерзости до того, что из самой пуповины Стамбула похитил дочь султана. Еще не-много – и никто не сможет устоять перед ним.

После долгих раздумий и сомнений Джефер-паша написал султану такое письмо:

«Быть мне твоей жертвой! Привезти голову Кероглу не под силу ни одному паше. Если хочешь погубить Кероглу, прикажи всем пашам сразу на него двинуться. Только так можно избавиться от него. Ведь у него уже семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов, и каждый из них равен целой рати».

Вручив письмо гонцу, Джефер-паша отправил его к султану, а сам начал готовиться к походу. Он был уверен, что, получив письмо, султан повелит всем пойти на Кероглу, а его, Джефер-пашу, назначит главой похода. Джефер-паша созвал всех пехлеванов и военачальников. Сказал он им о султанском фирмане и прочел свое письмо. Все в один голос воздали ему хвалу.

Тут же был и ашуг Джунун. Он сидел в стороне и все слышал. Когда люди разошлись, Джунун тоже поднялся и с соизволения паши удалился. Шел он и думал:

– Как же так, я – ашуг Джунун обошел весь свет, не осталось места на земле, где бы я не бывал, нет человека, которого бы я не видал, и только в Ченлибеле у Кероглу мне не довелось быть.

С этими мыслями Джунун встретил утро. Едва занялась заря, он встал, перекинул через плечо свой саз, взял палку и пустился в путь-дорогу. Недолго шел, надолго останавливался, долго шел, ненадолго останавливался, неся ветром, делал привалы у родников и, наконец, дошел до Ченлибеля⁵.

Удальцы сказали Кероглу, что пришел Джунун, ашуг эрзерумского Джефер-паши.

Кероглу встал и вышел ему навстречу, взял его под руки и почтительно провел в свои покои. После взаимных приветствий была разослана суфра. Кероглу устроил ашугу Джунуну такую радушную встречу, какой еще никто не видывал.

Джунун гостил ровно пятнадцать дней. Ел, пил, играл, пел, пировал с удальцами. На шестнадцатый день он сказал Кероглу:

– Удалой Кероглу, пятнадцать дней я доставлял тебе хлопоты, позволь теперь мне уехать.

– Ашуг Джунун, лучше не уезжай! – ответил Кероглу. – Оставайся тут, будь нашим другом.

– Кероглу, – молвил Джунун, – я много слышал о тебе. Кто хулил тебя, а кто хвалил. Но что я видел, то видел! Остаться у тебя лучше, чем возвратиться обратно. Но на этот раз остаться я не могу. Я – ашуг. А у ашугов не водится забывать тех, чей хлеб-соль они ели. Я ел хлеб-соль другого человека. Если бы даже я и решил перейти к тебе, мне прежде надо просить его отпустить меня.

– Как хочешь, ашуг, – сказал Кероглу. – Если идешь – иди. Но не надейся на пашей и ханов. И мой отец положил свою жизнь и здоровье на службе у Гасан-хана, а под конец получил награду – хан приказал выколоть ему глаза. Раз ты решил вернуться – вернись, но если Джефер-паша станет притеснять тебя за то, что ты ходил к нам, возвращайся сюда.

Ашуг Джунун поблагодарил Кероглу. А когда, распрощавшись с удальцами и Нигяр-ханум, он хотел пуститься в дорогу, Дели-Мехтер подвел ему оседланного коня. Джунун не хотел сесть на него.

– Садись, ашуг! – сказал Кероглу. – Этого коня дарит тебе Нигяр-ханум, а к седлу привязан кошелек со ста золотыми, это моему семейству.

Дели-Гасан придержал поводья, Демирчиоглу поднял и посадил ашуга в седло. Джунун поблагодарил Нигяр-ханум и поехал в Эрзерум.

Пусть ашуг Джунун едет в Эрзерум, а я расскажу вам о Телли-ханум.

Телли-ханум приходилась сестрой Джефер-паше. Была она стройна, красива и храбрости необычной. Рассказывают, что Джефер-паша построил дворец в саду, окружил его сорока стенами, и держал там свою сестру. Птица, и та не могла бы вылететь оттуда. Не сладко было здесь Телли-ханум, но не смела она перечить брату.

Как-то раз, когда она сидела дома, вдруг, запыхавшись, вбежала одна из прислужниц:

– Ханум, что сидишь? Приехал ашуг Джунун из Ченлибеля от отважного Кероглу. Говорят, привез гнедого коня и кошелек с золотом.

– Иди, позови его, – приказала Телли-ханум. – Пусть расскажет нам о Кероглу, посмотрим, что это за человек. Но так приведи, чтобы ни одна душа не узнала об этом. А то брат мой услышит, и нам не сдобровать.

Прислужница только и ждала этого приказания. Не успела Телли-ханум договорить, как она уже была за дверью. Не прошло и часу, как она привела ашуга Джунуна к Телли-ханум.

Ашугу Джунуну никогда не приходилось встречать Телли-ханум. Вошел он во дворец и видит, клянусь аллахом, девицу небывалой красоты! О таких красавицах говорят, что она солнце красой своей затмевает, луне приказывает – не показывайся, покажусь я. Ашуг Джунун поклонился и сел в сторонке.

– Ашуг, – сказала Телли-ханум, – говорят, ты был в Ченлибеле, правда ли это?

– Да, ханум, правда, – ответил Джунун.

– А видел Кероглу?

– Видел. И пятнадцать дней прогостил у него.

– Ну, расскажи, что он за человек, – сказала Телли-ханум. – Столько говорят о нем, стоит он того или нет?

Красота Телли-ханум до того пленила ашуга Джунуна, что он взял саз и сказал:

– Телли-ханум, я сложил одну песенку, разреши, сначала я спою тебе ее, а потом буду петь о Кероглу.

Телли-ханум ответила:

– Хорошо, ашуг, пой!

Послушаем, что спел в ответ ашуг Джунун:

Красавиц много видел я в меджлисах,
Но ей одной такая стать к лицу.
Те рядятся и красятся не в меру,
Но соколом одну назвать к лицу.

Речами покорит и попугая⁶,
А ногти у нее горят, сверкая,
А косы с шелком сходны ниспадая,
Ей этот шелковый наряд к лицу.

Джунун поет: пройти моря рискуя,
Гнать иноходца в непогодь лихую,
Газель такую – дивную такую
Отважному игиду взять к лицу.

Телли-ханум поняла, что Джунун намекает на Кероглу, и сказала:

– Послушай, что это за отважный удалец, которому бы вздумалось придти охотиться за мной.

Послушайте, что ответил Джунун Телли-ханум:

Живет в высокогорном Ченлибеле
Бесстрашный в ратном деле Кероглу.
Клинок вокруг стана – словно ожерелье,
Всегда кумач на теле Кероглу.

Лишь кликнет клич – и ханов страхом свяжет,
У седел головы повиснут вражья.
Для пира режет семьдесят барашков,
Раз гости кругом сели, Кероглу.

Есть пика у него с двумя зубцами,
Как выйдет в бой – сжигает, словно пламя.
Трепещут шахи заодно с пашами,
Когда стремится к цели Кероглу.

Когда б Джунун не заглянул в палаты,
Его б огнем любовным не зажгла ты.
Он сдвинет горы, чтоб узнать усладу
С тобою в Ченлибеле, Кероглу.

Оставим их тут петь и слушать, а расскажу-ка я вам о Джефер-паше.

Весть о возвращении ашуга Джунуна разнеслась быстро. Не успели бы вы выпить и глотка воды, как она уже облетела весь Эрзерум. По городу пошли такие слухи, что не приведи аллах. Кто говорил, что Кероглу подарил ашугу Джунуну коня, кто говорил – золото, кто говорил – подарил деревню, а кто уверял, что Кероглу сделал Джунуна эрзерумским пашой. Новость эта дошла и до Джефер-паши. Взбеленился тот и тут же послал двух своих людей привести к нему ашуга Джунуна. Посланцы бросились и туда, и сюда, но нигде не могли найти Джунуна. Перевернули они весь город и, наконец, расспрашивая тут, расспрашивая там, разузнали, что ашуг Джунун у Телли-ханум. Пришли они и рассказали об этом Джефер-паше. Паша чуть не лопнул от злости, поднялся с места и отправился во дворец Телли-ханум.

Пришел он как раз в то самое время, когда ашуг Джунун рассказывал о Кероглу. Джефер-паша, сдержав свой гнев, спросил:

– Ашуг, где ты был? Где пропадали эти две недели?

Отвесив поклон, Джунун сказал:

– Да продлит аллах жизнь паши, я был в Ченлибеле.

– Рассказывай, что ты там видел? Что слышал? Удалось тебе видеть самого Кероглу?

– Удалось, да будет долговечной жизнь паши, – ответил ашуг Джунун. – Все эти две недели я гостил у него. Кероглу пришлось мне по душе.

– Объясни, чем он пришелся тебе по душе? – спросил Джефер-паша.

– Да будет долговечной жизнь паши, – отвечал Джунун. – Предстал Кероглу передо мной таким, что если примусь рассказывать о нем, у меня запылают уста. Разреши я поведаю об этом в песне.

– Поведай, поведай в песне, – сказал паша. Взял ашуг Джунун свой саз и запел:

Верхом на Гырате, среди делибашей⁷
Летит со скалы на скалу Кероглу.
От клича свергаются головы вражди,
Их все приторочит к седлу Кероглу.

Смотрите: как в битву храбрец выступает,
Так с туловищ вражеских главы слетают.
Да разве стервятник с орлом совладеет?
И вправду, подобен орлу Кероглу.

Ни разу еще не бежал он от брани.
Я видел пустыни во вражеском стане.
Он – лев, и Джунун воспевать не устанет,
А львы не таятся в углу, Кероглу.

– Ашуг, – сказал паша, – значит Кероглу очень полюбился тебе?

– Да, мой паша, – ответил Джунун, – ибо он отважен и мужествен. А ашугам больше всего по сердцу мужество и отвага.

Джефер-паша поднялся.

– Через несколько дней этот храбрец будет болтаться на виселице, но мне не хочется разлучать тебя с ним.

И приказал своим людям:

– Взять его и бросить в темницу. Завтра повесить. А с сестрой поговорим после.

Джефер-паша вышел. Ашуга Джунуна схватили и связали. Хотела было Телли-ханум вступиться за него, но Джунун сказал:

– Нет, Телли-ханум, не вмешивайся. Это мне наказание, и я должен принять его. Кероглу предупредил меня, что Джефер-паша так и поступит. Я не послушался его. Недаром наши деды говорили: не послушаешься старших и заплачешь.

И ашуг Джунун пошел впереди стражников.

Телли-ханум прекрасно знала, что за птица ее брат: он, как

говорится, собственный плевок не вылижет – как оказал, так и будет. Вот почему, не проронив ни слова, она стала ждать наступления ночи. Когда все уснули, шум и голоса умолкли, на улице не стало видно прохожих, она поднялась, переделась пехлеваном, взяла меч, копье, палицу. Потом позвала прислужницу, приказала ей лечь в свою постель, а сама вышла за ворота и пустилась в дорогу. Так, пробираясь, где переулком, где закоулком, дошла она до темницы. Смотрит, у ворот два стражника. Заметив ее, один из них крикнул:

– Эй, кто там? Стой!

– Подойди и я скажу тебе, кто я! – ответила Телли-ханум.

Только было стражник подошел, как Телли-ханум ударом палицы по голове повергла его наземь. Второй стражник хотел поднять тревогу, но Телли-ханум, не дав ему опомниться, подскочила и крикнула:

– Я Кероглу, только пикни – и ты пропал. Отвечай, где ашуг Джунун?

Стражник пал ей в ноги и стал молить:

– Пожалей меня, господин мой Кероглу, у меня куча детей, ашуг вот тут, в темнице. Приказывай!

– Встань, отопри двери и приведи его сюда, – сказала Телли-ханум.

Поднялся стражник, открыл двери темницы и окликнул Джунуна.

Когда ашуг Джунун вышел, Телли-ханум сказала стражнику:

– Я увожу ашуга Джунуна в Ченлибель. Только знай – в городе остаются мои люди. Передай паше, если услышу, что он хоть словечком обидел Телли-ханум, пусть пеняет на себя, я тут камня на камне не оставлю. И помни, если поднимешь тревогу до утра, считай себя покойником.

Сказав это, Телли-ханум повела за собой Джунуна. Снова, где переулком, где закоулком, привела она его в свой дворец. Видит ашуг Джунун, спасла его сама Телли-ханум, и удивился ее отваге.

– Ашуг Джунун, – сказала Телли-ханум, – ты пробудешь тут несколько дней. Когда уляжется тревога, затихнут всякие толки, я pošлю тебя в Ченлибель, к Кероглу, а пока иди сюда.

Телли-ханум повела Джунуна в подвал, что находился прямо под ее спальней.

Оставим ашуга Джунуна в подвале, Телли-ханум – в ее покоях, а пока расскажу я вам о стражнике.

Как только рассвело, стражник стал рвать на себе волосы и побежал к Джефер-паше:

– Чего сидите? Ночью Кероглу напал на нас, взломал двери подземелья, освободил ашуга Джунуна и увел. А мне сказал, что если Джефер-паша хоть одним словом обидит Телли-ханум, он придет, разрушит наш город и на месте его посеет репу.

По приказу Джефер-паши воины сели на коней. Но где им было найти Кероглу? Если у Джефер-паши до тех пор была одна беда, стало их сто. От страха ему подвело живот. Что если вдруг до приказа падишаха я прибытия пашей Кероглу пойдет на Эрзерум? Что тогда делать?

Оставим теперь Джефер-пашу в страхе, сомнениях и с коликами в животе, посмотрим, что стало с ашугом Джунуном.

Прошло несколько дней, толки и пересуды улеглись, и как-то ночью прислужница пришла к ашугу Джунуну:

– Пойдем, Телли-ханум зовет тебя.

Ашуг Джунун поднялся. Прислужница и за ней он, пробравшись сквозь густой сад, подошли к воротам. Смотрит ашуг Джунун, Телли-ханум ждет его и опять в одежде пехлевана. Джунун отвесил поклон.

– Ашуг Джунун, – сказала Телли-ханум, – сейчас не время для разговоров, садись на копя.

Прислужница подвела ашугу коня. Усадив его в седло, Телли-ханум сказала:

– Передашь от меня привет удалому Кероглу. Скажешь, чтобы после этого, распевая про свои дела, пусть пять раз о себе скажет, да хоть раз упомянет и о нас.

Телли-ханум хлестнула коня.

Прохладной лунной ночью окрыленный конь летел, как вихрь. Долго ли ехал, коротко ли, через леса и горы, через овраги и доли, только, проделав трехдневный путь в один день, привез он

ашуга Джунуна в Ченлибель.

Кероглу стоял на скале Аггая, у самой дороги и оглядывал окрестности. Смотрит, вдали какой-то всадник несется стрелою. Обернулся он к удальцам и сказал:

– Всадник этот спешит в Ченлибель! Дели-Гасан пристально всмотрелся:

– Кероглу, это эрзерумский ашуг Джунун.

– Я знал, что он вернется, – проговорил Кероглу, – не мешай, возьми удальцов и выезжай ему навстречу!

Короче говоря, ашуга Джунуна привели к Кероглу. — Какими судьбами, ашуг Джунун? – спросил тот.

– Лучше не спрашивай! – отвечал ашуг Джунун. – Много стран объездил я, многих людей перевидал. Много песен и сказок слышал из уст знатоков-певцов, но таких слов, что сказал мне ты, я не слыхивал. Как говорил ты, так и случилось. Джефер-паша бросил меня в темницу и хотел вздернуть на виселицу.

– Кто же спас тебя?

– Кероглу, – ответил Джунун. Игиды удивились.

– Какой Кероглу, ашуг? – спросил Кероглу. – Откуда он взялся?

Ашуг Джунун рассказал все, как было. Удальцы в один голос воздали хвалу мужеству и отваге Телли-ханум.

– Ашуг, Телли-ханум смела и отважна, а какова она собой? – спросила Нигяр-ханум, – хороша ли хоть? Или и лицом походит на Кероглу?

– Нигяр-ханум, – отвечал ашуг Джунун, – красоты Телли-ханум словами не передать. Если разрешишь, спою под саз.

Все удальцы разом закричали:

– Ашуг, спой!

Джунун прижал к груди свой саз и начал:

Однажды я шел меж домов Эрзерума, –

В оконце меня увидала Телли.

Служанку послала, в пути задержала.

В палаты ашуга зазвала Телли.

Она светлоглаза, она белогруда,
Подобная нежность – не знаю, откуда,
Точеная шея и щеки как чудо,
Покой у ашуга отняла Телли.

Нет в песне Джунуна неправды ни слова,
Прославлю пери эту снова и снова.
Я о Кероглу рассказал ей суровом –
И эти слова повторяла Телли.

Когда Джунун кончил петь, то опустил голову на грудь, как будто какая-то тяжесть придавила его.

– Ашуг, что с тобой? – спросил Кероглу.

– Кероглу, – ответил он, как бы очнувшись от сна, – оказывается, никудашный я человек. Сам спасся, а девушку оставил в руках того неотвязного шайтана.

– О ком ты говоришь?

– О Джефер-паше. Он не оставит ее в живых. Джунун рассказал обо всем, что было ему известно, Кероглу задумался, задумались и удальцы.

– Кероглу, – сказала Нигяр-ханум, – ни о чем я тебя никогда не просила. Теперь попрошу об одном. исполни мою просьбу.

Дели-Гасан, опередив Кероглу, оказал:

– Нигяр-ханум, что ты говоришь! Кто посмеет не исполнить твоей просьбы. Ты только скажи, а мы от всего сердца сделаем все, что пожелаешь.

– Тогда освободите Телли-ханум из когтей Джефер-паши, – ответила Нигяр-ханум, – и привезите ее в Ченлибель мне в подруги.

Все удальцы в один голос воздали хвалу словам Нигяр-ханум.

– Нигяр-ханум, я и сам думаю о том же, – сказал Кероглу. – Такую отважную девушку нельзя оставлять там. Рано или поздно Джефер-паша выдаст ее замуж за такого же пашу, как он сам, да погубит ее. Нужно взять ее в Ченлибель.

Кликнул клич Кероглу, и собрались все удальцы. Поведав им обо всем, ой прижал саз к груди и запел:

Удальцы вы мои, я скажу наперед:
Мы сегодня решиться должны.
В Эрзеруме нам девушка весть подает, –
От всего отрешиться должны.

Выходите на бой, выходите на бой,
Пусть паши и султаны дрожат пред судьбой.
Мы согнем их, погоним толпой пред собой.
Мы лететь словно птицы должны.

С Ченлибея мы вниз устремим свой поток,
Будет скручен паша, как бы ни был жесток.
Кероглу не наденет девичий платок.
Словно тигры мы биться должны.

Протянув руку, Кероглу наполнил кубок, потом обратился к удальцам:

– Хорошо, скажите, кто осушит этот кубок и отправится за Телли-ханум?

Со всех сторон раздалось:

– Я, я...

– Дело это, – сказал Кероглу, – необычное. За-Телли-ханум должен отправиться тот, кто сам был бы сильнее и храбрее ее.

Поднялся Дели-Гасан.

– Кероглу, позволь, я поеду за Телли-ханум.

– Нет, Дели-Гасан, – ответил Кероглу, – отпустить тебя далеко от Ченлибея не могу. Кто знает, вдруг и мне наДо будет уехать. Кто же тогда останется в Чен-либеле за меня?

Встал Демирчиоглу, взял у Кероглу кубок, осушил до дна и спел:

Мечом я острым опояшусь.
Позволь мне съездить в Эрзерум.
С любым врагом без страха встречусь.
Позволь мне съездить в Эрзе-рум.

Я различу повадки лисьи,
Снесу им головы, как листья,
Паду за друга без корысти.
Позволь мне съездить в Эрзерум.

Я Демирчиоглу, и всюду
Стоять за честь игида буду.
Я привезу Телли оттуда.
Позволь мне съездить в Эрзерум.

Обратись весь в слух, Кероглу внимал словам Демирчиоглу.
Когда же тот кончил свою песню, взял он саз и запел:

Как ветер, на горячем скакуне
Скакал ли ты среди скал когда-нибудь?
Один как перст перед чужим полком –
Врага ты побеждал когда-нибудь?

Поникнув перед недругом в горах,
Не возглашал ли ты – «сда-юсь, валлах»?
Одним ударом пять голов в боях
Стальным клинком срубал когда-нибудь?

А если трус о храбрости трещит,
Фиалка, голову склонив, молчит,
С седла слетал ли наземь, если в щит
Меч ударял, как вал, когда-нибудь?

Изменник тайну ли открыл твою,
Враг посмеялся ль над тобой в бою,
Тебя в твоём одолевал краю, –
От боя ты бежал когда-нибудь?

Нет, Кероглу и жизнь отдать готов,
Да не пропустит мимо он врагов.
А пригоршнею, друг мой, вражью кровь
В сраженьях ты пивал когда-нибудь?

– Нет, Кероглу, – возразил Демирчиоглу, – пока за мной нет таких доблестей. И все-таки я поеду и привезу Телли-ханум.

– Что скажете на это? – спросил Кероглу удальцов. – Ему ехать или не ему?

– Он силен, могуч, но еще новичок в ратных делах. Не бывал еще в переделках.

Крикнул Кероглу и оседлали Гырата. Встал он, взял яблоко, продел сквозь него колечко и положил яблоко на голову Демирчиоглу. Потом вернулся и сел на коня. Покружив Гырата, проехался из конца в конец и натянул лук. Пустил он ровно сорок стрел в яблоко на голове Демирчиоглу. И все стрелы одна за другой прошли через колечко.

Все удальцы, Нигяр-ханум и ашуг Джунун вскочили со своих мест и смотрели на это. Демирчиоглу ни разу не моргнул глазом, не шелохнулся, не побледнел. Как встал, так и стоял до конца.

Сошел Кероглу с коня, обнял Демирчиоглу, поцеловал в щеки, в глаза, взыграла его душа, закипело сердце, взял он саз и послушаем, что спел:

Да, ты игид среди игидов,
Зову я пехлеван тебя.
Прошел ты с честью испытанье,
Проверил Кероглу тебя.

Наш Ченлибель – гнездовье смелых,
Враг не войдет в мои пределы...
В твою главу летели стрелы,
Но не обьял туман тебя.

Тираны шли ко мне на милость,
Их много ядом понапилось...
Хоть сорок стрел в тебя стремилось, –
Не смёл тот ураган тебя.

Не дрогнул ты в минуту злую.
Героя слава не минует.

Дань с франка, с Индии возьму я,
Пошлю в Иран, в Туран тебя.

Мы праздновать победы любим.
Пашам мы головы отрубим.
Вернешься – чаши мы пригубим,
Ждет Кероглу в свой стан тебя.

Начался пир. Выступил на середину ашуг Джунун. Ели, пили, играли, танцевали. Все сердца развеселились. Поднялся Кероглу и сказал:

– Сын мой, решено, ступай, вооружись!

Демирчиоглу пошел, взял меч, щит, булаву, палицу, копье и вернулся к Кероглу. Увидел тот: удалец его взял с со-бой столько оружия, что едва двигается от тяжести, и послушаем, что спел:

В Эрзерум ты едешь, Демирчиоглу.
Город тот на пруд большой походит
Столько ты оружия понабрал с собой,
А игиду меч простой подходит.

Я скажу, а ты запомни те слова,
Пусть совет мой добрый держит голова:
Смельчаку нужны лишь меч да булава,
Пика же быку, друг мой, подходит.

Налетай ты на врага подстать орлу,
Оглушай их кличем, словно Кероглу,,
А коня храни как стремяна к седлу,
Он на ветер огневой походит.

Демирчиоглу думал, что чем больше оружия у игида тем лучше. А послушав Кероглу, он отобрал только то что нужно, и оставил остальное. Потом пошел, взял свою цепь, опоясался ею и вернулся.

– Сын мой, – сказал Кероглу, – пойди и выбери себе какого хочешь коня.

Демирчиоглу вывел из конюшни Арабата – арабскую чистокровку, – оседлал его, попрощался с удальцами, с Нигяр-ханум и ашугом Джунуном, вскочил в седло и предстал перед Кероглу.

– Теперь выслушай мой последний наказ, – сказал Кероглу.

Взял он саз и послушаем, что спел:

Как только ты прискачешь в Эрзерум,
Тотчас же на врага стремиться надо.
Когда ж увидишь ты, что проиграл,
Припасть к коню, лететь как птице надо.

Игид откроет бой, ведь он не трус,
Он пред врагом покручивает ус,
Стрела врага – что муравья укус,
На них стальным огнем пролиться надо.

Пусть у врага в бою две пары глаз.
Нам все равно – хотя бы сотни вас.
Но ты послушай Кероглу сейчас:
Найти Телли в чужой столице надо.

Когда песнь была спета, Демирчиоглу, распрощавшись с Кероглу, пустился к Эрзеруму. Пока добрался он до эрзерумских гор, сильно утомился, да и Арабат был голоден. Смотрит, течет чудный родник. Сошел Демирчиоглу с копя, умылся ключевой водой, пустил коня пощипать траву, а сам прилег, чтобы отдохнуть немного и заснул богатырским сном. Когда же, наконец, проснулся, смотрит, туман окутал все кругом, а Арабата нет. Он и туда, он и сюда, а конь точно сквозь землю провалился.

Взял Демирчиоглу саз и послушаем, что спел:

Арабат потерян мною,
Как вернуть мне Арабата?
Я один в чужой сторонке.
Как вернуть мне Арабата?

Только мастер дом возводит,
Только лекарь хворь изводит,
Только конь бойцу подходит.
Как вернуть мне Арабата?

Демирчиоглу чуть горы не своротил, с ног сбился, но отыскать коня не мог. Защемило, затосковало его сердце, и он запел:

Пусть игида бедность не постигнет,
Бедность эта – как дурное имя.
Кто богат и кто живет в достатке –
Насладится благами земными.

Но умрут и бедный и богатый,
Отличай от зла добро всегда ты...
Все к богатым ходят есть в палаты,
С бедняками ж – братья как с чужими.

Демирчиоглу! Игидов много,
Но трудна, горька твоя дорога.
Если всадник пеш по воле бога, –
Жизнь его уйдет в огне и дыме.

Так бродил в поисках коня по горам и скалам Демирчиоглу, и вдруг увидел у подножья скалы чобана. Взял он саз и послушаем, что спросил он у него об Арабате:

Брат-чобан, я жизнь отдам за брата,
Может быть, ты видел Арабата?
Для игида конь всего дороже.
Может быть, ты видел Арабата?

Чобан ответил ему:

Друг-игид, я жизнь отдам за брата,
На горе я видел Арабата.
Да не быть вовек игиду пешим.
На горе я видел Арабата.

Демирчиоглу снова спросил:

Ноет сердце от такой утраты.
Я нигде не вижу Арабата.
Должен был коня хранить я свято.
Может быть, ты видел Арабата?

И чобан ответил ему:

Кто ты, путник, я не знаю даже,
Но тебя, как друга, я уважу.
Поищи – найдешь свою пропажу,
На горе я видел Арабата.

Демирчиоглу признался:

Демирчиоглу, объездив страны,
Выбрал ченлибельские туманы...
Видно, ставят мне враги капканы.
Может быть, ты видел Арабата?

Чобан опять спел:

Пусть тебя не мучают тревоги.
Враг таится от тебя в берлоге:
Вот уйдет туман, найдешь дороги,
На горе я видел Арабата.

Только-только отзвучали последние слова песни, как в горах поднялся ветер. Туман рассеялся, и Демирчиоглу отыскал своего коня. Близился вечер, когда он подъехал к Эрзеруму. Едет он по улицам и нигде – ни души. Точно все жители покинули город. Разыскивая каравансарай, дошел он до какой-то площади. Смотрит, тут людей видимо-невидимо! Клянусь аллахом, столько народу, столько народу, что иголке негде упасть. Пришпорив коня, он подъехал к толпе, поднялся на стременах, видит, одни сидят, дру-

гие стоят, а метельщики подметают и поливают середину площади.

– Дядюшка, что тут такое, почему собрался народ?– спросил он какого-то старика.

Посмотрел старик на Демирчиоглу снизу вверх и ответил:

- Видно, ты чужеземец?
- Да, я приехал издалека.

Старик и рассказал:

– Сын мой, это пехлеванская площадь Джефер-паши. Время от времени пехлеваны, знающие себе цену, приходят сюда состязаться с пехлеванами паши. Теперь вот из Аравии приехал какой-то пехлеван и сегодня схватится с Гара-пехлеваном, вот почему народ собрался сюда.

Видит Демирчиоглу, на площади стоят два трона, охраняемые стражей, и перед одним из них висит тонкий шелковый занавес.

- А зачем поставлены эти троны? – спросил он старика.
- Тот, что открытый, – ответил старик, – это трон Джефер-паши, а другой, за занавесом, поставлен для его сестры Телли-ханум. Несколько дней назад ченлибельский Кероглу совершил набег, вышиб дверь тюрьмы, убил стражника и помог бежать ашугу паши. Искал он и Телли-ханум, но найти не мог. С того дня паша перевез сестру к себе, и не спускает с нее глаз – боится, что она убежит с Кероглу.

Не успел старик договорить, как забили в литавры.
– Вот, – сказал он, – идет сам паша. Сейчас начнется.
Смотрит Демирчиоглу, целое шествие направилось к трону паши. Паша сел на свое место, а свита его разместилась вокруг. Вскоре снова зазвенели литавры.

– А это Телли-ханум, – сказал старик.

Смотрит Демирчиоглу, Телли-ханум в окружении сорока стройных девиц ступила на площадь.
Телли-ханум прошла и села на свое место.
Снова зазвучали литавры. Видит Демирчиоглу, десять пехлеванов волочат что-то тяжелое.

– Что это они тащат? – спросил Демирчиоглу у старика.

– Это палица Гара-пехлевана. Кто хочет сразиться с ним,

должен прежде поднять его палицу. Сумеет поднять, Гара-пехлеван померяется с ним силами, не сумеет, тогда придется ему пройти под рукой Гара-пехлевана и стать его слугой, продев в ухо серьгу раба.

Словом, пехлеваны притащили палицу Гара-пехлевана и положили посреди площади.

Араб-пехлеван вышел на площадь. Прошелся по ней раз-другой и взялся за рукоять палицы.

Раз приналег, поднять не смог, другой раз приналег, поднять не смог, в третий раз опустился на одно колено, попустил дикий крик и, подняв палицу, положил на плечо.

Ударили в литавры. Гара-пехлеван выступил на площадь.

Видит Демирчиоглу, идет огромный, кряжистый богатырь со страшным лицом.

Гара-пехлеван подал руку Араб-пехлевану. Потом они разошлись – и началась схватка. Гара-пехлеван был силен и хитер. Схватились они раз, другой, вдруг Гара-пехлеван упал, и, перекинув Араб-пехлевана через голову, ударил его оземь и налег ему на грудь.

Вся площадь завопила, закричала. Крики одобрения донеслись до самого неба.

Джефер-паша поднялся с места и возгласил:-

– Тот, кто любит меня, должен одарить Гара-пехле-вана!

На Гара-пехлевана посыпались подарки. Араб-пехлеван, пройдя под его рукой, стал слугой ему.

Увидев все это, Демирчиоглу хлестнул коня и выехал на середину площади. Проезжая мимо палицы, он протянул руку и на всем скаку схватил ее, высоко поднял над головой, покружил в руке и бросил оземь с такой силой, что палица вошла в землю по самую рукоять.

Зашумела площадь. Демирчиоглу остановился прямо яеред Джефер-пашой. Соскочил он с коня и, привязав его у стоящего неподалеку столба, запел:

Когда я с кличем выйду на арену,
Решится ль встать навстречу пехлеван?
Схвачу за пояс и ударю оземь,
И мигом искалечу, пехлеван.
Я по арене точно лев шагаю,
Одной отвагой недруга пугаю.
Как сокол над тобою я летаю
Тебя скручу я в сече, пехлеван.
Гнев силу Демирчиоглу удвоит,
Как волк голодный, на врага завоюет,
Меч обнажит – из трупов дом построит,
Так я врагов привечу, пехлеван.

Разгневанный Гара-пехлеван вышел на середину площади. Забили литавры, шире стал круг, и состязание началось. Оба, как разъяренные верблюды⁸, двинулись друг на друга. Видит Гара-пехлеван, нет, противник слишком могуч, тут силой ничего не поделаешь, ну и пустился на хитрость. Встав вдруг на колено, хотел он было перекинуть Демирчиоглу через голову, но как ни старался, ничего не вышло. Казалось, тот, обратись в столетний дуб, пустил в землю глубокие корни. Гара-пехлеван только смог с трудом подняться и кое-как высвободиться из его рук.

Демирчиоглу расхохотался:

Если на меджлисе⁹ сразу два пятна,
То меджлис такой весьма плачевным выглядит. .
Если на ристалище выйдет удалец,
То оно горячим флем бранным выглядит.

Посмотрите: птенчик хочет слыть орлом,
Шевелит он когтем – думает, крылом.
Трус бежит от боя в ужасе немом,
Он лишь на задворках пехлеваном выглядит.

Я зовусь недаром Сыном Кузнеца.
Пусть лиса кичится: «Лев слабей птенца»,

Коль в лесу от волка убежит овца, –
Только пред собою зверем храбрым выглядит.

Схватка возобновилась. На этот раз Демирчиоглу не дал Гарапехлевану опомниться и рванул его за пояс. Опершись коленом оземь, он так крикнул, что заглушил шум литавров. Высоко подняв Гарапехлевана, он со всего размаха бросил его оземь.

Отовсюду слышались крики одобрений. Джефер-паша позвал Демирчиоглу:

– Отвечай, кто ты? Чей пехлеван? Зачем явился сюда?

Демирчиоглу обвел глазами площадь, взглянул в сторону Телли-ханум и спел:

С Ченлибеля, с дальних гор туманных
В Эрзерум я на мейдан¹⁰ пришел.
При оружьи и в рубахе смертной
Для сраженья пехлеван пришел.

– Да ты, оказывается, еще и ашуг... – сказал Джефер-паша.

Демирчиоглу, не ответив Джефер-паше, еще раз взглянул в сторону Телли-ханум и запел:

О тебе узнал, и все вскипело,
Птица сердца высоко взлетела,
За Телли-ханум пришел я смело,
За тобой во вражий стан пришел.

Телли-ханум поняла все. Догадалась, что приехал он из Ченлибеля. Но богатыря этого она не знала. Не знала, кто это – Кероглу или один из его удальцов? Тут Демирчиоглу спел в третий раз:

Демирчиоглу правдив и честен.
Он не знает лжи, не верит лести,
Со стальным мечом не ради мести,
За тобой из дальних стран пришел.

Телли-ханум догадалась, что это не Кероглу, а один из его удальцов. Но кто бы он ни был – был он отважен и хорош собой.

– Ничего я не понял из твоих слов! – воскликнул Джефер-паша. – Отвечай как следует, чей ты пехлеван? Если я возьму тебя в пехлеваны, останешься у меня?

– Джефер-паша, – ответил Демирчиоглу. – Позволь, я сяду на своего коня и тогда отвечу тебе.

Демирчиоглу соколом взлетел на спину Арабата и сказал:

– Джефер-паша, да будет тебе известно, что зовут меня Демирчиоглу и я – один из удальцов Кероглу. Я приехал за Телли-ханум.

Демирчиоглу пустил Арабата, протянул руку, схватил Телли-ханум и усадил на круп коня. Тут все смешалось. Поднялся переполах. Демирчиоглу выбрался с площади и поскакал к Ченлибелю.

Долго не мог придти в себя Джефер-паша. Наконец, очнувшись, дико закричал. Воины повскакали на коней и пустились в погоню за Демирчиоглу.

Не успел тот выехать за город, как видит – из города за ним мчится огромное войско.

Телли-ханум, оглянувшись, сказала ему:

Вот идут османцы, словно волки,
Сын Эджема, уходи скорее.
Голову твою снесут, погубят,
Сын Эджема, уходи скорее.

Демирчиоглу ответил ей:

Пусть идут османцы, словно волки,
Сын Эджема не уйдет отсюда.
Голову мою снесут, погубят, –
Сын Эджема не уйдет отсюда.

Телли-ханум стала просить его:

Вот они сюда примчатся вскоре,
Схватят, скрутят, увезут в позоре,
В рабство продадут тебя за море,
Сын Эджема, уходи скорее.

А Демирчиоглу стоял на своем:

Пусть они сюда примчатся вскоре,
Схватят, окружат, увезут в позоре,
В рабство продадут меня за море, –
Сын Эджема не уйдет отсюда.

И Телли-ханум твердила свое:

Пусть Телли покажется несмелой,
Говорить не в силах, что ни делай:
Слаб один игид пред войском целым,
Сын Эджема, уходи скорее.

Демирчиоглу ответил на это:

Демирчиоглу, крепись и слушай,
За Телли готов отдать я душу.
Я, как лев, пред тыщей лис не струшу.
Сын Эджема не уйдет отсюда.

Видит Телли-ханум, нет, Демирчиоглу не такое, чтоб бежать, а войско все приближается. И сказала она: – Тогда я буду помогать тебе.

Оглянулся Демирчиоглу по сторонам и увидел близ дороги пещеру. Отдал он Телли-ханум свой меч и щит:

– Хорошо, вот тебе меч и вот щит. Проходи в пещеру и готовься к бою.

Телли-ханум соскочила с коня, взяла меч и щит и вошла в пещеру.

Демирчиоглу только этого и ждал. В стороне лежал огромный камень, он быстро подкатил его, завалил вход в пещеру и сказал:

– Телли-ханум, Кероглу приказал мне найти тебя на земле или на небе, и привезти в Ченлибель. Нигяр-ханум ждет. Не могу я пустить тебя в бой. Случись с тобой что-нибудь, как посмею я пока-заться на глаза Кероглу, Нигяр-ханум и удальцам? И потом,

если ты будешь сражаться, удальцы скажут, что Демирчиоглу в бою выручила женщина. Сиди-ка ты там, я сам схвачусь с ними, сделаю свое дело, тогда и поедем.

Демирчиоглу сел на коня.

Подскакали войска Джефер-паши. Демирчиоглу перекинул с плеча лук, натянул тетиву и стал осыпать врагов стрелами. Смотрит Джефер-паша, кто выйдет вперед, тут же и падает. От страха никто не осмеливается сделать шагу. Крикнул он тогда своему войску:

– Чего стоите? Неужели один человек напугал вас всех? Сейчас же поймать его и связать по рукам!

Демирчиоглу ответил ему на это песней:

Ты глупость сболтнул, Джефер-паша,
Помни, что я – Демирчиоглу.
Каяться я заставлю тебя,
Помни, что я Демирчиоглу.

Руки мои длинны и крепки,
Ты не уйдешь от моей руки,
Мигом тебя оторву от луки,
Помни, что я – Демирчиоглу.

Мой Арабат, словно ветер дик,
К схватке любой готов каждый миг,
В доли помчится с гор напрямик.
Помни, что я – Демирчиоглу.

По ветру богатство пушу твое,
Костром твое запалю жилье,
Десяток врагов насажу на копье,
Помни, что я – Демирчиоглу.

Сын Кузнеца, на коне привстань,
Эй, ты, хитрец, меня не ту-мань,
Звонкой монетой я выбью дань,
Помни, что я – Демирчиоглу.

И Демирчиоглу протянул руку к колчану. Смотрит все сорок стрел выпущены. А войска двинулись на него.

Тогда Демирчиоглу сбросил все оружие, какое было на нем, и развязал опоясывавшую его цепь. Покружив на коне, он спел:

Джефар-паша, настал сраженья час.
Зачем собрал ты всех убогих мира?
Я головы, как листья, им срублю,
Взгляни, я – разъяренный тигр Джазира,
Мы – удальцы, мы справимся с любим.
Не в два – в четыре глаза мы глядим.
Твой город превращу в огонь и дым.
Я – кит морской, я – грозная секира.
Я, словно море в ураган, бурлю.
Войска твои я в клочья изрублю,
Я уходить с ристалищ не люблю,
А смерть в сраженья – честь для богатыря.

Снова войско паши было не в силах сладить с ним. Всякий раз, когда Демирчиоглу взмахивал цепью, пять– шесть смертных душ отправлялись в преисподнюю.

Наконец, Джефер-паша позвал своих лазутчиков и сказал:

– Этот нечестивец, сын нечестивца, перебьет все мое войско. Придумайте что-нибудь!..

Принялись тогда враги осыпать Демирчиоглу порошком, нагоняющим сон. Со всех сторон посыпалось столько этого порошка, что Демирчиоглу осовел вдруг и упал.

Воины, ликуя, окружили: его. Но не так-то просто было подойти к нему. Задрав хвост и испуская громкое ржание, Арабат бегал вокруг. Каждого, кто приближался, он грыз зубами, увечил копытами. Многих обогрел он их же собственной кровью.

Три дня Демирчиоглу лежал, и конь не давал никому приблизиться. Всякий раз, когда богатырь начинал просыпаться, его снова со всех сторон осыпали нагоняющим сон порошком, и опять усыпляли. На четвертый день пригнали табун. Арабат, оставив Де-

мирчиоглу, побежал навстречу лошадям и, смешавшись с табуном, начал щипать траву.

Демирчиоглу спящего схватили и увезли в город. А Теллиханум как ни искали, найти не могли. Джефер-паша написал падишаху письмо: «Я поймал одного из удальцов Кероглу. Поступлю с ним по твоей высочайшей воле». Отправил он письмо с гонцом, а самого Демирчиоглу приказал привязать к дереву на пехлеванской площади и вокруг расставить стражу.

Оставим Демирчиоглу стоять привязанным на площади, Теллиханум в пещере, Арабата в табуне и расскажем о Кероглу.

Уже много дней, как уехал Демирчиоглу, а вестей от него не было. Чуяло сердце Кероглу, что случилось что-то неладное. Но ждал, пусть пройдет еще два–три денька – посмотрим, мол, что будет дальше.

И вот глубокой ночью снится Кероглу, что один зуб у него шатается и рот полон крови. Вздрогнул он, проснулся и вскрикнул так, что все удальцы повскакали.

Увидя вокруг себя своих удальцов, взял Кероглу саз и послушаем, что спел:

На коней, удальцы, на коней,
Всей судьбой заклинаю: вперед!
Схвачен недругом Сын Кузнеца,
Это сердцем я знаю. Вперед!

Ах, не слышать о горе бы нам...
Но теперь не укрыться врагам,
Мы тела их взметнем к облакам,
Брызнет кровь их дурная, вперед!

Кероглу, где твой меч боевой?
Щит стальной над моей головой
Пусть игиды торопятся в бой,
Всех султанов сметая, – вперед!

Видя, как оборачивается дело, удальцы вооружились и вскочили на коней. Сам Кероглу взял свой египетский меч, щит, пику

и соколом взлетел на Гырата. С быстротой молнии спустились они с Ченлибеля и во весь опор поскакали к Эрзеруму. Через леса и горы, через реки и доли мчались, мчались они и, наконец достигли Эрзерума.

С того дня, как Демирчиоглу был схвачен и привязан на площади, Джефер-паша каждое утро подходил к нему и спрашивал о Телли-ханум. И каждый раз Демирчиоглу отвечал:

– Джефер-паша, меня зовут Демирчиоглу и я игид Кероглу! Игиды Кероглу умирают, но своей тайны врагам не открывают. Больше не видать тебе Телли-ханум!

И всякий раз Джефер-паша приказывал семи пехлеванам бить его, сдирать с него по вершку кожи и рану набивать соломой.

Так прошло несколько дней. Гонец привез повеленье султана: «Джефер-паша, ты схватил удальца Кероглу. Как только получишь это, вздерни его на виселицу и извести меня. Сам же готовь войско, скоро мы двинемся на Кероглу».

Джефер-паша разослал глашатаев, приказав, чтобы все собрались на площадь пехлеванов, где удалец Кероглу будет вздернут на виселицу.

А пока народ собирался на площади, Кероглу со своими удальцами как раз и подскочил к Эрзеруму.

Кероглу разузнал обо всем, сошел с коня на окраине города, переоделся ашугом, взял саз и сказал своим удальцам:

– Если мы вступим сейчас в город, враги, услышав об этом, тотчас вздернут Демирчиоглу. Стойте тут и ждите меня. А вот когда я издам боевой клич, тогда ударьте по войску паша!

Сказав это, он отправился на площадь пехлеванов. Когда Кероглу подходил к площади, палачи уже готовили виселицу. Смотрит Кероглу, посреди площади возведена огромная земляная насыпь, а на ней воздвигают виселицу.

Письмо султана немного подняло дух Джефер-паши. Султан писал, что собирает войско и предстоит поход на Ченлибель. Джефер-паша больше не боялся Кероглу. Зато теперь ему захотелось, чтобы расправа с Демирчиоглу каленым железом испепелила сердце Кероглу. Он приказал сделать эту земляную насыпь и назвал ее – Ченлибель.

– Ну, что, Демирчиоглу, – издевался Джефер-паша над Сыном Кузнеца. – Придется тебя повесить на Ченлибеле!

Увидя Кероглу с сазом за плечом, Джефер-паша подозвал его:

– Эй, ашуг, ты пришел кстати. Сегодня праздник. А ну-ка, поиграй и спой нам.

– Да будет для паши вечный праздник! Но что это за праздник?

– Глупец, – заносчиво ответил паша. – Знаешь ты Кероглу?

– Знаю, паша! Это человек без совести.

– Смотри! – похвастался паша. – Я поймал одного из его удальцов и прикажу сейчас повесить. Сегодня его праздник.

Посмотрел Кероглу и видит: на площади сидит скованный цепями Демирчиоглу. Кожа на его ногах содрана и болтается лоскутьями. Лицо бледно, как у мертвеца. Закипел он яростью, кровь бросилась ему в голову., Хотел было Кероглу протянуть руку, схватить пашу за горло и выворотить его наизнанку, но спохватился, вспомнив, что его удальцы еще далеко.

Паша вместе со своими приближенными подошел к Демирчи-оглу. Подошел и Кероглу и стал чуть поодаль.

Демирчиоглу потерял много крови и не видел, что происходит вокруг.

Паша пнул его ногой и сказал:

– Тебе остается жить каких-нибудь полчаса. Видишь эту гору? Через полчаса я повешу тебя на ней!

Услыхав это, Демирчиоглу закрыл глаза и отвернулся.

– Не упрячься! Скажи, где Телли-ханум, и я отпущу тебя, уходи, куда хочешь!

– Джефер-паша, – отвечал Демирчиоглу, – к чему каждый день повторять одно и то же? Сказал тебе, что меня зовут Демирчиоглу. Я игид Кероглу. А мы умираем, но врагам тайн своих не открываем. Телли-ханум давно в Ченлибеле.

Тут Кероглу не вытерпел, прижал к груди саз м запел:

Не страшись, мой Демирчиоглу,
За тебя мы отомстим сейчас.
Ханов и султанов, и пашей
Мы позору предадим сейчас.

Едва Демирчиоглу услышал это, как глаза его широко раскрылись, но Кероглу подмигнул ему и спел еще:

За друзей ты жизни не жалел.
Ты пошел на риск, ты горд и смел,
Тот, кто на игида встать посмел,
Будет бит клинком стальным сейчас.

Вражьи козням никогда не верь.
Кероглу поднимется теперь,
Налетит на Эрзерум, как зверь,
Взмоют к небу стон и дым сейчас.

Джефер-паша спросил:

– Эй, ты, ашуг, когда он увидел тебя, хотел встать, или вы знаете друг друга?

– Знаем, паша, – ответил Кероглу, – этот зверюга, сын зверюги, однажды ограбил меня и отнял все мое достояние.

– Не беда, – сказал паша. – Он и мне причинил немало зла. Теперь мы отомстим ему!

– Да продлится жизнь паши! – молвил Кероглу. – В груди у меня сложилась песня, разреши я спою ее.

Паша дал свое соизволение. Кероглу спел:

Сегодня мести день, Джефер-паша,
Противнику теперь спасенья нет.
Игиды, в битву грозную вступив,
Пьют кровь, как в жаркий день шербет.

Демирчиоглу понял, что Кероглу решил подбодрить его, и сказал:

– Паша, все равно вы казните меня. Так дайте хотя бы мой саз, чтоб я мог ответить ему, а потом умереть.

Демирчиоглу дали саз. Взял он его, прижал к груди и спел:

Прибывши с Ченлибеля в Эрзерум,
Джефер-пашу я мог бы сжать в комок.

Искал добычу и нашел ее,
Да только к другу увезти не мог.

Кероглу спел еще:

Как вихрь, свищу над головой врагов,
От жизни отрешаюсь в дни боев.
Когда клинок срубает сто голос,
Кишками враг до головы одет

Демирчиоглу ответил:

Рубился я отважно, словно лев,
Войска паши в сраженьи одолев.
Запомнил враг моей стрелы напев,
Но плут меня мучениям обрек.

Кероглу снова пропел:

Пусть Кероглу вскипает, как самум,
Зло отличает от добра мой ум.
Ты только покажи Телли-ханум –
И сердце сразу запоет в ответ.

А Демирчиоглу опять ответил ему:

Я спрятал то, к чему лежит душа.
Но враг меня стреножил, месть верша.
Схватил меня теперь Джефер-паша,
Соломой шкуру мне набьет, жесток.

Последние стихи показались Джефер-паше подозрительными. Чудится ему, что эти двое разговаривают совсем не как враги. И он незаметно шепнул одному из стоявших рядом пехлеванов:

– Что-то не доверяю я этому человеку. Не подослан ли и он из Ченлибеля. Будьте наготове, надо схватить его.

Потом повернулся к Кероглу и сказал:

– Ашуг, теперь скажи, сам-то ты кто? Чей ашуг? Джефер-паша думал обмануть Кероглу, отвлечь его и дать пехлеванам приготовиться.. Но Кероглу не был простаком.

– Да продлится жизнь паши! – сказал он. – Послушай, и я скажу, кто я.

Коль назовут рабом, то шею скрутят.
Я столб, стоящий впереди рабов.
Будь я герой – склонюсь перед правдивым,
Неправедных всегда казнить готов.

Войска врага с землею я сровняю,
Скошу мечом, подобно Эмираю.
Бурлю сейчас, как мутная река, я,
Могу бурлить и несколько годов.

Я – Кероглу. Я спал, и поднят вновь я.
Я нынче не способен к многословью.
Я не стекло, я меч, знакомый с кровью,
Меня не разобьешь на сто кусков.

И Кероглу издал боевой клич. Мгновенно со всех сторон налетели удальцы, и пошла тут такая схватка, такая схватка, что никто в жизни не видывал еще такой. Кероглу, не дав опомниться Джефер-паше, взял его в охапку. Много воинов паши полегло на поле брани, а оставшиеся в живых, увидев, что Джефер-паша пленен, побросали оружие.

Кероглу приказал отвязать Демирчиоглу и вместо него заковать в цепи Джефер-пашу.

Удальцы окружили Демирчиоглу. Видят, тот совсем плох. Сердце Кероглу облилось кровью.

Взял он саз и послушаем, что спел:

Почему ты, друг мой, так тосклив и мрачен,
Демирчиоглу, Демирчиоглу?
Испепелишь сердце мне своей тоскою,
Демирчиоглу, Демирчиоглу.

Друг с душевным другом в трудный час бывает,
Демирчиоглу, Демирчиоглу.
Храбрый в схватке ранен каждый раз бывает,
Демирчиоглу, Демирчиоглу.

Кероглу я. Хвастать силой я не стану.
В бой вступлю – не сладко вражескому стану.
Пусть Телли наградой будет пехлевану,
Демирчиоглу, Демирчиоглу.

При имени Телли-ханум Демирчиоглу раскрыл глаза.
– Кероглу, – сказал он, – Телли-ханум в пещере. Отправь людей, пусть привезут ее.

Дели-Гасан, разузнав, где находится пещера, взял несколько удальцов, отправился за Телли-ханум и привез ее.

Увидев Телли-ханум, Демирчиоглу взволнованно запел:

Как величаво, как неторопливо
Телли-ханум навстречу нам идет.
Я жизнь готов отдать за эту встречу,
Телли-ханум навстречу нам идет.

Стою в сторонке и держусь за сердце,
Не знаю я, куда от сча-стья деться,
Я на нее не в силах наглядеться,
Телли-ханум навстречу нам идет.

О, Демирчиоглу! Не ведай страха.
Без соловья и роза станет прахом.
И жизнь твоя и смерть – в руках аллаха...
Телли-ханум навстречу нам идет.

Слова Демирчиоглу глубоко запали в душу Кероглу.

– Демирчиоглу, – сказал он, – не бойся, весь мир переверну, а умереть тебе не дам.

Потом обратился к Джефер-паше:

– Пойдем, я должен сам, своей рукой вздернуть тебя на этой виселице!

Кероглу сел на Гырата и погнал Джефер-пашу впереди коня, заставляя бежать вокруг насыпи.

– Ты хотел здесь повесить моего удальца, а ну-ка побегай сам теперь вокруг.

Взял Кероглу свой саз и запел:

Джефер-паше я отомщу
За эту боль, за эту боль.
За то, что ты мне ранил грудь,
За эту боль, за эту боль.
Ты удальца решил поймать,

Хотел хребет ему сломать,
Но сам от смерти ты на пядь
За эту боль, за эту боль.

Ты делибаша заточил,
По каплям кровь его ты пил,
Считай, что ты уже почил
За эту боль, за эту боль.

Ты льва дразнил, забыв про страх,
Но меч не будет стыть в ножнах,
Я отыграюсь на пашах
За эту боль, за эту боль.

Я, Кероглу, могуч в бою.
Сам кровь зализывай свою.
Тебя Гыратом я собью
За эту боль, за эту боль.

Когда Кероглу подвел Джефер-пашу к виселице, Телли-ханум кинулась к нему и, бросив ему под ноги свое покрывало, сказала:

– Кероглу, подари мне жизнь брата, прости его ради меня!

Кероглу отпустил Джефер-пашу, сказав однако:

– Джефер-паша, ступай, прощаю тебя ради Телли-ханум, но если еще попадешься мне на дороге, убью.

Затем приказал удальцам сесть на коней. Дели-Гасан разыскал крытые носилки Джефер-паши и принес их. Посадили Демирчиоглу и Телли-ханум, и все пустились в путь.

Долго ли ехали, коротко ли, на полпути Кероглу сказал Дели-Гасану:

– Пойдем, посмотрим, как там Демирчиоглу. Подъехали они, видят, сидит Телли-ханум и голову Демирчиоглу положила себе на колени.

– Телли-ханум, – спросил Кероглу, – как там Демирчиоглу?

При звуке его голоса Демирчиоглу раскрыл глаза и сказал:

– Кероглу, не бойся, я уже раздумал умирать. Только ведь я не был трусом и не отступил перед врагом.

Приподнялся он, прислонился к Телли-ханум и запел:

Двинулись войска, сошлись рядами,
Вкруг меня сомкнулись с криком рьяным.
Нет, не за себя, а за подругу
Устрашился я на поле бранном.

Я мужался, до конца держался,
Всех сметал, кто выходить решался,
Я, как лев пустынь, с врагом сражался,
Палец мой от стрел казался рваным.

Демирчиоглу зывал к аллаху,
По сорок голов срубал я смаху,
А Джефер-паша готовил плаху,
Шкуру мне хотел набить саманом.

Словом, отряд Кероглу, не зная ни отдыха, ни передышки, наконец, добрался до Ченлибея.

Нигяр-ханум вышла из крепости. Приветливо встретила удальцов, улыбнулась Телли-ханум. Но, взглянув на раны Демирчиоглу, не выдержала и заплакала. Кероглу подошел к ней и послушаем, что спел:

Ты не плачь, Нигяр моя, не плачь,
Вновь окрепнет Демирчиоглу.
Ты не жги меня своей тоской,
Вновь окрепнет Демирчиоглу.

Ченлибель у мира на виду.
Чудодеев-лекарей найду.
Ты не плачь, нам не попасть в беду,
Вновь окрепнет Демирчиоглу.

Под счастливой родился звездой.
Им сыграем свадьбу мы с тобой.
Пиру будет рад игид любой.
Вновь окрепнет Демирчиоглу.

Рассказывали, у Кероглу был приятель, лекарь, по имени Кимиягер¹¹ Дервиш. Призвал Кероглу его лечить Демирчиоглу. Ну, лекарства там всякие, снадобья, мази и отвары помогли – Демирчиоглу выздоровел. Нигяр-ханум устроила на Ченлибеле знатный пир, сыграла пышную свадьбу Телли-ханум и Демирчиоглу.

КАК ЭЙВАЗА ПРИВЕЗЛИ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

Была ранняя весна. На Ченлибеле вновь зацвели нарциссы. Журча били родники. Разгорались сердца, боевой клич удальцов опять сотрясал окрестности.

Кероглу, взяв с собой Дели-Мехтера, наведаясь на пастбище, где паслись табуны его коней. Вместе с Коса-Сафаром обошел он заповедник Ягы-горуг. Вместе с Танрытанымазом проверил горные проходы, бойницы, укрепления. Дели-Гасан построил удальцов и в боевом порядке привел их к Кероглу.

Убедившись, что им ничто не угрожает, Кероглу устроил на Ченлибеле веселый пир.

Положив бурдюки среди пирававших, виночерпий обходил всех с полной чашей.

Пропустив под черные усы две–три чаши, Кероглу взглянул на ашуга Джунуна.

Рассказывают, что, когда Кероглу смотрел так, ашугу Джунуну не нужны были напоминания. Тотчас, взяв в руки трехструнный саз, он вышел на середину.

Прижав к груди саз и спев две–три песни, ашуг Джунун повернулся лицом к Кероглу. Со всех сторон грянули одобritel-

ные возгласы. Взыграло сердце Кероглу, но, когда он протянул руку к чаше с вином, Нигяр-ханум тяжело вздохнула. Кероглу так и остался с чашей в руке, обернулся и взглянул на сидевшую рядом с ним Нигяр-ханум. Видит, она такая печальная, что и передать нельзя. Черные брови сдвинуты, глаза полны слез, – такое с ней, что только тронь – и она разрыдается.

– Почему ты так печальна, Нигяр-ханум? – спросил Кероглу.

Нигяр-ханум не ответила. Кероглу спросил снова. Слезы застлали голубые глаза Нигяр-ханум и скатились по розовым щекам. Кероглу отставил полную чашу.

Удальцы очень любили Нигяр-ханум, взяло их сомнение, – может быть, Кероглу обидел ее. И они поднялись со своих мест.

– Нигяр-ханум, ничего не скрывай от нас. Ведь не мертвы мы, чтобы спокойно видеть как ты горюешь?

У Нигяр-ханум еще больше защемило сердце, повернулась она лицом к Кероглу и сказала:

Как выразить мою печаль и горе?
Наверное, такого слова нет.
От тяжелых вздохов иссушилось сердце.
Кто помнит обо мне? Такого нет.

Как мне следить за домом в Ченлибеле?
Мороз пробрался в душу не к тебе ли?
И из пустой и пыльной колыбели
Ребятчье смешного зова нет.

В предгорьях снег, меня страшат морозы,
Ко мне шипами обернулись розы,
Проходят дни – их круто солят слезы,
А человека мне родного нет.

Оплачете меня, – что в этом проку?
В тоску, как в саван, облеклась до сроку.
Но отомстить за эту рану року –
Средь вас такого удалого нет.

О, Кероглу, ты смел, могуч и зорок,
Ты запер от любых пришельцев горы,
Найди мне средство верное от горя...
Но средства от несчастья злого нет.

Твоих игидов битва ждет большая,
Уедешь ты, останусь вновь одна я.
Уйдет садовник – чахнет сад, сгорая,
А для увядшей розы крова нет.

На каждом склоне роза тут ютится.
Увянут розы – кто на них польстится?
Есть под крылом птенец у каждой птицы,
А у злосчастной дорогого нет.

Ты кликнешь клич – поднимешь пехлеванов,
Дань соберешь и с ханов, и с султанов,
Никто из крепких не уйдет капканов,
Таких отважных и суровых нет.

Любое горе на меня нагрянет,
Бесплодие меня смертельно ранит,
Падет скала – и пыль весь свет затянет,
Глядишь, и уцелевших снова нет.

Нигяр больна печалью своими,
Умру от них, расстанусь с дорогими,
Кто в мире Кероглу воспримет имя?
Потомка нет, бойца второго нет.

Говорят, еще никому не доводилось видеть у Кероглу хоть одну слезинку. Но после слов Нигяр-ханум с ним сделалось такое, что даже ее слезы были забыты.

Не выдержало сердце ашуга Джунуна. Прижал он к груди свой саз и запел:

Слава твоя по земле прошла,
Что ж ты печалишься, Кероглу?
При имени этом дрожат враги,
Что ж ты печалишься, Кероглу?

Игиды полки разбивают в боях,
Стонут враги, их терзает страх,
Падают птицы, бледнеет шах,
Что ж ты печалишься, Кероглу?

В горы страшится войти караван,
Плачет погонщик из дальних стран,
Страхом объят и купец, и хан,
Что ж ты печалишься, Кероглу?

И льва устрашает твой клич боевой,
Трепещут ходкары¹ перед тобой,
Султаны склоняются головой,
Что ж ты печалишься, Кероглу?

Нету быстрее Гырата коней.
Как Искендер² и с земель, и с морей,
Дань собираешь со всех пашей,
Что ж ты печалишься, Кероглу?

Ты задаешь в Ченлибеле пиры,
Овцы, ягнята – твои дары,
Льется вино наподобье Куры,
Что ж ты печалишься, Кероглу?

Заныла старая рана Кероглу. Взял он у ашуга Джунуна саз,
прижал к груди и запел:

Я все тебе скажу, ашуг Джунун.
Глаза мои сейчас, не скрою, плачут.
Нет сына – это значит, нет удач,
А нет удачи – и герои плачут.

Нигяр, моя кудрявая, в тоске
Поникла, подбородок на руке,
И столько боли сжато в кулаке, –
Зовут глаза, ресницы ж горько плачут

Пусть душу мне враги сожгут до тла,
Пускай мне руку злая боль свела,
Но выну меч – и падают тела,
А вражьи главы той порою плачут.

Взыграло сердце, бьется об углы,
Перехлестнули голову валы.
В лесу пожар – и занялись стволы,
Горит сухое, а сырое плачет.

Я, Кероглу. Запомни мой совет:
Слова, как стрелы, облетают свет.
Очаг заглохнет, если сына нет, –
Лишь камни стылые золою плачут.

Ашуг Джунун знал, что у Кероглу не было детей. Рассказывают, раз в юношеские годы попал он в большую переделку в горах Аладжалар-дагы, семь дней и семь ночей оставался окруженным врагами, был на волоске от гибели. И вот от этого ли, но детей у него не было. Теперь ашуг вспомнил об этом.

– Кероглу, – сказал он, – не огорчайся!.. Я твой ашуг. Мир под моими ногами лежит, как гладкое блюдо. Пойду, поскитаюсь, поброжу, отыщу храброго, как Рустам, и прекрасного, как Юсиф³, отрока, и вернусь к тебе. А ты привезешь его и возьмешь к себе в сыновья.

Все в один голос одобрили решение Джунуна. Оделся он, взял денег и с сазом за плечами пустился в дорогу.

Перевалил через горы, пересек долины. Обошел города, кочевья, села. Всюду собирал народ, перевидал множество юношей и отроков, испытал многих удальцов, но сына, достойного Кероглу и Нигяр-ханум, найти не мог. Побывав всюду, обойдя

многие страны, пришел он, наконец, в какое-то кочевье в Тэкэ-Туркмене. Видит, чобаны, подпаски, стар и млад гонят с горных склонов скот.

Молодежь, завидев ашуга Джунуна с сазом за плечами, радостно окружила его, – вот как хорошо сделал, что пришел, тут как раз свадьба.

Ашугу Джунуну только того и надо. Пошел он вместе с молодыми пастухами.

Вечером собрались все на свадьбу. Жених был богат. Все самые прославленные, именитые игиды Туркмении, все агсаккалы⁴, карасаккалы⁵, все зрелые мужи, девушки, молодые женщины, дети – все пришли па свадьбу.

После того, как гости поели, попили и суфры были убраны, ашуг Джунун вышел на середину. Когда он пропел две–три песни искуснейших ашугов, человек, распорядившийся на свадьбе, спросил его:

– Ашуг, ты не похож на наших земляков. Расскажи, откуда ты идешь и куда путь держишь? Чей ты ашуг?

Ашуг Джунун ответил:

– Я Джунун, ашуг прославленного Кероглу, чье имя стало⁶ дастаном⁶ на устах людских, иду я из Ченлибеля. При имени Кероглу один из игидов попросил: – Ашуг, родной, спой нам о Кероглу, говорят, это небывалый удалец!

Ашуг Джунун видит – случай подходящий А он не привык упускать такие случаи. Где только ни собирались люди, он тотчас под всяким предлогом заводил речь о Кероглу, пел о его мужестве, отваге, вражде с беками и пашами. Вняв его песням, многие прославленные игиды приходили в Ченлибель. Вот почему и теперь прижал он к груди свой саз и запел:

В Ченлибеле, в стане пехлеванов,
Крепость там построил Кероглу.
Он пашам оттуда бросил вызов,
Там живут герои Кероглу.

Он покоя не дает имущим,
Не дает добычи львам ревушим,
Руки гордым ханам всемогущим
Крутит за спиною Кероглу.

Пусть бы пал туман, зимой подуло,
Ржавчиною меч бы затянуло,
Вышло войско Мисра⁷ и Стамбула –
Путь отрежет строю Кероглу.

Я, Джунун, пою о славе нашей,
Кто пашей и ханов гонит взашей,
Кто ведет семь сотен делибашей
Против шахов к бою – Кероглу.

Не успел ашуг Джунун спеть свою песню, как распорядитель крикнул:

– Кто любит меня, одарит ашуга Кероглу!

Было собрано столько подарков, что ни счесть, ни перечесать!

Но не того хотел ашуг Джунун. Он никогда не принимал подарков. Так и тут, не взяв ничего, он сказал:

– Я ашуг у Кероглу. И не нуждаюсь ни в деньгах, ни в подарках. Мы свое богатство раздаем бедным. А это все я дарю здешним пастухам и подпаскам.

Ашуг снова прижал к груди свой саз, чтобы спеть о Кероглу, но распорядившийся на свадьбе остановил его:

– Ашуг, опой и об игидах нашей страны!

– Милый мой, – ответил ашуг Джунун, – еще стариками было сказано, что ашуг поет только о том, что видел. Ваших игидов я не видывал, их не знаю, как же могу я петь о них? Если есть у вас достойный, пусть встанет, я пригляжусь, узнаю его поближе и тогда прославлю.

Едва ашуг Джунун сказал это, как гости зашумели. Со всех сторон послышались голоса, что пусть, мол, выступит Гассабоглу Эйваз. Все кричали и требовали Эйваза. Ашуг Джунун обвел глазами собравшихся, чтоб посмотреть, что это за Гассабоглу Эйваз,

каков он из себя. Но сколько ни ждал, никто не тронулся с места. Наконец, распорядитель спросил своих помощников:

– Почему не выходит Гассабоглу Эйваз?

– Да будет долговечна жизнь твоя, – отвечают ему, – он говорит, в Туркмении много игидов, что он перед ними?

Повернулся распорядитель к собравшимся и сказал:

– Эйваз, не учи нас! Мы сами знаем, кому выходить. Встань и выйди на середину!

Смотрит ашуг Джунун, поднялся с места юноша, да такой красоты, что сам Юсиф не достоин подать ему воду для умывания! Рост, осанка, брови, глаза! Как будто стоит картина, нарисованная рукой самого творца. И видит ашуг Джунун, что нашел он, наконец, то, что искал. Сын, подобающий Кероглу, и длиннокошой, синеокой Нигяр, – он, да и только!

От радости ашуг Джунун забыл, на земле он или на небе. В пылу вдохновенья взял он свой саз и запел:

Ты над всем поднялся меджлисом,
Кто по крови своей Эйваз?
Что ты сводишь крутые брови?
Ты ведь башни стройней, Эйваз.

Нет красавиц, избегших плена,
Но лишь мать тебе знает цену.
Светел ты и пригож неизменно,
Есть ли лица светлей, Эйваз?

Не Юсиф ли ты из Кенана?
Сын паши или сын султана?
Может, ангел ты – из тумана
Жить пришел меж людей, Эйваз?

Никнет даже и лев огромный
Перед силой твоей неумной.
Кероглу, как отец приемный,
Рад принять поскорей, Эйваз.

Я, Джунун, пою честь и смелость,
Так еще мне вовек не пелось.
В Ченлибеле бы спеть хотелось
Мне на свадьбе твоей, Эйваз.

Со всех сторон раздалась крики благодарности и привета. Но ашуг Джунун не сводил глаз с Эйваза. По красоте, росту, осанке Эйваз и впрямь был достоин стать сыном Кероглу, но, – подумал ашуг, – дай-ка испытаю я его отвагу.

Прижал он к груди свой саз и спел:

Вершин Ченлибеля неистовый лев,
Придет и изранит тебя Кероглу.
Низринув хребет и скалу одолев,
Легко заарканит тебя Кероглу.

Слова эти задели Эйваза. Вышел он на середину и сказал:
– Напрасно ты страшишь меня своим Кероглу.

Храбры, среди народов мы в чести,
И нас тэкэ-туркменами зовут!
Куда б ни шли – мы не свернем с пути –
Ведь нас тэкэ-туркменами зовут!

Ашуг Джунун:

Давно ему по сердцу ратный труд, –
Как ветер дунет, вспыхнет он, как трут.
И пламенем польется там и тут,
Сожжет, лишь глянет на тебя, Кероглу.

Эйваз:

Врагу глаза я выколо в бою
И, как Мансуру⁸, череп раскрою
И кровью Кероглу я оболью –
Ведь нас тэкэ-туркменами зовут!

Ашуг Джунун:

Сталь в длинных руках его так и звенит.
Он крикнет – встает за игидом игид.
Будь ты на земле, поднимися в зенит –
Найдет и в тумане тебя Кероглу.

Эйваз:

Гнедой горяч – я полечу, в пылу,
Коль тронут стремя – упадут во мглу –
Гасан – налево, вправо – Кероглу:
Ведь нас тэкэ-туркменами зовут!

Ашуг Джунун:

Как вихрь налетит – и прольется кровь
И вражеских семьдесят семь голов
Ударом одним отсечь он готов, –
Лишит дыханья тебя Кероглу.

Эйваз:

Туркменов славных соберу я в строй.
Над Ченлибелем пронесусь грозой.
Заплачет горькой Кероглу слезой –
Ведь нас тэкэ-туркменами зовут!

Ашуг Джунун:

Джунун Кероглу послужит, любя,
Пусть хлещет огонь, врага ослепя.
Посадит он на Гырата тебя,
Звать сыном станет тебя Кероглу.

Эйваз:

Коль бой начну – не будет мне преград.
Враг в страхе отведет блудливый взгляд.
Нет, мне не страшен Кероглу, Гырат, –
Ведь нас тэкэ-туркменами зовут!

Ашуг Джунун нашел то, что искал. Поэтому, не теряя времени, на другой же день после свадьбы пустился он в обратный путь. Обратясь в вихрь в пут летел, бушевал, нигде не спал, не отдыхал, долго ли ехал, коротко ли, как-то раз на рассвете добрался, на конец, до Ченлибеля. Там разнеслась весть, что ашуг Джунун вернулся. Игиды, женщины – все окружили Джунуна.

Кероглу спросил:

– Рассказывай, ашуг Джунун, откуда ты едешь? Где был так долго? Что видел, что слышал?

Прижал ашуг Джунун к груди трехструнный саз и запел:

Я обошел кочевья, города
Весну и зиму, брат мой, видел я,
Скитался по горам и по долам,
Блеск родниковой мяты видел я.

Стал горный снег оттаивать вдали.
Айвовые деревья зацвели.
Ушла зима – и светел лик земли.
И много птиц слышал и видел я.

Бродил один я много дней подряд,
Прошел долины, тропы горных гряд,
Дворцы Алеппо видел и Багдад,
Рассветы и закаты видел я.

Отвесный зной и холод горных стуж,
И Кагызман, и Каре, Стамбул и Муш,
Чанаккала, затем Сарыкамыш⁹,
Игидов в тяжких лагах видел я.

Когда Аладжалар¹⁰ перевалил,
Когда по Эрзеруму проходил, –
Один другого в поединке бил –
И недругов проклятых видел я.

Игида с острой саблей до колен,
Не знающего страха и измен
Гассабоглу Эйваза среди туркмен,
И мужество во взглядах видел я.

Коль пир – он возглавляет торжество.
Коль бой – не отступить от него.
И сорок дев, встречающих его
В сияющих нарядах, – видел я.

Парит он, словно сокол в небесах,
Сердца его врагов сжимает страх.
Гостей обходит кравчий на пирах.
Сверканье струн крылатых видел я.

Ашуг Джунун правдивый вел рассказ.
Полмира обошел я, торопясь,
Таких же, как Нияр и как Эйваз,
Впервые в жизни вместе б видел я.

Песня была окончена. И все, что сказал под звуки саза, ашуг Джунун повторил снова. Он так расписал Эйваза, что все, еще не видя и не зная его, пленились им.

– Ну, Кероглу, что ты теперь думаешь делать? – спросил Джунун.

Посмотрел Кероглу на удальцов, посмотрел на голубоглазую Нияр и запел:

Богатство у неба бы я попросил,
Чтоб был бы в Кахетии сад у меня,
И мраморный был бы бассейн и покой
В три цвета, чтоб радовал взгляд у меня.

Стальные наплечники тоже нужны,
Игиды – с одной и с другой стороны.
Мой дом – Ченлибель, он венец вышины,
И сердце пусть бьется с ним в лад у меня.

Не молод, знаком я со злом и добром,
И брови творец очертил мне пером,
Хочу я, пируя в меджлисе моем,
Чтоб кравчим Эйваз был, мой сын у меня.

Едва песня была окончена, как Нияр-ханум подмигнула ви-ночерпию. Тотчас было освобождено место, разостланы суфры. Вошел виночерпий. Рассказывают, что каждая чаша Кероглу вмещала ровно полбурдюка вина. Выпив одну, Кероглу сказал Дели-Мехтеру:

– А ну-ка, оседлай Гырата!

Дели-Мехтер оседлал коня и подвел к Кероглу. Кероглу попрощался с женщинами, удальцами и, когда хотел сесть на Гырата, Нияр-ханум подошла к нему и сказала:

– Послушай, Кероглы, ты едешь в такой далекий, опасный путь, в Теке-Туркмен. Пусть несколько удальцов поедут с тобой. Вдруг завяжется бой, одному тебе не сладить.

– Нияр-ханум, – отвечал Кероглу, – хорошенько смотри за Ченлибелем, заботься об удальцах. А за меня не бойся. Раз я на Гырате, никакая беда мне не страшна. Из любой беды я выйду невредимым. Не тревожься, не терзай свое сердце. Через несколько дней я привезу тебе Эйваза.

Кероглу проверил подругу Гырата и, положив руку ему на круп, вскочил на коня. Женщины и удальцы только и видели, как он сел на Гырата. Конь помчался, словно вихрь, полетел, словно птица. Мчался через горные проходы, переваливал через горы, поднимался на кручи, спускался в ущелья, и через несколько дней доехал до Тэкэ-Туркмена.

Кероглу проделал большой путь, сильно проголодался и устал. Хотел он было спешиться – дать отдохнуть коню и самому поесть. Оглянулся кругом – неподалеку от дорога какой-то чобан пас отару. Сошел он с коня, пустил Гырата на траву, а сам подошел к чобану и сказал:

– Брат-чобан, не даром наши отцы и деды говаривали, проголодался, – ступай к чобану, устал – иди к сарбану¹¹. Есть что-нибудь поесть?

– Молока вдоволь, – ответил чобан, – но хлеб не для гостя: весь зачерствел.

– Не беда, давай сюда, – сказал Кероглу. – Где тут, в степи, отличать черствое от свежего.

Чобан был высоким, сильным мужчиной. А бадья у него была на полтора батмана¹² молока. Взяв ее, он подоил несколько овец и принес ломоть хлеба.

– Гость мой, – сказал он, – придется прощения просить у тебя, – уж очень черств хлеб. Не знаю даже, как ты будешь его есть.

– Не беда, – ответил Кероглу. – Я такой голодный, что, как говорится, съем все, что мягче камня.

Кероглу накрошил черствый хлеб в молоко, взял в руки ложку и принялся хлебать. За это время и Гырату вдоволь досталось свежей травы.

«Если я приеду на кочевье в этой одежде, – подумал Кероглу, – меня узнают. Самое лучшее обменяться одеждой с чобаном».

– Брат-чобан, – сказал он, – ты хорошо угостил меня. Даст аллах, будет время, я отплачу тебе за добро. А сейчас у меня к тебе просьба.

– Изволь, брат! Все, что смогу, сделаю, – отвечал чобан.

– Брат-чобан! Я не здешний. Приехал издалека. В наших краях бараны маловато, а тут вон какие стада, и продаете дешево. Я хочу закупить скот и погнать в свои края. Да боюсь – увидят меня в этой одежде, при оружии, побоятся, и никто не захочет продать мне бараны. Давай обменяемся одеждой. Пускай и конь мой остается тут, у тебя. Я пойду куплю, что надо. А когда вернусь, я в долгу у тебя не останусь.

– Ну, что ж, брат, – ответил чобан, – как хочешь, так и сделаем. Лишь бы дело твое сладилось.

Кероглу переделся чобаном, взял в руку дубину и пошел к кочевью.

Ашуг Джунун разузнал, где лавка мясника, отца Эйваза, и все объяснил Кероглу. Тот и пошел прямо к лавке. Видит, лавка закрыта. Он расспросил, что и как. Оказалось, что Эйваз с отцом, мясником Гассаба-Алы, отправился в поле, где паслись их отары.

Кероглу сразу повеселел. Выведал он дорогу на пастбище и пошел туда. Только вышел он к пастбищу, смотрит, старик-мясник тащит из стада жирного барана. Кероглу подошел и поклонился. Тот ответил на поклон, а потом спрашивает:

– Что прикажешь?

– Приказывать ваше дело, хозяин. Я – гуртовщик, хочу купить баранов.

Услышав это, Гассаба-Алы крикнул:

– Эй, Эйваз, поди сюда, пришел покупатель. Помоги мне.

Смотрит Кероглу, с другого конца пастбища идет к ним отрок, да какой!.. Как Джунун ни расписывал его, а все ж не дотянул. И в самом деле, вот кто достоин быть сыном Нигяр-ханум! Эйваз подошел к ним, поклонился. Кероглу ответил на поклон.

– Ну, друг, – спросил Гассаба-Алы, – сколько баранов надобно тебе?

– Да хочу купить тысячу убойных баранов, хозяин.

Повеселел Гассаба-Алы.

– Сын мой, – сказал он, – вот эта отара хороша. Хочешь, отдам ее тебе, не прогадаешь.

Осмотрел Кероглу двух–трех баранов и спросил:

– Сколько же ты хочешь за своих баранов?

– Клянусь аллахом, – ответил мясник, – сейчас бараны в цене. Но вижу, ты издалека. Только для тебя возьму по два тумана¹³ за каждого.

– Нет, хозяин, за такую цену взять не могу.

Как ни бился с ним Гассаба-Алы, видит, нет, покупатель не из сговорчивых. В конце концов он спросил:

– Теперь ты скажи, за сколько возьмешь?

– Вот, что хозяин. В наших краях цена барану десять туманов. Если возьму их у тебя по два тумана, заработаю на каждом восемь туманов. Такой несправедливости не потерпит ни небо, ни земля. Уплачу я тебе за каждого пять туманов. Согласен, бери деньги, нет – пойду поищу другого.

Смотрит Гассаба-Алы, что за покупатель, не с неба ли свалился? И говорит:

– Что ж, сынок, пусть будет по-твоему. Послушай, Эйваз, сгоняй отару.

Эйваз согнал отару. А Кероглу принялся отсчитывать деньги. Раз, два, три, пять, десять, когда дошел до ста туманов, накинул еще пятнадцать со словами:

– А это на долю твоего сына. На каждые сто туманов по пятнадцати туманов, на каждые сто туманов по пятнадцати туманов...

И взяло Эйваза сомнение... Посмотрел он на Кероглу, взглянул на его усы и сказал:

– Отец!

Тяжелый шаг у гостя, посмотри,
Гуртовщики такими не бывают:
По пять дает, пятнадцать подарил, –
Гуртовщики такими не бывают!

– Кто же он, если не гуртовщик, сынок? – сказал Гассаба-Алы. – Ты посмотри на его одежду. Видно, и впрямь в их краях баране цены нет.

А Эйваз возразил ему:

Храбрец, закрыв пути, встал на скалу.
А сокол узнается по крылу.
Дели-Гасан это иль Кероглу,
Гуртовщики такими не бывают!

Джунун сюда приехал на коне.
Эйвазу быть от розы в стороне.
Слова Нигяр слышны сегодня мне.
Гуртовщики такими не бывают!

Понял Кероглу, что Эйваз узнал его. Понравилось ему, что тот такой смысленный, да побоялся, что разгадают они, что он замыслил, и тогда пиши – пропало Эйваз.

Поэтому Кероглу сказал Эйвазу:

– Вижу я, что ты славный паренек, и отчего же мне не дать

тебе безделицу? Захочешь, пустишь ее в оборот. Почему ты смотришь на меня, как на разбойника? Не хочешь, сторгуюсь с другими.

Мясник рассердился на сына:

– Нашел время красноречивать! Дай нам вести свое дело.

Эйваз ни словом не возразил отцу, отошел и стал в сторонке.

Кероглу отсчитал деньги, отдал мяснику и сказал:

– Хозяин! Мои чобаны остались на той стороне перевала.

Дай мне в помощь кого-нибудь, чтобы перегнать отару.

Гассаба-Алы приказал Эйвазу:

– Ступай, помоги гостю перегнать отару за перевал.

Эйваз, не сказав ни слова, принялся сгонять стадо.

Кероглу всю дорогу не разговаривал с Эйвазом. Оба молча гнали баранту по склону горы. Перегнал, смотрит Эйваз, там и в самом деле огромное стадо.

– Постой тут немного, паренек, около овец, а я позову своего чобана.

И Кероглу поспешил к чобану.

– Брат-чобан, я вернулся, давай мою одежду и оружие.

Он переоделся, взял свое оружие, подтянул на коне подпругу и сказал чобану:

– Теперь хорошенько слушай меня. Да будет тебе известно, что я не гуртовщик. Я Кероглу из ЧенлибеяГ

Как сказал он это, чобан остался без кровинки в лице. Хотел он было встать, да Кероглу опустил руку ему на плечо, тот так и сел на место.

– Не поднимай шум-гам! Я нашел то, что искал. Возвращаюсь с добычей. Никакой баранты мне не надо. Ровно половину отары дарю тебе, другую вернешь Гассаба-Алы и передашь ему, что Кероглу увез Эйваза.

Сказав это, он вскочил на коня, и чобан только и видел, как Гырат исчез с глаз.

Эйваз стоял, ожидая гуртовщика. Смотрит, мчится какой-то всадник, несется словно молния. В одно мгновение всадник очутился рядом с ним. Поднял Эйваз глаза и увидел, что всадник этот – давешний гуртовщик.

Кероглу предложил ему:

На Ченлибель, где блеск снегов,
Пойдем Гассабоглу.
Давай одолевать врагов
Вдвоем, Гассабоглу.

Не в первый раз с врагом дерусь,
Ты – лучше многих, ты не трус.
Дай руку, освятим союз
Огнем, Гассабоглу.

Под буркой смерть я спрятать рад.
На мне – гуртовщика наряд.
Садись, тебя помчит Гырат
В мой дом, Гассабоглу.

Я не лисой зовусь, а львом, –
Храбрец, рожденный храбрецом.
Араба, турка – мы вдвоем
Сметем, Гассабоглу.

Я, Кероглу, уже седой.
Я шел вперед – из боя в бой.
Дай руку, скалы мы с тобой
Пробьем, Гассабоглу!

Эйваз понял все, но Кероглу не дал ему опомниться. Он хлестнул Гырата так, что из ноздрей его вырвалось пламя. Закусил удила, окрылился конь, обратился в вихрь, когда же повернулся он в сторону Ченлибеля, Кероглу налетел словно сокол, схватил Эйваза и усадил на коня.

– Послушай, игид, заклинаю тебя твоей верой, – проговорил Эйваз, – скажи, кто ты?

– Вчера я был Кероглу, утром стал гуртовщиком, а ныне снова Кероглу. Я везу тебя в Ченлибель, в сыновья себе и в начальники удальцам.

Кероглу хотел было пуститься в дорогу, да смотрит, Гассаб-Алы бежит с горы, крича что-то. Кероглу натянул поводья и оста-

новил Гырата. Подбежал Гассаб-Алы, увидел – гуртовщик уже стал пехлеваном. И стал угрожать старик:

Эй, чужеземец, гуртовщик,
Тебе Эйваза не отдам!
Без сына кровью оболуюсь,
Тебе Эйваза не отдам!

Звезда игидов – мой Эйваз,
Так отпусти его сейчас,
Молю тебя, прошу сто раз, –
Тебе Эйваза не отдам!

Пока душа твоя цела –
Уйди, кровавый сгусток зла.
Я раскалился добела,
Тебе Эйваза не отдам!

Коль соберется весь народ,
Не оберешься здесь невзгод.
Скажи, кто сына отдает?
Тебе Эйваза не отдам!

Гассаб-Алы поднимет меч,
Чтоб голову тебе отсечь.
Врагу костями придется лечь, –
Тебе Эйваза не отдам!

Кероглу начал просить:

Душа Гассаб, мясник Гассаб!
Позволь – Эйваза увезу!
Мне в просьбе ты не откажи,
Позволь – Эйваза увезу!

Эйваза, плача, ждет Нигяр.
В ее груди пылает жар.
Не приведу – тяжел удар.
Позволь – Эйваза увезу!

Твой сын Эйваз хорош собой.
Нет, не вступай со мною в бой, –
Он станет удальцов главой!
Позволь – Эйваза увезу!

Меня бояться все паши.
Пощады просят: не круши.
Пойдут в Туркмению мужи, –
Позволь – Эйваза увезу!

Я, Кероглу, помчусь в пути,
В грозу я превращусь в пути.
Неужто силой увезти?
Позволь – Эйваза увезу!

И Кероглу повторил то, что спел под звуки саза:

– Эй, мясник! Я удалой Кероглу. Предо мною трепещут паши и султаны. Но кто продолжит мой род – у меня нет детей. Я беру Эйваза себе в сыновья. Будут под его началом семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов. Когда ехал сюда, крепкое слово дал я в том. Не обрекай же меня на бесчестье перед друзьями и недругами. Не отнимай у меня Эйваза. Дозволь увезти сто. Если же буду я заботиться о нем хуже, чем ты, пусть скажут люди, что не достоин я носить папаху. Когда бы ни захотел ты увидеть его – он твой сын. И не только он, но и я: считай, что был у тебя один сын, а стало два.

Подумал Гассаб-Алы: «Коли человек говорит так, обидеть его, отнять Эйваза неблагоприятно. И для меня будет честь, если Эйваз останется у Кероглу. Все станут уважать меня и слово мое. А когда захочу, всегда смогу повидать Эйваза».

И он сказал:

– Кероглу, не нанесу я обиды тебе, не отниму Эйваза. Что ж, увози его, только береги, как зеницу ока.

– Будь покоен, – отвечал Кероглу, – буду я ему не худшим отцом, чем ты. Бери из отары моей пятьсот голов баранты, а остальные пятьсот отдал я этому чобану.

Кероглу и Эйваз расцеловались, распрощались с Гассаб-Алы, с чобаном и ускакали. Гассаб-Алы – в Тэкэ-Туркмен, а Кероглу с Эйвазом – в Ченлибель.

Оставим Кероглу по дороге в Ченлибель и расскажем об Араб-Рейхане.

Араб-Рейхан вел свой род от туркменских беков... О его отваге знали хорошо в этих краях и никто еще здесь ему не перечил.

Только Кероглу и Эйваз распрощались с Гассаб-Алы, как показался Араб-Рейхан с отрядом в сто всадников.

– Послушай, что это за люди? – спросил он Гассаб-Алы.

– Это Кероглу, – ответил Алы. – Он увез Эйваза.

– Как так Кероглу!? Зачем увез Эйваза!? Что ты городишь? Или тебе лошадь угодила копытом в голову? Как посмел отдать? – крикнул Араб-Рейхан.

– А как было не отдать? – отвечал Гассаб-Алы. – Кабы я мог справиться с Кероглу, то был бы не мясником, а таким же пехлеваном, как он. Если ты не можешь одолеть его, под силу ли это мне?

Слова Гассаб-Алы разгневали Араб-Рейхана. Он все думал, когда Эйваз подрастет, взять его в свой отряд. Об этом он не раз говорил и Алы. Но Гассаб-Алы был не по душе Араб-Рейхан и его нрав. Только не осмеливался он ему перечить. Сейчас же нарочно хотелось ему уязвить его. Дерзкие слова Гассаб-Алы и потеря Эйваза и то, что Кероглу осмелился на такой поступок в Тэкэ-Туркмене, – все это разожгло душу Араб-Рейхана. Собрав своих людей, пустился он в погоню за Кероглу.

Кероглу не знал здешних дорог, а Араб-Рейхану была здесь знакома каждая тропа. Послал он часть отряда вперед, занять горный проход. В проходе этом скрещивались и отсюда расходились в разные стороны дороги Туркмении. Подъехал Кероглу и увидел – проход закрыт. Понял он, что ему преградили путь.

Хлестнул коня и поднялся на вершину скалы, чтобы оттуда лучше разглядеть врага. Эйваз всмотрелся пристально и узнал Араб-Рейхана.

– Кероглу, это Араб-Рейхан. Смотри, как бы мы не попались ему в руки. Еще никто не уходил от него целым и невредимым..

Кероглу знал Араб-Рейхана. Хоть им и не приходилось сталкиваться лицом к лицу, но слышать о нем ему не раз доводилось. Знал, что это могучий и не ведавший страха пехлеван.

Видит он, если спуститься в горный проход, там не пробьешься, – негде развернуться. А другой дороги нет. Хлестнул коня и подъехал к самому краю скалы. Видит, нет, и отсюда проехать нельзя. Под ним ущелье, – дна не видать, а шириной шагов в пятнадцать–двадцать. И он задумался, что делать, как быть?

Араб-Рейхан прекрасно знал все это. Преградив, горный проход, он спокойно сидел и ждал – ведь через ущелье не перескочишь. Придется Кероглу спуститься вниз, а не осмелится на это, пусть остается на скале и умирает с голоду.

Кероглу одиноко высился на скале. Вспомнил он Ченлибель, своих удалцов. И захотелось ему, чтобы в эту горькую минуту были они возле него. Смотрит – со стороны Ченлибеля тянется вереница журавлей. При виде их сердце Кероглу сжалось, взял он саз и слушаем, что спел:

О, в небе летящий клин журавлей,
Мое племя родное на месте?
Журавли, вы один другого белей.
Мое племя родное на месте?

Шла беседа и саз звенел в темноте.
Плыли легкие гуси по белой воде.
И желанные сердцу девушки те,
Что пели со мною, – на месте?-

Те, которых я выбрал и полюбил,
Чей дружеский голос меня будил,
Опора моя, с кем я рядом был –
Игиды-герои – на месте?

Края, где ловил торгашей в ночи,
И одевался в их кумачи,
Краса Ченлибеля, вершина, ключи
С водой голубою – на месте?

И девушки, что, как сиянье дня,
Шутили, смеялись, встречали меня
И крепко держали поводья коня
Умелой рукою – на месте?

Те, с кем я бок-о-бок сражался, кипел,
С кем я добиваться победы умел.
Соратники славных воинственных дел,
Зачинщики боя – на месте?

Всю жизнь Кероглу ненавидел обман.
Душа моя плачет, аман, аман!..
Мой брат Демирчи и Дели-Гасан
За дальней горою – на месте?

Думал, думал Кероглу и решил: единственный путь для него – через ущелье. Вниз не спустишься. Надо испытать судьбу – совет он журавля, вожака стаи – Гырат перескочит через бездну, если же нет, – придется искать другой выход.

Кероглу вложил стрелу, натянул тетиву. Едва лишь стрела вылетела из лука, как тут же журавль-вожак, кувыркаясь, упал к ногам Кероглу. Отлегло у него от сердца. Вынул он пучок журавлиных перьев и воткнул их в папаху Эйваза. Сел Кероглу на коня, усадил Эйваза позади, крепко-накрепко привязал его к себе и дал Гырату разбежаться.

Когда Кероглу пел песню журавлям, Араб-Рейхан внимал и ухмылялся. Он решил, что Кероглу пришел конец. Вдруг смотрит, тот скачет на коне у самого края бездны.

– Эй, вы, будьте наготове! – крикнул Араб-Рейхан своим людям. – Кажется, он собирается улизнуть от нас.

В это время раздался голос Кероглу. Смотрят, обмял он шею коня и поет:

Злой недруг сзади, бездна – впереди.
Меня ты в Ченлибель умчи, Гырат!
Я на тебя надеюсь, выручай,
Меня ты в Ченлибель умчи, Гырат!

Там ждут друзья и там рокошет саз,
Поет весна, не пряча светлых глаз.
На крупе у тебя сидит Эйваз,
Меня ты в Ченлибель умчи, Гырат!

Труд Кероглу не пропадет вовек –
Пусть кровью захлебнутся хан и бек.
Перелети – да будет быстрым бег!
Меня ты в Ченлибель умчи, Гырат!

– Он или настоящий удалец, или безумец. Да разве может конь перескочить через такую бездну? И еще с двумя седоками на спине?

Кероглу еще раз заставил Гырата разбежаться. Тогда Араб-Рейхан крикнул:

– Если сумеет он перескочить через эту бездну, не подниму я больше на него меча!

Все так и впились глазами в Кероглу. Он поднялся на самую вершину. И у края ущелья так хлестнул коня, что, казалось, в небе сверкнула молния. Гырат, подобрав ноги, полетел соколом и опустился по ту сторону ущелья. И прыгнул он так, что папаха и та не шевельнулась на голове Кероглу.

Гырат передохнул и помчался по дороге.

Посмотрел Кероглу на коня, обернулся, посмотрел через какую бездну они перемахнули и пропел:

Душа-Гырат, глаза мои – Гырат!
Заботы и даров достоин ты.
С тобой не пропадешь – больших дорог,
Скажу без лишних слов, – достоин ты!

Когда сажусь я смаху на коня –
Он на дыбы встает, несет меня.
Сегодня десять мерок ячменя
И сбруи из шелков достоин ты!

Я, Кероглу, стрелой врага разил,
Со многими сражался, полон сил.
Лишь ты бы, мой Гырат, здоровым был.
Серебряных подков достоин ты!

Но Араб-Рейхан не сдержал своего слова. Собрав, людей, он снова бросился в погоню за Кероглу. Обернулся тот, видит, Араб-Рейхан со своим отрядом скачет следом.

Повернул он коня и поскакал навстречу Араб-Рейхану с песней:

Злая угроза врага
Меня не заставит бежать.
Трусливый его удар
Меня не заставит бежать!

Вышел, силен и зол,
Как, лев, я вперед прошел,
А враг, бредя, как осел,
Меня не заставит бежать!

Залягу, спрячусь в траву,
Оттуда метну булаву,
Паше разобью голову –
Меня не заставит бежать!

Сила моя на виду.
От друзей отведу беду,
Достойному жертвой паду, –
Меня не заставит бежать!

Кероглу милы неспроста
Упрямото и прямота.
Ни упреки, ни клевета
Меня не заставят бежать!

И он повторил то, что пропел под звуки саза.

– Араб-Рейхан! Я – Кероглу! Не боялся я ни визирей, ни

султанов. А ты мне и вовсе не страшен. Только жаль мне твоих людей. Не обрекай их понапрасну на смерть. Не будь повинен в зря пролитой крови. Хочешь сразиться со мной – выходи! Настоящий игид негубит зря своих людей.

Затем заставил коня сделать круг, а сам пел:

Коль храбр – так выходи на бой,
Теперь сразимся – я и ты!
Узнаешь силу ты мою,
Теперь сразимся – я и ты!

Копье с отточенным концом
Возьму – молва пойдет кругом,
Что стали мы к лицу лицом.
Теперь сразимся – я и ты!

Не ври у смерти на краю.
Наверняка тебя убью,
Мечом пролью я кровь твою,
Теперь сразимся – я и ты!

Узнав, где недруг, где друзья,
Не убегу, не струшу я,
В бой ринусь, гнева не тая.
Теперь сразимся – я и ты!

Я, Кероглу, стою, гляди,
Да будет горе в злой груди.
Коль ты игид – так выходи, –
Теперь сразимся – я и ты!

Араб-Рейхан тоже сделал круг и поскакал навстречу Кероглу.

Начался бой. Богатыри пустили в ход все свои семьдесят семь приемов, но напрасно. Ни мечи не решили дела, ни пики не помогли, ни палицы. Кероглу рассердился и сошел с коня, подоткнул за пояс полы одежды, засучил рукава и пошел в круг по полю битвы. Спешился и Араб-Рейхан. Вновь началась борьба. То колени од-

ного бороздили поле, то колени другого. Видит Кероглу, нет, Араб-Рейхан не какой-нибудь зверек, а настоящий матерый волк. Рас- свирепел, наконец, и закричал так, что содрогнулись скалы. Люди Араб-Рейхана разбежались как цыплята, завидевшие ястреба. Схватил Кероглу Араб-Рейхана, поднял над головой и бросил оземь. Навалился ему на грудь, приставил кинжал к горлу. Араб-Рейхан не проронил ни звука и не попросил пощады. Поднялся Кероглу и вложил кинжал в ножны.

Кероглу был прям и великодушен. Врага, что не ныл, не плакал и не молил о пощаде, он никогда не убивал. И Араб-Рейхана он помиловал за твердость его духа.

Встал он, сел на Гырата и сказал Араб-Рейхана:

– Иди, прощаю тебя за твое мужество.

– Кероглу, – ответил тот, – пока ты был на вершине скалы, я думал, ты боишься меня. Но когда перескочил через бездну, я дал слово не поднимать на тебя меча. Слова своего я не сдержал, и потому был побежден тобою. Не беда. Увидимся еще, я не останусь в долгу!

– А ты решил, что я испугался тебя и хотел бежать? – спросил Кероглу, – нет, Араб-Рейхан!

От смелого смелый родится на свет!
Игид от игида родится, султан.
Сражению рад настоящий храбрец,
А трус и предатель боится, султан.

За храброго сгинуть готов без следа.
Коль друг умирает достойно, тогда
Не плачет игид; если ж грянет беда
Врагу воздаст он сторицей, султан.

Храбрец, храбрецу ты всегда помоги.
Коль всюду – и справа, и слева – враги, –
Игид не бежит. Отступая, в силки
Врагов заманить он стремится, султан.

– Что же, Араб-Рейхан, как говорят, заимодавец всегда должнику здоровья желает, – сказал Кероглу.

Вскочил он на коня и повернул его к Ченлибелю. Долго ли, скакал, коротко ли, наконец, доехал до подножия Ченлибеля, и, как только увидел родные горы, сердце его воспламенилось. Прижал он к груди свой трехструнный саз и запел:

С годов младенческих я рос,
В объятых гор, в объятых гор.
И сокол окликал меня,
В объятых гор, в объятых гор.

Когда же я игидом стал,
Враг начал бой в ущельях скал,
И я своих друзей собрал
В объятых гор, в объятых гор.

Я всюду был, не знал преград,
И шахи отводили взгляд,
И мчался, мчался мой Гырат
В объятых гор, в объятых гор.

Пути я преграждал, суров,
И останавливал купцов,
Заставил трепетать врагов
В объятых гор, в объятых гор.

Вел пленных в Ченлибель не раз.
О Кероглу родился сказ.
Со мною вместе друг Эйваз
В объятых гор, в объятых гор.

А Нигяр-ханум все ждала и ждала Кероглу. Много, утекло воды после его отъезда, а от него все не было вестей. И вот как-то раз на сердце Нигяр-ханум стало особенно тяжело. Встала она и позвала Телли-ханум. Поднялись они на вершину холма и стали

смотреть. Видят, вдруг на дороге пыль столбом. Туман смешался с пылью, пыль – с туманом.

Всмотрелись пристальней – видят Кероглу скачет на Гырате, а на крупе коня Эйваз. Сбежав с холма, бросились они к удалцам. Нигяр-ханум запела радостно:

Скорей скачите, смельчаки,
Эйваза встречайте!
Один другого краше вы,
Эйваза встречайте!

Эйваз, как сокол, он один,
Отрада девушек долин.
Милее мне, чем Чин-Мачин¹⁴
Эйваза встречайте!

Свой меч возьмите боевой
Летите, всадники, тропой.
Глаз не спущу с него, он – мой!
Эйваза встречайте!

Лук, целясь, Кероглу поднял
И сокола пленил, поймал.
Гырат Эйваза к нам примчал,
Эйваза встречайте!

Пусть подойдет народ к столу,
Пусть будет пиршество в пыли,
Привез к нам сына Кероглу –
Эйваза встречайте!

И ты, и он – вперед скачи.
Пускай начнется той¹⁵ в ночи,
При вас доспехи и мечи, –
Эйваза встречайте!

Пролившего в бою рекой
Кровь, тигра смявшего рукой,
Отнявшего у злых покой,
Эйваза встречайте!

Только Нигяр-ханум спела свою песню, все семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов повскакали на коней. Все они, захватив подарки, помчались встречать Эйваза.

Тут начался пир на весь мир. Всем стало весело. Наполнил кравчий чаши и стал ходить по кругу. Ашуг Джунун взял свой саз. Все пели, танцевали, смеялись.

А Нигяр-ханум поцеловала Эйваза в глаза и назвала его своим сыном.

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО

Приехал Эйваз в Ченлибель, и сердце Нигяр-ханум успокоилось. Муж – Кероглу, сын – Эйваз, кругом – удальцы. Есть ли у кого на свете большее счастье! А Кероглу был еще больше доволен: он привез себе и сына, и помощника, и опору. Смелостью и удальством Эйваз быстро снискал славу среди удальцов: стал он таким молодцом, что за него и жизни никто б из них не пожалел.

У Кероглу было заведено: утром и вечером удальцы упражнялись в верховой езде, в метанье копья, рубились на саблях, стреляли из лука. Как-то раз удальцы разбились на отряды, и Эйваз оделся, вооружился и с группой всадников выехал поупражняться в воинском искусстве.

Кероглу вместе с Демирчиоглу стояли на возвышенности и следили за удальцами. Женщины были возле них. Смотрят, отряд всадников скачет во весь опор, а впереди Эйваз. Но Эйваз, что за Эйваз!.. Арабат под ним пляшет, в руках у юноши египетский меч, на руке сокол... Словно вслед врагу он мчится, как стрела из лука

летит, точно птица в воздухе парит. На шапке у него журавлиное перо, – ну просто сын кесаря, украсивший голову золотом и драгоценными камнями.

Посмотрела на него Нигяр-ханум, не выдержала и сказала Кероглу:

– Кероглу, взгляни туда, кто это скачет там?

Но тот и сам давно уже любовался Эйвазом. В ответ на слова Нигяр-ханум он прижал к груди сази запел:

Нигяр-ханум, я говорю:
Эйваз идет, Эйваз идет!
Я узнаю доспехов блеск,
Эйваз идет, Эйваз идет!

Пятнадцать лет ему, светло
Его прекрасное чело,
Прядь – журавлиное крыло.
Эйваз идет, Эйваз идет!

Отважный из отважных он
Сын мужа, мужем наречен,
Как лев, в сражение разъярен –
Эйваз идет, Эйваз идет!

Египетский клинок звенит.
Скакун арабский – звон копыт.
Он жизни не щадит, игид.
Эйваз идет, Эйваз идет!

Из лучших лучший – мой птенец.
Он смел, он мужества венец..
Я, Кероглу, его отец.
Эйваз идет, Эйваз идет!!

Телли-ханум стояла тут же. Демирчиоглу был уже здоров, и в сердце у нее пела радость. Поглядела она, поглядела и вдруг сказала:

– Нигяр-ханум, смотри, как журавлиное перо к лицу Эйвазу! Если так оно идет мужчине, то как должно пойти нам, женщинам. Пусть бы и нам привезли журавлиных перьев.

При этих словах Эйваз как раз поровнялся с ними. Сойдя с коня, поклонился он Нигяр-ханум, Кероглу, Демирчиоглу и Теллиханум, а потом сказал Кероглу:

– Слышишь? Женщинам понравились журавлиные перья. Дозволь, я поеду и привезу их.

Не хотелось Кероглу пускать Эйваза. Побоялся он, что с юношей приключится беда. А потом подумал и решил – пусть едет; игиду все нужно испытать, его закаляют и жар, и холод. Повернулся он к Нигяр-ханум и спросил:

– Что скажешь? Ехать ему или нет?

Нигяр взглянула на Эйваза. Видит, о аллах! Глаза Эйваза словно сейчас заговорят, начнут молить и упрашивать. Не выдержало сердце Нигяр, не захотелось ей нанести обиду Эйвазу, и она дала свое согласие.

Тут вышел вперед и Демирчиоглу:

– Кероглу, дозвожь поехать и мне.

– Ты ведь недавно встал с постели, – возразил Коса-Сафар.

– Нет, – перебил его Демирчиоглу, – я поеду, и все тут!

– Почему тебе непременно надо ехать? – спросил Кероглу.

– Первое, Эйваз еще молод, ехать ему одному не годится, – отвечал Демирчиоглу. – А второе, перьев этих захотелось Теллиханум. Нехорошо, чтоб я сидел дома, а другой отправился за ними.

Кероглу разрешил ехать и ему.

В ту же минуту вышел вперед и Белли-Ахмед:

– Кероглу, позвожь ехать и мне, – сказал он. Кероглу согласился.

Так как путь предстоял долгий, Эйваз сел на Гырата, а Демирчиоглу и Белли-Ахмед вскочили на лучших коней. По полям, по лесам, по долинам, по холмам ехали они и, наконец, подъехали к окрестностям Багдада.

Смотрят, тут журавлей видимо-невидимо. Пустив коней пастись, взяли они луки, стрелы и начали охоту. Ну, раз за разом упал

один, пять, десять, пятнадцать! Словом, часа за два настреляли они уйму журавлей. Уселись, начали ощипывать им хохолки и перья, набивать ими свои охотничьи сумки, а мясо нарезали и изжарили шашлык в тени пальм. Поели они, попили и уснули все трое.

А сторож заповедника багдадского Аслан-паши давно уже следил за ними. Когда все трое уснули, он бросился бежать к Аслан-паше.

– Чего сидишь, о чем думаешь? Приехали трое чужеземцев. Они уснули у родника. А между ними один – вылитый Кероглу, да и только!

Выслушав сторожа, Аслан-паша тотчас же вспомнил о султанском фирмане.

Весть о поездке Кероглу в Туркмению, о его схватке с Араб-Рейханом, о том, как он увез Эйваза обошла весь свет, дошла и до султана. Разгневанный султан снова разослал всем пашам фирман. И говорилось в нем, что тот, кто убьет Кероглу или кого-либо из его игидов, будет награжден, а тех, кто увидит удальцов из Ченлибеля и не известит об этом султана, – вздернут на виселицу. Такой же фирман был прислан в Багдад и вручен Аслан-паше. Поэтому не успел сторож произнести имя Кероглу, как Аслан-паша, призвав сардара², приказал ему собирать войска в поход.

Забили в литавры. Воины облачились в боевые доспехи, вооружились и пустились в дорогу.

Гырат стал бить копытом оземь и громко ржать. Демирчиоглу и Белли-Ахмед проснулись и увидели, что со всех четырех сторон они окружены войсками. Белли-Ахмед потянулся за мечом, но Демирчиоглу удержал его.

– Что делаешь? Не видишь разве, что Эйваз спит? Нельзя вступать в бой, не разбудив его. Втянемся мы в драку, потеряем друг друга из виду, и Эйваз очутится в руках врага.

Демирчиоглу принялся будить Эйваза. Но как он ни бился с ним, тот не просыпался. Окликали его, трясли, но ничего не помогало. А войска паши все прибывали, точно саранча. Время шло. Увидев, что он не может разбудить Эйваза, Демирчиоглу взял саз и послушаем, что он спел:

Нас враг окружил неожиданно, вдруг.
Что спишь, просыпайся, боец Эйваз.
Уже замыкается страшный круг, –
Проснись, иль придет нам конец, Эйваз

Не поддавайся на вражью ложь.
Все выложу – правду мою поймешь.
Будь стойким, чтоб недруга бросило в дрожь.
Сияй нам, как светлый венец, Эйваз.

Не допусти, чтоб Белли-Ахмед
Пленен был, и я, Демирчи, за ним вслед
Был продан в рабы, канул в бездну бед.
Встань, ведь Кероглу – отец твой, Эйваз!

Звуки саза разбудили Эйваза. А войска уже окружили их. Хотели они сесть на коней, какое там – лошадей нет. Их давно заарканили. Аслан-паша приказал схватить удальцов. Когда войско двинулось на них, Демирчиоглу издал боевой клич ченлибельцев и потянулся за мечом. Удальцы с трех сторон бросились на бесчисленное войско. Ударяя справа, выходили слева, ударяя слева, выходили справа. Но сколько воинов они ни клали на землю, сколько ни отправляли их прямым путем на небо, войска все шли и шли, и удальцы не могли пробиться сквозь них. Трудно им было биться пешими. Обессилили они. Войскам Аслан-паши удалось разъединить их и схватить поодиночке. Вместе с конями привели их в город.

Теперь оставим их здесь, а расскажу-ка я вам о Ходже-Азизе.

У Кероглу был приятель-купец. Звали его Ходжа-Азиз. Много лет Ходжа-Азиз дружил с Кероглу. Когда Эйваза и удальцов схватили, Ходжа-Азиз как раз ехал в Багдад за товарами. По всему Багдаду разнеслась весть, что пойманы три разбойника и их ведут на казнь. Весь базарный люд устремился на площадь поглазеть. Среди них был и Ходжа-Азиз. Ждали, ждали, наконец, приехал Аслан-паша, его сардар и конница. Смотрят, стража ведет пленников. Видит Ходжа-Азиз, что это?.. Да ведь это Эйваз, Демирчиоглу и Белли-Ахмед! В глазах у Ходжа-Азиза потемнело.

«Беда, – подумал он, – этот злодей, сын злодея, убьет их. Как быть? Тут сам я ничего не сумею поделать. Будь это купля-продажа, я бы надул и тысячу багдадских купцов, оставил бы им от всех их богатств зерна на прокорм одного петуха. А тут надо действовать мечом... Поехать и известить Кероглу?.. Да отсюда до Ченлибея надо ехать неделю. Пока я поеду, пока Кероглу прискочет, от них и праха не останется...».

Так думал Ходжа-Азиз, не зная, на что решиться. Вдруг смотрит – вслед за пленными удальцами ведут трех коней. Взглянул он и сразу узнал Гырата. «О, неразумное сердце наше! Надо только заполучить Гырата, а там я смогу известить Кероглу». И Ходжа-Азиз двинулся за стражей. Шли, шли и, наконец, подошли ко дворцу Аслан-паши.

– Заточить всех троих в темницу! – приказал тот, – а коней привести сюда.

Эйваза, Демирчиоглу и Белли-Ахмеда бросили в темницу. А конюхи подвели коней к Аслан-паше. По его приказу старший конюх сел сначала на коня Демирчиоглу и пустил его галопом. Проехал он из конца в конец и остановил коня перед Аслан-пашой. Конь паше понравился. Затем сел старший конюх на коня Белли-Ахмеда и проехался на нем. И этот конь понравился Аслан-паше. Дошла очередь до Гырата. Бедняга Ходжа-Азиз стоял и терзался, не зная, что делать, а в душе решил пожертвовать хоть всем своим состоянием, но заполучить Гырата. Старший конюх сел на Гырата, но что он ни делал, конь не двигался с места. Наконец, выйдя из себя, конюх хлестнул коня. Гырат опустил уши. Когда же конюх снова хлестнул коня, Гырат поджал хвост, прикрыл один глаз и кое-как поплелся, прихрамывая на одну ногу. Аслан-паша рассмеялся:

– Видно, двое из тех хозяева, а третий – слуга. Это хромой конь слуги. И с виду сам похож на слугу.

И он приказал старшему конюху:

– Тех двух коней пусти в мой табун. А эту клячу отдай сторожу заповедника. Пускай ездит на ней. Все же лучше, чем плестись пешком.

Гырата отдали сторожу заповедника. Тот ждал богатой награды за доставленную паше весть. А ему дали полуслепую клячу. Взяла его большая досада. А Ходжа-Азиз радовался в душе и хвалил Гырата. Пробившись сквозь толпу, он подошел к сторожу:

– Послушай-ка, брат, сколько заплатить тебе за эту негодную клячу?

Думая, что купец над ним насмехается, сторож совсем разъярился и начал сыпать руганью. Ходжа-Азиз стал увещевать его:

– Послушай, нас-то за что ругаешь? Мы то чем виноваты?

Словом, туда-сюда, Ходжа-Азиз пустил в ход сладкие речи и успокоил сторожа. Недаром говорили в старину, что язык купца заставит и змею выползти из гнезда. Словом, Ходжа-Азиз, уплатив малую толику денег, забрал у сторожа Гырата.

Не теряя времени, повел он коня к дому, где остановился. Наскоро насыпал ему ячменя и сена, а сам поспешил на рынок. Купив батман смолы и кусок бязи, вернулся домой и стал ждать, пока не начало смеркаться. Разведя огонь, Ходжа положил смолу в медный таз и растопил, она стала мягкой, как воск. Затем, намазав смолу на кусок бязи, привязал он эту бязь на спину Гырата, а сам уселся сверху. Смолка стала застывать и прихватила Ходжу-Азиза так крепко, словно был он привязан к коню ремнями и веревками. Ходжа-Азиз решив, что теперь он не упадет, полегоньку пустил коня вскачь. И Гырат понесся, да так понесся, будто оставил в Ченлибеле своего жеребенка. У бедного Ходжа-Азиза душа ушла в пятки, и он тут же обеспамятел. Сколько проскакал конь – не знал, как проскакал – не ведал, и только когда Гырат вдруг громко заржал, Ходжа-Азиз на минутку раскрыл глаза и увидел, что он уже у Ченлибея.

Сбежались удальцы, услышав ржанье Гырата, и увидели – конь мчится, да так, что вот-вот у него треснут копыта. Но Эйваза на нем не было. Конь все приближался. Видят удальцы – что-то чернеет на нем. И удивляются – что это такое? Тут как раз конь подскакал и стал прямо перед Кероглу. Повернул Гырат голову в сторону Багдада и заржал так, что содрогнулись горы и скалы. Потом, взглянув на Кероглу, принялся бить копытами оземь.

Обнял Кероглу своего верного коня и осыпал поцелуями его глаза, морду и шею. Смотрят, на Гырате какой-то человек.

Взяли его за руки, хотели снять, но как ни тянули, как ни старались оторвать, не могли. Смотрят, оказывается, он прилепил себя к коню смолой.

Короче говоря, так и сняли Ходжу с коня вместе с бязью и положили наземь. Взглянул Кероглу – да ведь это Ходжа-Азиз! Ну, принесли тут воды – то да се, Ходжа-Азиз пришел в себя.

– Что случилось? – спросил Кероглу?

Ходжа-Азиз ответил ему:

Я весть тебе принес, о, Кероглу!
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?
Внимай мне опечаленной душой,
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?

Игид игида не приводит к злу.
Неужто вправду канули во мглу
Белли-Ахмед и Демирчиоглу?
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?

Ходжа-Азиз, живу под игом ходж³.
А твой Эйваз, что на цветок похож,
В Багдаде связан – и у горла нож.
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?

И Ходжа-Азиз повторил то, что сказал в песне:

– Кероглу, Аслан-паша схватил и заточил в темницу Эйваза, Демирчиоглу и Белли-Ахмеда. Если ты не поспеешь, тебе их больше не видать.

Удальцов точно обдали холодной водой. Женщины поникли головами. Кероглу взглянул на Нигяр-ханум. Видит аллах, с Нигяр такое делается, такое делается... Розовые щеки стали белыми, как самаркандская бумага. Голубые глаза полны влаги, как вешние тучи. В одну минуту рубиновый рот поблек, словно опаленные морозом тюльпаны. Только хотел Кероглу сказать что-то, как

Нигяр-ханум встала с места. Не глядя ни на Кероглу, ни на удальцов, поднялась она на вершину горы. Посмотрела на белевшие вдаль снежные горы. Выбрала из бесчисленных кос своих три косы, прижала их к беломраморной груди и, перебирая точно струны саза, запела:

Поднявшие шапки до облаков,
Где Эйваза вы спрятали, горы!
Поглотили вы, горы, трех смельчаков.
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Вы услышите ныне проклятья мои,
Не спаситесь вам от ураганной струи.
Рухнут камни, останетесь в забвении.
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Взываю, рыдаю о сыне моем.
Пылая, других опалю огнем.
Разъяренная, опояшусь мечом:
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Я вздыхаю, Нигяр, мой удел жесток:
Ваши камни, горы, сброшу в поток.
Вас срюю, чтоб замок поднялся, высок:
Где Эйваза вы спрятали, горы⁴?

Свет померк в глазах Кероглу, и словно все в Ченлибеле закружилось вокруг него. Протянул он руку, схватил за поводья Гырата и со всего размаху вскочил на него – будь на месте Гырата другой конь, тотчас бы у него сломался хребет. Потом Кероглу обратился к Коса-Сафару:

Скорей, скорей проснитесь, удальцы.
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.
Пусть кровью обагряются мечи –
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.

Я спал и видел страшный сон, и вот
Предугадал я горестей приход.
Коней седлайте, поскачу вперед –
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.

Враги над ним свершат неправый суд.
Злорадствуя, закатят пир, и тут
Коль Кероглу не поспешит, – убьют.
Эйваз мой схвачен, он в руках врага⁵.

– Я еду, – сказал Кероглу. – Вы отправитесь следом. Буду ждать вас в садах Багдада. Тот, кто ранним утром первым будет приветствовать меня в саду, получит сто золотых.

Сказав это, он натянул поводья. Гырат взвился на дыбы и полетел к Багдаду.

Удальцы стали поспешно готовиться к отъезду. Оделись, вооружились и отправились путем-дорогой. Сколько ехали они, как ехали, неведомо никому, но только поутру, с зарей, смотрит Кероглу – Дели-Гасан, Дели-Мехтер, Коса-Сафар, Чопур-Мехти, Исабала, Тыпдагыдан, Тохмагвуран, Алайпозан, Танрытанымаз, Дилбилмез с мечами наголо стоят перед ним. Поглядел он и видит – легче перечесть финики в садах Багдада, чем выстроившихся за ними удальцов.

– Хорошо, что вы уже здесь, но пока рано. Подождите немного, может мне удастся разузнать что-нибудь. Если войдем мы в город, узнают нас и молодцов наших могут перебить.

Не успел Кероглу сказать это, смотрит, какой-то всадник мчится во весь опор.

– Коса-Сафар, – сказал Кероглу, – человек этот едет из города. А ну-ка поезжай ему навстречу, может, что-нибудь разузнаешь.

Коса-Сафар поскакал и в мгновение ока перерезал путь всаднику. Видит, это широкоплечий, толстопузый мужчина, в чохе⁶, в багдадских башмаках, с узорчатым шарфом вокруг головы.

– Послушай, постой! – крикнул Коса-Сафар. – Куда ты так спешишь?

– Спешу, спешу, – ответил ему тот. – У меня в поле жнецы, везу им хлеба и хочу поскорее воротиться обратно.

– А что такое в городе? – спросил Коса-Сафар.

– Аслан-паша поймал трех удальцов Кероглу. Сегодня их повесят. Будет большое торжество. Мне надо поскорее вернуться в город, чтобы видеть казнь и бросить на могилу каждого по черному камню, чтоб аллах на том свете воздал мне за это.

Только успел он сказать это, как Коса-Сафар соколом налетел на него и схватил за горло. Волоча, точно падаль, притащил, он его к Кероглу и опустил на землю. Смотрит Кероглу, а тот давно успел отправиться в преисподнюю.

– Почему ты сделал это? – спросил он Коса-Сафара.

Коса-Сафар рассказал все, как было. Повернулся Кероглу к удальцам и сказал:

– Сойдите-ка с коней и бросьте каждый на него по черному камню. Пусть аллах на том свете не пожалеет для него своих воздаяний.

Семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов сошли с коней и каждый бросил на мертвеца по камню. Камней набралось столько, что выросла целая гора. Рассказывают, гора эта стоит до сих пор, а старые люди добавляют, что произнести проклятие, проходя мимо этой горы, – благое дело.

Словом, Кероглу узнал, что пленных молодцов сегодня должны повесить. Кликнул он, и все удальцы, повскакав на коней, двинулись к городу.

Вскоре они увидели, что какой-то старик жнет хлеб, и при этом плачет так, что слезы градом льются из глаз.

Подъехал к нему Кероглу и спросил:

– Дядюшка, о чем ты так плачешь?

– На что тебе знать? – не поднимая головы, отвечал старик. – Ты все равно не поможешь моему горю, ступай-ка лучше своей дорогой.

Как старик ни увиливал, Кероглу не отступил от него. Увидел тот, что ничего другого не остается, и сказал:

– Раз ты так пристаешь, ответь мне прежде, кто ты? Что это за отряд следует за тобой?

– Мы едем из Мурадбейли, – ответил Кероглу. – Приехали сюда за скотом. На дорогах беспокойно, вот мы и вооружились.

При слове Мурадбейли старик на минуту задумался:

– Вот как. Говоришь, что ты из Мурадбейли, а скажи, знаешь ты Кероглу или нет?

Понял Кероглу, что старик скрывает что-то и ответил:

– Знаю, как не знать!

– А раз знаешь, скажи мне, друг ты ему или враг?

– Мы с ним друзья. А что? Почему ты спрашиваешь меня об этом?

– Сын мой, никогда я не был ни Рустам-Залом, ни Назаром Джелали и уж, конечно, не мог равняться с Кероглу! А все же в молодости и я был удалым, хоть куда. Поверь, что был я настоящим игидом. Не показывал врагу спину.

Старик помолчал немного и потом, вытерев глаза, добавил:

– Есть у нас в Багдаде паша, зовут его Аслан. Что за подлый, трусливый и хитрый человек! Вот уже трое суток тому, как поймал он трех удальцов Кероглу и заточил их в темницу. Вчера глашатай Аслан-паши известил народ, что нынче повесят их. Эх, сынок, душа не потерпит, чтобы такой трус и негодяй повесил отважных удальцов. Убил бы он их один на один в честном бою, это другое дело... Но, что поделаешь, проклятая старость. Мне перевалило уже за сто. Ничего я не могу сделать. Недаром отцы и деды говаривали, что когда человек не в силах сделать что руками, он начинает работать языком, а когда его язык скован пашой, остается только дать волю слезам.

Едва старик кончил говорить, как Кероглу приказал своим удальцам помочь ему. Удальцы рассыпались по полю. В мгновение ока они сжали весь хлеб старца, связали в снопы и сложили скирды. Старик стоял и только глазами моргал от удивления. Не мог он понять, что это за люди и для чего они все это делают. Подумал он было, что это люди Аслан-паши и хотят сжечь его хлеб. Но видит, нет, на дурных людей не похожи.

Когда удальцы убрали весь хлеб, Кероглу сказал старику:

– Старик, да будет тебе известно: Кероглу – это я. Сейчас я

зажгу в сердце этого Аслан-паши такой пожар, который будет пылать до скончания века. Мы войдем в город, а ты жди меня с большим хурджуном⁷ у сокровищницы Аслан-паши.

Кероглу хотел кликнуть удальцов и пуститься в дорогу, но старик сказал:

– Постой, Кероглу, я вижу, сильно ты разгневался на Аслан-пашу. Кровь застилает тебе глаза, и ты не рассуждаешь. Входить так в город вам нельзя. Тебя узнают. Ты сам, один, войди. А люди твои, разделившись, пусть смешаются с толпой.

– Старик говорит дело, – заметил Коса-Сафар. – Повернулся тогда Кероглу и послушаем, что спел:

На вершине высокой, высокой горы
Цветник – с одной стороны, снег – с другой,
Горят во рту пересохшем моем
Язык – с одной стороны, зубы – с другой.

Как быть нам, друзья! Мы своим огнем
Надвое вражьи сердца разорвем.
Эйвазу поможем – и бой начнем
Четверо – с одной стороны, пятеро – с другой.

Будь, что будет, пускай проливается кровь.
Мой кубок наполнится до краев.
Когда усилятся натиск врагов –
Ударь с одной стороны, заходи – с другой.

Нет иного исхода для Кероглу,
Египетский меч рассечет скалу.
Коль меч опушу – упадут во мглу:
Тело – с одной стороны, голова – с другой!

Видя, что удальцы уже разделились, Кероглу сказал:

– Удальцы мои, я буду у Аслан-паши. И до тех пор буду занимать его и толпу, пока вы все не подберетесь поближе. Смешайтесь с людьми и оцепите площадь так, чтобы, когда обнажатся египетские мечи, ни одна душа не могла двинуться с места.

Но следите за мной. Пока я не покручу усы, пусть ни один из вас не начинает боя.

Кероглу надел поверх своих доспехов одежду ашуга, взял саз и пустился в дорогу.

Итак, пусть Кероглу в одежде ашуга спешит на площадь, удальцы, смешавшись с толпой, занимают свои места, старик торопится домой захватить хурджун, а я расскажу вам об Аслан-паше.

Его глашатаи созвали на площадь весь народ.

Площадь была так разубрана, так разукрашена, будто готовилось свадебное празднество.

Палачи подвели к виселице связанных по рукам удальцов.

Аслан-паше было так радостно, так весело, что просто сиял он весь.

Приказал он установить для себя трон на почетном месте на площади, уселся на нем и, не переставая, бубнил своему сэдр-эзаму⁸:

– Подожди, еще увидишь, какую награду пришлет нам султан! Ведь это не шутка... Ни одному паше еще не удавалось поймать хотя бы одного удальца Кероглу. Недаром меня зовут Аслан-паша.

Итак, палачи намастили веревки и завязали петли.

Забили в барабаны. Выступив на середину площади сэдр-эзам сообщил народу то, что следовало сообщить. Потом вывели на площадь вооруженный отряд и расставили впереди толпы, на случай сумятицы. Когда все было окончено, палач подвел Эйваза к виселице.

Кровь бросилась в голову Демирчиоглу. Напряг он силы раз, напряг в другой, но порвать веревки, связывающие ему руки, не мог. Всякий раз веревки еще глубже врезались ему в тело, и понял он тогда, что руки его связаны воценой веревкой. Потерял он совсем надежду. Защемило ему сердце, и послушаем, что спел он тогда:

Где мой спаситель Кероглу?
Сюда, в своей папахе пусть,
Меч обнажив, он прилетит, –
Враг умирает в прахе пусть!

Пусть прибежит сюда Гырат,
Пусть недруги в крови лежат.
О, Кероглу, скорей, мой брат, –
Враг разбежится в страхе пусть!

Потом обратился к Аслан-паше: – Паша!

Меня допрашивай скорей.
Вину докажешь – не жалея,
Двух удальцов, паша, убей,
Эйваза же, прошу, не тронь⁹!

В эту минуту Кероглу вышел на площадь. Видит Аслан-паша, какой-то ашуг с сазом в руке выступил на середину площади.

– Послушай, ты – ашуг?

– Да, паша, ашуг, – ответил Кероглу.

– А знаешь ли ты что-нибудь из песен Кероглу? – спросил Аслан-паша.

– Паша, позволь, я спою песнь, как песнь, а кто такой этот Кероглу, чтобы распевать здесь его песни?

– Нет, ты ничего не знаешь. Я поймал трех удальцов Кероглу, по этому случаю и празднество. Спой им что-нибудь из песен Кероглу, чтоб порадовать сердца их перед смертью.

Повернулся Кероглу, посмотрел на Эйваза, Демирчиоглу, Белли-Ахмеда, потом оглянулся на своих удальцов, стоявших в толпе, прижал к груди свой саз и так ударил по струнам, что они зазвучали по всей площади:

Удальцы, нынче битва начаться должна.
Быть разгромлены эти убийцы должны!
Узнается по ранам тяжелым игид.
Струи вражеской крови пролиться должны.

Пусть воинственный клич раздаётся везде.
Словно соколы, схватим добычу в гнезде.
Меч сверкнет – и враги захлебнутся в крови.
И вокруг тела кишки их обвиться должны!

Кероглу знает привкус враждебной крови.
Эй, храбрец, на ристалище всех созови!
Бей визирей нещадно и ханов лови –
И тела на тела громоздиться должны.

– Спасибо, ашуг! – поблагодарил Аслан-паша. – Ты поешь совсем, как Кероглу.

Повернулся Кероглу и взглянул на стоявших у виселицы удальцов. Видит, все трое узнали его. Демирчиоглу уставился глазами на одну виселицу, а Белли-Ахмед – на другую. Понял он, что они только и ждут того, чтобы развязали им руки. И тогда, держись паша, – они выворотят столбы и начнут битву. Посмотрел он на Эйваза. Видит, нет, у Эйваза не то на уме. Стоит он у подножья виселицы, впился глазами в Кероглу. А от счастья глаза полны слез. Не выдержало сердце Кероглу, и он спел:

Душа моя, глаза мои, –
Паша, Эйваза отпусти!
Такая просьба у меня:
Паша, Эйваза отпусти!

Низрину молнию с небес,
Всех обращаю я в пепел здесь,
Чтоб ты с лица земли исчез, –
Паша, Эйваза отпусти!

Я вижу бека и пашу –
Душа в крови, едва дышу.
Я, Кероглу, тебя прошу: Паша,
Эйваза отпусти!

Пусть Кероглу поет, паша слушает, а удальцы ждут, расскажу вам о Гизироглу Мустафабеке.

В здешнем краю жил прославленный игид по имени Гизироглу Мустафабек. Был он могуч и удал. Прежде отец его был гизирем¹⁰, а потом, за то, что пошел он против султана, его повесили. Рассказывают, что с той поры Мустафабек с сорока всадниками ушел в горы и враждовал с пашами. Он то и дело нападал на кого-нибудь из недругов своего отца, хватал его, вздергивал на виселицу и снова уходил в горы.

Давно уже хотелось Гизироглу Мустафабеку встретиться и помериться силами с Кероглу. Еще в старину было сказано, что в одном котле двух молодецких голов не сварить. И Гизироглу говаривал: «Пусть или имя Кероглу гремит, или мое».

И Кероглу доводилось слышать о Мустафабеке, хоть он никогда и не видел его. Знал он также, что Гизироглу, рыская по горам и долинам, дни и ночи ищет встречи с ним.

Дошла до Гизироглу Мустафабека весть, что Аслан-паша схватил трех удальцов Кероглу и сегодня их должны повесить на площади. Собрал он своих людей и обратился к ним с такими словами:

Мой путь ведет в Багдад –
Кто едет – пусть без слов поедет.
Кто ловок, и кто может пить,
Как я, – коль он таков – поедет.

Душа пылает, горяча,
А день – как год. Тот, кто сплеча
Ударом одного меча
Срубает семь голов, – поедет.

Где розы цвет и где заря?
О, соловей умолк не зря.
В плену все три богатыря,
Кто жизнь отдать готов – поедет!¹¹

Потом Мустафабек повторил сказанное под звуки саза:

– У меня есть счеты с Кероглу, это своим чередом. Наступит день, мы встретимся и рассчитаемся. А подлостей Аслан-паше я не прошу. Должен я вырвать удальцов из его рук. Ведь удальцам Кероглу никакого дела до него не было. Все, кто видел, говорят, что они в степи охотились за журавлями. Аслан-паша хочет выслужиться перед султаном, виляет перед ним хвостом. В назидание другим я хвост у него отрежу и воткну ему в глаза. Не допущу, чтобы он предал позорной казни удальцов.

Люди Гизироглу Мустафабека воздали хвалу его благородству. Все они поднялись, надели свои доспехи, вооружились и прибыли в Багдад. Неподалеку от площади высился небольшой холм. Гизироглу поднялся на него, чтобы посмотреть, что делается на площади. Видит, Кероглу, переодетый ашугом, поет. Мужество Кероглу изумило Мустафабека, и он в душе воздал ему хвалу.

– Подождем, посмотрим, чем дело кончится, – сказал он своим людям. – Никак не поверю, что ему удастся вырвать своих удальцов из самого змеинового гнезда. Вся площадь оцеплена войсками. Клянусь, я подожду до конца. Увижу, что не под силу ему это дело, пойду на помощь. Если же сумеет он своих выручить, поеду следом и, когда он выедет из города, померюсь с ним силой. Аллах будет или с ним, или с мной.

Сказав это, Мустафабек сошел с коня и стал ждать. Кероглу пел, расхаживая по площади. Он не зря развлекал народ, а делал это для того, чтобы каждый из его удальцов мог занять нужное место. Ждал Гизироглу, ждал, видит, нет, кажется, Кероглу вовсе и не собирается вступать в бой.

«Быть может, удальцы его еще не подоспели, – подумал Мустафабек, – он один и потому боится, дам-ка ему знать, что я здесь».

У Гизироглу Мустафабека была булава с раздвоенным концом. О ней было известно всем. Когда матери проклинали своих детей, они говорили: «О, чтобы поразила тебя булава Гизироглу Мустафабека». Гизироглу поднял эту булаву над головой, покругил и метнул так, что она попала в купол мечети на площади.

Булава ударилась с такой силой, что посыпались искры. Аслан-паша так и подскочил.

– Что это? С неба сыплется огонь?

Смотрит Кероглу, что-то упало ему под ноги. И узнал знаменитую булаву Гизироглу. Он тотчас понял все.

– Паша, – сказал он, – огонь этот не с неба. Он постоянно висит над твоей головой.

Только Кероглу сказал это, как увидел: сэдр-эзам Аслан-паши собирается улизнуть. Прижал Кероглу к груди свой саз и спел:

Аслан-паша, решил визирь
Твой удалиться, – показалось.
Не птица ль это из гнезда
Решила взвиться, – показалось.

Аслан-паша поспешно оглянулся по сторонам. В самом деле, сэдр-эзам хотел удрать. Что-то не понравилось ему в ашуге. Точно чуяло сердце его, что это сам Кероглу. Когда Аслан-паша вдруг оглянулся и посмотрел по сторонам, сэдр-эзам испугался и сел на место.

– Что такое? Что это там? – спросил Аслан-паша.

Сэдр-эзам прильнул губами к уху Аслан-паши и зашептал:

– Да продлит аллах жизнь паши, не нравится мне этот ашуг, не верю я ему. Он смахивает на Кероглу.

Видит Кероглу, что сэдр-эзам разгадал все, и, чтобы отвести от себя подозрение, продолжал начатую песню:

Своею храбростью блеснул
Гизироглу – разнесся гул, –
И так он булаву метнул,
Земля дымится, – показалось.

И Кероглу указал на лежавшую на земле булаву. Убедился Аслан-паша, что в самом деле это булава Гизироглу Мустафабека, и тотчас приказал палачу приступить к казни. Палач бросился к Эйвазу, схватил его и стал тащить на помост. Видя, что Эйваза

ведут на казнь, Кероглу закончил свою песню:

Я – Кероглу, я в гневе лют.
Я в горе изнываю тут.
Эйваза вешать ли ведут,
В глазах двоится, – показалось.

Обернулся Кероглу, посмотрел на удальцов, видит, все стоят наготове и ждут знака, а сами от злобы и ярости кусают губы. Еще раз сделал он круг по площади, потом повернулся к Демирчиоглу:

Три игида, будьте мудры:
Лев ринется в бой сейчас.
Порвется веревка и цепь –
Лев ринется в бой сейчас!

Сокол к вам, братья, пришел.
Откройте объятия – пришел.
Спасет он вас, знайте, пришел.
Лев ринется в бой сейчас!

Палач подвел Эйваза к виселице и ждал – кончит ашуг свою песнь, и тогда он накинет петлю на шею Эйваза. Идя по кругу, Кероглу подошел к нему и спел:

Не гляди ты заносчиво так.
Не слетает стервятник на мак.
Захлебнешься ты кровью, враг.
Станет почва багровой сейчас!

Сделав еще один круг, Кероглу спел дальше:

Станьте рядом – лицом к лицу.
Плотно вяжите – конец к концу.
Головы не снести глупцу –
Кровь прольется снова сейчас!

Крикну: Гей! – торопясь, выходи.
Крикну: Гуй! – из себя выходи.
Выходи, Кероглу угоди;
Кровь смешается с кровью сейчас!

Удальцы напрягли мускулы. Издал Кероглу боевой клич:

Э-гей, храбрецы, э-гей!
В блистаньи клинков летите!
Как соколы в небесах
На алую кровь летите!

Пусть кони крылатые ржут.
Мечи, как огонь, сверкнут.
Освободясь от пут,
Вперед, на врагов, летите!

Слыша клич Кероглу живой,
Дрогнули беки, слабы душой.
Я расправлюсь с Аслан-пашой.
Вы ж – на ханов его летите!

Распевая так, провел Кероглу рукой по усам. Удальцы налетели со всех сторон. Все смешалось. В мгновение ока бросился Кероглу к Аслан-паше. Не успел египетский меч сверкнуть в воздухе, как голова Аслан-паши скатилась на землю. Удальцы мечами разрубили веревки и освободили Эйваза, Демирчиоглу и Белли-Ахмеда.

Кероглу только и видел, как в разных концах площади поднимаются и опускаются столбы от виселиц и всякий раз десять–пятнадцать воинов паши превращаются в кровавое месиво. А это Демирчиоглу и Белли-Ахмед, выворотив столбы, истребляли войско паши.

Действуя мечом направо и налево, дошел Кероглу до сокровищницы Аслан-паши. Смотрит, старик уж тут. Ударил Кероглу в дверь своей палицей. Дверь разбилась в тысячу щеп.

– А ну-ка, старик, иди сюда!

Старик подошел.

– Где твой хурджун? – спросил Кероглу.

– Ах, родной, право же, от радости я не знал, что делаю.

– Не беда! – сказал Кероглу, – входи!

Вошел старик в сокровищницу, и дал ему Кероглу целый мешок золота, а двум удальцам приказал:

– Проводите его домой и потом возвращайтесь. А теперь, дайтека расскажу я вам о Гизироглу Мустафабеке. Когда Кероглу покрутил свои усы и все смешалось на площади, Гизироглу сначала ничего не понял. Только под конец сообразил он, как было дело.

– Ну, друзья, – обратился он к своим людям, – нам тут делать больше нечего. Я ручаюсь за Кероглу. Теперь мне остается свести с ним свои счета. Пойдемте!

Он собрал своих людей и ушел. Когда же бой затих, посмотрел Кероглу кругом, видит, нет Гизироглу Мустафабека. И тоже понял все. Понял, что Гизироглу преградит ему путь. Сейчас он нарочно ушел, чтобы удальцы не были свидетелями их стычки.

Когда удальцы, веселые и радостные, сели на коней и поскакали к Ченлибелю, Кероглу сказал Коса-Сафару:

– Коса-Сафар, сколько дорог ведет отсюда в Ченлибель?

– Отсюда в Ченлибель две дороги, – отвечал Коса-Сафар, – одна та, по которой мы едем, вторая, горная дорога, тянется за теми холмами, но та дорога трудная и в полтора раза длиннее этой.

А Кероглу только того и нужно было. Повернулся он к удальцам и сказал:

– Поезжайте этой дорогой. Я поеду горной тропой. Если приедете в Ченлибель до меня, значит считайте, что вы одни, без меня освободили наших молодцов, и вся казна Аслан-паши достанется вам. Если же я приеду раньше, тогда казна целиком моя.

Кероглу не стал дожидаться ответа, хлестнул Гырата и тотчас перевалил через высокий холм. Удальцы, ни о чем не догадываясь, поспешили в Ченлибель.

Кероглу поворотил Гырата и снова выехал на вершину холма.

Когда он убедился, что удальцы уже далеко, спустился на дорогу и, надвинув папаху на брови, медленно поехал он вдоль берега реки. Не проехал он и версты, как Гырат зашевелил ушами и поднялся на дыбы. Вдали конь заржал. Обернулся Кероглу, видит – Гизироглу Мустафабек на своем Алапаче¹² скачет так, что пыль поднялась столбом. Заслышав ржание Алапача, Гырат остановился. Как ни бился Кероглу, Гырат не двинулся с места. Оглянулся было Кероглу, чтоб посмотреть далеко ли, близко Гизироглу Мустафабек, как тот хватил его палицей по голове. Не удержался на коне Кероглу, упал на землю и покатился вниз прямо в реку. Бросив палицу Гизироглу обнажил меч, чтоб снести голову Кероглу, но тот ловко выскочил из реки, мгновенно схватил палицу Гизироглу и нанес ему по голове такой удар, что на этот раз в реку покатился сам Гизироглу. Когда же тот, поднявшись, хотел выбраться из воды, Кероглу протянул руку, помог ему выйти на берег и только хотел взяться за свой египетский меч, как Гизироглу сказал:

– Остановись, Кероглу! Ведь у тебя со мной никакой вражды нет.

– У меня-то нет, – ответил Кероглу, – но у тебя, вижу, есть.

– Нет, и у меня нет. Мне только хотелось узнать, кто из нас сильнее – ты или я? И я это узнал. Теперь драться нам не к чему. Дай руку, будем друзьями!

Кероглу и Гизироглу протянули друг другу руки, расцеловались и разъехались в разные стороны. Кероглу поскакал в Ченлибель, а Гизироглу – в горы.

Оставим Кероглу ехать своей дорогой, посмотрим, что сделал Гизироглу.

Он приехал прямо к своему отряду.

– Ну что? Где голова Кероглу? – спросили его. Гизироглу рассказал им все, как было.

Среди его людей пошло перешептывание: «Врет он. Верно, от страха даже не посмел показаться на глаза Кероглу». Сколько ни уверял Гизироглу – никто не верил ему. Рассердился он, наконец, и сказал:

– Тогда давайте поедem в Ченлибель. Спросите у него самого. Если он человек честный и мужественный, скажет всю правду. Если же бесчестный и солжет, я сражусь с ним на ваших глазах, а вы поглядите.

Все согласились. Сели на коней и поехали в Ченлибель.

Пусть себе едут в Ченлибель – с одной стороны Кероглу, с другой – Гизироглу со своими людьми, а ты послушайте теперь об удальцах.

Удальцы ехали, ехали и, наконец, ранним утром доехали до Ченлибеля. Женщины вышли им навстречу. Завидя издали Нигяр-ханум, Коса-Сафар крикнул:

– Нигяр-ханум, скажи, пожалуйста, приехал Кероглу или нет?

– Нет, – отвечала Нигяр-ханум, – еще не приезжал.

– Вот и хорошо, – сказал Коса-Сафар. – Хоть раз и мы выиграли. Приехали к месту раньше него.

Вдруг раздалось могучее ржание Гырата. Повернулись все, смотрят, Гырат пасется в Ягыгоруге, а Кероглу, лежа на зеленой траве, поглядывает на них и, улыбаясь, говорит:

– Где вы пропадали? Да у меня от ожидания уже глаза слипаться стали.

– Опять ты выиграл! – сказал Коса-Сафар.

– Выиграл. Но ведь у нас есть еще одно условие. Кто первым приедет и поздоровается со мной, тому даю сто золотых. Значит еще с того раза я должен каждому из вас по сто золотых, а теперь вы, все семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов, приехали сразу. В казне Аслан-паши только и наберется золота, чтобы расплатиться с вами, выходит, значит, что казна его должна достаться вам. Как хотите, так и делите ее между собой.

Удальцы спрыгнули с коней. Разостлали суфры.

Оставим теперь их есть, пить, петь и плясать, а вы послушайте об отряде Гизироглу Мустафабека.

Отряд подъехал как раз тогда, когда пир был в разгаре. Мустафабек сказал:

– Мешать сейчас их веселью не дело! Подождем, пусть кончат.

Они отошли в сторону и стали ждать. Когда кравчий обошел круг, все повеселели и головы прояснились. Нигяр-ханум сказала:

– Ну, Кероглу, рассказывай, как вам ездилось? Как удалось спасти наших молодцов?

Кероглу поведал им все, как было, от начала да конца, – но о Гизироглу не обмолвился ни словом. Повела Нигяр своими голубыми глазами, покосилась на Кероглу и спросила:

– Ах, Кероглу, найдется ли на свете второй такой игид, как ты, или только твоя мать родила на свет такого пехлевана?

Кероглу ничего не сказал. Поднялся, взял саз ашуга Джунуна, прижал к груди и запел

Рожден мужчиною на свет
Гизироглу Мустафабек.
Тебе и в мире равных нет,
Гизироглу Мустафабек.

Конец копья в крови, звенит.
У храбрецов достойный вид.
Прославлен на земле игид
Гизироглу Мустафабек.

Алапача – твой жеребец,
Подстать Гырату, удалец,
Раздвоен булавы конец,
Гизироглу Мустафабек.

Пять скакунов в пути б иметь,
Пятнадцать от пяти – иметь.
Мне брата бы найти, иметь,
Гизироглу Мустафабек.

Когда б под крышею одной
Родились, хороши собой,
Мы были б братьями с тобой,
Гизироглу Мустафабек.

Коль кликнет клич на всю страну –
Сберет друзей в семью одну
И бросит Кероглу в волну.
Гизироглу Мустафабек.

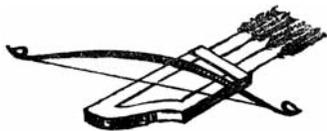
Когда Кероглу кончил петь, Гизироглу Мустафабек, выйдя из своего укрытия, подошел к пирующим:

– Кероглу, ты и впрямь благородный, мужественный человек, – сказал он. – Но только слишком ты возвеличиваешь подвиги других и умалчиваешь о своих. Теперь постой, я расскажу всю правду.

И Гизироглу рассказал все, как было, не прибавляя и не убавляя ничего.

Кероглу и Гизироглу снова обнялись, расцеловались и побратались. Подошли и люди Гизироглу.

И пир начался снова.

ПОХИЩЕНИЕ ГЫРАТА ХАМЗОЙ

После всего, что случилось в Багдаде, султан, разослав повсюду письма, созвал к себе именитых, прославленных пашей, сардаров и пехлеванов. Когда все были в сборе и каждый занял свое место, султан сказал:

– Пока подает свой голос Кероглу, жизни на этом свете для нас нет. Я созвал вас, чтобы выслушать ваш совет, – как быть, что делать, как стереть его с лица земли. С каждым днем его отряд растет. Где только ни объявится какой-нибудь проходимец или мошенник, он тотчас же идет к Кероглу. В один прекрасный день мы узнаем, что он набрал целое войско и забирает наши города и села. После этого придется и нам пойти к нему в услужение или бежать в горы.

Едва султан умолк, как заговорили паши. Каждый давал свой совет. Один говорил: «Давайте обманем его, пригласим в гости, а потом схватим и вздернем на виселицу». Другой предлагал: «Надо переманить кого-нибудь из его людей, посулить денег, золота и заставить его тайно убить Кероглу». Третий советовал:

«Пошлем человека, узнаем, чего он хочет, сговоримся с ним и заключим мир». Четвертый кричал: «Ты ничего не понимаешь!» Пятый вопил: «Ты трус!» Словом, поднялся такой шум, такой гам, что уши уже не слышали того, что произносили уста.

Оставим их спорить, а я расскажу вам о тогатском Хасан-паше¹. И что бы вы думали, кем был этот Хасан-паша? Тем самым Хасан-пашой, по совету которого Гасан-хан из-за молодых жеребцов выколол глаза отцу Кероглу – Алы-киши.

Хасан-паша был правой рукой султана. В дни радости и торжеств восседал он за суфрой на самом почетном месте. В дни бедствий не отходил от его изголовья. Сам же паша понимал толк в ратном деле. Знал он великое множество военных хитростей. Хасан-паша выполнял не только то, что приказывал ему султан, но и впятеро больше того.

Хасан-паша тоже был на этом сборище. Когда загорелся спор, раздались крики, поднялся шум, послушал султан, послушал, – видит все орут, а никто не думает двинуться с войском на Кероглу, все его боятся, как говорится, хотят поймать змею чужими руками. Повернулся он к Хасан-паше и сказал:

– Хасан-паша, слово за тобой!

Встал Хасан-паша, пал ниц перед ним и сказал:

– Да продлит всевышний жизнь султана, веление его – веление аллаха. Ты изволил изречь правду. В самом деле, Кероглу очень уж обнаглел. Я до сих пор думал, что паши сами сумеют справиться с ним. Но раз дело сложилось иначе, распоряжайся мною. Я берусь покончить с Кероглу. И отца его ослепил я. Если будет угодно богу, под милостивой сенью султана мне удастся и самого его вздернуть на виселицу в Стамбуле. Но, да будет долговечна жизнь султана, у Кероглу везде есть уши, его люди пробираются в самые высокие собрания, подслушивают разговоры и сообщают ему все слышанное. Поэтому я выскажу тебе наедине, что намерен я предпринять.

Хотя все бывшие здесь и обиделись в душе на пашу, но из страха перед султаном не посмели возразить. Похвалив Хасан-пашу, султан отпустил остальных.

Когда же султан и Хасан-паша остались вдвоем, Хасан-паша начал:

– Да продлит аллах навеки жизнь султана! Сейчас Кероглу стал очень силен. Завлечь его обманом в сети не удастся. Мы должны с трех сторон двинуть на него войска, окружить кольцом и уничтожить со всеми его удалцами. А иначе, даже убив самого Кероглу, мы ничего не добьемся.

– Хасан-паша, – сказал султан, – даю тебе сорок дней сроку, если уничтожишь его, назову тебя своим сэдр-эзамом, если же нет, тогда...

Хасан-паша поднялся.

– Жизнь моя во власти моего повелителя! Если не сумею привести его к тебе со связанными руками, я сам предам себя смерти. Но только облеку меня властью над всеми пашами и военачальниками.

– Считаю, что ты всевластен! Как хочешь, так и поступай!

Когда, склоняясь ниц и поцеловав прах у ног султана, Хасан-паша хотел распрощаться, султан сказал:

– Этот злодей, сын злодея не дает ни одному каравану пройти сюда. Всех грабит. Ты должен собрать вооруженный караван и доставить сюда хоть немного товаров, а то по городу ходят слухи, будто султан бессилен против Кероглу.

Хасан-паша приложил руки к глазам и ответил:

– И это будет исполнено, мой султан.

После этого султан отпустил Хасан-пашу. А сам приказал написать всем пашам, что Хасан-паше передается власть над ними. Кто ослушается его приказаний, будет повешен.

Оставим гонца развозить султанский фирман, расскажем о Хасан-паше.

Вернувшись прямо в Тогат, он созвал всех известных ему военачальников и пехлеванов. Когда каждый занял свое место, Хасан-паша явился к ним. Прежде всего он обвел глазами собравшихся и пытливо взглянул на каждого. Убедившись, что все это достойные его доверия люди, он рассказал им все, о чем говорилось у султана, и, прочитав скрепленный султанской печатью фирман, добавил:

– Да будет вам известно! Мы решили с трех сторон двинуть войска на Кероглу. Мы должны сделать так, чтобы он не успел и глазом моргнуть. Теперь же я собрал вас сюда для того, чтобы вы сказали мне, кто сумеет взяться за это дело? Кто может стать во главе одной из ратей?

Собравшихся точно окатили водой. Все сидели с закрытыми ртами. Казалось, скорей заговорят камни и стены, чем кто-нибудь из них. Тогда Хасан-паша сказал:

– Одну рать поведу я сам, двигаясь посередине. Остальные же две пойдут одна справа, другая слева и будут отвлекать врага. Я им окажу всяческую помощь.

Все продолжали молчать. Тогда Хасан-паша приказал наполнить две чаши и принести. В каждую из них он бросил по крупному алмазу и сказал:

– Кто же осушит эту чашу, получит алмаз и возьмется за дело? Клянусь, подарю ему тогатское пашалыгство и выдам за него одну из своих девственных дочерей.

При этих словах поднялся один из молодых беков, сидевших во главе собрания. И что это был за человек? Это был Болу-бек из Эрзинджана.

Болу-бек – военачальник крепости Эрзинджан – слыл большим храбрецом. Давно уже был он влюблен в старшую дочь паши, Дунию-ханум. Но сколько ни подсылал он тайком людей, чтоб заручиться расположением девушки, та твердила одно: лучше ей видеть всегда перед собой собаку или волка, чем Болу-бека. Потому-то Болу-бек и не осмеливался засылать сватов к Хасан-паше. Знал он, что Хасан-паша любит своих дочерей, ни в чем не отказывает им. Не приходится им дважды просить его о чем-нибудь. Но коль скоро Хасан-паша во всеуслышание заявил с своем намерении, Болу-бек решил не упускать случая. Он поднялся с места, и Хасан-паша радостно воскликнул:

– Хвала Болу-беку! Я знал, что в конце концов пойдешь ты!

Болу-бек прошел вперед, взял из рук Хасан-паши чашу и сказал:

– Да будет долговечной жизнь паши! Ты знаешь, что я справлюсь с этим делом. Ставлю только одно условие.

– Скажи свое условие! Каково бы оно ни было, я принимаю его.

Болу-бек был большим хитрецом. Он, как говорится, мог околпачить самого сатану. Обвел он глазами всех собравшихся, потом повернулся к Хасан-паше и громко сказал:

– Паша, я знаю, что это фирман самого султана. Я верю твоему обещанию. Знаю, что не обманешь меня. Как ты поклялся, так оно и будет. Ты дашь мне тогатское пашалыгство и, сделав меня своим слугой, выдашь за меня свою дочь. И не об этом сейчас идет речь. Условие мое такое: ты дашь мне в помощь пехлеванов Хад-жар Алы и Мехтер-Муртуза.

Хаджар Алы был самым могучим пехлеваном в Тогате. Не приходилось ему еще встречать никого, кто мог бы положить его на обе лопатки или противопоставить свой щит его мечу. Что касается Мехтер-Муртуза, то он ровно семь лет был конюхом Кероглу и хорошо знал Ченлибель.

– Сладки нам твои условия. На все согласен, – сказал Хасан-паша.

Тогда Болу-бек осушил чашу до дна. Положил алмаз в карман, вернулся и сел на свое место. Затем Хасан-паша поднял другую чашу.

– Теперь очередь за вторым!

В это время вбежал запыленный гонец. Отвесив поклон Хасан-паше, он протянул ему какое-то послание. Хасан-паша прочел его, – оно было от Араб-Рейхана. Тот писал: «Хасан-паша, слышал я, что ты собираешься двинуть войска на Кероглу. Да будет тебе известно: он мой враг. Если согласен, и я пойду на него».

Хасан-паша возликовал. Знал он про богатырскую силу Араб-Рейхана. Слыхал и о его встрече с Кероглу.

– Второй пришел сам, – сказал он.

Взял чашу Хасан-паша и протянул ее гонцу.

– Осуши чашу! А алмаз, что лежит на дне, отдашь своему господину! Скажешь, – мы его ждем. Пусть поскорей едет, с почетом и радостью встретим его.

Гонец осушил чашу, вынул алмаз, почтительно поцеловал и

спрятал его. Паша повелел своему визирю накормить, напоить гонца, дать ему денег и отправить в обратный путь. А Араб-Рейхану написать ответное письмо. Визирь увел гонца. Гости спросили: – от кого письмо?

– От Араб-Рейхана! – ответил Хасан-паша.

Все возрадовались. По приказу Хасан-паши позвали певцов, музыкантов, танцовщиц. Начался пир. Поев, попив, все еще больше повеселели. Тогда Мехтер-Муртуз, склонившись ниц и припав к ногам паши, сказал:

– Да продлит аллах дни моего владыки! Жизнь моя принадлежит султану и тебе, паша. Веление твое – веление аллаха. Никто не осмелится перечить тебе. Куд-прикажешь, туда мы и пойдём. Только знай, – сила Кероглу наполовину в его коне. Пока он сидит на своем прославленном Гырате, мы ничего с ним не поделаем! Кто хочет погубить Кероглу, должен лишить его этого коня!

Слова эти крепко запали в голову Хасан-паше. Не только Мехтер-Муртуз, – все подтвердили их справедливость.

– Мехтер-Муртуз, – сказал Хасан-паша, – кто распознал беду, знает и лекарство от нее. Скажи, как нам заполучить Гырата?

– Клянусь аллахом, – сказал Мехтер-Муртуз, – откуда мне знать это, паша? Ведь конь его не продажный.. Надо найти человека, который бы, рискуя своей жизнью, отправился в Ченлибель и привел коня или же сложил там свою голову.

Посмотрел паша вокруг, видит все сидят, опустив головы. Хасан-паша и сам понимал, что нелегко найти охотника пойти на такое дело. Так сидел он, раздумывая, вдруг смотрит поодаль, совсем у входа в покои, где снимают обувь, поднялся кто-то в лохмотьях. Посмотрел Хасак-паша, – да ведь это плешивый Хамза!

Плешивого Хамзу все презирали, все им брезговали. В дома его не пускали, – дескать утащит башмаки; из конюшен гнали, – украдет попону. Все же, когда начался пир, плешивый Хамза кое-как протискался,, чтобы поесть надаровую.

Словом вылез этот самый Хамза на середину комнаты и сказал:

– Да продлит аллах жизнь паши! Я берусь за это дело. Если приведу Гырата – приведу, если ж не будет мне удачи и Кероглу

меня раскусит, ну что ж, одной плешивой головой будет меньше. Пусть же она будет положена за тебя, мой паша! Но, паша, одного золота мне мало.

– Дам тебе бекство.

– И бекства мне мало.

– Усыновлю тебя!

– Нет, паша, да буду я жертвой твоею, ничего этого в отдельности мне не надо. А и то, и другое, и третье, ни ты не дашь мне, ни я не попрошу у тебя. Лучше всего попрошу я одно, да такое, что будет мне всего дороже, а тебе всего дешевле.

– Проси, посмотрим, что это такое.

– Вы говорите, – половина силы Кероглу в Гырате. Я приведу эту половину, а другая достанется вам. И от этой половины часть падет на Болу-бека. Паша, да буду я жертвой твоею, за одну эту частицу ты предложил Болу-беку тогатское пашалыгство, драгоценный алмаз и свою старшую дочь Дунию-ханум. Так отдай же мне за всю эту половину свою младшую дочь, и я пойду, приведу Гырата.

– Вот глупец! Неужели одна девица дороже богатства, бекства и чести быть моим названным сыном!

– Паша, ты знаешь, что плешивых бог умом не обидел. Я знаю свое дело! Знаю, что ты не дашь мне сразу все эти три дара. Если же отдашь за меня свою дочь, я стану твоим зятем. А зять это все равно, что сын. А сыну паши и бекство и богатство придут сами собой.

Все присутствовавшие воздали хвалу ловкости и сметливости Хамзы. Хасан-паша задумался. Он не знал, как быть. Очень не хотелось ему отдавать дочь за Хамзу с его плешивой башкой. Но, что поделаешь, если тот приведет Гырата, с Кероглу будет покончено. Значит тогда, он, Хасан-паша, станет сэдр-эзамом.

– Хорошо, Хамза, – сказал он, наконец, – я согласен.

– Нет, да продлит аллах твою жизнь, паша! – сказал Хамза. – Будь добр, потрудись написать сие от своего славного имени и сверху скрепи печатью, а я спрячу бумагу у себя. После этого назначь мне срок. Если приведу к сроку, тогда дай обещанное, если не приведу, прикажи снести мне голову.

Волей-неволей Хасан-паше пришлось выдать от своего имени бумагу. Скрепил он ее своей печатью и отдал Хамзе. Взял Хамза бумагу, сложил, спрятал на груди и сказал Хасан-паше:

– Теперь, позволь мне удалиться. Путник, как сказано мудрыми, должен быть в пути.

Сказав это, Хамза ушел. Хасан-паша был доволен. Он отпустил приглашенных, сказал Болу-беку все, что хотел сказать, поручил все, что должен был поручить, и отпустил, чтобы тот готовился к походу. А сам написал письмо и отправил с юнцом главе баязетского купечества Ахмеду: «У меня к тебе важное дело. Как говорится у нас, намыль голову там, побрей тут», что означало – добудь мне хоть из-под земли круглую сумму.

Итак, пусть гонец спешит в Баязет к Ахмеду, – главе купечества, Болу-бек едет в Эрзинджан готовиться к походу, а я расскажу вам о плешивом Хамзе.

Хамза надел свои чарыхи, обмотал потуже ноги, завернул в дастархан² два-три чурека, обвязал его вокруг пояса и пустился пешочком в дорогу. Что ни день, то привал, что ни ночь, то постой, там спросит, тут расспросит, долго шел, коротко отдыхал, коротко шел, долго отдыхал и, наконец, как-то раз под вечер дошел до Ченлибеля.

Рассказывают, что Кероглу стоял на горе Аггая и смотрел на караванный путь. Видит, бредет какой-то путник. Он подождал пока Хамза не добрался до подножия Аггая и не начал карабкаться вверх по тропинке. Тогда спустился Кероглу с горы и преградил ему дорогу:

– Стой! Отвечай, кто ты? Откуда идешь, куда держишь путь?

Смотрит Хамза, стоит перед ним такой пехлеван, такой богатырь, что не каждый решится заглянуть ему в глаза. Рост, осанка, плечи, руки, черные усы торчат, словно рога у быка, так и говорят – заколю, заколю! Глаза соколиные так и горят, так и играют. А у пояса такой меч, что не приведи аллах! Смекнул Хамза, что перед ним сам Кероглу и, как говорится, накинуд на лицо покрывало лжи и притворства. Прикинулся, что не узнал, кто стоит перед ним, и говорит:

– Я ищу Кероглу!

– А на что он тебе? – опросил Кероглу.

– Ох, – ответил Хамза, – да перейдут на меня все твои недуги и горести! Я табунщик. Всю свою жизнь я служил бекам и пашам, ходил за их табунами. Как говорится, от питья воды из лягушечьих болот губы мои покрылись бородавками. Ох, лучше бы мать моя вместо меня родила черный камень. Голова у меня покрылась паршой. Из-за этого ни в одном доме меня не держат. Как бы усердно ни служил, взглянут на мою паршу, тотчас выгоняют. Из-за этой парши мир стал мне тесен, нет мне в нем места, нет приюта. И вот теперь, любезный, пришел я сюда, вся моя надежда на Кероглу. Говорят, он щедр и благороден. Хлеба своего не жалеет. Или пусть он оставит меня у себя, подбирать корки с его суфры, или снесет мне голову с плеч и освободит от горести и забот.

И Хамза заплакал, да так, что слезы у него полились рекой. Кероглу пожалел его.

– Ну, пойдем! – сказал он. – Я – Кероглу, которого ты ищешь. Хамза повалился ему в ноги.

– Кероглу, быть бы мне жертвой тебе! Не гони меня от себя! Поднял его Кероглу и сказал:

– Встань! Ты мужчина или кто? Не подобает мужчине валяться в ногах ради куска хлеба.

Хамза поднялся. Кероглу спросил его:

– Ну, говори, что умеешь делать?

– Душа моя, Кероглу! Знаю, что с моей плешивой башкой ты не сделаешь меня ни поваром, ни виночерпием. Поручи мне коня, и я буду ходить за ним. Испокон веков это наше ремесло.

Кероглу повел за собой Хамзу.

– Послушай, Кероглу, – сказали удальцы при виде Хамзы, – где ты нашел его? Смотри, глаза у него бегают, как у сороки с Учтепе. Что-то он не похож на человека честного. Отделайся от него, пускай идет своей дорогой.

И женщины поддержали удальцов.

Кероглу угомонил женщин и удальцов, сказав:

– Не видите разве, что он за бедняга? Какой от него может быть вред? Пускай подбирает корки с нашей суфры и околачивается на задворках³.

И стал Хамза подбирать крохи и копаться в доме, во-дворе и на задворках. Что бы ни приказали, куда бы ни послали его женщины и удальцы, он исполнял все с большим усердием. Благодаря этой своей ловкости и проворству, он все больше входил в доверие, женщин и удальцов. Кероглу поглядел, поглядел на все это и разрешил ему сменить свое прозвище; именоваться впредь, не плешивым Хамзой, а бодливым Хамзой.

В конюшне стояла выючная кобыла. Столько повозила она за свою жизнь клади, что остались у нее одни ребра. Ее-то и поручили Хамзе. Стал он ухаживать за клячей.

И он ухаживал, да еще как!

Вечером скребет, чистит, холит, утром скребет, чистит, холит. Стянет, бывало, овес и ячмень у других лошадей, и прикармливает свою клячу. Не прошло и нескольких дней кобыла до того откормилась и разжирела, что, как говорится, не влезала в собственную шкуру.

Как-то раз Кероглу зашел в конюшню поглядеть на лошадей. Посмотрел он на клячу и изумился.

– Послушай, Бодливый, – сказал он, – Славно смотрел ты за кобылой. Ну, раз ты умеешь так ухаживать за лошадьми, поручаю тебе Дурата. Что-то он в этом году сильно сдал. Добейся, чтобы он догнал Гырата.

Не понравилось это женщинам и удальцам, да Кероглу не стал слушать их.

Поначалу Хамза всячески ухаживал за Дуратом, но как только Дурат набрался в теле, тотчас перестал, давать ему ячмень. Дурат снова стал худеть.

– Кероглу спросил:

– Послушай, Бодливый, что случилось с конем, почему он опять день ото дня тощает? Или ты плохо, смотришь за ним?

– Господин мой! – ответил Хамза. – Я делаю все, что в человеческих силах. Да ведь конь на привязи, на ногах его путы. Нет

ему ни света, ни простора, и потому он томится и худеет.

Гырат и Дурат стояли в одной конюшне. У каждого на ногах были железные путы и отпирались они особыбыми ключами.

Кероглу отдал Хамзе ключи от пут Дурата. Узнав об этом, женщины и удальцы вознегодовали:

– Что ты, Кероглу? Как мог ты доверить ключи чужому человеку?

Но Кероглу опять успокоил женщин и удальцов: .

– Не бойтесь, ничего не случится.

В несколько дней Хамза откормил Дурата так, что на нем шкура чуть не лопалась. Но время шло. Истекал уж месяц с тех пор, как Хамза пришел в Ченлибель. Срок, назначенный Хасанпашой, подходил к концу. Думал, думал Хамза и как-то раз ночью сказал себе: «Если даже я целый месяц пробуду здесь, все равно Кероглу не даст мне ухаживать за Гыратом, не доверит ключи от его пут. Откуда знают в Тогате, который Гырат, который Дурат. Давай-ка возьму я этого, обману пашу, женюсь на его дочери и хоть пять дней поживу на этом свете в свое удовольствие».

Решив так, Хамза ночью, потихоньку оседлал Дурата, сел и, напомнив себе поговорку, – кто опоздает, тот все потеряет, – тотчас поскакал в Тогат.

Настало утро. Дели-Мехтер, поднявшись с постели, отправился в конюшни. Смотрит, нет ни Дурата, ни Хамзы. Кровь ударила ему в голову. Бросился он к Кероглу:

– Что ты сидишь? Нет нигде ни Дурата, ни Хамзы. Удальцы всполошились. Женщины напали на Кероглу и пошли попрекать его:

– Мы ведь тебе говорили, не доверяй, не поручай коня чужаку! Что коня похитили, что жену – одно бесчестье. Раньше и птица не осмеливалась пролететь над Ченлибелем, при одном имени твоём паши и беки трепетали, как листья. А теперь, посмотри, до чего дошло, – какой-то плешивый крадет отсюда коня. Весть об этом разнесется повсюду. Враги наши обнагленют. Ты сам, своими руками, сделал то, чего весь свет не мог бы сделать. Ну, скажи, где ты теперь найдешь Дурата? Как приведешь его?

– Дурат ушел, – ответил им Кероглу, – но Гырат остался. Сяду на него, поеду и приведу. Хватит попрекать меня.

– Да, поедешь, приведешь... – говорили удальцы, – разве ты знаешь, кто он, откуда явился? Куда угнал коня?

Кероглу очень разгневался, но что он мог возразить, когда сам был виною всему. В ярости он покусывал усы. Вдруг вскочил повернулся к Эйвазу и сказал:

– Эйваз, вина!

Эйваз принес вино. Кероглу осушил семь чаш подряд, затем позвал Дели-Мехтера и приказал:

– Седлать коня!

Оседлав, как положено, Гырата, Дели-Мехтер подвел его к Кероглу. Казалось, тот онемел. Эх, да какие тут слова? Он даже не шевельнул губами. Сел на коня и поехал.

Оставим Кероглу ехать своей дорогой, а я расскажу вам о Хамзе.

От страха Хамза не смел нигде остановиться, отдохнуть и все гнал и гнал коня. Близ дороги находилось местечко Гырах Дейирмандар⁴. Хамза был уже неподалеку от него, как, обернувшись заметил, что над дорогой пыль поднялась столбом. Внимательно присмотрелся и увидел, что Кероглу летит на Гырате словно сокол. У Хамзы пересохло в горле. Хотел было он проглотить слюну, – куда там!... Хватило у него сил хлестнуть раза два Дурата и въехать поскорее на мельницу. Сошел он с коня, привязал его к столбу у ворот и крикнул:

– Эй, мельник, выходи-ка скорей. Выбежал мельник во двор и спросил:

– Чего тебе, брат? Что случилось?

– Смотри, видишь на дороге всадника? Это Кероглу, он едет из Ченлибея. Чесотка поразила его табуны. Чем он их только не лечил, каких лекарств не пробовал – не помогает. В конце концов хаким Кимягэр приказал ему попробовать мозг мельника. Теперь Кероглу ищет мельника, чтоб убить, взять его мозги и лечить ими коней от чесотки. Меня послал Хасан-паша, чтоб я известил об этом всех мельников. Скорей спасайся, а то он в один присест разделается с тобой.

– Голубчик мой, что мне делать? – едва шевеля губами, залепетал мельник. – Как спастись от него? Ведь у меня куча детей. Посади меня на круп своего коня и увези куда-нибудь.

– Эх, жаль мне тебя! Снимай-ка свою одежду, да одень мою, ступай, спрячься. Что поделаешь. У тебя семья, дети твои останутся сиротами, а я холост...

Мельник быстро переделся в одежду Хамзы и побежал, спрятался в донузлуке⁵. Хамзе только этого и надо было. Одевшись мельником, вошел он на мельницу, прыгнул в умолот и густо вывалял голову, лицо и руки в муке.

Тут как раз подъехал к воротам мельницы Кероглу и крикнул:

– Эй, мельник, выйди-ка во двор! Хамза вышел, встал в дверях и опросил:

– Что прикажешь? Чем тебе служить?

– Куда девался всадник, что ехал сейчас впереди меня?

– Вон, он там спрятался. Не знаю, что он такое сделал, но едва увидел тебя, как бросился бежать и прятаться. А мне наказал не говорить, где он.

Соскочил Кероглу с коня и сказал:

– А ну, поддержи гоня.

Хамза взял поводья. Кероглу вошел в мельницу, прошел вглубь и крикнул:

– Эй, ты, Плешивый выходи!

Мельник забился еще дальше.

– Куда я выйду? У меня нет мозгов для лекарства от чесотки. Умру, не выйду!

– Послушай, Плешивый, – сказал Кероглу. – Какая чесотка? Какие мозги? Выходи! Надо мне с тобой рассчитаться.

Видит Кероглу, он по доброй воле не выйдет, и подошел ближе. Испугался мельник и забился в самый дальний угол. Кероглу сделал еще шаг. От страха мельник полез было дальше, да зацепился и быть бы ему под колесом, но Кероглу схватил его за ноги и вытащил. Смотрит – какое там, это вовсе не Хамза, а мельник, и понял, что Хамза провел его. Бросился он во двор.

А теперь узнайте, что сделал Хамза.

Хамза, ухаживая в Ченлибеле за Дуратом, исподволь обхаживал и Гырата. А у Гырата был такой нрав, – кому Кероглу вручал его поводья, тому он позволял садиться на себя. Это и было на руку Хамзе. Как только Кероглу вручил ему поводья своего коня и пошел искать мельника, Плешивый, приласкав и погладив Гырата, вскочил на него.

Вышел Кероглу и видит Хамза сидит верхом на Гыр-ате и держится в сторонке от мельницы. Разгневался Кероглу, хотел было обнажить египетский меч и броситься на Хамзу, да понял – пользы от этого не будет. Если Гырат понесется, птица и та не догонит его. И принялся увещевать Хамзу.

– Послушай, Бодливый, я гнал коня и он весь в мыле. Не мучай его так. Сойди, возьми за уздцы и дай ему пройтись немного, чтобы он поостыл.

– Не беда, – ответил Хамза, – я поеду шагом, он поостынет.

И Хамза начал описывать на коне круг. Увидел Кероглу – Хамза жалкий ездук. От страха так дергает поводья, что удила врезаются в желваки коня.

Не выдержало сердце Кероглу и запел он:

Душа моя, око, Хамза,
Не мучай Гырата, Хамза.
Вот просьба моя, Хамза, –
Не мучай Гырата, Хамза.

Моя опора Гырат.
Без него – и жизни не рад.
Тебя заклинаю, брат, –
Не мучай Гырата, Хамза.

Гырат – это очи мои.
Слезы очи точат мои.
Слова слушай мои –
Не мучай Гырата, Хамза.

Коль увидит паша и бек –
Будет смеху на целый век
Не мучай коня, человек,
Не мучай Гырата, Хамза!

– Кероглу, ты игид, отозвался Хамза. – Славное у тебя имя. Месяц я питался крохами с твоей суфры и не попрекай меня в этом. Это тебе не к лицу. Да и стоит ли какой-то коняга того, чтобы из-за него столько просить и молить меня?

– Хамза, – сказал Кероглу. – Я знаю, ты не станешь ей ездить на этом коне, ни держать его у себя. Скажи мне правду, кто подумал и подослал тебя?

– Кероглу, знай: все, что я говорил тебе в Ченлибеле, – правда. Эта плешивая башка моя сделала мир тесным для меня. Нет мне места в нем. Ни одна душа не сжалится и не пустит меня к себе в дом. Теперь я веду этого коня в Тогат, отдать Хасан-паше, чтобы, наконец, узнать светлые дни.

– Послушай, все это придумал Хасан-паша, или ты сам додумался? – спросил Кероглу.

– Это мысль Хасан-паши, он послал меня.

– Сын мой, раз так, слезь и отдай мне коня, а я тебе дам за него все, что пожелаешь, любое богатство.

Усмехнулся Хамза и сказал:

– Кероглу, ты человек бывалый, видел жизнь, свет и людей. Или ты не знаешь, что сам аллах не сумеет провести плешивого. Да разве, если я сойду с коня, ты, Кероглу, оставишь меня в живых? Нет, приятель, не хитри! Плешивого не проведешь, как говорится, он за водой не пойдет!

– Послушай, Плешивый, неужели ты теперь отнимешь у меня коня и отдашь его Хасан-паше?

– Знаешь, Кероглу, и у плешивых бывает мужское сердце. Не только твоего коня, даже одного твоего волоска я бы не дал Хасан-паше. Я ведь знаю, рано или поздно, а ты приедешь и завладеешь своим конем. Нонадо же и мне среди этих людей добиться своего счастья. Приедешь ты в Тогат, я сам подержу стремя и подсажу тебя на коня. А теперь, прощай, я еду, меня ждет далекий путь.

Увидел Кероглу, что Хамза уводит коня и сказал:

– Ну, Хамза, раз ты делаешь по-своему, уводишь коня, так постой, я скажу тебе его настоящую цену, чтоб ты не обманулся и не продешевил.

Кероглу прижал к груди саз и запел:

Постой, я Гырату сейчас тебе цену скажу:
За семьдесят тысяч бойцов, за добро – не отдай
За семьдесят тысяч серебряннх отар,
За семьдесят тысяч, за серебро – не отдай!

За семьдесят тысяч коней, табунов, скакунов,
За семьдесят тысяч даней со всех краев,
За семьдесят тысяч сох и быков и плугов
Отточенных, в солнце горящих остро, – не отдай

– Будь спокоен, Кероглу, – ответил Хамза. – Я не отдам коня за деньги и богатство. У меня с пашой свое условие. Я приведу ему коня и женюсь на его младшей дочери Доние-ханум.

– Ах, злодей, да разве можно такого коня променять на девицу! – вскричал Кероглу, прижал к груди саз ж закончил песню:

На равнину богатство свезу я с нагорных мест:
За семьдесят тысяч бери, что увидишь окрест.
Но его – за семьдесят тысяч вдов и невест,
За семьдесят тысяч, одетых пестро, – не отдай!

– Я открыл тебе всю правду, Кероглу, – сказал Хамза. – А теперь как сам знаешь. Как хочешь, называй меня. Ну, я поехал!

– Что ж, Хамза, раз так, езжай, добейся своего. Но только хорошенько смотри за конем, не давай его в обиду, береги до моего приезда! Ведь ты знаешь, конь – это брат игида.

Защемило сердце Кероглу. Снова прижал он к груди, саз и запел:

Хамза, ты береги коня,
Скакун – игиду брат.
Ты день за днем смотри за ним:
Скакун – игиду брат.

В жару – веди тропой лесной,
Подковывай его весной
И бархатом покрой зимой:
Скакун – игиду брат.

Люби ты сызмальства коня, –
Чтоб на гору летел звеня.
Дай сорок мерок ячменя:
Скакун – игиду брат.

В пути, коль не видать ни зги,
Укрой попоной, помоги.
Подкова – в полторы хогги⁶:
Скакун – игиду брат.

С игидами соединясь,
Сражался я – за часом час.
И конь спасал меня не раз:
Скакун – игиду брат.

Купай не в ледяной воде.
Смотри, чтоб не было в хвосте
Репья, чтоб конь не чах в беде:
Скакун – игиду брат!

– Не беспокойся, Кероглу! – ответил Хамза. – Поможет аллах, приедешь – увидишь!

– Езжай, Хамза!, – сказал Кероглу, – но смотри, передай Хасан-паше и эти мои слова:

Ступай и паше передай – я прошу:
Гырата возьму, у него не оставлю.
Богатства возьму, уничтожу пашу.
В табунах – жеребят, лошадей не оставлю.

Чашу я осушил – и сгустился туман.
По Гырату тоскую, безумен и пьян.

Знай, паша, что тебе не удастся обман.
Все разрушу, твоих крепостей не оставлю.

Коль пойдет Кероглу, значит, праведна месть.
Хлынет дождь – и обвалов в нагорьях не счесть.
Знаю, девушек много припрятанных есть:
Ни одной, кипариса стройней, не оставлю!

– Охотно, Кероглу, передам. Но и ты приезжай поскорее!

Сказав это, Хамза стегнул Гырата и скрылся с глаз. Кероглу приехал вернуть Дурата, а упустил из рук Гырата. Сел Кероглу на землю у ворот мельницы и послушаем, что спел:

Если мельником стал, то людей созывай, –
Чтоб зерно для помола нашел Кероглу,
Получил ты Дурата, Гырата отдав, –
Так терзайся, печален и зол, Кероглу.

Нет Гырата, ушел он из рук, словно тень,
И осталась тоска, и нерадостен день,
Так мели свое просо, пшеницу, ячмень,
И потом получай за помол, Кероглу.

Брал ты приступом гору, высокий хребет,
И рассеивал войско, питомец побед,
Слыл ты хитрым и опытным множество лет, –
Где ж твой опыт, куда он ушел, Кероглу?

Словно тень убежал, ускакал мой Гырат.
И в душе моей страшные раны горят.
Что скажу удальцам своим? Жизни не рад,
Плачь, о камень стучи головой, Кероглу!

Кероглу сам проголодался и конь его остался без ячменя. Мельник же заперев воду, удрал. Кероглу так и уснул, не поев, не попив. Когда же настало утро, смотрит, идет какой-то крестьянин, погоняя двух навьюченных быков. Крестьянин подошел, посмотрел на Кероглу, оглядел его одежду и сказал:

– Послушай, брат, где мельник?

– Мельника нет. Теперь на мельнице я, – ответил Кероглу.

Крестьянин не поверил. Но Кероглу, не дав ему опомниться, быстро снял чувалы⁷ и поволок на мельницу.

– А что, брат, есть тут ячмень? – спросил он. – Конь голоден. Боюсь, как бы не заболел. Позволь, я отсыплю ему немного ячменя.

– Два чувала с ячменем, а два с пшеницей, – ответил крестьянин.

Смотрит Кероглу, чувалы с ячменем не полны. Торопливо пересыпал он весь ячмень в один чувал и поставил перед Дуратом. Крестьянин хотел было схватить мешок, но Кероглу только покосил на него, и крестьянин понял, что мельник этот особенный – начнешь с ним спорить, да без головы останешься. Отошел и стал в сторонке. Кероглу и сам был голоден. Пока Дурат ел свой ячмень, он перемолол всю пшеницу. Потом, налив в корыто воды, замесил тесто, развел огонь, испек чурек. Заколочил одного быка и изжарил шашлык. Поел так, что пояс чуть не лопнул, и тогда обернулся к крестьянину. Видит, крестьянин молча уставился на него и глядит широко раскрытыми глазами.

– Ну, дядюшка, – сказал Кероглу, – не пугайся, во что ценишь все, что я съел?

Крестьянин молчал. Увидел Кероглу, что тот слова вымолвить не может от страха, вынул деньги и уплатил ему и за ячмень и за муку, и за быка вдвое больше того, что они стоили. Крестьянин остался доволен. Вскочил тогда Кероглу на Дурата и поехал.

Удальцы и женщины были в большой тревоге за Кероглу. Не сводя глаз с дороги, сидели они и ждали его. Смотрят, идет Кероглу. Идет, но как? Дурят следует за ним на поводу, сам же он идет, понуриив голову, точно это не Кероглу, а мельник. Удальцы и женщины поняли, что Хамза обманул Кероглу и увел Гырата. Все опустили головы. Ни поклона, ни привета.

Кероглу подошел. Вышел ему навстречу Эйваз и послушаем, что спел:

Теперь ты сделался купцом –
Со сделкой поздравляю!
Ты научился торговать –
Со сделкой поздравляю!

Зачем ты здесь⁸ Средь бела дня:
Ночь нынче в сердце у меня.
Ты Кял-оглану? дал коня, –
Со сделкой поздравляю!

Эйваза, что оставил ты,
Игидов, что ославил ты,
В придачу что прибавил ты?
Со сделкой поздравляю!

В каких переделках ни бывал Кероглу, но никогда-еще удальцы не встречали его так. На этот раз и женщины на него не взглянули, и воины не поклонились ему. Горькие упреки Эйваза тяжким камнем легли на душу. Как ни крепок был Кероглу, а и он чуть не заплакал. Прижал к груди свой саз и печально запел:

Все изменчиво в мире – и время, и нрав.
Почему ты печальна, душа, веселись.
Удальцы не ответили мне на поклон.
Почему ты печальна, душа, веселись.

Я игид, я храбрец, я из крепких пород.
Этот мир – он царя Сулеймана оплот.
А богатство – как грязь – то придет, то уйдет,
Почему ты печальна, душа, веселись.

Кероглу, я сейчас изнываю от мук.
Грудь в крови – и душа загорается вдруг.
Мне довольно того, что пою, что ашуг!
Почему ты печальна, душа, веселись!

Но даже эти печальные слова не смягчили сердца у игидов, до того были они раздосадованы. Ни один не взглянул на Кероглу. А иные даже проворчали:

– Коль скоро наши слова для Кероглу все равно, что пустой орех, к чему нам тогда оставаться здесь?

Очень все это обидело Кероглу. И Гырата он упустил, и попался на удочку плешивого Хамзы. Мало ему своего горя, а тут еще терпеть такую обиду от удальцов.

Не сдержался он и сказал:

– Никого из вас насильно не держу. Кто хочет уйти, – дорога открыта. Конь был мой, я его отдал, и сам перед собой в ответе.

Не привыкли к такому разговору удальцы. Вознегодовали все и решили покинуть лагерь. Но тут поднялась Нигяр, и удальцы остановились. Кому, кому, а ей никто никогда не перечил. Дели-Гасан вернулся и сел на свое место. Уселся и Эйваз. Сел Демирчиоглу. Постепенно один за другим вернулись и уселись все. И сама Нигяр села с ними, отвернувшись от Кероглу. То, что Нигяр отвернулась от него в столь печальный час, еще больше ранило сердце Кероглу. Обернулся он к ней и запел:

На вершины сияющих гор
Подниматься ты где научилась?
И безумное сердце мое
Сокрушать у кого научилась?

Что же ты стала надменною вдруг?
Поцелуй твой – нет радостней мук.
Как рассерженный сокол, вокруг
Озираться ты где научилась?

Снег с горы – пусть уходит во мглу,
Пусть растает, омоет скалу.
О, возлюбленная Кероглу,
Обижаться ты где научилась?

Нигяр смолчала, не подняла головы, даже не взглянула на него. Видит Кероглу, нет, это не простая ссора. Тяжко было ему

терпеть такую обиду от любимой подруги. Прижал он к груди саз и послушаем, что спел:

Нигяр, свет очей голубых,
Почему от меня отвернулась?
Жизнь свою за тебя отдаю:
Почему от меня отвернулась?

За ягнятами – овцы вослед...
Все мне видится ног твоих след,
Был предательский, видно, навет,
Почему от меня отвернулась?

Пусть сопутствует счастье везде
Храбрецу – в поединке, в мечте:
Кероглу я, когда я в беде –
Почему от меня отвернулась?

Нигяр-ханум взглянула на него в упор и спросила
– Как мог сказать ты своим удальцам – уходите? Протянула
она руку, отобрала у него саз и запела.:

Цену прекрасным кудрям
Уроду откуда знать?
Воробышкам цену роз
И всходов откуда знать?

Кто в поле быков не вел,
И хлеб свой не клал на стол,
Кто в жизни не видел пчел –
Цену меда откуда знать?

Стыдись, Кероглу удалой!
Иль ты опьянен высотой?
Достигшему славы такой
Жизнь народа откуда знать?

Рассказывают, что после песни Нигяр-ханум, Кероглу не сказал ни слова. Видно, понял он свою вину. Встал, вышел и упал ничком на зеленую траву. Так пролежал он без пищи и без питья ровно три дня и три ночи.

И удальцы поняли, что поступили плохо. Не подбодрили его, не утешили и тем еще больше умножили его горе. Как они ни ходили вокруг, Кероглу не поднимал головы. Рассказывают, что в такие минуты Кероглу ложился ничком и спал ровно три дня и три ночи.

– Нигяр-ханум, – сказал Демирчиоглу, – уладить все это больше некому, кроме тебя и Эйваза. Чтобы утешить его, надо найти путь к его сердцу.

– Хорошо, – согласилась Нигяр, – пусть он спит. А вы, перед тем, как ему проснуться, разойдитесь. Не показывайтесь ему на глаза. Эйваз приведет его ко мне, и я все улажу.

Оставим удальцов за беседой, а я расскажу вам о Кероглу.

На исходе третьего дня снится Кероглу, что он в Тогате перед Хасан-пашой, а Гырат пляшет под ним. Вздрыгнул он и проснулся. Смотрит, Эйваз сидит у его изголовья в такой печали, в такой печали, что, кажется, скажи ему одно слово, и он горько заплачет. Вспыхнуло, запылало сердце Кероглу подобно саламандре⁹. Прижал он к груди саз и запел:

О Эйваз, что ты хочешь, скорей говори.
Вырвать жизнь, как занозу, иль что-то другое?
Что струится сейчас из твоих очей,
Кровь ли это, иль слезы, иль что-то другое?

Где твой кравчий, который бы разлил вино?
Ты мне боль причиняешь, на сердце темно.
Грусть в лице твоём, пасмурно нынче оно –
То туман, или грезы, иль что-то другое?

Кероглу, подожди, все слова объясни,
Сам себе растолкуй – что же значат они?
Спишь – очнись от тяжелого сна и взгляни –
Видишь призрак, угрозу, иль что-то другое?

Эйваз сказал:

– Вставай, пойдем! Удальцы и женщины ждут тебя.

– Нет, Эйваз! – сказал Кероглу. – Ты говоришь, неправду. Очень я обидел удальцов и женщин, не захотят они теперь даже смотреть на меня.

Как ни уговаривал Эйваз, Кероглу не поднялся с места.

– Нет, Эйваз, – говорил он, – пока я не приведу Гырата, не могу я выйти к ним.

– Это верно, – сказал Эйваз. – Ну, тогда вставай, одевайся, возьми оружие и отправляйся в путь.

Кероглу встал. Только он сделал шаг, как слышит, о всемогущий аллах, кто-то играет на сазе и поет, да так, что словами не передать. Прислушался Кероглу и узнал голос Нигяр-ханум. Так она пела, так играла, что птицы в небе готовы были остановиться и слушать.

Посмотрел он, увидел, что Нигяр стоит на лужайке у Ягыгоруга, смотрит на него и поет:

О люди, о судьбы, в надежде смотрю –
Когда бы он милым моим оказался!
Не это ль начертано в книге судеб? –
Когда бы он милым моим оказался!

Пусть не будет под солнцем бесплодных садов
И живет благодатная тяжесть плодов,
И у девушки каждой да будет любовь!
Когда бы он милым моим оказался!

О жестокий, мне жизнь без тебя – не дар.
И ресницы твои – как стрелы удар.
И жизнь отдала б за него Нигяр, –
Когда б он милым моим оказался!

И сказал тогда Эйваз:

– Ну что, видел? Теперь пойдем!

Кероглу направился к Нигяр. Подошел он к лужайке и что же увидел? Там устроили такое пиршество, что и описать нельзя.

Удальцы и женщины, разодетые, разнаряженные, сидят и ждут его.

Кероглу сел среди них. Эйваз сам стал кравчим. Поели, попили, развеселились сердца, – ссора и обида были забыты, и стало все, как было прежде. Кероглу рассказал им, как было с Хамзой. Затем взял саз и спел:

Уповая на бога, пускаюсь я в путь.
Бедам в этой груди оставаться не дам.
Ожидает Гырат, моему скакуну
Я на вражьем пути оставаться не дам.

Вся пылает в огне и вздымается грудь.
Добиваться победы пустился я в путь.
Может, месяц пройдет – мне Гырата вернуть.
Только целому году пройти я не дам.

Кероглу я, умелый боец и храбрец.
Невозможно, чтоб вышел из боя боец.
Сокол – я, а стервятник падет, наконец.
И добычу свою унести я не дам!

Переоделся Кероглу с ног до головы, привесил к поясу египетский меч, булаву, поверх боевых доспехов надел тулуп, перекинул через плечо саз и один, пешком пустился в путь – прямо в Тогат.

Долго ли шел, коротки ли, ночи сливались с днями, дни с ночами, когда, наконец, добрался он до Тогата. Смотрит, смеркается. Постучался он в двери к одной старухе и спросил:

– Послушай, старушка-бабушка, примешь меня гостем на одну ночь?

– Отчего не принять? – ответила старуха. – Всякий гость – гость аллаха.

Вынул Кероглу горсть монет и сказал:

– Тогда возьми и приготовь мне поесть! Увидела старуха, что денег много и спросила:

– Что истрачу–истрачу, а куда дену остальные деньги?

- Какие остальные деньги? Купи на все! – ответил Кероглу.
- На что тебе одному столько?

Рассмеялся Кероглу и сказал:

- У меня будут гости. Приготовь еду на десять человек!

Распорядившись так, Кероглу вошел в дом и сел. А старуха поспешно собралась и засемила на базар. Накупив масла, рису, мяса, принесла она все это домой и приготовила ужин на десять едоков.

Когда все было готово, пришла она и сказала:

- Ужин готов, а твоих гостей все нет и нет. Что же нам теперь делать?

– Они, верно, уже не придут. Неси все сюда!

– Все? – спросила старуха.

– Да, все, – ответил Кероглу.

Старуха сперва не поверила. Потом увидела – нет, он не шутит. «Что же, – подумала она, – принесу, подам. Ведь не чудовище же он в самом деле? Желудок-то у него один! Что съест–съест, а остального хватит мне дней на десять-пятнадцать».

Словом, поставила она посередине медный поднос и выложила на него весь плов. Плов высылся, как белая горка. Бедная старуха сколько ни тужилась, не могла поднять с пола поднос. Тогда Кероглу встал, поднял поднос и внес в комнату, поставил, засучил рукав и сел. «Нехорошо, – подумала старуха, – если я сяду вместе с ним и буду есть. Пусть он поест, насытится, а остальное потом я буду есть помаленьку».

– Старушка-бабушка, иди покушай, – окликнул Кероглу старуху.

– Кушай ты, я не голодна – ответила старуха.

– Да что ты там ела, что не голодна? Иди! Потом будешь каяться.

– Нет, кушай ты! Я насытилась одним запахом.

– Старушка-бабушка, иди! Смотри, потом будешь жалеть...

И Кероглу принялся за плов. Только раз глотнул, а вершины горки как ни бывало. Видит старуха, протяни он руку еще раза два-три и на подносе ничего не останется. «Ох, – сетовала она, – заболею, распухну я от запаха плова».

Однако она сказала «не хочу» и теперь пришлось стоять на своем – подойти уж нельзя. Сидела она, смотрела и думала: «Ой, аллах, хоть бы окликнул меня еще разок, и я бы поела хоть немножечко!»

Вдруг Кероглу сказал:

- Старушка-бабушка, иди же, потом пожалеешь.

Старуха тотчас уселась у подноса. Словом, поели, попили, насытились. Потянулся Кероглу расправил кости. Покрутил свои длинные усы, заложил их за уши. А старуха унесла остатки, убрала суфру, села, и они разговорились.

– Гость мой, по сазу вижу, что ты ашуг, а обликом не похож на наших ашугов.

– Я с той стороны Гафа, – ответил Кероглу. – Люди в наших краях все такие.

– А есть у тебя дом, двор, семья, родные?

Понял Кероглу, что она неспроста спрашивает и ответил:

– Нет. Я одинок. Никого у меня нет.

Помялась немного старуха и спросила:

– А почему до сих пор не женился?

– Не знаю. Не мог найти подходящей невесты. Старуха рассмеялась, раскрыла рот, увидел Кероглу, что во рту у нее от зубов остался только один сломанный корешок и спросил:

– А почему ты спрашиваешь об этом, старушка-бабушка?

Рассердилась тут старуха и заворчала:

– Почему ты называешь меня старухой? Смотришь на мои зубы? Они выпали от цынги.

– Ну что ж, будь не старушка-бабушка, а гялин-баджи!¹⁰ Теперь так и стану называть тебя.

– И зря. Какая я тебе сестра?

Понял Кероглу, что у старухи на уме, и спросил:

– Хорошо, старушка-бабушка, скажи, как ты живешь, что у тебя есть, чего нет?

– По- милости твоей всего у меня в достатке. Телушка есть, куры есть. И несутся каждый день.

–А семья? Кто у тебя?

–Никого, – ответила, жеманясь, старуха. – Я тоже, как и ты, одна-одинешенька.

Кероглу понял, куда она гнет. Увидела старуха, что гость помалкивает, не поддерживает разговор, и сказала:

- Твои гости не пришли. И ты так и не поиграл на сазе.
- Ничего, придут завтра, поиграю.
- Завтра меня не будет дома. Я пойду на свадьбу Хамза-бека.
- Какого Хамза-бека? Кто он такой?
- Хамза-бек – зять Хасан-паши, большой игид. Он пошел к самому Кероглу, слышал, может, о нем?

– Да, да, слышал.

– Да, Хамза пошел и привел коня этого самого Кероглу, и Хасан-паша возвел его в беки, да в придачу дал свою дочь Дониюханум. Завтра их свадьба. Я тоже буду среди молодых женщин и девушек.

– Послушай, старушка-бабушка... ах, нет, прости, гялинханум, а где держат этого коня?

– В конюшне Хасан-паши. Но, говорят, проклятый ужасно норовист. Никого не подпускает к себе. У Хасан-паши не осталось ни одного конюха, всех он изувечил. И теперь ячмень и сено сыплют ему прямо из дыры на крыше.

Короче говоря, Кероглу разузнал все, что надо было разузнать, расспросил обо всем, о чем надо было расспросить, и тогда сказал старухе:

– Ночь проходит. Пора нам спать.

– Ну что ж? Я тоже спозаранку должна пойти на свадьбу. Хочешь, приходи и ты. Поиграешь, споешь немного и получишь подарки и денежки.

Словом, легли они и уснули. Утром Кероглу встал, оделся, умылся, позвал старуху, снова дал ей пригоршню монет и сказал:

– Если я приду к ночи, купишь, что надо, поедем. А не приду, оставишь себе. Но постой, хочу сказать тебе два-три слова. Дай, скажу их, чтоб они не остались у меня на сердце.

И Кероглу взял саз:

У старухи я гостил –
Бес во взгляде у нее.
Лишь одна корова есть
В целом стаде у нее.

Безобразна, как скелет,
А в ногах-то силы нет.
Яйца – к ужину, в обед
Дважды на день у нее.

Старою назвать – боюсь.
Юной – бед не оберусь.
Грудь как треснувший арбуз,
Плоско сзади у нее.

Смелым Кероглу слывет,
Много у него забот.
У нее ж – беззубый рот,
Веет смрадом от нее!

Окончив песню, Кероглу перекинул саз за плечо и вышел. Не спеша дошел он до дворца Хасан-паши. Смотрит, такой пир, такая свадьба тут, что и не описать. Кругом все паши, ханы, беки и купцы.

Услыхали они, что пришел ашуг. Все обрадовались. Повели Кероглу к гостям. Но видят, ашуг тот совсем не похож на ашугов, что им доводилось видеть. Высок, широкоплеч, грудь, как у быка, шея могучая, усы, словно бычьи рога. А лицо строгое, суровое. Один из пашей спросил:

– Ашуг, откуда ты родом?

– С той стороны Гафа, милый мой, – ответил Кероглу.

– А знаешь ли ты Кероглу?

– Хорошо знаю. Раз он учинил надо мной такое, что до скончания века буду помнить о том.

– А что такое? – спросил Хасан-паша.

– Да продлит аллах твою жизнь, паша! – ответил Кероглу. – У этого разбойника есть конь, чтоб его поразила язва, зовут его Гырат.

Один из пашей хотел было сказать что-то, но Хасан-паша остановил его:

– Говори, говори! – обратился он к Кероглу.

– Да, паша! – продолжал Кероглу. – Прекрасный это был конь да бешеный. Как-то раз иду это я своей дорогой, с этим вот сазом за плечом. Вдруг чую, кто-то схватил меня сзади. Завязал глаза и поднял. Куда повез, как мы ехали, не знаю. Развязали мне, наконец, глаза, смотрю, а я уже на вершине какой-то горы. И передо мной стоит кто-то здоровенный – шея как у быка. Оказывается это был Ченлибель, а стоял передо мной сам Кероглу. Теперь спросика, для чего привезли меня туда? Оказывается на коня его напало бешенство. Сколько его ни лечили, каких лекарств ни пробовали – толку никакого. Не допускает к себе никого, да и все. Кто ни подойдет к нему – увечит, калечит. А надо вам сказать, у Кероглу был дружок, лекарь хаким Кимягэр. Вот и разыскали его. А лекарь этот, чтоб ему не найти себе места на том свете, говорит, что в коня вселился джин¹¹. Надо, чтоб три дня и три ночи около него играли на сазе и пели, может тогда он и угомонится... В ту пору Кероглу еще не мог ни петь, ни играть на сазе. Вот почему, оказывается, и привезли туда меня злосчастного. Словом, не буду досаждать вам, втолкнули меня в конюшню. Одному аллаху известно, что я натерпелся за эти три дня. Ну, как говорится, материнское молоко пошло у меня носом.

Тут Хасан-паша не выдержал и спросил:

– Ну, а как конь? Присмирел?

– Присмирел! Как раз после того и сам Кероглу начал играть и петь. Рассказывают, будто и теперь, через каждые десять-пятнадцать дней конь снова бесится, и Кероглу сам ему играет, поет и тем лечит его.

Опять кто-то из пашей раскрыл было рот, но Хасан-паша так посмотрел на него, что тот так и остался с раскрытым ртом.

Затем Хасан-паша призвал повара и приказал:

– Отведи, накорми, напои ашуга, а потом приведи сюда.

Повар повел Кероглу на кухню. Подождал Хасан-паша пока они вышли, затем шепнул пашам:

– Пусть поест, попьет, насытится и придет. Раз он раскрыл нам недуг коня, значит и исцелять заставим его самого.

Все в один голос одобрили эту мысль и воздали хвалу паше. Началось веселье. Оставим гостей пировать, посмотрим, что стало с Кероглу.

Повар привел его на кухню, поставил перед ним большое блюдо с пловом и полную чашу вина.

– Что это? – спросил Кероглу.

– Это для тебя, ешь! – ответил повар.

– Послушай, да ведь этого мне и на один зуб не хватит. Что тут кушать?

– Злосчастный, куда тебе съесть больше этого? Посмотри, сколько тут.

– Брось шутить! Давай-ка сюда!

Протянул Кероглу руку и придвинул к себе один из котлов. Раз, два, три... Видит повар, что он добрался уже до дна и схватил Кероглу за руку:

– Заклинаю тебя твоей верой, скажи мне, кто ты? Откуда пришел?

Кероглу решил, что повар этот из тех, кто в душе, стоит за него и ответил:

– Может, слышал о Кероглу?

Не успел он вымолвить это, как повар заорал благим матом. Хотел он поднять шум, но Кероглу вскочил и схватил его за горло.

Стараясь не шуметь, согнул он повара пополам, всунул в один из пустых котлов, прикрыл крышкой, а сам уселся сверху и придвинул к себе второй котел.

Сколько котлов и бурдюков опустошил он, не знаю. Наконец, решил – сыт. Выпрямился. Провел жирными руками по усам встал и пошел к Хасан-паше.

– Ну что, ашуг, сыт? – спросил тот.

– Спасибо, родной, сыт, – ответил Кероглу.

– Ну тогда поиграй, спой нам немного, мы послушаем.

Кероглу настроил саз и сказал:

– О чем же мне спеть вам?

– Ты говоришь видел Гырата. Спой хотя бы о нем. О его нраве, повадках, посмотрим, что это за конь.

– Да будет долговечной жизнь моего паша, это чудо-конь, не будь он бешеным, чтобы его поразила язва!

Потом прижал к груди свой саз и запел:

Вот он каков, мой Гырат, паша:
Уздечка шелкова ему нужна,
Гладкая шея, словно эмаль,
Как месяц, подкова ему нужна.

У него, точно груша, форма копыт,
Горяч, норовист, он на бой летит,
Желудок – что жернов, лихой аппетит,
И мгла вместо крова ему нужна.

Его не собьешь, ни тьмой, ни огнем,
Не бросит вовек седока пред врагом,
Вино может, пить Кероглу на нем.
Лишь лихость снова ему нужна.

– Ашуг, – сказал Хасан-паша, – Гырат, о котором ты пел, сейчас в моей конюшне. Теперь ответь, раз мне удалось отнять у Кероглу этого коня, кто из нас игид – я или Кероглу?

– Паша, если это так, тогда, конечно, игид ты. Но, мой паша, геройство имеет десять примет. Ты сказал про одну. А теперь, послушай, я перечислю тебе остальные:

Каким, спрошу я, должен быть игид?
В бою с врагами смелым должен быть.
Он в бой идет – и враг пред ним бежит,
Горяч душой и телом должен быть.

«Сдаюсь» – не крикнет, страхом поражен,
В смертельный час не бросит друга он,
Вовек не будет недругом склонен,
Как лев, он озверелым должен быть.

Да, Кероглу в сражении суров.
Разрубит вражью грудь и вражий кров.
Чтобы отбить барана у волков,
И сам он волком зрелым должен быть.

– Что же, ашуг, – сказал Хасан-паша, – пока у меня есть хоть одна из этих примет, а девять других ты еще увидишь. Сейчас я поведу тебя к Гырату. Посмотри, скажи, тот самый это конь или нет? Услыхав это, Кероглу прижал к груди своей саз и пропел:

Тоска моя, мой свет далекий,
Гырат, живой ли ты еще?
Дают в конюшнях у Хасана
Тебе овса, воды еще?

Тебя ль попоной украшают
И чашу залпом осушают?
А может, саблей сокрушают?
Шаги твои тверды еще?

Ты, Кероглу, душою щедрый,
Умей постичь – кто друг, кто недруг.
Эйваз, Гырат, в каких ты недрах?
Где мне искать следы еще?

Поднялся Хасан-паша и сказал:

– Пойдем, ашуг!

– Пойдем, паша? – ответил Кероглу. – Но я ставлю свое условие. Пойдемте все к конюшне. Я спою одну из песен Кероглу, а вы смотрите в щелки. Если мое пение и музыка успокоят коня, тогда я войду. Если ж нет, хоть казните меня, а входить к нему я не стану. Уж я-то его повидал раз, и знаю!

Паша согласился. Кероглу впереди, гости за ним двинулись к конюшне.

Хотя Хасан-паша и согласился на условие ашуга, но исподтишка кивнул своим гостям – как только, мол, он мигнет им, они

должны втолкнуть пришельца в конюшню и запереть двери. Пусть хоть из страха, а вылечит он коня.

Подошли все, наконец, к дверям конюшни. Заглянул Кероглу в щель и видит, клянусь аллахом, Гырат, как будто почувал его. Уставился прямо на двери и смотрит так, что душу переворачивает. Отошел Кероглу поскорей от двери и сказал:

– Ну, паша, теперь я спою и сыграю, а вы следите за конем.

Гости паши, словно пчелы, облепили все щели:

Кероглу запел:

Нашей отчизны родной удальцы
Смелы в сраженьях с врагами бывают.
Головы сложат, но не побегут,
В бликах победы их знамя бывает.

Дом не поставят на выступах скал,
Трус оскорбленьям вовек не внимал.
Волком не станет трусливый шакал,
Но и волчата волками бывают.

Выйдет на битву отважных отряд,
Сабли у пояса солнцем горят,
В бегство тотчас же врагов обратят,
Как Кероглу, смельчаками бывают.

Едва Гырат услышал голос Кероглу, как чуть не опрокинул конюшню. Так заплясал, так забил копытами, что не передать. От радости и Хасан-паша не оставил на своих гостях живого места. Кого толкнет, кого щипнет, кого ногою пнет. Не успел Кероглу кончить песню, как Хасан-паша кинулся к нему:

– Ну, ашуг, скорей входи в конюшню. Я озолочу тебя. Теперь Кероглу узнает, чего мы стоим. На каждые пять слов, что будет он петь о себе, десять споет о нас.

Словом, отперли двери конюшни и втолкнули Кероглу к Гырату. При виде Кероглу Гырат заржал так, что содрогнулись горы и скалы. Взыграло сердце Кероглу, прижал он к груди саз и запел:

Из Ченлибеля я к тебе пришел!
С горящим глазом, мой Гырат, приди!
Я в сталь одет, в железо я одет.
С блестящей шерстью, мой Гырат, приди!

К утру ли хватит для тебя зерна?
И подошли к седлу ли стремена?
Меня повергли в гнев, душа темна.
С горящим глазом, мой Гырат, приди.

Мой конь, ты скачешь, прыгаешь, летишь.
Остры и чутки уши, как камыш.
Ты – непродан, ты, как солнце рыж.
С горящим глазом, мой Гырат, приди!

Кончил петь Кероглу, отложил саз в сторону. Обнял, поцеловал коня в морду, в глаза и, как говорится, облизал его всего, точно соль. А Гырат, тычась мордой в грудь Кероглу, обнюхивал его, как корова своего теленка.

Кероглу точно вдруг очнулся ото сна. «О неразумное сердце, – сказал он самому себе, – что ты делаешь? Ведь ты среди врагов. Ты выдаешь себя».

Бросился он к дверям и сказал:

– Паша, отойдите, станьте поодаль, а я выведу коня, проведу, пусть подышит воздухом, а потом вручу узду вам. Только помни, Хасан-паша, ты обещал отблагодарить меня так, чтобы я остался доволен.

– Не беспокойся, ашуг! – ответил Хасан-паша. – Я утоплю тебя в золоте. Но, подожди, пока мы не отойдем, не выводи коня, а не то он натворит беды.

Впереди Хасан-паша, следом остальные гости бросились наутек. Куда? Прямо на крепостную башню. Уселись они там и стали ждать. Когда все разбежались, осмотрелся Кероглу, нашел седло, положил на спину Гырата.

Оставим Кероглу седлать коня, а всех пашей в ожидании. О ком бы мне рассказать вам? О плешивом Хамзе!

Плешивый Хамза стал Хамза-беком. И сегодня была его свадьба. Наконец-то он достиг всего, чего желал. Если был на свете счастливец, всем довольный, так это Хамза.

Когда наступил день свадьбы, поднялся Хамза рано поутру, облекся в брачные одежды, надел на голову новую папаху – прикрыл свою плешь и, прячась от гостей, прошел к окошку Донии-ханум.

Дворец Донии-ханум возвышался у самой площади. Сидя у окна, Дония-ханум гладела на прохожих. Смотрит, идет Хамза-бек, да так важно, так гордо, будто сын самого султана. Подождала она, подождала, пока Хамза не подошел к окошку и тогда, высунув голову, сказала:

– Послушай, Хамза!

Хамза по голосу тотчас узнал ее. Сердце его возликовало и сразу раздулось – ну прямо целая площадь. Поспешно подняв голову, он отозвался:

– Да будет Хамза жертвой устам, произнесшим имя Хамзы. Что прикажешь?

– Хамза, – сказала Дония-ханум, – неужто мой злосчастный отец не мог мне найти другого жениха и должен был отдать за тебя?

– Ханум, где ты еще найдешь такого жениха, как я, где сыскать такого? Кто сравнится со мной в удалстве, кто посмел бы пойти и увести Гырата из-под носа у самого Кероглу?

– Эх, Плешивый, и ты не постыдился ради девушки украсть лошадь у такого игида?

– Ханум, не говори так! Что значит – украсть? Это не воровство. Это – геройство! Увести коня у Кероглу все равно, что захватить его самого. И даже немного больше того.

– Раз так, Хамза, запомни, что я скажу тебе. Или ты пойдешь и приведешь сюда самого Кероглу, чтобы я посмотрела, что он за человек, или женой твоей я не буду.

Смех разобрал Хамзу. Расхохотался он и сказал:

– Что вздумала! Я привел коня, немого – бессловесного, без меча и кинжала, и твой отец не в силах справиться с ним. Все

османское войско скоро он соберет сюда и все-таки не сладит с ним. Подумай, а что будет, если привести самого Кероглу?! Да и потом, ханум, дело сделано. Сегодня наша свадьба. Наконец-то и я добыюсь, чего добивался, и эта плешивая голова будет покоиться на твоей беломраморной груди.

– Пусть затевают не одну, а тысячу свадеб! – упрямо возразила Дония-ханум. – Пока Кероглу не придет сюда, я твоей женой не буду.

Сказав это, Дония-ханум, рассерженная, отошла от окна. Хамза стоял растерянный, не зная, что ему делать, как поступить. Пойти рассказать об этом папе, пожаловаться? Не ладно получится. Скажешь, а он ответит: «Эх ты, дурень, сын дурня, просил дочь, я отдал ее за тебя. Не стану же я стлать и убирать вашу постель? Ступай, вот жена твоя, а вот и ты сам. Как хотите, так и устраивайтесь». А Дония-ханум такая упрямец. Разве отступится она от своего слова?..

Ломая голову над такой задачей, Хамза дошел до площади. Увидел он, что там царит сумятица и люди бегут в разные стороны. Спросил:

– Что случилось? Куда вы бежите?

Ему рассказали все, как было. Посмотрел Хамза, видит, все владетельные гости забрались на крепостную башню. И тотчас понял все. Понял, что ашуг и все, что он здесь наплел – ерунда. Явился сам Кероглу. И бросился Хамза к конюшне. Только успел он подойти к конюшне, как двери распахнулись. Смотрит Хамза, сам Кероглу выводит на поводу Гырата из конюшни. Тут же кинулся он, чтобы поддержать стремя, и сказал:

– Кероглу, я сдержал свое слово, что дал тебе на мельнице.

Обернулся Кероглу и видит: Хамза поддерживает стремя.

– Ну-ка, Бодливый, скажи, удалось тебе жениться на девушке или нет? Ты как будто в знатные люди вышел.

– Джан Кероглу, в знатные люди я вышел и девушку отдают за меня. А твой приход поможет мне наладить все остальное. Не приди ты, дело мое было бы плохо.

– А что?

Тут Хамза рассказал про условие Донии-ханум. Рассмеялся Кероглу и сказал:

- Послушай, а где же Хасан-паша?
- От страха перед Гыратом побежал и взобрался на крепостную башню. Боюсь, когда узнает он, что ты Кероглу, побежит и залезет на плечи жены.
- Подожди, подожди, увидишь еще, что я сейчас сделаю.
- Кероглу, ты пришел за Гыратом и уже сидишь на нем. Будь я на твоём месте, молча, тихо поехал бы своей дорогой.
- Если я молча и тихо поеду своей дорогой, тогда буду я не Кероглу, а Хамзой. В чем тогда разница между нами?

Хамза опустил голову.

- Ну, не обижайся. Скажи сколько выходов из крепости?
- Пять. Ты все-таки поспеши выбраться отсюда, пока войска не заняли горные проходы. Не то тебе придется туго.

Распрощался Кероглу с Хамзой, пришпорил коня, очутился Гырат прямо на площади и остановился посередине.

– Эй, ты, ашуг! – крикнул Хасан-паша – А ну, пусти коня по площади, я погляжу, как он скачет.

Кероглы раза два проскакал по площади из конца в конец.

– Ашуг, ты оказывается, и славный наездник, – сказал Хасан-паша. – Лихо умеешь ездить!

Кероглу ответил:

Не мели ты вздор, Хасан-паша.
Силы у меня большие есть.
Глаз не отводи и погляди:
У бойцов мечи стальные есть.

Спустятся они с высоких гор,
Ждет в бою противника позор.
Силе и отваге – здесь простор,
У меня бойцы лихие есть.

Не трусливым я рожден и сам,
С Ченлибеля я примчался к вам.

Не поверит Кероглу словам,
Хитростей в запасе много есть.

Оставим Кероглу на площади, послушаем о Хамзе. Бросился Хамза к окошку Донии-ханум и начал звать:

– Дония-ханум, ай, Дония-ханум!

Подошла та к окошку и спросила:

– Ну, что такое?

– Давай муштулуг!¹² Пришел звать тебя на свадьбу твоего отца.

– Что болтаешь? Что еще за свадьба!

– Свадьба твоего отца. Сейчас начнется. Утром была наша свадьба, а сейчас свадьба Хасан-паши. Взгляни на площадь.

Взглянула Дония-ханум на площадь и видит: посреди нее на Гырате сидит какой-то молодец.

– Послушай, Хамза, кто это?

– Дония-ханум, наконец-то и это твое условие выполнил. Положу-таки я свою плешистую голову на твою беломраморную грудь. Это Кероглу, понимаешь, Кероглу!

Сначала Дония-ханум не поверила. Но посмотрела еще раз, видит, клянусь аллахом, всадник скачет по площади так, что диву даешься. Повернулся он к Хасан-паше и запел:

Мурадбейлинцами нас всяк зовет.
Храни отвагу в битве, в час невзгод.
Родится у игида сын – и вот
В глазах врагов он великаном станет.

Взберусь на гору выше всех хребтов.
Ограблю толстосумов я, купцов.
Веселый пир начну – уж я таков, –
Истрачу тьму туманов – так и станет.

Я крикну «Гей!» – услышат голос мой.
«Гой», – крикну я, – откликнутся на «гой»
Богатыри – медведь и волк – со мной.
Приду – и город бездыханным станет.

Только Кероглу запел, один из пашей нагнулся к уху Хасан-паши и шепнул:

– Хасан-паша, хоть казнить меня вели, как хочешь назови меня, но что-то твой, ашуг не по душе мне. Сдается мне, что это один из ченлибельцев. Да я почти готов поклясться, что это сам Кероглу.

Казалось, Хасан-пашу растолкали и подняли со сна. Вздрыгнул он и поднялся.

– Да нет же. Неужто мы оказались такими дурнями, что он мог придти и так ловко обвести нас вокруг пальца.

– Хасан-паша, поверь мне! Это Кероглу. Пошли кого-нибудь, позови Хамза-бека и спроси у него.

Тотчас призвали Хамзу. Хасан-паша спросил:

– Эй, Хамза-бек, посмотри, не Кероглу ли это?

Знает Хамза, раз сидит Кероглу на Гырате, теперь и сто Хасан-пашей ничего с ним не сделают. Нарочно поднес он ладошку к глазам, всмотрелся и крикнул, что было мочи:

– О, да обрушится дом ваш, кто же это, если не сам Кероглу? Кто дал ему коня?

Потемнело в глазах у Хасан-паши. Тотчас же приказал он своим военачальникам занять горные проходы и дороги.

Войска пришли в движение. Видит Кероглу, что войска заняли одну из дорог. Повернулся он к Хасан-паше и спел:

У крепости – сказал гонец, –
Есть пять дорог, – но где дороги?
Я кликнул клич, пошли войска.
Свободны мне везде дороги!

Кероглу поскакал ко второй дороге, но войска паши и там преградили ему путь. обнажил Кероглу египетский меч и ринулся в самую гущу. Сразил там одного, тут – пять, здесь – десять, пятнадцать, – рассеялось войско. Пустил Кероглу коня. Да туго пришлось ему. Дорогу нарочно усыпали камнями. А с крепостных башен так и сыпят на него стрелами. Поворотил он коня, снова вернулся на площадь и спел:

Стрелок пошлет стрелу, суров,
И многих обагрят кровь.
Теряет гвозди от подков
Гырат, кремнисты те дороги.

Поскакал он по третьей дороге. С одной стороны, Гырат, с другой – Кероглу превратили войска Хасан-паши в сплошное месиво, – ничего похожего на войско не осталось. Перебили, передавили всех. Обратили вспять. На какую дорогу ни бросался Кероглу – везде одно и то же. На дорогах трупы громоздились горами, а все не пробьешься.

Кероглу еще раз повернул коня на площадь и спел:

Неправда не сорвется с губ.
Край разорю, что мне не люб.
И громоздится труп на труп.
В крови и темноте дороги...

Крепость Тогат строили так, что с трех сторон ее была суша, а с четвертой – вода... Протекала там река Тоначай. Хасан-паша потому и приказал занять все другие дороги, что за эту не беспокоился. Надеялся он, что Кероглу либо убьют на одной из дорог, либо он бросится в реку и утонет в ее волнах. Перебраться живым через Тоначай еще никому не удавалось.

Оглянулся Кероглу по сторонам, посмотрел на реку, нагнулся, обнял шею Гырата и запел:

Скачи, мой конь, о, если б враг
Вблизи Гырата оказался!
Меч обнажил бы – если б вдруг
Хребет покатым оказался.

Сел на коня я, чтоб в пути
Врагов добить и разнести.
О, если б конь, чтоб перейти
Реку, крылатым оказался!

Платите подати семь лет.
Пашам пощады больше нет.
О, если б выходя на свет,
Враг близко, рядом оказался!

Пропев это, Кероглу пустил Гырата в Тоначай. Конь по самые уши погрузился в волны. Вода дошла Кероглу до пояса. Видит Кероглу, как ни борется Гырат с волнами, но они одолевают его. И думает, нет, если дело пойдет так, волны поглотят Гырата.

Издав он боевой клич и запел:

Легкий твой бег с бегом джейраньим схож.
Да буду я жертвой – без лишнего слова – твоей.
Полет соколиный – твой быстрокрылый полет.
Не дотянуться до шерсти шелковой твоей.

Возьму, закажу я серебряное седло.
Буду беречь – когда мрак, и когда светло.
Скорее умчи меня, недругам всем на зло.
Пусть монета горит серебром на подкове твоей.

Я – Кероглу, знатен я меж людьми.
Слава, добрая слава, в объятья меня возьми.
На Ченлибель, мой Гырат, меня подними.
Пускай восхитится попоною новой твоей.

Слова Кероглу как будто придали Гырату крылья. Вынырнул он, поплыл и вынес Кероглу на другой берег.

Обернулся Кероглу, посмотрел назад, видит Хасан-паша все еще стоит на башне. Окликнул его Кероглу:

– Хасан-паша! На этот раз ты влез на башню и спасся. А куда влезешь в следующий раз? Не беда. Заимодавец должнику здоровья желает. Увидимся.

И Кероглу поскакал¹³. Ехал, ехал и, наконец, доехал до Ченлибеля. Почуввав Ченлибель, Гырат так заржал, что откликнулись горы и скалы. Сбежались удальцы, взяли Гырата за поводья, сняли Кероглу с коня.

– Ну, Кероглу, – сказали удальцы, – рассказывай про свои дела. Как привел коня?

Кероглу рассказал все, начав со встречи с Хамзой на мельнице и кончая Тоначаем. Удальцы еще раз пожалели, что нанесли ему обиду. Все сидели, опустив головы, не поднимая глаза.

– Ничего, – сказал им Кероглу, – не смущайтесь. Все-таки правда ваша была. Не следовало мне доверять ему ключей. Что делать? Всякое случается. Но и вы помните, что я – Кероглу.

Видит Нигяр-ханум, что Кероглу снова разгорячился и скорее свела разговор к шутке. Подмигнув удальцам, она начала:

– Кероглу, знаем мы все, что ты Кероглу, если б не знали, не собрались бы вокруг тебя. Правда, ты игид, храбр, смел, умен, однако с виду уж очень неприглядный, черный и чумазый.

Слова ее встретили веселым хохотом удальцы. Засмеялся и сам Кероглу. Взял он свой саз, прижал к груди и запел:

Ты меня назвала черным,
А сама ты не черна ли?
Брови черны, косы черны –
А сама ты не черна ли?

Ченлибель – мой лагерь стылый –
Ты как солнце озарила...
Ну, а родинки у милой?
А сама ты не черна ли?

Кероглу, певучим сазом
Ты ответь любимой сразу.
А сурьма¹⁴ у светлоглазой?
А сама ты не черна ли?

ПРИЕЗД МАХБУБ-ХАНУМ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

Все радовались возвращению Кероглу. Только ашуга Джунуна не было в Ченлибеле. Не знал он ни о проделках Хамзы, ни о похищении им Гырата, не знал он и о том, как Кероглу вернул своего коня.

В ту пору странствовал Джунун по белу свету, ходил по городам и селам, веселил народ своими песнями и рассказами о Кероглу, славя его подвиги. Немало отважных юношей привлек он в Ченлибель, а при случае, наострив ухо, непрочь был узнать о кознях пашей, сообщить об этом Кероглу.

Так шел, шел Джунун и через много дней дошел до Рума¹. Расхаживая по улицам города, он увидел богатый дворец с высокой башенкой, а в нем девушку-красавицу. Глаз ашуга остер как глаз менялы. С первого взгляда видит он, чего стоит человек, здоров он или с гнильцой. Бросил он на девушку соколиный взгляд. Смотрит, о аллах, вот красавица, так красавица! Родинки черные, брови черные, косы черные, а зубы белые-пребелые, как жемчуг, уста, словно рубины, а глаза, кажется, так и кричат – убую, убую! Подумать, до чего она была хороша, если ашуг Джунун с одного

взгляда обезумел и уже не мог оторвать глаз от нее. Что же это была за девушка? Дочь румского паши Махбуб-ханум. А надо вам сказать, что и Махбуб-ханум заметила Джунуна. Призвала она одну из своих сорока стройных, как кипарис, прислужниц и говорит:

– Ступай, приведи сюда вон того ашуга!

Смотрит ашуг Джунун, распахнулись дворцовые ворота, вышла из них какая-то девица и прямо к нему. Испугался ашуг Джунун. Подумал, видно, красавица рассердилась на то, что он стоит глазеет на нее. Хотел было он незаметно улизнуть, но девушка, точно хищная птица, налетела на него, преградила ему дорогу, но поклонилась вежливо и сказала:

– Ашуг, дочь румского паши Махбуб-ханум зовет тебя к себе.

Посмотрел Джунун, нет, дочь паши не гневается.. Следуя за девушкой, он прошел прямо во дворец Махбуб-ханум. Та сама вышла ему навстречу, приветливо кивнула головой и провела его в свои покои. Когда ашуг Джунун уселся, Махбуб-ханум спросила:

– Ашуг, откуда идешь ты и куда держишь путь? Чей ты ашуг?

– Я с той стороны Гафа! – ответил он. Услышав это, Махбуб-ханум тотчас спросила:

– А знаешь ли ты Кероглу?

Оглянулся ашуг Джунун по сторонам, видит – в комнате, кроме них, никого нет, и сказал:

– Конечно, ханум, я видал его.

– Скажи правду, что это за человек и что за место Ченлибель?

– Клянусь аллахом, что могу сказать тебе? Человек, как человек!

Махбуб-ханум была умной девушкой. Отец ее называл не иначе, как мазарат – всезнайкой. Редко, конечно, бывает, чтобы человек был умен и красив. Но Махбуб-ханум судьба наделила и умом и красотой. Родилась она, видно, в счастливый день. Красота ее была такова, что, казалось, сам творец рисовал ее всеми своими семидесятью двумя кистями и придал ей семьдесят два красочных оттенка. По уму и мудрости же она могла соперничать с Эфлатуном², а при случае поспорить и с самим Логманом³.

Словом, Махбуб-ханум поняла, что ашуг прекрасно знает Кероглу, но предпочитает держать язык за зубами. И думает она про себя – а, всетаки, почему же он не хочет говорить? И тут догадалась: «О! Да ведь я дочь паши! А Кероглу враждует с пашами и ханами. Наверное, поэтому ашуг так осторожен со мной».

Поднялась она с места, подошла совсем близко к Джунуну и сказала:

– Ашуг, ты говоришь, что знаешь Кероглу! Скажи, кто его жена?

– Да ведь это известно всему свету – Нигяр-ханум!

– Очень хорошо. А теперь отвечай, чья дочь Нигяр-ханум?

– Да и это известно всему свету она – дочь стамбульского султана.

– Чудесно. А теперь скажи, чья сестра Телли-ханум? Вопросы Махбуб-ханум так и сыпались на Джунуна. И он уже начинал тревожиться. «Посмотрим, – подумал он, – чем все это кончится¹¹, и сказал:

– Сестра эрзерумского Джефер-паши!

– А я дочь румского паши – Махбуб-ханум. Ты ответь мне, почему Телли-ханум или сама Нигяр-ханум отказались от богатства, роскоши, власти и ушли в Ченлибель? Всеми свету известно, что их туда силой не тянули, они сами, по своей воле пошли в Ченлибель. Не так ли?

– А, Махбуб-ханум, понимаю. Теперь о чем хочешь спрашивать, отвечу. Я ашуг самого Кероглу, Джунун.

Рассмеялась Махбуб-ханум и сказала:

– Ашуг, ты умен! Теперь у меня к тебе два вопроса. Только ты должен ответить правду. Смотри – никакого обмана и лжи.

– Ханум, у нас, ашугугов, не бывает на языке лжи. Задавай вопрос – получай ответ!

Махбуб-ханум прошла, села на свое место и спросила:

– Первый мой вопрос, – ответь ясно, что за человек Кероглу?

Прижал ашуг Джунун к груди свой саз и запел:

Он с мощным кличем на врага идет,
И кличем силу множит Кероглу.

Метнет рукою длинной шестопер –
Повергнуть гору может Кероглу.

Сто хитростей он держит про запас,
Врага бросает на землю всякий раз,
А если меч возьмет, прищурит глаз –
Любого уничтожит Кероглу.

Немало он с пашами вел боев.
Всегда он в битве и разит врагов.
Джунун поет: семь тысяч удалцов
За ним; им путь проложит Кероглу.

Песня была окончена. Махбуб-ханум сказала:

– Теперь ответь, что за место Ченлибель? Снова ашуг прижал саз и запел:

Ченлибель – простых людей становище.
Вот каков наш край, Махбуб-ханум.
Парни носят перья журавлиные, –
Вот каков наш край, Махбуб-ханум.

Там пути проходят караванные,
Скалы там ребристые и рваные,
Башни зорко смотрят в даль туманную, –
Вот каков наш край, Махбуб-ханум.

За горами он, от бурь спасаемый.
Самым видом гор врагов пугаем мы,
Для любых пашей недосягаемый –
Вот каков наш край, Махбуб-ханум.

Когда и эта песня была спета, Махбуб-ханум снова встала со своего места и подошла к ашугу Джунуну. Нагнулась она к самому уху его и сказала:

– Ашуг, отправишься отсюда прямо в Ченлибель, к Кероглу. Скажешь ему, что дочь румского паши Махбуб-ханум говорит, что у нее есть тайна, которую она может поведать только ему одному. Передать ее здесь нельзя никак, она может сообщить ее только

там, в Ченлибеле. Понял? После того, как я открою эту тайну, оставаться мне здесь будет нельзя. Но пусть он поторопится, а не то многое потеряет.

Махбуб-ханум ударила в ладоши. Тотчас появилась та самая девушка, которая привела к ней Джунуна. Почтительно прижав руки к груди, она стояла в ожидании приказаний.

– Подать ашугу ужин, – сказала Махбуб-ханум. – А сами соберитесь, он споет нам, а мы послушаем. На эту ночь ашуг наш гость. Рано утром он едет в Стамбул.

Джунун понял, что все сказанное должно остаться в тайне.

Тут подали ужин. Махбуб-ханум на славу угостила Джунуна. Когда же он насытился, то прижал саз и, описывая круги по комнате, стал играть и петь. Он играл и пел до самой ночи. Но о Кероглу не упомянул ни словом.

Пир был окончен. Все легли спать. Когда наступило утро, встал ашуг Джунун, поел, попил и уже хотел уйти, как к нему вошла Махбуб-ханум. Джунун, улучив минуту, сказал ей:

– Махбуб-ханум, пройдет еще несколько дней и за тобой приедет наш посланный.

– Хорошо, – сказала Махбуб-ханум, – а откуда я узнаю, что он из Ченлибеля. Будет у него какой-нибудь знак или примета?

Подумал ашуг Джунун, подумал и сказал:

– Махбуб-ханум, приметой будет вот этот мой саз. После этого ашуг Джунун, встал, завязал потуже свои чарыхи и пустился в путь-дорогу, прямо в Ченлибель.

Сколько времени он шел, не знаю, наконец, под утро дошел до Ченлибеля.

Дозорный тотчас сообщил Кероглу, что идет ашуг Джунун. Кероглу пошел ему навстречу и с большим почетом провел к себе. Молва об этом разнеслась по всему Ченлибелю. В мгновение ока собрались все женщины и удальцы. Когда же ашуг перекусил и отдохнул с дороги, Кероглу спросил:

– Ну, ашуг Джунун, рассказывай где был, что видел, что слышал? Откуда идешь сейчас?

Ашуг Джунун ответил:

– Кероглу, ашуг о виденном не рассказывает простыми сло-

вами. Если разрешишь, расскажу под саз.

– Разрешаю, рассказывай!

Прижал Джунун к груди трехструнный саз и запел:

Я шел и вдруг в пути мне встретилась
Махбуб-ханум, Махбуб-ханум.
И завладела сразу мыслями
Махбуб-ханум, Махбуб-ханум.

Ах, брови будто нарисованы,
Откуда знает столько слов она?
Все муки мира адресованы
Махбуб-ханум, Махбуб-ханум.

Всю жизнь готов ходить я около.
Она стройней и краше сокола.
Закрыли кудри грудь высокую
Махбуб-ханум, Махбуб-ханум.

Над дальним домом сердце кружится
И от любви горит, недужится.
Ей сорок девушек – прислужницы,
Махбуб-ханум, Махбуб-ханум.

Джунун за все простит строптивую,
Лишь красоту бы видеть дивную.
Пошел бы в Рум я за любимую
Махбуб-ханум, Махбуб-ханум.

Так под саз и без него ашуг Передал Кероглу поручение Махбуб-ханум. Вскочил с места Кероглу и приказал:

– Оседлать коня, еду!

Тотчас Дели-Мехтер оседлал Гырата и подвел к Кероглу. Тот распрощался с удальцами и женщинами. Сказал, что надо было сказать, поручил, что следовало поручить, и уже вложил было ногу в стремя, как Нияр-ханум схватила коня за поводья и сказала:

– Кероглу, можно ли верить этой девушке? Что-то меня одолевают сомнения. Помнишь плешивого Хамзу? Откажись от этой

поездки! Пусть отправится кто-нибудь из удальцов. Коли правду она говорила, то сама придет и сообщит тебе здесь все, что хочет.

Хотел было Кероглу настоять на своем, но удальцы в один голос вторили Нияр-ханум. После поездки в Тогат Кероглу не решался пренебрегать советами удальцов и женщин. Сошел он с коня. Дели-Мехтер тотчас снял с Гырата седло и повел его в конюшню. Кероглу уселся. Когда все снова заняли свои места, обратился он к удальцам:

– Ладно, кто же тогда поедет?

Не успел Кероглу сказать это, как поднялся Белли-Ахмед:

Разрешите отправиться мне. Я знаю Рум.

– Что ж, поезжай, но помни, дорога дальняя. Не всякий конь довезет тебя туда. Садись на Дурата.

Белли-Ахмед поспешил в конюшню. Оседлал он Дурата и вывел. Распрощался с Кероглу, с женщинами и удальцами, но когда он хотел вскочить на коня, ашуг Джунун окликнул его:

– Возьми этот саз и повесь через плечо. Мы условились с Махбуб-ханум. Она по этому сазу узнает тебя.

Белли-Ахмед повесил саз через плечо, вскочил на коня и поехал. Перевалил он через горы, промчался сквозь леса, как вихрь пролетел над полями, как молния сверкнул над долами, мчался как могучий поток. Что ни день, то новый привал, что ни ночь, то остановка и, наконец, через много дней доехал до Рума.

Оставим Белли-Ахмеда с сазом через плечо ехать на Дурате по городу, и расскажем вам, о ком? О Махбуб-ханум.

Проводив ашуга Джунуна, она некоторое время спокойно ждала. Потом как-то раз позвала всех своих девушек и сказала:

– Девушки, что-то скучно мне очень. Где вы ни услышите или ни увидите ашуга с сазом, приведите его ко мне, пусть споет и немного рассеет нашу скуку.

А девушкам только того и надо было. Они молили аллаха, чтоб Махбуб-ханум приказала позвать музыкантов или ашугов, и они повеселились бы. И вот все они обратились в зрение и в слух. Втихомолку даже установили – кому, когда и где высматривать ашугов.

Как-то раз та самая прислужница, что приводила ашуга Джунуна к Махбуб-ханум, стояла в башенной беседке, и вдруг

увидела: какой-то ашуг с сазом за плечами, пристально вглядываясь в дома, едет с другого конца улицы. Но ашуг этот был на коне и такой здоровенный! Бросилась она к Махбуб-ханум и сказала:

– Ханум, ханум, ашуг! Бегу его звать!

Хотела Махбуб-ханум спросить, что за ашуг, каков собой, какое там, – прислужницы давно и след простыл.

Словом, прислужница, запыхавшись, преградила дорогу Белли-Ахмеду и сказала:

– Ашуг, дочь румского паши Махбуб-ханум, приглашает тебя, хочет, чтоб ты поиграл и спел немного.

– Повинуюсь, – отозвался Белли-Ахмед и сошел с коня.

Девушка впереди, Белли-Ахмед следом, вошли они во двор. Привязали лошадь в конюшне, задали ей корм, напоили. Потом поднялись наверх, к Махбуб-ханум. Посмотрел Белли-Ахмед на Махбуб-ханум взглядом ценителя. И впрямь это Махбуб⁴-ханум! Мир праху отца того, кто дал ей это имя. Как ни расписывал ее ашуг Джунун, а она в тысячу раз лучше того.

– Салам-алейкум, ханум! – сказал он.

– Алейкум-салам, ашуг! – ответила Махбуб-ханум. – Садись! Поиграй, спой немного, а мы послушаем.

– Слушаюсь, ханум! Ах, что бы мне такое сыграть, чтобы вы меня послушали?

Смотрит Махбуб-ханум, Белли-Ахмед очень красив собою, и ей захотелось подшутить над ним.

– Но ашуг, не каждого певца можно слушать. А может твоя игра и пение совсем не понравятся нам!

– Нет, ханум, – ответил Белли-Ахмед, – если бы не умел я петь, не стал бы напрашиваться. И мой саз и мои песни понравятся вам.

И Белли-Ахмед вынул из шелкового чехла саз. Видит Махбуб-ханум, это саз ашуга Джунуна. Уселась она поудобнее и сказала:

– Ашуг, твой саз очень хорош. Пой, посмотрим, таковы ли и твои песни.

– Песни окажутся еще лучше, чем саз, – ответил Белли-Ахмед, – слушай же!

Прижал Белли-Ахмед саз к груди и начал:

Прильнувши к Дурату, по трудным путям
Я в Рум отдаленный летел с Ченлибея.
Горят нарукавники из серебра,
Я, в сталь облаченный, летел с Ченлибея.

Я горы объехал, заглядывал в сад –
Айвы не коснулся моей листопад.
К красавице румской примчался Дурат,
С главою склоненной летел с Ченлибея.

Ведет Кероглу удальцов за собой.
И ради него начинаю я бой.
Махбуб, твое имя мне стало судьбой,
С мечтою бессонной летел с Ченлибея⁵.

У Махбуб-ханум была двоюродная сестра Ширин-ханум. Она ни в чем не уступала ей, была даже чуточку умнее и очень любила Махбуб-ханум. Видит Ширин-ханум; что слова ашуга показались девушкам подозрительными, они стали перешептываться, перемигиваться, и обернулась она скорей к ним:

– Вот, девушки, каким бывает настоящий ашуг! Как ловко угадал он имя сестры. И даже узнал, что она дочь румского паши.

Из слов Ширин-ханум смекнул Белли-Ахмед, что поступил опрометчиво. Взял он саз, прижал к груди и начал петь и играть все, что знал, что слышал от ашугов. Пока он играл и пел, наступила полночь. Наконец, Махбуб-ханум сказала:

– Ну, ашуг, хватит! Ты устал. Девушки, постелите ашугу, пусть он ложится. И сами идите спать.

Потом обернулась к Ширин-ханум:

– Пойдем, сестрица, спать!

Все встали и разошлись. Когда кругом все утихло, Махбуб-ханум осторожно приоткрыла дверь, вошла в комнату Белли-Ахмеда и сказала:

– Я знаю., откуда ты идешь. Только скажи, кто ты? Кероглу?

Белли-Ахмед рассмеялся и ответил:

– Что ты, ханум, что я перед Кероглу! Да я и ногтя его не стою. Меня зовут Белли-Ахмед. И я один из самых никчемных удальцов Кероглу.

Посмотрела Махбуб-ханум на Белли-Ахмеда, на весь его вид, на осанку, на могучие плечи и ручищи, и подумала: «Нет, он говорит неправду. Вовсе он не ник чемный, а видно, один из самых славных удальцов Кероглу».

Повернулась она еще раз и окинула Белли-Ахмеда взглядом ценителя. Видит, хоть он с виду и неотесан, грубоват, но хорош собой и стоит тысячи юношей знатного рода, всех этих бекских и ханских сынков. Однако нарочно, чтобы подразнить его, сказала:

– Что плохого сделала я Кероглу, что он прислал за мной одного из самых никчемных удальцов? Неужто он не мог прислать кого-нибудь получше?

Белли-Ахмед ответил:

– Ханум, это кто в каком проводнике нуждается. За жалкими, несчастными, беспомощными Кероглу всегда едет сам или же посылает самых удалых своих игидов. Но ашуг Джунун так расписал, так расхвалил твой ум, твою красоту, что Кероглу решил, что такой девушке нужен только человек, который указал бы ей дорогу. В остальном можно на нее положиться.

Видит Махбуб-ханум, нет, Белли-Ахмед за словом в карман не полезет, находчив он и умен. Тут брови ее вдруг сдвинулись, но как сдвинулись? Клянусь аллахом, как будто две змеи подняли хвосты и улеглись над черными глазами. Белли-Ахмед чуть совсем не потерял голову.

Махбуб-ханум сказала:

– Ну, вставай, приготовь коня, поедем, ночь уже на исходе.

– Нет, ханум! – ответил Белли-Ахмед. – Играя нынче на сазе, я сломал гриф и отвезти его таким не могу. Ашуг Джунун изругает меня. Должен я утром разыскать мастера и починить саз. Бог даст, завтра ночью выедем.

Сколько ни уговаривала его Махбуб-ханум, Белли-Ахмед стоял на своем. Видит Махбуб-ханум, нет, упрямец этот не отсту-

пится от сказанного и, наконец, волей-неволей согласилась с ним и прошла в свою комнату.

А Белли-Ахмеда до того растомило от усталости, что только лег он в постель, заснул и смотрит уже утро! Он проворно поднялся, задал коню корм, напоил его, затем взял саз и пошел на базар. Долго он ходил, коротко ли, наконец, на самом краю базара нашел нужную ему мастерскую, где умельцы делали и чинили сазы. Поздоровавшись с мастером, протянул он ему саз:

– Уста⁶, прошу тебя, почини его поскорей, мне надо ехать.

Мастер даже не поднял головы, а только проронил:

– Сегодня у меня и без того много дела. Приходи завтра!

– Уста, – ответил Белли-Ахмед, – сказал ведь я тебе, что мне надо ехать. Как это, приходи завтра?!

– А мне что до того, что ты должен ехать? – ответил мастер.

– Ну и поздравляю, что едешь. Сказал, нет у меня сегодня времени – и все!

Белли-Ахмед ответил:

С Ченлибеля я к тебе приехал
Мастер, мастер, почини мне саз.
Он сломался, я без рук остался.
Мастер, мастер, почини мне саз.

Уста сказал:

– Послушай, какой ты бестолковый. Сказал ведь я, что сегодня починить не могу.

Белли-Ахмед стал просить:

Словно в море, в горе опустился,
Пожелтел, в айву я превратился,
Лучше б умер раньше, чем родился.
Мастер, мастер, почини мне саз.

Мастер совсем обозлился:

– Ашуг, к чорту все твои стенания, к дьяволу твои вздохи!
Если ты сетуешь, возьми да и удавись.

Тут вмешался подмастерье.

– Послушай, мастер, человек должен ехать. Возьми и исправь.

Мастер шлепнул его по губам и крикнул:

– Замолчи, подкидыш? При старших младшие молчат.

Белли-Ахмед ответил:

С Ченлибеля войско вышло утром...
Пред учеником склоняюсь мудрым.
Саз украсьте мелким перламутром,
Мастер, мастер, почини мне саз.

Мастер все отказывался и ругался. Видит Белли-Ахмед, что мастер не собирается чинить саз, но все-таки попросил еще раз:

Я Белли-Ахмед, я из Курдиджа,
Щедро заплачу я, подойди же.
Почему согласья я не вижу?
Сын гяура, почини мне саз.

Кероглу – вожак наш непреклонный,
От него дрожат дворцы и троны.
Саз возьми – и я тебя не трону,
Мастер, мастер, почини мне саз.

– Что ты сказал, – воскликнул мастер. – Кероглу?! Сейчас же вон отсюда! Только этого не хватало, чтобы имя каждого проходимца, разбойника произносилось в моей мастерской. Говорю тебе убирайся вон. А то я сейчас же пойду к паше, скажу ему, и шкуру твою набьют соломой.

Кровь ударила в голову Белли-Ахмеду. Он схватил саз и что было силы хватил им мастера по голове, да так, что и саз разбился вдребезги, да и голове мастера изрядно досталось.

Мастер кое-как выбрался на улицу и завопил:

– Спасите, люди! Кероглу убивает меня!!!

В Руме ни одной души не осталось под кровлей. В одну минуту все от мала до велика высыпали на базарную площадь.

Белли-Ахмед тем временем выбрал в мастерской лучший саз и положил деньги на прилавок. Перекинул он саз через плечо и вышел. Видит, о аллах, да тут столпотворение! Площадь будто окружила живая человеческая стена. Однако никто не подходил близко. Все стояли и поглядывали издали. Весть обо всем дошла до румского паши. Призвал паша начальника своего войска и приказал:

– Сейчас же возьми побольше людей и оцепи площадь! Как хочешь, но схвати его и приведи ко мне. Если приведешь, отдам за тебя свою дочь Махбуб-ханум. Если же захватить его не сумеешь, прикажу отрубить тебе голову.

Смотрит Белли-Ахмед, войска оцепили площадь. Видит другого выхода нет. Снял он саз, отшвырнул в сторону, обнажил египетский меч и ринулся на воинов паши. До сумерек тянулся страшный бой. Белли-Ахмед порубил столько воинов, что вся площадь была усеяна трупами, прямо некуда было ступить. Видят, нет... Так ничего не выйдет. А наступит ночь, он сбежит. Как быть? С западной стороны был старый колодец, притащили туда сучьев, хворосту и прикрыли отверстие колодца. А войска выстроили так, что Белли-Ахмеду остался один путь – к колодцу. Тому же все было невдомек. Откуда было знать бедняге? Рубя мечом то направо, то налево, то пробиваясь вперед, то назад, хотел он как-нибудь расчистить себе дорогу, выбраться, да вдруг грохнулся на дно колодца.

Побежали к паше с радостной вестью:

– Да озарятся очи твои! Кероглу попался в западню, он на дне колодца!

– Сейчас же схватить и привести его ко мне, – приказал паша.

Но легко было приказать это, а как сделать? Люди паши встали в тупик. Кто же осмелится влезть в колодец, чтоб схватить такого буяна? Сам сардар отправился к паше и сказал:

– Да будет долговечной жизнь паши! Схватить его нам не под силу. С мечом в руке он стоит на дне колодца и только ждет, чтоб снести голову первому, кто спустится вниз.

– Тогда, – приказал паша, – забросайте его камнями и принесите мне его мертвое тело.

Сардар вернулся и приказал принести два-три больших камня.

Оставим воинов таскать камни, Белли-Ахмеда на дне колодца, а вы послушайте о Махбуб-ханум.

Она смотрела с башни и как только увидела, что воины собирают камни, тотчас поняла все. Взяв с собой Ширин-ханум, она поспешила к отцу.

Махбуб-ханум хорошо знала своего отца. Она всегда говорила, что курица-хохлатка и та умнее ее отца. Смотрит Махбуб-ханум, паша рад, доволен. Вошла к нему и, отвесив почтительный поклон, остановилась.

– Ну, что хорошего, зачем пришла? – спросил паша – Или ты тоже хочешь посмотреть на Кероглу? Жаль живым поймать его не удастся. Я приказал, чтоб его убили и принесли труп.

– Отец, что ты сделаешь с его трупом? – опросила Махбуб-ханум.

– Прикажу отрубить голову и пошлю ее султану..

– Ну пошлешь, а потом?

– А потом прикажу повесить тело на крепостных воротах. Пускай знают меня по всей османской земле. Пусть узнают каков румский паша!

– Хорошо, ну узнают, а потом?

– Какое же еще может быть потом? А потом я стану сэдр-эззом султана.

– Все это хорошо. Но скажи мне, какой ответ ты дашь Кероглу?

Рассмеялся паша и сказал:

– Доченька, да ведь в колодце сам Кероглу и сидит!

– Отец, знай же: в колодце не Кероглу, а один из самых никчемных его удальцов. И зовут его Белли-Ахмедом. Не веришь, иди и спроси у него самого.

Паша призадумался, а Махбуб-ханум снова говорит:

– Ты сейчас убьешь его. А завтра Кероглу со своими семью тысячами семьястами еемидеятью семью удальцами осадит город. Посмотрим, придет тогда султан к тебе на помощь или нет? Кому до сих пор помогал он, чтобы придти теперь на помощь

тебе? Из страха перед Кероглу он по ночам не спит в своем дворце. Если он храбр, пускай пойдет и отберет у Кероглу свою дочь Нигяр-ханум!

Увидел паша, что Махбуб-ханум права, и спросил:

– Хорошо, дочка, а как же теперь быть? Отпустить его, чтобы он ушел? Но подобает ли такое нашей чести?

– Нет, зачем же, отпустить? Мы должны схватить и представить султану самого Кероглу. Вот это будет победа! Тогда ты и эсдр-эзамом сделаешься и даже выше него подымешься.

Паша обрадовался и спросил:

– А как мы можем схватить Кероглу?

– Пусть Белли-Ахмед как сидит в колодце, так и остается там, – ответила Махбуб-ханум. – Рано или поздно Кероглу придет за своим удальцом. Тогда поймай его и отправь их вместе к султану.

– Хорошо, – ответил паша, – но ты ведь сама сейчас говорила, что нам не справиться с семью тысячами семьястами семьдесятью семью удальцами.

– Ты призови своего военачальника и отправь его с письмом к султану, чтоб он скорей прислал нам подмогу. А пока все войска, что находятся в городе, пошли в горы собрать и притащить как можно больше камней. Когда камни соберут пусть вокруг города выроют семь тысяч семьсот семьдесят семь колодцев. Придет Кероглу со своими удальцами, мы устроим так, чтобы все они попали в колодцы и завалим их камнями.

Паша вскочил и воскликнул:

– Аферин! Аферин?! Хвала такому совету!

Он тотчас приказал, чтобы пока не бросали камни в колодец, где был Белли-Ахмед, а призвали к нему военачальника. Затем спросил визиря:

– Ну, визирь, что ты скажешь о таком совете?

– Совет прекрасный, – ответил визирь, – Махбуб-ханум дала очень разумный совет.

– А как же? А ты что думал? Вспомни, чья она дочь. Да моя дочь может ли дать плохой совет?

– Нет, да продлит аллах жизнь паши! Упаси боже. Но я не верю, чтобы мы смогли вырыть семь тысяч семьсот семьдесят семь колодцев.

Махбуб-ханум поспешно прервала его:

– Сколько сможем, столько и выроем. Вовсе не обязательно, чтобы каждому досталось по колодцу.

Тут и паша поспешил вмешаться:

– Пускай будет не семь тысяч, а половина того. Если увидим, что колодцев не хватает в каждый столкнем двух.

Словом, паша отправил своего сардара с письмом в Стамбул к султану. А войскам приказал немедля идти в горы за камнями.

Махбуб-ханум вернулась в свой дворец. Стала она ждать полуночи. Все уснули. Тогда она поднялась, позвала ту самую прислужницу, что в первый раз привела к ней ашуга Джунуна, а потом Белли-Ахмеда и, заперев двери и убедившись, что они одни, спросила:

– Знаешь ли ты, что нашего ашуга схватили?

– Знаю, ханум! Знаю еще и то, что это был не ашуг, а сам Кероглу.

– Нет. Это неправда. Он только один из удальцов Кероглу. Теперь слушай, что я скажу тебе.

Махбуб-ханум рассказала прислужнице все, о чем было решено во дворце паши, и добавила:

– Теперь мы должны придумать что-нибудь. Пока военачальника в городе нет, а войска в горах, дадим знать в Ченлибель, чтоб они пришли освободить своего удальца.

Прислужница сказала:

– Ханум, да буду я жертвой твоею, придумала ты очень хорошо.

– Придуманно-то хорошо, да трудно выполнимо. Кто доставит эту весть до Ченлибеля?

– Дорогая моя Махбуб-ханум, об этом вовсе не думай. Я ведь еще не умерла! Я доставлю эту весть в Ченлибель.

Махбуб-ханум не поверила своим ушам и спросила:

– Ты?

– Да, я. Пусть паду я жертвой за тебя, за Кероглу и его удальцов.

Махбуб-ханум призадумалась и сказала:

– Я знаю, что ты у меня смелая девушка. Но ты не знаешь дорогу в Ченлибель.

– Душа моя, Махбуб-ханум! Ты и об этом не думай. У меня есть проводник.

Махбуб-ханум тут же прервала ее:

– Нет, нет. Открывать эту тайну никому нельзя.

– Моему проводнику можно сказать. Ему ли посвятишь свою тайну, или колодцу, все равно- никому о том не узнать.

– Кто же твой проводник?

– Пойдем, покажу.

Прислужница привела Махбуб-ханум в конюшню. Увидев Дурата, Махбуб-ханум поняла все и похвалила прислужницу.

– Ханум, – сказала прислужница, – лучшего проводника не сыскать. Он повезет меня прямо в Ченлибель.

– Ты, права, приготовься к отъезду, а я напишу Кероглу.

Итак, не буду долго туманить вам головы, а без лишних слов скажу, что прислужница оседлала Дурата, надела на него узду и вывела во двор. Пришла и Махбуб-ханум. Сказала она, что надо было сказать, поручила, что надо было поручить, вручила записку и отправила девушку. Та пустилась в путь-дорогу. Пока ае выехала из города, ехала шагом, но как только выбралась за город, опустила поводья.

Дурат словно понял, что от него требуется, вихрем понесся к Ченлибелю. Прислужница, как ни старалась, не могла подобрать поводья. Видит, ничего не выходит, уцепилась за гриву коня и прижалась к шее Дурата.

Теперь послушайте, о ком расскажу я вам. О ком же? О Кероглу.

Светало. Кероглу опять стоял на горе Аггая и смотрел на дорогу. Вдруг видит, пыль на дороге поднялась столбом. Туман смешался с пылью, пыль с туманом., Вгляделся он пристально, смотрит, это Дурат. И несется так, что искры летят из-под копыт. Крикнул он, и в миг высыпали удальцы. Дурат прискакал и стал

прямо перед Кероглу. Смотрят они, на спине коня какая-то девушка. Спрашивают:

– Кто ты?

Девушка протянула им письмо Махбуб-ханум. Пока Кероглу читал письмо, Дели-Мехтер снял девушку с коня. Прочел Кероглу, что написала Махбуб-ханум: «Кероглу! Белли-Ахмед на пороге смерти. Как только получишь мое письмо, или приезжай сам, или как-нибудь иначе спаси его от гибели».

А в конце письма подпись: «Дочь румского паши Махбуб-ханум».

Кероглу спросил девушку:

– Скажи, что все это значит? Где Белли-Ахмед? Кто ты такая!

Девушка рассказала Кероглу от начала до конца все, что было. Когда ему стало все известно, крикнул он Дели-Мехтеру:

– Скорей, седлай Гырата!

Тотчас Дели-Мехтер оседлал Гырата и подвел его к Кероглу. Когда тот вложил ногу в стремя, Нигяр-ханум подошла и сказала:

– Постой, Кероглу. С самого начала дело это было мне не по душе. Эта Махбуб-ханум что-то хитрит. На этот раз ты не поедешь. Пусть за Белли-Ахмедом поедет кто-нибудь другой.

– Нет, Нигяр, поеду я сам, – ответил Кероглу. – Я должен наказать этого пашу так, чтобы об этом век помнили.

Тут выступил вперед Танрытанымаз, схватил коня за узду и сказал:

– Кероглу, до сих пор всюду ездил ты, а я оставался в Ченлибеле. Теперь поеду я.

Кероглу очень любил и отличал Танрытанымаз. Он никогда ни в чем ему не отказывал. Медленно вынул он ногу из стремени и сказал:

– Хорошо, отправляйся! Но не один. Возьми с собой кого-нибудь из товарищей!

Окинул Танрытанымаз взглядом удальцов, видит – все так и рвутся в бой, на лицах у всех написано: о великий аллах, хоть бы он выбрал меня! Обернулся он к Тыпдагыдану и сказал:

– Тыпдагыдан! Готовься, поедем!

Тыпдагыдану словно подарили небо и землю. Счастливый и довольный, бросился он к конюшне. Подошла Нигяр-ханум к Танрытанымазу и сказала:

– Танрытанымаз! Смотри, не затевайте в Руме ссор. Лучше будет так, чтобы вас совсем не узнали. Действуйте осторожно, ночью. Освободите Белли-Ахмеда и привезите его. Месть пока отложим. Мы будем ждать вас ровно три дня. Приедете значит приедете, а нет, тогда пошлем за вами удальцов.

Танрытанымаз приложил руку к глазам:

– Слушаюсь и повинуюсь!

Тыпдагыдан оседлал коня, вывел его из конюшни, удальцы распрощались со всеми и хотели уже вложить ноги в стремена, как прислужница поднялась с места.

– Куда ты? – спрашивают ее. – А разве я не поеду?

– Нет, – сказал Кероглу, – пока удальцы не вернуться, ты останешься здесь. Была бы ты мужчиной, я приказал бы тебя заковать в цепи, но ты девушка и останешься с женщинами.

Потом повернулся к Телли-ханум:

– Телли-ханум, не спускай с нее глаз.

Итак, оба удальца, распрощавшись с Кероглу, женщинами и своими дружками, сели на коней и пустились в путь-дорогу. Перевалили через горы, проехали ущелья и, наконец, добрались до Рума.

Оставим их тут. О ком бы мне рассказать вам? О ком же? О паше. Паша-то был не очень богат умом. Он поверил всему, что говорила Махбуб-ханум. Когда он отправил военачальника в Стамбул с письмом к султану, а войско в горы за камнями, пошел он к колодезю и сказал:

– Эге... Недаром меня называют румским пашой. Из твоего Кероглу сделаю я такого Кероглу, что второй выскочит у него из брюха.

Рассмеялся Белли-Ахмед и ответил:

– Эх, паша, что сумели поделаться с Кероглу крокодилы, чтобы могла с ним справиться такая ящерица, как ты?

Паша разъярился. Протянул руку, хотел схватить огромный

камень и швырнуть им в голову Белли-Ахмеда, но как ни тужился, сдвинуть камня с места не мог. Поостыл его гнев, и он сказал:

– Бросил бы камень в твою голову и превратил тебя в кашу. Но, проклятие шайтану, ради Кероглу поберегу тебя. Когда он приедет, покончу с обоими разом.

– Паша, – ответил ему Белли-Ахмед, – герои не могли совладать с Кероглу. А теперь, неужели Кероглу стал до того беспомощным, что поддастся такому размазне как ты?

Разгневался паша. Хотел было опять схватить огромный камень, но, посмотрев на него, опять поостыл.

– Ничего, – сказал он, – поймаю, поймаю. Это совет самой Махбуб-ханум, а ее еще никто не перехитрил. Тот, кто бросил тебя на дно колодца, бросит и его. Тогда и поговорим!

И паша удалился.

Если у Белли-Ахмеда была одна печаль, то теперь стало их две. Он забыл о своем горе, и стал думать о Кероглу, – как бы известить его. Но сколько ни думал, придумать ничего не мог.

Теперь оставим Белли-Ахмеда в колодце, расскажем вам об удальцах.

Была ночь, когда они подъехали к Руму. Все спали. Объехали они город, видят площадь, и в конце ее стоят на страже пять-шесть воинов. Тыпдагыдан бесшумно сошел с коня. Передал поводья Танрытанымазу, а сам подошел к воинам и спросил:

– Что вы делаете тут в ночную пору?

– Тут пленник, мы сторожим его, – ответил один из них.

Посмотрел Тыпдагыдан по сторонам и сказал:

– Но ведь это площадь. Кто держит на площади пленников?

Тыпдагыдан нарочно затягивал разговор, чтоб высмотреть, где колодец. Ведь прислужница им говорила, что Белли-Ахмеда бросили в колодец на площади.

– Смотри, вон там колодец. Пленник в колодце.

– А кто он такой?

– Какой-то разбойник. Откуда мы знаем. Кто говорит, что это Кероглу. Кто говорит, его дружок. Никто ничего толком не знает.

В это время и Танрытанымаз, привязав в сторонке лошадей,

подошел к ним. Слышат удальцы, издали доносится чье-то пение. Прислушались и узнали – да это же голос Белли-Ахмеда. Белли-Ахмед пел:

Где сейчас оказался я, бог мой?
Защити, помоги, пощади.
Перехвачены все перевалы и тропы,
Нет пути, помоги, пощади.

Час пришел – неприятель потешится вволю,
Сколько выпало слез и мучений на долю.
Если хитростью он Кероглу схватит в ноле, –
Не спасти. Помоги, пощади.

Если вырваться б вновь удалось Ахмеду,
На коне да с мечом бы я встретил победу,
Но в колодце – один – обречен я на беды, –
Друг, прости, помоги, пощади.

Едва услышав голос Белли-Ахмеда, Тыпдагыдан с мечом в руке, бросился на воинов. Танрытанымаз хотел уладить дело мирно. Но видя, что Тыпдагыдан ринулся в бой, не стал медлить, кинулся ему помогать. Пять-шесть воинов паши темной ночью попались в руки удальцам Кероглу. Ясно, что они даже не успели глазом моргнуть. В одно мгновение разделавшись с ними, бросились удальцы к колодцу. Тыпдагыдан запел:

Попал в беду Белли-Ахмед, –
Пришли на выручку тебе.
Но где же ты, Белли-Ахмед?
Пришли на выручку тебе.

Услышав голос Тыпдагыдана, Белли-Ахмед тотчас узнал его и отозвался:

Пришли на выручку ко мне,
Тыпдагыдан, Тыпдагыдан.

Теперь достигну я всего,
Тыпдагыдан, Тыпдагыдан

Тыпдагыдан продолжал свою песню:

Пустить в опор Агджагузу,
Чтоб вражий глаз пролил слезу,
На город напустить грозу –
Пришли на выручку тебе.

Белли-Ахмед ответил:

Я вижу: цель моя близка,
Хотя в стальной цепи рука,
Мою Махбуб грызет тоска,
Тыпдагыдан, Тыпдагыдан.

Тыпдагыдан пропел:

Моря прошли мы поперек
Горит египетский клинок.
Бежит охрана наутек.
Пришли на выручку тебе.

Белли-Ахмед откликнулся:

Пусть удальцы поднимут щит,
Пусть шестопер врага страшит.
И пусть паша от них бежит,
Тыпдагыдан, Тыпдагыдан.

Тыпдагыдан захватил с собой из Ченлибея длинную цепь. Поспешно опустили они ее в колодец и вытащили Белли-Ахмеда. Обнялись, расцеловались с ним.

– Ну, теперь, – сказал Белли-Ахмед, – я сотворю с этим пашой такое, что все косточки у его запляшут.

– Нет, – возразил ему Танрытанымаз, – Нигяр-ханум приказал тихо придти и тихо уйти. Надо сейчас же убраться отсюда. Ведь не умрет твой паша сегодняшней ночью. Слава аллаху, пока что он жив, а мы еще не умерли. Отомстим потом.

Белли-Ахмед ничего не мог возразить Танрытанымазу.

– Что ж, – сказал он, – раз Нигяр-ханум приказала, я молчу.
Говорите едем, так едем.

Все трое вернулись к лошадям. Видят, было у них два коня, а стало три. Один оседланный конь привязан тут же, а на крупе у него подушка. Только было подумали они, что все это значить, как видят – поодаль чернеет что-то. Подошли. Видят, это Махбуб-ханум. Белли-Ахмед, как только узнал ее, понял все. Подошел к ней, смотрит – в руке у Махбуб-ханум саз.

– Махбуб-ханум, что это такое? – спросил он.

– Это саз, – ответила Махбуб-ханум, – я заказала его для ашуга Джунуна.

Протянул руку Белли-Ахмед, взял саз у Махбуб-ханум, прижал к груди и запел:

На Ченлибель скакать коням,
Любовь моя, Махбуб-ханум.
Садись со мной, помчимся к нам,
В мои края, Махбуб-ханум.

Махбуб-ханум ответила ему:

Скажи мне, как далек твой дом,
Белли-Ахмед, Белли-Ахмед.
Паша не ведает о том,
Белли-Ахмед, Белли-Ахмед.

Белли-Ахмед спел ей:

Разгорячусь – и кликну клич.
Не сможет нас никто настичь.
Что мне паша? Скошу, как дичь,
Любовь моя, Махбуб-ханум.

Махбуб-ханум ответила:

Но враг помчится за тобой,
Взовьется меч, ударит бой –

Кровь потечет твоя рекой,
Белли-Ахмед, Белли-Ахмед.

Белли-Ахмед откликнулся:

Белли-Ахмед влюблен, влюблен,
Косой, очами бредит он...
Не взмоет сокол от ворон,
Любовь моя, Махбуб-ханум.

Махбуб-ханум закончила песню:

Махбуб с тобой разделит путь,
Полна одним тобою грудь.
В любви, как в море, мне тонуть,
Белли-Ахмед, Белли-Ахмед.

На этом разговор был окончен. Все трое сели на коней. Белли-Ахмед усадил Махбуб-ханум позади себя на круп своего коня. Только они хотели двинуться, как из темноты кинулся к ним кто-то и схватил поводья. Посмотрела Махбуб-ханум, видит – это ее двоюродная сестра Ширин-ханум. Та сказала:

– Сестрица, я знаю все, что произошло после приезда ашуга Джунуна. Тайна, что ты хочешь открыть Кероглу, хранится и в моей груди. И я еду с тобой.

– А ты садись на коня Тыпдагыдана, – сказал ей Танрытанымаз.

Тыпдагыдан, не мешкая, протянул руку и посадил Ширин-ханум на своего коня.

Рано поутру, с первыми лучами солнца, удалыцы-добрались до Ченлибеля. Когда же все удалыцы и женщины собрались, Кероглу спросил Танрытанымаза.

– Хорошо, которая же из них дочь румского паши Махбуб-ханум?

– Та, которая сидит на коне Белли-Ахмеда, дочь румского паши – Махбуб-ханум, – ответил Танрытанымаз. – А та, что на коне Тыпдагыдана, – ее двоюродная сестра Ширин-ханум.

Повернулся тогда Кероглу к Махбуб-ханум и сказал:

– Махбуб-ханум, вы обе с добрым словом пожаловали к нам. А теперь скажи, какая тайна привела тебя сюда?

Махбуб-ханум опустила голову, но видит, нет так не отделаешься: все уставились на нее и ждут ответа... Как ни старалась она раскрыть рот, от смущения не могла вымолвить ни слова. Да и грозный вид Кероглу пугал ее. Ширин-ханум поняла, что ее двоюродная сестра ничего не сумеет сказать и сама выступила вперед:

– Кероглу, если разрешишь, я раскрою тебе тайну.

– Говори! – ответил Кероглу.

– О, Кероглу! – сказала Ширин-ханум. – Нас привела сюда та же тайна, что в свое время привела сюда Нигяр-ханум из Стамбула, Телли-ханум из Эрзерума и остальных женщин из их родных мест.

Кероглу понял, о чем идет речь, посмотрел на Ширин-ханум, посмотрел на Махбуб-ханум и спросил:

– Махбуб-ханум, правда, ли это?

– Правда, – ответила она. Рассмеялся Кероглу и шутиливо сказал:

– Прекрасно сделали, что приехали. Но ведь эти женщины, взять ту же Нигяр-ханум или Телли-ханум, или остальных, хоть и приехали в Ченлибель, этой тайны нам не открыли. Так, Махбуб-ханум не откроешь ли ее нам ты?

Поняла Махбуб-ханум, что Кероглу шутит, улыбнулась и сказала:

– Кероглу такую тайну не каждому откроешь. О ней можно сказать только одному человеку. И я сказала ее по дороге Белли-Ахмеду.

Все повернулись и посмотрели на Белли-Ахмеда. Тот стоял, опустив голову.

А Махбуб-ханум, после того как сказала это, сама покраснела, точно медная денюга. Видит Кероглу, что Махбуб-ханум смущена и, чтоб подбодрить ее, обернулся к Танрытанымазу и спросил:

– Танрытанымаз, что ты скажешь на это?

– Кероглу, – ответил тот, – то, что надо было, я сказал при выезде из Рума.

– Как так? – спросил Кероглу.

– Разве ты не видишь, что я посадил Махбуб-ханум на коня Белли-Ахмеда, а Ширин-ханум – на коня Тыпдагыдана. Теперь слово за Нигяр-ханум и за тобой. Нигяр-ханум подошла, обняла, поцеловала девушек и сказала, смеясь:

– Ах, плутовки! Ваша тайна сперва смутила меня. А оказывается, вот она какая.

Потом обернулась она к Кероглу и сказала:

– Кероглу, слово за тобой. Дай свое согласие.

– Что мне сказать, – ответил Кероглу, – раз ты согласна всему делу конец.

Но тут Дели-Мехтер выступил вперед и сказал:

– Нет, не все кончено, одно дельце остается.

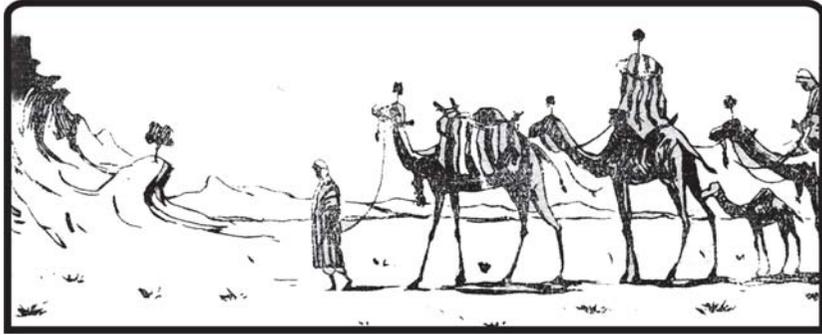
– Что это за дельце, которое, как ты говоришь, остается? – спросила Нигяр-ханум.

– Клянусь аллахом, Нигяр-ханум, и сказать-то совестно. Знаешь, повел я Гырата на водопой. Вскочил на него у конюшни, смотрю, вдруг прыгнуло что-то сзади, уселось на круп коня и крепко, крепко вцепилось в меня. Сначала я очень испугался. Потом оглянулся, вижу, это прислужница Махбуб-ханум: «Что ты делаешь? – спросил я. – Зачем ты садишься на моего коня?». А она мне в ответ: «Танрытанымаз сказал мне: я посадил Махбуб-ханум на коня Белли-Ахмеда, Ширин-ханум на коня Тыпдагыдана. Не годится тебе оставаться пешей, иди и сядь на коня Дели-Мехтера».

Тут все расхохотались.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу и выдал Кероглу Махбуб-ханум за Белли-Ахмеда, Ширин-ханум – за Тыпдагыдана, а прислужницу – за Дели-Мехтера.

КЕРОГЛУ В БАЯЗИДЕ

Теперь послушайте, о ком же расскажу я вам? О тогатском Хасан-паше.

Помните, как было дело. Хасан-паша отправил Болу-бека в Эрзинжан, а плешивого Хамзу в Ченлибель, и написал письмо в Баязид Ахмеду-таджирбаши¹.

Гонец прибыл в Баязид, и Ахмед прочитал письмо Хасан-паши: «У меня к тебе очень важное дело. Поспеш ко мне. Как говорится, намылъ голову там, побрей тут».

Ахмед тут же поднялся и отправился в конюшню, подобрал скакуна, сел на коня и, не останавливаясь в пути, прискакал к Хасан-паше. Ну, пошли тут приветствия, вопросы, расспросы, наконец, сели они и начали разговор.

Хасан-паша сказал:

– Ахмед, в торговых делах тебя учить не надо. Сам ты человек смелый. Есть у тебя охрана, нукеры, наибы. Слушай меня, ни один караван еще не ускользнул от Кероглу и не прибыл в целостности в наш край. Кероглу преградил путь и грабит всех. Кого захочет убить – убьет, а кого оставить в живых – оберет

начисто и нищим отпустит восвояси. И, несмотря на это, ты теперь должен отправить большой караван с дорогими товарами. Таково повеление самого султана.

Ахмед-таджирбаши поразмыслил немного, как говорят, померил, отрезал, взял, положил и, наконец, дав свое согласие, начал готовиться в путь.

Разъезжал он по городам. В одном останется пять-десять дней, в другом – и все пятнадцать или целый месяц. Купил он, что надо было купить, упаковал, что следовало упаковать, выбрал верблюдов и мулов, навьючил товары и с богатым караваном пустился в путь. Но еще до отъезда замыслил он два очень хитрых дела.

Сперва отправился он к баязидскому Халил-паше и сказал:

– Да будет долговечной жизнь паши! Я уезжаю. Прожил я немало и до сей поры ни одной разбойничьей шайке не удалось ограбить мой караван. Если видел на дороге только тень, я уже смотрел в оба, а когда наткнулся на разбойников, сворачивал в сторону и заметал следы. Теперь я снова еду. Если аллах поможет, то и на этот раз вернусь благополучно. Но, как говорится у нас, не подумав о дурном, не жди хорошего. На этот раз ожидает меня опасный путь. Кероглу считают большим пройдохой. Если меня перехватят по дороге, я сделаю все, чтобы Кероглу поехал в Баязид. Будь осторожен, как только он появится, схвати его и сообщи об этом Хасан-паше.

Халил-паша похвалил предусмотрительность Ахмеда-таджирбаши.

Распростившись с пашой, Ахмед-таджирбаши пошел домой и позвал чернокожего раба, купленного в Аравии. Он в хитростях не уступал самому Ахмеду-таджирбаши.

Ахмед-таджирбаши сказал:

– Я хочу дать тебе жену, свободу и деньги, открыть для тебя лавку. Что скажешь на это?

Раб повалился в ноги Ахмеду-таджирбаши.

– Но все это ты получишь при одном условии. Выполнишь его, я сделаю все, что обещал. Не сумеешь, так и останешься рабом до конца дней своих.

– Господин, – ответил раб, – скажи свое условие. Я выполню все, что прикажешь.

– Через несколько дней я отправляюсь в путь. А ты сегодня же должен поехать в Ченлибель, к Кероглу. Не бойся, он тебе не сделает ничего плохого, ты скажешь, что пришел проситься к нему в игиды. Останешься у Кероглу до тех пор, пока я не позову тебя или же не приеду сам. На это дело не понадобится больше сорока дней.

Раб согласился. Рано поутру накупил он, что надо было закупить, захватил, что надо было захватить, и пешком пустился в путь прямо в Ченлибель. Как говорится у нас, чарыхи натянул и жилы из земли вытянул, в общем, одной ногой здесь, другой – там.

Что ни день, то новая остановка, что ни ночь – новый привал; долго ли шел, коротко ли, через равнины и горы, и по долам и оврагам, но, наконец, добрался до Ченлибеля. Только показался он в окрестности, дозорные схватили его и повели прямо к Кероглу.

– Сын мой, – спросил тот, – кто ты такой? Чем занимаешься? Откуда идешь?

– Кероглу, – ответил раб, – иду я из Аравии, я раб. Зовут меня Имирзой. Много я наслышался о тебе, пришел проситься к тебе в удалцы.

Оглядел Кероглу его с ног до головы. Видит перед ним человек богатырского сложения, с могучими руками и здоровенными ногами. Шея у него как у быка. А сам черный-пречерный и на черном лице белеют только глаза да зубы.

– Ладно, – говорит он, – а умеешь ты рубить мечом, стрелять из лука, скакать на коне?

– Нет. Я всегда был рабом. Жил тем, что работал в хозяйстве у разных людей. Научите, и я выучусь.

Оглянулся Кероглу, посмотрел на удалцов. Видит все уселись в кружок, а Демирчиоглу расположился совсем рядом с рабом.

Крикнул Кероглу:

– Эй, послушайте, дайте мой саз!

Ему протянули саз. Повернулся он к Демирчиоглу и сказал:

– Демирчиоглу!

– Что, джан Кероглу?

– Возьми руки этого человека в свои, а глаза свои устреми в его глаза. Я буду играть и петь. Будешь смотреть. Если звуки и песни найдут отклик в его душе, значит он человек прямой, благородный, вскормлен честным, чистым молоком. Если же нет, знай, что он подлец из подлецов.

Взял Демирчиоглу в свои руки ручищи раба и вперил взгляд в его глаза. Прижал Кероглу к груди трехструнный саз и запел. Послушаем, что спел:

Ответь по чести, сын араба, мне:

Прощался ль ты с судьбой когда-нибудь?

За друга своего хотя бы раз

Рискнул ли головой когда-нибудь?

Эйваз сидел возле Кероглу. Оглянулся Кероглу, посмотрел на него. Потом повернулся к рабу и запел снова:

Пятнадцать лет Эйвазу моему.

Он омел, не поддается никому.

Средь скал крутых на свет или во тьму

Носился ль бурей ты когда-нибудь?

В сраженьях собирает дань мой сын,

Громит Алеппо, словно властелин.

Когда врагов – полки, а ты – один,

Вскипал, как вал морской, когда-нибудь?

Вступив в жестокий бой, в кровавый бой,

Сравнил ли горы с черною землей?

С чужой, на меч надетой, головой

Кончал ли честно бой когда-нибудь?

И к самой грани смерти подскавав,

Вытаскивал ли друга за рукав?

Перед врагом, от страха зубы сжав,

Не трусил ли порой когда-нибудь?

Не оставляет Кероглу долгов.
Я чудеса в бою творить готов.
Сносить одним ударом семь голов
Ты сможешь ли, мечом, когда-нибудь?

Песня была спета. Демирчиоглу сказал:

– Кероглу, слова твои как бесценный жемчуг. Равных им не сыскать. Только у этого бедняги не увидел я и тени перечисленных тобой достоинств.

– Эх, брат, – сказал Кероглу рабу, – коли звуки моего саза, мой голос, мои песни не тронули твоего сердца, из тебя настоящего удальца не выйдет. Но я не из тех, кто поступает подло. Руку, что в надежде ухватилась за полы моей одежды, я не оттолкну. Оставайся, ешь, пей. Живи с удальцами, садись и вставай с ними, выучись боевому искусству. Если выучишься – хорошо, нет – не беда.

Так раб и остался в Ченлибеле. Теперь оставим его тут с удальцами. О ком бы рассказать вам? Об Ахмеде-таджирбаши.

Наконец наступил день, когда караван Ахмеда-таджирбаши с товарами подошел на пятнадцать-двадцать агаджей² к Ченлибелю. Подал знак Ахмед-таджирбаши, и караван остановился. Сам же он, взяв начальника своей стражи, проводника каравана, нукеров и лучших людей из охраны, поднялся на вершину холма. Приставив правую руку к глазам, острым взглядом окинул он окрестности и тотчас заметил дозорных в сторожевой башне Ченлибеля. Повернувшись и указав на них своим спутникам, он сказал:

– Видите? Дозорные Кероглу глаза свои проглядели, наблюдая за дорогой, но так ничего и не увидели. – Тут Ахмед-таджирбаши и добавил хвастливо: – Вы-то не увидите. А от моих глаз птица и та не укроется.

Рассказывают, что и впрямь Ахмед-таджирбаши был очень зорок. В детстве мать заставляла ходить его все по коврикам до по коврам. Ноги его не касались голой земли. Потому, говорят, у него и были зорки глаза, как у дикой кошки.

Проводник сказал:

– Раз ты говоришь, что дозорные там, как же мы можем идти туда? Или подождем здесь или вернемся назад.

– Нет, вижу я, ничего вы не понимаете – ответил Ахмед-таджирбаши. – А я хорошо знаю, прав Кероглу. Он никогда не ограбит караван, пришедший из чужих стран, только возьмет выкуп и отпустит. А беда тем караванам, которые возвращаются домой. Уж их-то Кероглу не отпустит, пока не разорит начисто. Да вы не бойтесь, ничего страшного не будет. Пусть собираются тут хоть сотни Кероглу. С моими глазами и с моей головой я, как говорится, хвоста в руки им не дам.

Словом, спустился Ахмед-таджирбаши с холма, окликнул свой караван, и снова тронулся в путь.

Ну, пусть себе караван движется по дороге в Ченлибель, Ахмед-таджирбаши идет во главе его, слушайте, о чем я расскажу вам. О Ченлибеле.

Оказывается, дозорные заметили караван Ахмеда-таджирбаши и поспешили сообщить об этом Кероглу Тот позвал Дели-Гасана и сказал:

– Возьми кого захочешь из удальцов и пойдешь – сведи счета с тем купцом.

– Кероглу, слова твои можно понять по-разному, – ответил Дели-Гасан. – Как свести счета? Деньгами или египетским мечом?

Тогда Кероглу спросил:

– А что, караван этот идет сюда или уходит отсюда?

– Идет сюда.

– Сведи счет деньгами! Возьми с них выкуп и отпусти, пускай идут своей дорогой. А окончательный расчет они получают от меня самого на обратном пути.

Дели-Гасан вышел, окликнул нескольких удальцов, в мгновение ока они повскакали на лошадей, проехали вперед и засели в засаду. Когда караван Ахмеда-таджирбаши подошел к ним, удальцы вышли из засады и преградили путь.

Дели-Гасан спел:

Вот и попался, коршун, в руки.
Хадже, плати мне дань скорей

Свою я клятву не нарушу,
Хадже, плати мне дань скорей.

Чего ты так глазеешь дико?
Бежать решишься – поглядика, –
Тебя тотчас достанет пика.
Хадже, плати мне дань скорей.

Иль не узнал меня со слепу?
Перепашу Йемен, Алеппо,
Убью тебя я, видит небо,
Хадже, плати мне дань скорей.

Расправлюсь быстро я с тобою,
Богатства я твои присвою,
Не убежишь ты от героя,
Хадже, плати мне дань скорей.

Терпенье лопнет у Гасана,
Возьму-ка я клинок чеканный,
Сведу тебя в свой стан туманный.
Хадже, плати мне дань скорей.

Кончив петь, Дели-Гасан спросил:

– Таджирбаши, ты узнал меня?

Приложил Ахмед-таджирбаши руки к груди и ответил:

– Как не узнать? Ты серкяр³ ченлибельца Кероглу, Дели-Гасан. И деньги мои, и товары мои, и верблюды, и мулы, и нукеры – все к твоим услугам.

– Эти сладкие, реки, – ответил Дели-Гасан, – оставь себе, они пригодятся тебе на базаре. Уплати дань и проезжай.

Ахмед-таджирбаши приказал, и Дели-Гасану было уплачено все, что он потребовал. Получив дань, удалыцы поскакали в Ченлибель, а караван пошел дальше и перебрался по ту сторону Гафа.

Словом, начал Ахмед-таджирбаши торговать. Как говорится, этот город тебе, этот мне, ездил то туда, то сюда, и распродал все свои товары. Закупив все, что приказал ему Хасан-паша, рано

поутру он навьючил верблюдов и мулов. И вышло так, что ровно через сорок дней пустился он в обратный путь. Подъехал на пятнадцать агаджей к Ченлибелю, остановился у подножья холма, собрал своих людей и сказал:

– Настоящее дело начнется теперь. Судьба наша в руках аллаха. Посмотрим, кому он пошлет победу – мне или Кероглу!

Снова поднялся он на холм, приложил руку к глазам и посмотрел на сторожевые башни Ченлибеля.

Оставим его тут глазеть вдаль. О ком теперь рассказать вам? О Кероглу!

Кероглу знал, что Ахмед-таджирбаши вернется. Известно ему было также, что это за пройдоха. Слышал он и о необычайной остроте его глаз. Поэтому он сам принялся поджидать купца. Ну, прошло пять, десять, пятнадцать дней, на конец, наступил тот день, о котором мы уже вели рассказ, когда Ахмед-таджирбаши подошел к Ченлибелю и остановился на расстоянии пятнадцати агаджей от его сторожевых башен.

Когда Ахмед-таджирбаши, остановив караван, поднялся на вершину холма, Кероглу стоял в сторожевой башне на Аг-гая и смотрел на дорогу. Подошел караван и остановился, но было до него далеко, и Кероглу не мог разобрать, то ли это караван Ахмеда-таджирбаши, то ли другого. Ахмед-таджирбаши заметил Кероглу, на вершине скалы и крикнул своим людям:

–А ну, поднимите верблюдов и мулов, повернем обратно. В сторожевой башне, кажется, есть люди. Пошевеливайтесь, не то они сейчас нападут на нас.

Быстрее, чем вы успели бы выпить глоток воды, караван поднялся и повернул обратно. Понял Кероглу, что это караван Ахмеда-таджирбаши и, что тот, заметив его на вершине горы, со страху обратился в бегство. Поспешно приник он к земле, сбросил со скалы бурку и следом швырнул целый таз кислого молока.

Не успел Ахмед-таджирбаши спуститься с горы, как смотрит, с вершины скалы поднялось что-то черное и опустилось вниз к ущелью, а следом упало что-то белое. Он остановил караван и сказал:

– Пойдите! Глаза обманули меня. Оказывается, то был не человек, а орел. Он взвился и улетел. .

Караван остановился, а Кероглу тем временем спрятался. Серкяр Ахмеда-таджирбаши спросил его:

– Что теперь прикажешь? Будем стоять или следовать дальше?

– Нет, останавливаться не будем, – ответил Ахмед-таджирбаши. – Были бы в сторожевой башне люди, орел не опустился бы на скалу. Сейчас в Ченлибеле никого нет. Ускакали куда-нибудь на разбой. Скорее ведите караван, может быть, как-нибудь проскочим.

Словом, караван снова тронулся в путь. Теперь оставим караван идти по дороге, посмотрим, что сделал Кероглу.

Когда он увидел, что караван тронулся в путь, то спустился с горы, сел на Гырата и начал ждать. Ждал он до тех пор, пока караван не подошел к Ченлибелю. Тут Кероглу молнией выскочил из засады и преградил путь. Караванчики переполошились. Поднялась суматоха. В одно мгновение Кероглу подсказал к Ахмеду-таджирбаши и запел:

Я полчища большие приведу,
Бросай товары, уходи, купец.
Я тысячью уловов проведу,
Бросай товары, уходи, купец.

От усталости не сможешь встать и лечь.
А если я стальной достану меч,
То кровь твоя потоком будет течь.
Бросай товары, уходи, купец.

Смотри, смотри, Ахмед-таджирбаши,
Себя упрямством жизни не лиши.
Пока я тих, скажу от всей души:
Бросай товары, уходи, купец.

С вершины я обрушусь как пурга,
И голову сверну я у врага.

Коль жизнь тебе взаправду дорога, –
Бросай товары, уходи, купец.

Я Кероглу, я лев, я злей огня,
Нет, я не меч, не тронет ржа меня.
Стою, своим словам не изменяю:
Бросай, товары, уходи, купец.

Видит Ахмед-таджирбаши, что игра проиграна. Кероглу загнал их в такой тупик, что если и начать бой, полягут все. Да и товаров не вернешь. Пустившись на хитрость, он сказал:

– Да ослепнет мать моя! В детстве один раз она пустила меня босиком по земле. Вот почему глаза у меня не такие уж острые. Иначе отличил бы я бурку от орла. Теперь, Кероглу, как говорится, дело прошлое и былью поросло, случившемуся не помочь. Ты одолел меня. Но ведь караван этот не мой, а тогатского Хасан-паши. С пустыми руками я не осмелюсь показаться ему на глаза. Раз ты захватил товары, забирай и нас. Я останусь при тебе. От этого тебе только польза, а убытку от мае не будет.

– Товары-то я заберу, – ответил Кероглу. – Пока я жив, не позволю, чтобы хотя бы один аршин бязи с этой стороны Гафа попал на ту. Что ж, а если проситесь взять вас в Ченлибель, я – мужчина: гость мне дороже глаза. Пойдемте!

Ахмед-таджирбаши с верблюдами, мулами, слугами, погонщиками пошел впереди Кероглу. Пришли они все в Ченлибель.

Как только добрались они туда, собрались все удалыцы. Захотели они узнать, что произошло. Ахмед-таджирбаши сам рассказал, как Кероглу хитростью завлек их и воздал хвалу его уму и отваге. Кероглу сказал Ахмеду-таджирбаши:

– Ахмед-таджирбаши, теперь вы мои гости. Требуйте всего, чего пожелаете, все будет к вашим услугам. Увидите вы тогда, где лучше – у Хасан-паши или у Кероглу.

А Ахмеду-таджирбаши только того и было нужно.

– Кероглу, – сказал он, – если ты так уж хочешь уважить нас, то выполни нашу просьбу. На равнинах Баязида водятся велико-

лепные джейраны, – прикажи, пусть их подстрелят, привезут, и ты угостишь нас шашлыком!

– Ахмед-таджирбаши, – ответил Кероглу, – я думал, что ты попросишь у меня что-нибудь более ценное. Шашлык из джейрана – дело пустяковое. Даю слово угостить вас.

Не успел Кероглу сказать это, как Эйваз вышел вперед и сказал:

– Кероглу, разреши, я отправлюсь за джейранами для наших гостей.

Кероглу согласился.

– Ладно. Возьми с собой Алайпозана и Тохмагвурана и возвращайтесь поскорее.

Эйваз поспешно оделся, вооружился и, взяв с собой Алайпозана и Тохмагвурана, хотел было выехать. Но тут все удальцы и женщины напали на Кероглу:

– Зачем ты, ради шашлыка из джейрана, посылаешь их в столь далекий путь? Поедут, да как бы чего не случилось?

Кероглу поднялся и сказал удальцам:

– Слово Кероглу неизменно. Не поедут они, поеду я сам. Знаете ведь, что изменить слову, данному гостю, не в моем характере.

Видят женщины и удальцы, что Кероглу не переспоришь и что он не изменит своему слову. Волей-неволей пришлось им согласиться. Когда Эйваз и его спутники сели на коней, Кероглу взял саз и запел:

Эйваз, следи ты за конем –

Трудны дороги Баязида.

Там перепутья, ночью, днем.

Трудны дороги Баязида.

Алайпозан врагов стреножит,

Тохмагвуран их уничтожит

Но конь разбить подковы может,

Трудны дороги Баязида.

Красив он с виду, мирен с виду,

Орлы на скалах Баязида.

Он на крутых горах раскидан,

Трудны дороги Баязида.

Люблю отважных пехлеванов,

Что в грозных сечах неустанны.

Но помни: вьюжны и туманны,

Трудны дороги Баязида.

Я Кероглу, мне ямы рыли,

Не раз от стужи раны ныли...

Усейте трупами, чтоб были

Трудны дороги Баязида.

Эйваз, Алайпозан, Тохмагвуран распрощались с Кероглу, удальцами, женщинами и хотели уже ехать, как Нигяр-ханум спросила:

– Скажи, Эйваз, когда ждать вас? Сколько дней быть вам в пути?

– Сегодня мы в дороге, – ответил Эйваз, – завтра на охоте, послезавтра к вечеру, с помощью аллаха, будем дома.

И они пустили коней, держа путь к Баязиду. Перевалили через горы, проскакали по долинам и к вечеру подъехали к Баязидской равнине. Смотрят, темнеет. Сошли с коней, стреножили их и пустили пастись, а сами на зеленой лужайке, положив под головы что попало, легли спать, чтобы рано поутру начать охоту.

Оставим коней пастись, удальцов спать, о ком бы мне рассказать вам? Об Ахмеде-таджирбаши!

Под покровом ночной тьмы он пробрался к рабу, отвел его в сторону и спросил:

– Скажи, верен ты клятве или нет?

– Господин, слово мое остается словом! Все это время я ждал тебя.

– К рассвету ты должен украсть какую-нибудь лошадь, выехать и во что бы то ни стало попасть в Тогат к Хасан-паше. Скажи ему, что наш караван задержался и что Эйваз и два удальца поеха-

ли в Баязид. Только ты должен уехать так, чтоб ни одна живая душа не видела тебя. Если проведуют, что ты послан мной, набьют мне шкуру соломой.

Ахмед-таджирбаши снова, крадучись, пробрался на свое место. Раб ждал до глубокой ночи, потом поднялся, прошел в Ягы-гору⁴, поймал Арабата и поскакал в Тогат.

Теперь послушайте, расскажу-ка я вам о баязидском Халил-паше.

Когда срок, назначенный Ахмедом-таджирбаши миновал, Халил-паша понял, что дело неладно. Вспомнил он все, что наказывал ему Ахмед-таджирбаши, и с того же дня приказал расставить людей во всех горных проходах, перевалах, ущельях. Ожидая, что скоро сам Кероглу появится в этих краях, он объявил, что того, кто увидит ченлибельского богатыря и сообщит ему об этом, он наградит всеми земными богатствами. Сам же он исподволь стал готовить свои войска.

Словом, сколько там прошло времени, мало ли, много ли, не знаю, только как-то раз, рано поутру, один из дозорных прибежал и говорит:

– Да будет долговечной жизнь паши, кажется нам, что люди, о которых ты говорил, уже здесь!

От страха Халил-паша даже подскочил на месте:

– Послушай, какие люди? Расскажи толком, что ты там болтаешь?

– Клянусь аллахом, да будет долговечной жизнь паши, на равнине – трое каких-то нездешних молодцов. На жителей нашей стороны они не похожи. Каждый из них здоров как бык. С самого утра они охотятся за джейранами.

Халил-паша призвал к себе начальника своих войск и сказал:

– Пойди узнай, что это за охотники?

Тотчас послали людей, и те разузнали, что это не Кероглу, а трое из его удальцов и что один из них сын Кероглу – Эйваз. Халил-паша, заранее ликуя, приказал собраться всем серкярам и пехлеванам и начал совещаться с ними. Долго они думали, долго судили-рядили и, наконец, решили, что если повести бой на рав-

нине, захватить удальцов не удастся. Те поубивают, сколько смогут убить, а сами скроются.

– Самое лучшее, – сказал Халил-паша, – шаг за шагом следовать за ними и ждать. Посмотрим, что они дальше будут делать. Если они вздумают придти в город, отлично. Поймать их здесь легко. Если же они повернут обратно, тогда, делать нечего, придется нам с ними сразиться. Аллах рассудит нас.

А в это время удальцы, ни о чем не ведая, охотились на джейранов. Подстрелили одного-другого, штук пять джейранов, видят, надвигаются сумерки.

– Давайте переночуем тут, – сказал Эйваз, – а та заре подстрелим еще несколько джейранов и к вечеру доберемся до Ченлибея.

Удальцы согласились. Взяли они убитых джейранов, и повели коней к роднику. Здесь они, стреножив коней, отпустили их на траву, а сами, пожарив и поев немного шашлыка, запили его ключевой водой и улеглись спать.

А Халил-паше только того и надо было. Приказал он воинам:

– Как только они крепко заснут, схватите и свяжите всех троих по рукам и ногам.

Словом, подождали час, другой, видят удальцы затихли. Халил-паша выбрал пехлеванов и сказал им:

– Теперь дело за вами. Идите! Но смотрите, чтобы они не проснулись.

Вышли пехлеваны из засады, и, крадучись, пошли к удальцам. Теперь вы послушайте, о ком? Об Алайпозане.

Алайпозан был человеком весьма осторожным. И спал он чутко, точно воробей. Малейший шум, – и он уже проснулся. Слышит он, что идет кто-то и раскрыл глаза. Видит, в темноте подкрадываются к ним несколько человек. Он поспешно растолкал Эйваза и Тохмаг-вурана.

– Вставайте! Враги идут на нас.

Удальцы проснулись. Но ни один из них не двинулся с места. Стали ждать – пусть подойдут, мол, посмотрим, что это за люди и что они намерены делать?

Подошли пехлеваны совсем близко. Приготовили веревки и хотели было наброситься на удальцов, но те вскочили на ноги, сверкнули египетские мечи, и от целого отряда пехлеванов остались только отрубленные головы и мертвые тела.

Видя, как оборачивается дело, Халил-паша приказал наступать войскам. Удальцы тотчас вскочили на коней и напали на воинов паши. Рассказывают, что бились они до самого утра, и воинов Халил-паши было уложено много больше, чем джейранов. Когда же наступило утро, Халил-паша ужаснулся и понял, что так ничего не получится: удальцы перебьют все войско, а самих их схватить не удастся. Созвал он своих людей и приказал:

– Выбейте из под них коней, пусть останутся пешими.

Тут воины со всех сторон стали метать стрелы в коней.

Метали, метали и в конце концов уложили их коней; Остались удальцы пешими. Войска Халил-паши тотчас, взяли их в кольцо.

В разгар битвы Эйваз споткнулся ногой о камень и упал вниз лицом на землю. А друзей-удальцов рядом не было, чтобы защитить его. Налетели враги стайей, схватили, связали юношу. А Алайпозан и Тохмагвуран, как увидели связанного Эйваза, так опустили руки и сдались врагу. Халил-паша приказал сковать всем нош и бросить в темницу, а к дверям приставить сто вооруженных стражников. Потом он написал в Тогат Хасан-паше:

«Поймал я трех удальцов Кероглу. Не медли, будь здесь!».

Пускай гонец везет письмо, удальцы сидят в темнице, а я пока расскажу вам о Нигяр-ханум.

Нигяр-ханум ждала до назначенного дня. Спустились сумерки, Эйваз не приехал. И стала она метаться в тревоге, точно потевшая детеныша лань. Подняла на ноги всю крепость. Собрались удальцы, женщины, утешали, уговаривали, кое-как успокоили ее.

«Подождем до утра, – говорили ей, – а не приедут, поедем им на выручку».

Ночь превратилась в ад. Как говорится, уснул и ужаленный змеей и укушенный скорпионом, а Нигяр-ханум уснуть не могла. Стоило ей закрыть глаза, как Эйваз и его спутники вставали перед

ее взором. Лишь-далеко за полночь забылась она и заснула. Но не успела сомкнуть глаз, как увидела во сне кровавое море, а в нем Эйваза, Алайпозана и Тохмагвурана. Видит, Эйваз, вот-вот утонет. Как безумная вскочила Нигяр с постели и кинулась к Кероглу. Послушаем, что спела, она ему:

Все прошли назначенные сроки,
Не вернулся мой Эйваз.
Напились враги Эйваза кровью, –
Не вернулся мой Эйваз.

Тонет в море крови. В Ченлибеле
Траур по нему уже недели.
Все мечты как листья отлетели, –
Не вернулся мой Эйваз.

Уговорам ты поддался сразу
И послал в далекий край Эйваза.
Ты –отец, –спасти его обязан, –
Не вернулся мой Эйваз.

Гибнет полководец – тотчас знамя
Клонится, пробитое врагами!
Сердце жжет мое несчастья пламя –
Не вернулся мой Эйваз.

Ты его отправил в Шам далекий,
Там с врагом он бьется, одинокий,
Должен был придти, прошли все сроки –
Не вернулся мой Эйваз.

В Баязиде много войск стояло,
Много птицы в озере дремало.
Всюду–враг, а наших было мало,–
Не вернулся мой Эйваз.

Для Эйваза я растила розы,
Но висят над соловьем угрозы,
Пепел сыплется Нигяр на косы –
Не вернулся мой Эйваз.

Слезы Нигяр ударили по сердцу Кероглу. Послушаем, что ответил он ей:

Сердце дикой болью изошло,
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.
Жизнь отдам я за каждую слезу,
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Удальцу не привыкать к беде,
Кровь за друга льет игид везде.
Верь счастливой боевой звезде,
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Кто печален, тот душой зачах,
Горе – словно камень на плечах,
Трусу не узнать каков собой смельчак.
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Всколыхнутся удальцы мои,
Все сметут, когда пойдут в бои,
Смерть найдет Халил-пашу в крови.
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Кликну клич – и в нем раскроюсь весь,
Так, что пламя ринется с небес,
Рухнут скалы и поникнет лес.
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Если мы возьмемся за мечи,
Пикой будем мерить кумачи,
Пленного пашу примчим в ночи.
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Не прощает Кероглу обид.
Осажу кичливый Баязид,
Будет вольным мой Эйваз-игид,
Ты не плачь, Нигяр, не плачь, Нигяр.

Кончив петь, Кероглу призвал Дели-Гасана и сказал:
– Пусть люди из отрядов Эйваза, Алайпозана и Тохмагвурана сядут на коней. Каждый отряд двинется на выручку своего предводителя.

Затем приказал Дели-Мехтеру оседлать и привести Гырата.
В мгновение ока удальцы были в сборе. Обратился к ним Кероглу с песней:

Слушайте, храбрые братья мои:
Тот, кто ушел, не вернулся назад.
Сядем скорей на могучих коней,
Тот, кто ушел, не вернулся назад.

Стала весна моя белой зимой,
Саз мой сломался, немолкнущий мой,
Стал я от горя глухой и немой.
Тот, кто ушел, не вернулся назад.

Кто же посмел на друзей посягнуть?
Стан Кероглу этой болью согнуть?
Снова мой недруг изранил мне грудь.
Тот, кто ушел, не вернулся назад.

Не успел он кончить, как прибежал взволнованный Дели-Мехтер и сказал:

– Чего сидите?! Арабата нет среди лошадей.
Всколыхнулся весь Ченлибель. Всюду искали. Но не было коня да и все. Приказал Кероглу проверить, посмотреть, кого нет в крепости. Проверили все отряды, проверили на месте ли купцы и слуги, смотрит Дели-Гасан – нет раба из Аравии.

Кероглу не проронил ни звука. Задумался он. Долго ли думал, коротко ли, призвал, наконец, Дели-Гасана и сказал:

– Пока я не возвращусь, держи Ахмеда-таджирбаши в темнице скованным по рукам и ногам.

Выступил вперед Ахмед-таджирбаши и сказал:

– Кероглу, так ли у вас принимают гостей?

– Не будь на меня в обиде! – ответил Кероглу. – Аллах поможет, и после того, как раб найдется, мы рассчитаемся за все.

Затем позвал он Демирчиоглу и приказал:

– Захвати с собой Гюрджуоглу-Мамеда, Танрытанымаза и приходи!

Словом, сели удалыцы на коней. Демирчиоглу, Гюрджуоглу и Танрытанымаз, вскочив на коней уже стояли наготове.

А тут и Дели-Мехтер подвел оседланного Гырата. Убедившись, что все готово, Кероглу обратился к Коса-Сафару:

– Приедете прямо в Баязид. Буду ждать вас там. Затем повернулся к Демирчиоглу и его товарищам и сказал:

Я упустил в Аравию раба.

Сметите все преграды, но найдите!

Коль в камень влез он и прикрылся камнем,

Возьмите хоть Фархада⁵, но найдите!

Бежал араб, что звался Имирза.

Его и за сто отдавать нельзя.

Снесете все вы на базар в Тавриз,

Продайте, если надо, но найдите.

Алеппо, Миср облазьте, как кроты,

Займите все дороги и мосты,

И волочите полем три версты,

Пусть через двери ада, но найдите.

Такой побег лишь подлецу с руки,

Увел коня у нас он, смельчаки!

Схватите и изрежьте на куски,

В мешок его, как падаль, но найдите.

О, Кероглу, ты вражью кровь пролей,

В сраженьи правом жизни не жалея,

Хватайте ханов, беков и пашей –

Им только смерть награда, но найдите!

Песня была спета. Дели-Мехтер придержал стремя Гырата. Кероглу вскочил на коня. Почувствовав в седле Кероглу, конь заржал так, что эхо прокатилось по всему Ченлибелю. Взыграло сердце Кероглу, запылал мозг. Глаза его сверкали точно соколиные очи. Выхватил он вместо саза свой египетский меч и пропел:

Народ сойдется, судный день настанет,

Я Исафилу в рог трубить не дам.

Меч обнажу я и начну сраженье,

И крепостям чужим тут быть не дам.

Не успел Кероглу пропеть начало песни, как ашуг Джунун спел такое баятыб, что дрожь охватила всех.

Я ашуг, я из Техле,

Дом в Техле стоит во мгле.

Сокол я, и всех красавиц

Похищаю на земле.

Кероглу ответил ему:

Я баязидцам говорю открыто:

Такого не знавали вы игида.

Я кликну клич – ударит конь копытом.

Рустаму за себя я отомстить не дам.

Снова ашуг Джунун приложил руку к уху и запел:

В ястреба влюблен ашуг,

Ястребу лишь сокол друг.

Воробей на них чирикнет –

Сам почувствует испуг.

Кероглу пропел:

Раз есть такой смельчак-отец у сына, –
Любая не страшна ему чужбина.
Здесь – удальцы, но плен не будет длинным,
Им долго в Баязиде быть не дам.

Джунун ответил ему:

В Ордубад влюблен ашуг,
В вешний сад влюблен ашуг.
Коль отважен полководец,
Не погибнет войско вдруг.

Кероглу пропел еще:

Я чашу осушил и я хмелею.
Страшись, когда бушую на земле я,
Стервятников я, сокол, не жале,
Добычу у себя отбить не дам.

Джунун опять ответил ему:

За добычей друг идет,
Следом птичьим друг идет.
Сокол, что слетит с Алвыза,
В Мургузе ее найдет.

Кероглу продолжал свою песнь:

Я горы срою, сокрушу преграды.
Султаны у меня напьются яду.
Мой Ченлибель – гнездо моих отрядов,
И шаху в Ченлибель вступить не дам.

Подошел тогда Джунун к Кероглу и сказал:

– Кероглу! Послушай меня:

У ашуга якорь есть,
Есть корабль и якорь есть.
Много знать, болтать поменьше –
Для любого это – честь.

Тут Кероглу сказал:

– Ашуг Джунун, я понял тебя.
– Иди, Кероглу! Путник должен быть в пути. Помни, ашуг
сказал:

В эти скалы я влюблен,
В горы, в дали я влюблен.
Бей врага, да так, чтоб ноги
С головою спутал он.

– Раз так, – сказал Кероглу, – требуй от меня, чтоб завтра к
вечеру удальцы были здесь!

Кероглу поворотил коня. Удальцы и женщины только взгля-
нули, а Кероглу, словно пущенная стрела, уже скрылся во мраке.

Кероглу впереди, следом за ним Демирчиоглу, а за ними
удальцы. Теперь пусть едут, а о ком же мне рассказать вам? О ком?
О рабе?

Раб, как ускользнул на заре из Ченлибеля, так до самого
полудня гнал лошадь. Когда же он немного успокоился и увидел,
что погони за ним нет, то рискнул остановиться и отдохнуть у род-
ника. Пощипал конь траву, а сам раб, отдохнув немного, снова
пустился в дорогу. Но ехал он уже не так ретиво. Потихоньку да
полегоньку к следующему утру доехал он до перепутья двух
дорог. Вдруг до слуха его донесся топот. Обернулся раб, посмо-
трел назад, видит, о аллах, в лунном свете, издалека летит всадник,
да так летит, так летит,, точно стрела. Тотчас, свернув с дороги,
укрылся раб с лошадью за холмом. Смотрит, всадник этот сам
Кероглу. Кероглу птицей пролетел мимо и помчался дальше.

Раб сказал самому себе: «Верно все открылось. Ахмед-тад-
жирбаши рассказал Кероглу обо всем. И он едет за мной в Тогат».

Ну, разве после этого поедет раб туда? Дрожа, уселся он на

лошадь и, решив ехать в другую сторону, пустился по второй дороге.

Теперь пускай раб едет второй дорогой, а мы посмотрим, что случилось с Кероглу.

Всю ночь мчался Гырат и к рассвету привез Кероглу в Баязид. Кероглу так верхом на коне и въехал в город. Проехав немного туда, немного сюда, приехал он в какое-то незнакомое место. И видит, стоит тут на страже сотня воинов. Подъезжает он к ним и спрашивает:

– Послушайте, кто вы такие? Почему стоите тут?

– Удальцы Кероглу заключены здесь в темнице, – ответили ему. – Мы сторожим их.

Думал сначала Кероглу подождать своих удальцов, но вспомнил слова Джунуна. Плачущая Нигяр-ханум предстала перед его глазами, и показалось ему, что весь мир закружился вокруг него. Обнажил он свой египетский меч и налетел на стражу. Ударил вправо, ударил влево, ударил в середину. Гнал он стражников перед своим конем и рубил одного за другим. Весть об этом дошла до Халил-паши. Приказал паша, и войска двинулись на Кероглу. Кероглу до того распалился, что не заметил, как войска все идут и идут, словно речной поток. Вдруг, в самый разгар сражения взгляд его упал на Халил-пашу. Видит, стоит Халил-паша на возвышении и подбадривает воинов. Издал тут Кероглу свой боевой клич и пропел:

Я за Эйвазом прибыл с Ченлибея.
Устрою здесь кровавый той, паша.
Я знаю, ты схватил моих игидов,
Я каземат разрушу твой, паша.

Коль разозлюсь, тогда смотри, пожалуй,
Найдешь себя ты в море крови алой.
Как лев наброшусь – с силою немалой,
И сердце вырву я рукой, паша.

Тебя повершу в ужас я за сына,
И твой дворец на землю опрокину.
И все добро отправлю на чужбину,
Предам огню твой трон чумной, паша.

Начав свою песню, Кероглу снова ринулся в самую гущу кипевших, как морская пена, войск. Разя направо и налево, доехал он до конца площади и видит, мчатся его удальцы, да как! При виде их взыграло сердце Кероглу, и закончил он свою песню:

Я кликну клич – пойдут игиды строем,
Мы труп твой черный бросим, не зароем.
Твою страну отдам моим героям,
Сравняем горы тут с землей, паша.

Нет, Кероглу не вправе отступиться,
Меч будет среди врагов летать, как птица.
А за Эйваза я тебе, тупица,
Все зубы выбью булавой, паша.

Удальцы, не передохнув, с обнаженными мечами ринулись на воинов Халил-паши. Кероглу поспешил к темнице. Соскочив с коня, он с такой силой ударил палицей о дверь темницы, что железная дверь разлетелась на куски. Вошел он внутрь, разбил оковы на ногах удальцов и вывел их наружу. Затем снова вскочил на коня, и, как говорится, – бегу, лечу, – помчался к Халил-паше. Халил-паша не успел опомниться, как Кероглу был уже около него. Но сразить Халил-пашу ему не удалось. Только было он взялся за меч, как Гырат, налетев на Халил-пашу, ухватил его за голову своими зубами.

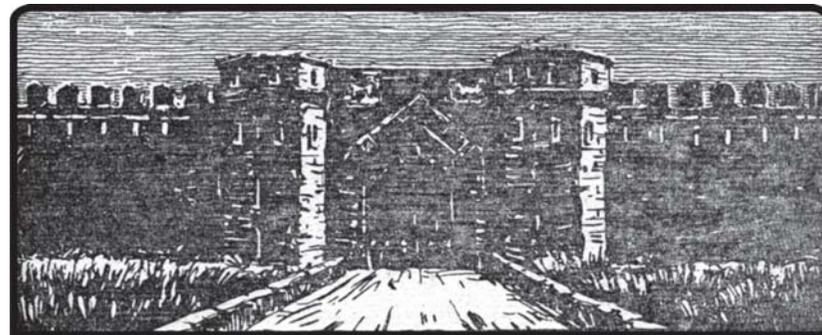
В ту же минуту Халил-паша отправился в преисподнюю. Войска, увидев плачевный конец Халил-паши, сдались. Кероглу приказал удальцам прекратить бой. Он пощадил оставшихся в живых воинов, потом прижал к груди свой саз и запел:

Я баязидцам говорю открыто:
Эйвазу долго здесь пробыть не дам.
Султанам лучше уж сидеть на месте,
Рустаму за себя отомстить не дам.

От стуж не мерзну, от жары не тлею,
Страшись, когда бушую на земле я,
В бою подобен каменной скале я,
Фархаду ломом торы бить не дам.

Глаза Нигяр от горя потемнели,
Мы по Эйвазу вместе с ней скорбели.
Гнездо моих героев в Ченлибеле,
И шаху в Ченлибель вступить не дам.

Взял Кероглу Эйваза, Алайпозана, Тохмагвурана и вместе с удалцами повернул к Ченлибелю.

ПОБЕГ РАБА

Послушай о рабе!

Когда раб, устранившись Кероглу, изменил свой путь, он проехал другой дорогой. Ехал он, нигде не задерживаясь, и прибыл прямо к Элемгулу-хану.

Элемгулу-хан слыл богатым и могущественным. Было у него все: и деревни, и сады, и стада, и табуны, и отряды и, как говорится у нас, недоставало ему только свиней¹. Богатство его отягощало землю. Каждый человек к чему-нибудь особенно льнет, а Элемгулу-хан, скажу я вам, пристрастился к лошадям. Был он большим любителем лошадей. В его табунах было по паре коней всех пород и мастей.

Только раб прибыл во владения Элемгулу-хана, ему тотчас сообщили, что приехал какой-то чернокожий всадник, и под ним такой конь, такой конь, какого от сотворения мира никто не видел и что сам всадник хочет видеть хана.

Приказал хан представить пред его светлые очи раба вместе с его конем. Смотрит Элемгулу-хан, в самом деле, какой конь! Это не конь, а девица-красавица!

Так и ходит, так и пляшет! Элемгулу-хан не мог оторвать от него глаз.

– Отвечай, кто ты? – спросил он раба. – Чем занимаешься? Откуда едешь и куда путь держишь?

Раб сказал:

– Да продлит аллах жизнь хана. Я раб Ахмеда-таджирбаши. Мы поехали торговать по ту сторону Гафа. На обратном пути на нас напали разбойники. Отняли все товары и деньги. Караван захватили, а людей увели в плен. Я спасся, только благодаря этому коню. Обо всем этом я должен был донести в Тогат Хасан-паше. Но от страха ехать дальше не могу. Разбойники заметили мой побег и послали вслед погоню. Теперь, наверно, они преградили все дороги и проходы.

Задумался Элемгулу-хан и сказал:

– Ладно, а если я дам знать обо всем Хасан-паше, какая мне будет от тебя прибыль?

– Да будет долговечной жизнь хана! Я всего-навсего раб. Что я имею и что могу дать тебе? Одно у меня в этом мире имущество – собственная жизнь да и та не в моей власти. Но если ты известишь обо всем Хасан-пашу и тем спасешь от смерти Ахмеда-таджирбаши, он озолотит тебя, и ты заслужишь благорасположение паши.

– Мне золота и богатств не нужно. Я извещу Хасан-пашу, но с одним условием.

– О, да буду я жертвой тебе, мой хан, что это за условие?

– Условие мое таково: ты должен продать мне этого коня, а себя, пока твой господин не освободится, считай моим гостем. Когда же будешь уходить, я дам тебе любого коня из моего табуна.

– Конь мой, и жизнь моя принадлежит тебе, но, когда будешь посылать человека к паше, скажи мне. Мне тоже надо кое-что поручить ему.

– Хорошо, – согласился Элемгулу-хан.

По его приказу гонец стал готовиться в дорогу. Написали послание и вручили ему. А одно письмо написал раб и тоже передал гонцу:

«Хасан-паша, – писал он, – Ахмед-таджирбаши обманом отправил трех удальцов Кероглу за джейранами в окрестности Баязида. Скорей пошли войска и захвати их».

Словом, как только письма были готовы, сел гонец на быстрого коня и пустился в путь.

Теперь оставим гонца спешить к Хасан-паше, а раба гостить у Элемгулу-хана.

О ком же рассказать вам? О Демирчиоглу и его удальцах.

Демирчиоглу, Гюрджуоглу-Мамед и Танрытанымаз к рассвету добрались до того же перепутья, что и раб. На счастье, в ту ночь пала сильная роса. Смотрят, на дороге видны следы лошадиных копыт. Одни следы ведут к Баязиду, а второй конь, видать, свернул на другую дорогу. Удальцы распознали следы Гырата и догадались по следам, что он проехал в сторону Баязида, другие же следы были Арабата. Поворотив коней, поехали они по второй дороге. Ехали, ехали и доехали, наконец, до земель Элемгулу-хана.

Только удальцы стали подъезжать к городу, видят, скачет какой-то всадник. Демирчиоглу сказал:

– Стойте, всадник этот скачет из города. Пусть он подъедет к нам, может удастся разузнать у него что-нибудь.

Остановились они и стали ждать. Всадник подъехал, это был гонец, отправленный к Хасан-паше. Хлестнул Танрытанымаз коня, очутился около гонца и спросил:

– Стой, кто ты? Откуда едешь и куда путь держишь?

– Я гонец Элемгулу-хана, – ответил тот, – еду в Тогат. Везу письмо Хасан-паше.

– Что за письмо?

– Разбойники ограбили Ахмеда-таджирбаши. Отняли у него товары, а самого взяли в плен. Теперь я еду известить об этом Хасан-пашу.

Тут подъехал Демирчиоглу и спросил:

– А откуда это известно Элемгулу-хану?

– Об этом донес раб Ахмеда-таджирбаши. Под ним был удивительный конь, коня он подарил Элемгулу-хану, а тот обещал за это известить обо всем Хасан-пашу.

– А ну-ка, давай сюда письмо! – сказал Танрытанымаз.

– Зачем?

Гонец только это и успел проговорить. В тот же миг Танрытанымаз схватил его за горло:

– Что? Как это зачем?

У гонца глаза полезли на лоб. С трудом Демирчиоглу вырвал его из рук Танрытанымаз. Когда гонец немного оправился и пришел в себя, Демирчиоглу сказал:

– Ахмеда-гаджирбаши поймали не разбойники. Поймал его Кероглу. Все, что сказал раб – ложь. И конь, которого он подарил Элемгулу-хану – конь Кероглу. Теперь ты вернешься отсюда прямо к Элемгулу-хану, скажешь, что приехали трое удальцов Кероглу и требуют обратно коня и раба.

Гонец поворотил коня и поскакал в город, прямо к Элемгулу-хану. Тот выслушал гонца и тотчас приказал собрать войска. Видит Демирчиоглу, – вместо коня и раба движутся на них воины.

Понял он, что на уме у Элемгулу-хана. Повернулся к своим друзьям и пропел:

Иней пал на горы и долины.
Осень то, весна ли, может быть?
Это мошки кружатся иль гуси?
Мы б о том не знали, может быть.

Пусть враги идут на нас лавиной,
Разобьем их на две половины,
Вам и мне по равной половине...
Саз ли, песнь слышна ли, может быть?

Смотрят удальцы, все ближе надвигаются войска. Гюрджуоглу-Мамед сказал:

– Давно мы не были в бою. Конечно, такая схватка для нас – это песенка под саз, но твой расчет нехорош. Половину ты берешь на себя, а половину даешь нам, – это не по-дружески. Что же ты считаешь нас двоих за одного? Раз так, я уйду.

Видит Демирчиоглу, что слова его задела Гюрджуоглу-

Мамеда. И он продолжал свою песню:

Враг идет – то к нам идет добыча,
Уж такой у воинов обычай.
Другу все отдам я без различий,
Доля та мала ли может быть?

Не успел он допеть, как подошли войска. Танрытанымаз и Гюрджуоглу-Мамед обнажили свои мечи и хотели вступить в бой, но Демирчиоглу остановил их и сказал:

– Постоите, посмотрим, чего этот хан хочет? Мы требуем у него своего коня. А что нужно ему от нас, почему он двинул столько войск?

Поскакал он, остановил коня прямо перед воинами. Послушаем, что сказал он Элемгулу-хану:

Послушай, Элемгулу-хан,
Не стоит сегодня сражаться.
Зачем проливать твою кровь?
Не стоит сегодня сражаться.

Тебе ж будет хуже стократ,
Коль меч удальцы обнажат,
Тогда не отступишь назад.
Не стоит сегодня сражаться.

Игид воспротивится злу,
А недруг притихнет в углу.
Мы здесь за конем Кероглу.
Не стоит сегодня сражаться.

Элемгулу-хан, выслушав Демирчиоглу, решил, что тот боится его, и крикнул:

– Хватайте и вяжите их по рукам, а коней забрать! И двинулось войско на удальцов. Обнажились египетские мечи. Повернулся Демирчиоглу к друзьям:

Обнажим клинки, герои,
Вы – оттуда, я – отсюда.
Кровь врага прольем рекою
Вы – оттуда, я – отсюда.

Перебьем мы вражьи станы,
Пусть растут на поле хана
Репой – главы пехлеванов.
Вы – оттуда, я – отсюда.

Пусть стрела пчелою жалит,
Кероглу бойцов похвалит,
Каждый пусть врага повалит –
Вы – оттуда, я – отсюда.

Напали удальцы на воинов Элемгулу-хана и до самых сумерек так косили их, что Элемгулу-хану мир показался тесным. Он и сам был не рад, что затеял бой, но было уже поздно.

Стемнело. Хан приказал войску повернуть в город. Вошли воины в город, закрыв накрепко городские штрота. Оставим их в ожидании утра, послушайте теперь об удальцах.

– Этак, – говорили они, – мы не возьмем ни коня, ни араба. Пусть даже и проникнем мы в город, где отыщем там их? Надо нам придумать такое, чтобы хан сам, по доброй воле вернул нам и коня и раба.

– Я знаю как это сделать, – сказал Танрытаньмаз.

– Как?

– Утром когда ехали мы сюда, табун Элемгулу-хана пасся в том ущелье. Давайте схватим табунщижов, скрутим их по рукам и ногам и пошлем к хану сказать: или возвращай коня и раба, или не видать тебе больше своего любимого табуна! Что тогда хану делать? Вернет он нам и коня и раба.

Похвалили удальцы Танрытаньмаза за совет, сели яа коней и поскакали к ущелью. Видят, и впрямь, табун там. Подкравшись незаметно, набросились удальцы на табунщиков. Табунщики туда-сюда, но куда им противиться! Они и сдались.

– Немедля идите к своему хану, – сказал Демирчиоглу. – Скажите ему, чтоб возвратил он нам нашего коня и раба, а не то угоним мы весь его табун.

Бросились табунщики к Элемгулу-хану:

– О, да рухнет дом твой, да залется седло твое кровью, чего ты ждешь?–и рассказывают, – сидят, мол, сейчас удальцы Кероглу у входа в ущелье, а сами говорят то-то и то-то.

– Эй, вы, расскажите толком! В каком ущелье? – спросил Элемгулу-хан.

– В ущелье Дашлыдере², – ответил главный табунщик. – Придумай, о, хан, как избежать беды.

Думал-думал Элемгулу-хан, прикидывал и так эдак я, в конце-концов, оказал:

– Коли вошли они в Дашлыдере, ничего с ними не поделаешь. И за целый год мы не сможем выгнать их оттуда. Знаете ведь вы, что ни войти туда, ни отбить у них табун невозможно.

А теперь давайте расскажу я вам о Дашлыдере, чтобы вы знали, что это было за ущелье.

Войти в Дашлыдере можно было только через узкую горную щель. Два человека с трудом разминулись бы тут. А попробуй выйти оттуда! И выход был такой же, да к тому еще завалило его огромной каменной глыбой, что сорвалась со скалы. Глыба эта легла поперек и совсем закрыла выход. Так, что если кто и входил в ущелье, хочешь – не хочешь, а должен был возвращаться той же дорогой, по которой пришел. Теперь табун был крепко-накрепко заперт в ущелье. А удальцы Кероглу заняли узкий проход. Поэтому у Элемгулу-хана и опустились руки, и утратил он всякую надежду. Обернулся он и сказал своим людям:

– Дайте совет! Скажите, что нам делать?

Все хранили молчание. Да и что могли придумать? Тогда Элемгулу-хан приказал:

– Скажите моей дочери Ругийе-ханум, чтобы она пришла ко мне.

Побежали к Ругийе-ханум. Та пришла к отцу.

Ругийя-ханум была единственной дочерью Элемгулу-хана, а

сыновей у него не было. Ничего хан не жалел для дочери. Не было таких наук, которым он не обучал ее, не осталось книг, которые бы она не прочла. Да и от рождения Ругийя-ханум была умницей. Знала она на память все книги, прошла все науки и ключи от них, как говорится, положила в карман. Когда Элемгулу-хану приходилось туго, он всегда призывал Ругийю-ханум и просил у нее совета. И теперь он снова обратился к ней.

Словом, Ругийя-ханум пришла к отцу. Элемгулу-хан рассказал ей все, как было, и попросил совета. Подумала Ругийя-ханум, подумала и сказала:

– Отец, это пока еще только удальцы Кероглу. Подождет Кероглу день–два, увидит, что удальцы не вернулись и сам сюда пожалует. Подумай, что тогда-будет?

– Но как же нам быть?

– Надо вернуть и коня, и раба. Ведь удальцы тебе-ничего дурного не сделали и не собираются сделать. Они требуют свое.

Элемгулу-хан сказал:

– Доченька, теперь уже поздно. Надо было бы вчера мне все вернуть им, когда они послали гонца. А если я верну им теперь, опозорю себя на весь свет, что подумают обо мне ханы и паши? Всюду будут говорить, что Элемгулу-хан испугался людей Кероглу и сдался им на милость.

– А зачем тебе так поступать? Возьми и пошли им письмо. Напиши, что ты не знал, что они удальцы Кероглу, и добавь, что я, мол, давно хотел подружиться с Кероглу. А письмо это я, хотя бы даже и сама, отнесу им. Пусть меня проводят визири и векилы³. И не только отнесу, но и приведу еще сюда этих удальцов. Пусть они погостят у нас. Окажи им гостеприимство. Потом верни им коня и раба, и тогда пусть уходят. А кто узнает, кто услышит скажет: Элемгулу-хан – приятель Кероглу и все это сделал по дружбе. После этого ни один хан или паша не осмелится и близко подойти к тебе.

Все в один голос сказали: «Правильно!»

Тотчас написали письмо. Ругийя-ханум, взяв визирей, векилов, старых и молодых белобородых и чернобородых, пошла к ущелью.

Смотрят удальцы, идет много людей, а впереди какая-то девушка. И ни у кого из них нет оружия. Демирчиоглу сказал:

– Молодец, Танрытанымаз! Умно ты это все придумал. Элемгулу-хан идет на мировую.

Подождали они, пока шествие приблизилось. Смотрят, клянись аллахом, девушка эта так прекрасна, будто светится свеча, вся так и лучится, точно светильник! Словно аллах сотворил ее из чистейшего хрусталя. Гюрджуоглу-Мамед сказал:

– Демирчиоглу! Передай от меня привет Кероглу. Скажешь ему, что Гюрджуоглу-Мамед потерял рассудок, от любви. Больше я гидом не буду. Я делаюсь Меджнуном⁴. Надену на шею цепь, а конец вручу этой девушке. Куда хочет, пусть туда и ведет.

Демирчиоглу так и не успел ответить Гюрджуоглу-Мамеду. Подошли люди Элемгулу-хана. Ругийя-ханум поклонилась. Демирчиоглу, как полагается, почтительно ответил на приветствие. Ругийя-ханум вручила им письмо Элемгулу-хана.

Как только удальцы прочли его, Гюрджуоглу-Мамед сказал:

– Пойдемте!

– Постой!–ответил ему Демирчиоглу. Затем, повернувшись к Ругийе-ханум, сказал:

– Мы пойдем к хану, о ставим одно условие.

– Какое условие? – спросила Ругийя-ханум.

– Условие наше такое, чтобы вы привели сюда и отдали нам и коня и раба. Один из нас тотчас же отправится и сдаст их Кероглу. А двое предстанут перед ханом.

– Согласны. Ждите. Скоро мы вернемся.

И Ругийя-ханум, в сопровождении своих людей, удалилась.

Когда они скрылись из виду, удальцы стали совещаться.

Демирчиоглу спросил:

– Ну, что скажете?

– Я советую,– сказал Танрытанымаз,– ждать, пока не приведут коня и раба. Когда же мы получим свое, вернемся к себе. Что нам делать у Элемгулу-хана? А вдруг они готовят там какие-нибудь козни, полагаться на эту ханскую породу нельзя.

– Нет, Танрытанымаз!–возразил Гюрджуоглу. – Говори что

хочешь, только не это! Мы должны отправиться к хану. Не пойти нельзя.

Тогда Демирчиоглу сказал:

– Танрытанымаз, у Гюрджуоглу на уме иное. А все же не пойти к хану и впрямь нельзя. Если станем мы хитрить, как советуешь ты, чем же мы тогда будем отличаться от самих ханов? Кто после этого будет верить нам? Да станут еще болтать, что удальцы Кероглу трусили. Пусть готовят нам западни и козни, а пойти надо. Важно только не оплошать.

– Как так? – спросили удальцы.

– А так. Пусть один из нас берет коня и раба и едет в Ченлибелю к Кероглу. Как бы там хан ни хитрил, а коня и раба здесь уже не будет. Теперь давайте решать, кому из нас ехать в Ченлибелю?

Подошел тут Гюрджуоглу-Мамед к Танрытанымазу и сказал:

– Танрытанымаз, ты меня знаешь – для друга я жизни не пожалею. Но тут дело иное, – выручай меня. Как говорится у нас, я умер, не оставь же мое тело непогребенным. Идти к хану надо мне. Я хочу досыта налюбоваться этой девушкой. Честью прошу, уважь мою просьбу.

– Зачем тебе умирать? – ответил ему Танрытанымаз. – Пусть будут жертвой твоею и конь, и раб, и сам Элемгулу-хан. Да и не только сам хан, но его...

Гюрджуоглу поспешно перебил его:

– Аман⁵! Не говори этого!

Рассмеялись удальцы. А тут видят идут люди и ведут с собой и Арабата, и раба.

– Ладно, – сказал Танрытанымаз. – Идите к Элемгулу-хану и наслаждайтесь себе на здоровье. А я в дороге вдоволь потешусь над рабом.

– Нам долго гостить у Элемгулу-хана не с руки, и одного дня нам хватит, – сказал Демирчиоглу. – Завтра к вечеру ждите нас в Ченлибеле. Если будем–будем, а не приедем, тогда знайте, что, как говорится, в злой напасти головы наши, что они не в нашей власти. Так и передашь Кероглу. А там, как он сам решит. Кероглу сделает все, что надо.

Тут подошла со своей свитой Ругийя-ханум и передала Демирчиоглу коня и раба.

– Свой уговор мы выполнили. Теперь и вы будьте хозяевами своего слова.

– Ханум! – сказал Демирчиоглу. – Не зря зовемся мы удальцами Кероглу. Лжи нет в наших словах.

Потом Демирчиоглу посадил раба на коня Танрытанымаза, а ноги ему крепко-накрепко связал под брюхом коня.

– Помилуйте, – завопил раб, – каюсь я!

– Нам ничего не говори, – заметил Демирчиоглу. – Все, что хочешь сказать, скажешь в Ченлибеле самому Кероглу.

Танрытанымаз вскочил на Арабата. Только хотел было он тронуться в путь, как Демирчиоглу сказал:

– Послушай, Танрытанымаз, знаю, я тебя, – ты ни бога, ни пророков его не признаешь. Смотри, вдруг по дороге озлобишься ты сердцем и что-нибудь учинишь с ним. Помни, доставь его в Ченлибелю целым и невредимым!

– Бога, конечно, я и не знаю, – ответил Танрытанымаз, – зато Кероглу знаю. Ничего с рабом не сделаю.

Сказав это, Танрытанымаз стегнул коня, дал рабу проехать вперед и сам поскакал следом за ним к Ченлибелю.

Демирчиоглу подождал, пока они не скрылись с глаз, потом обернулся к Ругийе-ханум и сказал:

– Ханум, теперь мы ваши слуги. Куда прикажешь, туда и пойдем!

– Да не будет у вас недостатка в слугах! – ответила Ругийя-ханум. – Пожалуйте!

Ругийя-ханум впереди, по правую руку ее Демирчиоглу, по левую Гюрджуоглу-Мамед, а следом ее свита – все двинулись в город.

Городские ворота распахнулись настежь. Войска вышли встречать гостей. Жертвенные бараны были заколоты...

Так вот с торжеством и шумом подошли они к ханскому дворцу.

Элемгулу-хан сам вышел им навстречу. Взяв за руки, повел их в свои покои. Одного усадил направо от себя, другого – налево.

Визирь, векилы и прочие заняли свои места. В почетном углу протянули шелковый занавес. Ругийя-ханум со своими наперсницами уселись за этим занавесом.

Элемгулу-хан начал беседу. Поговорил немного о том, немного о семги затем, перейдя к делу, стал просить, чтобы они простили его за старое, не обижались и не носили бы на него в сердце зла. Но Гюрджуоглу-Мамед, словно глухой, не слышал ничего из того, что говорилось. Он не сводил глаз с занавеса. Демирчиоглу раза два даже незаметно дернул его, чтобы отвлечь, но где там!

После того, как Элемгулу-хан выпросил себе прощение, он устроил в честь удальцов такой пир, что стоило посмотреть!

Поели, попили, послушали музыку, певцов. Около полуночи все разошлись. Для Демирчиоглу и Гюрджуоглу постелили постели и остальные ушли к себе. Все уснули. Уснули, как говорится, даже ужаленные змеей. Только ни Демирчиоглу, ни Гюрджуоглу не могли сомкнуть глаз. Так, с открытыми глазами, и встретили они утро. Светало, когда Демирчиоглу поднялся и сказал:

– Вставай, пора ехать!

– Демирчиоглу, – ответил Гюрджуоглу, – хоть на смерть мне сейчас идти, только без Ругийи-ханум я отсюда не уеду.

– Послушай, не дури, не теряй головы. Как сможем мы увезти отсюда девушку? Что скажут на это люди? Что скажет Кероглу? Мы с человеком подружились, разделили хлеб-соль.

– Так что же нам делать?

– Ничего. Что тут будешь делать? Поедем, я расскажу обо всем Кероглу. Пошлем сватов и приведем девушку.

– Останемся еще хоть на один денек. Хоть один разок, увижу ее, и тогда поедем.

Как ни убеждал, как ни увещевал его Демирчиоглу, ничего не помогло. Не удалось ему уговорить упрямого Гюрджуоглу. Волей-неволей и он остался.

Теперь оставим их тут, послушайте о том, что произошло в Ченлибеле.

Танрытаньмаз доехал до Ченлибеля и в целостности-сохранности сдал Кероглу и коня, и раба. Раб повалился Кероглу в ноги. Кероглу даже не взглянул в его сторону, только кивнул Дели-Гасану и сказал:

– Уведи и брось его к Ахмеду-таджирбаши. Пусть наши молодцы вернутся, тогда мы и займемся ими.

Бросив раба туда же, оде сидел взаперти Ахмед-тад-жирбаши, стали ждать Демирчиоглу и Гюрджуоглу. Ждали день, ждали ночь, ждали и следующий день до самого вечера, но удальцы не вернулись. Рассердился тогда Кероглу. Крикнул он, и все удальцы, какие только были в Ченлибеле, повскакали на лошадей. Остались в крепости только женщины, и с ними Дели-Мехтер.

Той же ночью все семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов обложили столицу Элемгулу-хана. Когда каждый отряд занял свое место, призвал Кероглу Танрыта-нымаза и сказал:

– Скажи, как думаешь, – войти нам в город ночью, или подождать утра?

– Кероглу, – ответил Танрытаньмаз, – правильно мы поступили, что пришли. Предосторожность не мешает. Но» душа у меня спокойна. Знаю я, что ничего дурного с нашими удальцами не случилось. Просто на Гюрджуоглу напала блажь. Не может он расстаться с девушкой. Из-за него задержался и Демирчиоглу. Лучше подождать до утра. А не то как бы нам не пришлось потом краснеть!

Удальцы одобрили Танрытаньмава и подождали, пока не наступило утро.

Проснулись жители, видят город окружен. Ужас обуял их. Бросились все к воротам ханского дворца. Встал Элемгулу-хан и видит, да, как донесли ему, так оно и есть. Город окружен да так, словно выстроена вокруг него живая стена. Поспешно призвал он визиря, чтоб-узнать, что все это значит, явился визирь, смотрит: что это! Да ведь это Кероглу!

Едва завидя визиря, Кероглу запел:

Старый враг мой не хитри со мной:

Удальцов ты запер в этом городе.

Я даю на размышление час.

Удальцов ты запер в этом городе.

Город твой перепашу сохой,
Ханский скарб я увезу с собой,
Кровь прольется от меча рекой.
Удальцов ты запер в этом городе.

Слушай Кероглу, его фирман.
Налетим на твой презренный стан,
Город был, а будет лишь туман.
Удальцов ты запер в этом городе.

Вернулся в тревоге визирь и рассказал все Элемгулу-хану.
Элемгулу-хан послал за Ругийей-ханум. Та пришла и сказала:

– Не бойся, я все улажу.

Прошла она в комнату, где были Демирчиоглу и Гюрджуоглу-Мамед. А удалцы, ничего не ведая, ничего не зная, готовились в путь-дорогу.

Тут Ругийя-ханум спела:

Братья родные мои,
Только на вас надежда.
Трудный наш час пришел,
Только на вас надежда.

Враг подступился ко мне,
Дом мой опалят в огне,
Руки прикрутят к спине...
Только на вас надежда.

Сердце мое во мгле,
Сумрачно все на земле.
Теплится у Ругийи
Только на вас надежда.

– Что случилось? – спросили удалцы. Ругийя-ханум рассказала им обо всем.

– Не бойся ничего, Ругийя-ханум, – сказал Демирчиоглу. – Сейчас мы сами отправимся к нему.

Оба вышли, вскочили на коней и поскакали к Кероглу.

Увидав своих удалцов живыми и невредимыми, Кероглу успокоился и принялся бранить их:

Что вам сказать? Ай, молодцы. Спасибо.
Кто долго так задерживаться вправе?
Примерно же исполнили вы службу.
Кто долго так засиживаться вправе?

О чем мечтали? Что вас завертело?
Какое, братцы, увлекло вас дело?
Видать, со мной дружить вам надоело.
Кто долго так задерживаться вправе?

Я не смирюсь с подобными делами,
Расправлюсь я с друзьями и с врагами.
Молчал бы я, да вынудили сами.
Кто долго так задерживаться вправе?

Оба удалца опустили головы.

Демирчиоглу сказал:

– Кероглу, мы виноваты. Ты вправе наказать нас.

Он обнажил свой меч и, опустившись на одно колено, на вытянутых руках положил его перед Кероглу. Тот подмял его и сказал:

– Отвечай, кто виновник всему? Ты или Гюрджуоглу?

– Мы оба равно виноваты. Ни один не больше, ни один не меньше другого.

Как Кероглу ни выпрашивал, Демирчиоглу, не от жрывая правды, твердил одно:

– Оба одинаково повинны.

Но ведь Кероглу не проведешь. Знал он, что Демирчиоглу задержался из-за Гюрджуоглу-Мамеда. Знал и то, что в беде Демирчиоглу никогда не покинет друга, не предаст его. А хотелось ему просто еще раз испытать его. Но видит он, что Демирчиоглу стоит на своем и не открывает тайны товарища, и говорит:

– Молодец! Я нарочно хотел испытать тебя. Спасибо. Затем повернулся он к Гюрджуоглу и спросил:

– Ну, Гюрджуоглу, что скажешь нового, хорошего? Кажется, дочка Элемгулу-хана приглянулась тебе?

Гюрджуоглу опустил голову.

Тут как раз показался Элемгулу-хан со своими визирями, векилами. Раскланялись, поздоровались, а Элемгулу-хан сказал:

– Кероглу, я хочу жить в дружбе с тобой. Приглашаю тебя и твоих удальцов быть моими гостями.

Как Кероглу ни старался уклониться от приглашения, ничего не мог поделать. А тут еще Ругийя-ханум вышла вперед и сказала:

– Кероглу, если уйдешь ты так отсюда, не отведав у нас хлеба-соли, ты на весь мир опозоришь моего отца. Мужчине не следует отклонять руку, протянутую для дружбы.

Кероглу не стал отказывать Ругийе-ханум. Однако в город он не вошел. По его приказу вокруг города были разбиты шатры. Три дня и три ночи все ели, пили, плясали. Элемгулу-хан задал в честь Кероглу такой пир, какого еще никто не видывал. Когда прошло три дня, пригласил Кероглу Элемгулу-хана к себе и сказал:

– Хан, спасибо тебе за оказанную нам честь и гостеприимство! Только у меня к тебе просьба.

– Что значит просьба? Прикажи, я все исполню, – ответил хан.

– Нет, – сказал Кероглу, – тут не прикажешь.

– Изволь, скажи!

Прижал Кероглу к груди свой саз и запел:

Об одном тебе хочу сказать,
Только ты не обижайся, хан.
Может, неуместна эта речь,
Только ты не обижайся, хан.

– Что ты, какая обида, – ответил хан, – проси хоть жизнь, и ею я готов служить тебе. Говори!

Кероглу продолжал песню:

Мне послать бы сватов поскорей,
Лучших, уважаемых людей,
Самому б приехать – так верней,
Только ты не обижайся, хан.

Хан понял, в чем дело. Не стал ждать конца песни. И Кероглу закончил ее:

Ты уж Кероглу не обвиняй,
На поспешность эту не пеняй,
За Мамеда Ругийю отдай,
Только ты не обижайся, хан.

Какая там обида! Хан молил аллаха о таком родстве. Тотчас были призваны молла и кази⁶. Был заключен кебин⁷. Снова начали пировать, к трем дням прибавилось еще четыре, стало всего семь дней и семь ночей. К исходу седьмого дня хотели уже повезти невесту к жениху, но Кероглу сказал:

– В Ченлибеле мать удальцов и госпожа их – Нияр-ханум. Я должен повезти невесту и сыграть свадьбу и там.

Удальцы сели на коней и, взяв с собой Ругийю-ханум, приехали в Ченлибель. Посмотрел Кероглу, видит по правую сторону от себя Нияр-ханум, по левую – Эйваза, а впереди семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов. Взыграло сердце его, прижал он к груди свой трехструнный саз и запел:

Хорошо мне собирать меджлис,
Чтобы слышно на всем свете было,
Натыкать баранов на шомпуры⁸,
Чтоб в достатке всякой снеди было.

В Ченлибеле все мои родные.
Из атласа платье шьют портные.
Пусть же каждый день, лишь намекни я
Сто гостей бы на обеде было.

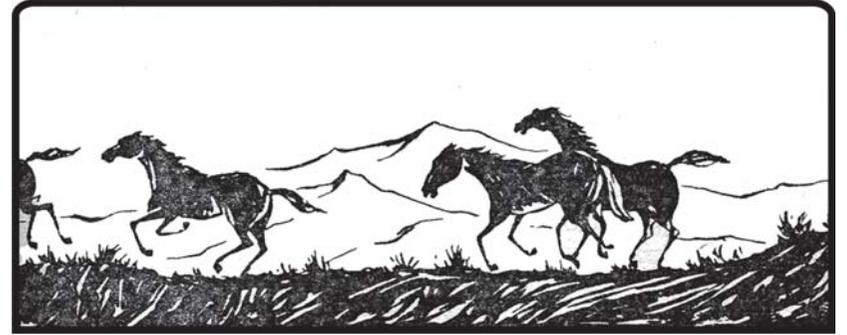
Мне б весь век громить пашу, султана,
Слушать вопли о пощаде хана,
Побеждать в сраженьях непрестанно,
Чтоб известно о победе было.

Чтоб Эйваз спешил на помощь в пору,
Демирчиоглу сметал бы горы,
Чтобы мне в бою всегда опорой
Мужество в Белли-Ахмеде было.

Кровь моя да будет жарче лавиной,
Не накроет страх меня лавиной,
Окружен я доблестной дружиной,
Пусть бы в стали все и в меди было.

Вражью кровь в бою мне пить по нраву,
Разгромлю я недругов на славу,
Всех купцов ограблю, чтоб по праву
Их добро в моем на следье было.

За твоею, Кероглу, спиною
Удальцы всегда готовы к бою.
Пусть Нигяр весь век сидит со мною,
Чтобы до смерти юности хватило.

ПРОПАЖА ДУРАТА

Снова пришла весна. Хорошо было в Ченлибеле. Все покрылось цветами и зеленью. Роза звала розу, соловей— соловья. Тюльпаны кивали тихим фиалкам. На обрывистых скалах пели куропатки, будто выкрашенные хной. Голос Кероглу сливался с трелью соловьев. На склонах гор трава стояла в человеческий рост. Бесчисленные вольные табуны Кероглу паслись на зеленой траве. Этой весной Кероглу пустил в табун и Дурата.

В буйном табуне Дурат, наевшись изумрудной травы, стал бешен и неукротим. Ни с одной лошадей не мог он ужиться. То налетит и лягнет, то бьет копытами. Переполошил он весь табун.

Однажды Дурат совсем заупрямился. Начал он наскакивать на лошадей. Ударил одну, лягнул другую, третью и, наконец, погнал впереди себя весь табун, заставил его мчаться вниз, к подножью Ченлибеля. Помчался табун по равнине. Мчался, мчался, перевалил через горы, пронесся по долинам, опустился с холмов и добрался до пастбищ Гара-хана.

Теперь послушайте о Гара-хане.

Гара-хан был лютым правителем. На его земле мало кому не пришлось изведать тяжких мук от его жестокости. И был он очень алчен. У кого ни увидит хорошую вещь, добром или силой заберет себе. Словом, совсем разорил народ. Он говорил, что находится в родстве с иранским шахом. Все боялись его и от страха молчали.

Когда табун Кероглу примчался на пастбища Гара-хана, побежали нукеры¹ и доложили ему об этом. Тотчас Гара-хан приказал пригнать табун к своему дворцу.

Оставим слуг Гара-хана гнать табун, о ком же рассказать вам? О Кероглу!

Кероглу был в Ченлибеле. С того дня, как вернулся от Элемгулу-хана, он еще никуда не выезжал. Вдруг вбегает, захавшись, главный табунщик и кричит, что табун пропал. Кероглу спокойно было встретил эту весть. Но когда узнал, что с табуном пропал и Дурат, разгневался. Крикнул он в сердцах так, что весь Ченлибель содрогнулся. Эхо прокатилось по горам, долам и ущельям. Все удальцы тут бросились к Кероглу.

Послушаем, что он спел:

Удальцы мои, сыновья мои,
Где бы ни был Дурат – отыскать его.
Неприятель пускай о пощаде вопит,
За покражу коня оттащить его.

Я отважен, и честь мне как жизнь дорога,
Кликну клич – задрожат и леса и луга,
Мы копьем с арабатов² достанем врага,
Пусть бежит – нам легко настичать его.

Пусть залижут отважные кровь своих ран.
Кероглу, всюду твой выполняют фирман.
Кто бы нам ни попался – паша иль султан, –
Будем шкуру дерьмом набивать его.

Тотчас Дели-Мехтер вскочил на коня. Взяв с собой нескольких воинов, конюхов и табунщиков, отправился он на поиски табу-

на. Но где там! Пока Дели-Мехтер рыскал по эйлагам вокруг Ченлибеля, табун уже был на пастбищах Гара-хана.

Объехали удальцы все вокруг, заглянули в каждую щель. Перевернули, можно сказать, горы и скалы и, наконец, отчаявшись, печальные и усталые, вернулись в Ченлибель.

Если у Кероглу было одно горе, стало их тысяча. Удальцы принялись утешать его:

– Послушай, Кероглу, нужно ли так печалиться? Ведь это целый табун, ну ускакал куда-нибудь, ведь не пропадет же он в самом деле. Где бы ни был, найдется. Да кто осмелится хоть краешком глаза взглянуть на твой табун?

Долго говорили его удальцы, но Кероглу ничего не хотел слушать. Как они ни увещевали его, как ни уговаривали – все зря. И так он злился, что в ярости кусал усы. Видит Нигяр, что Кероглу места себе не находит, и, точно пылающий горн, раскаляется все больше. Тут она и сказала:

– Ах, Кероглу, стоит тебе так сердиться? Успокойся. Что в конце-концов случилось? Пропал табун? Найдется!

Посмотрим, что ответил Кероглу Нигяр:

Нигяр моя, пропал Дурат,
Печаль меня сжигает.
Ничемны все мои труды,
Печаль меня сжигает.

Мои морщины увидав,
От страха враг смирит свой нрав.
От этих бед жестокой став,
Печаль меня сжигает.

Посмел мой враг угнать коней,
Посмел задеть меня злодей.
Огонь горит в душе моей,
Печаль меня сжигает.

Творец, отринь страданий ад,
Верни коней моих назад.
Дурат милей мне, чем Гырат,
Печаль меня сжигает.

Я Кероглу, на все готов –
Полета врагов иль сто врагов.
Насмешки мне страшней клинков,
Печаль меня сжигает.

Только он кончил петь, Нигяр-ханум сказала:

– Ну, хорошо. Что толку сердиться и кусать усы? Лучше окажи, что думаешь делать?

Прижал Кероглу к груди свой саз, посмотрел на удальцов и запел:

Теперь такой мне нужен удалец,
Чтоб найден был Дурат – красавец-конь.
Что, как ягненок, вскормлен мной с руки,
Что под седлом кипит, строптивый конь.

Заржет он – эхо бродит по шрам,
Его нельзя настигнуть, он упрямя,
Он отрывает головы врагам,
Мой яростный, мой пышногривый конь.

Неутомимый, он как лев силен,
С него мечу я стрелы в шахский трон,
С игидом доблестью сравнится он,
Меня не сбросит мой ретивый конь.

Я Кероглу, в обиде не смолчу,
Сердца врагов я предаю мечу.
Сам сяду на коня и поскачу,
Где мой Гырат–нетерпеливый конь?

Все удальцы, как один, поднялись с места. Впереди пошли дозорные. Кероглу начал собираться. Тут смотрит, люди его ведут

какого-то парня. Когда подвели его поближе, видит Кероглу, что это рослый, здоровенный юноша, а в руке его дубина. Кероглу спросил у дозорных:

– Кто это такой?

– Не знаем, – ответили ему. – Как мы ни бились с ним, он ничего не сказал. Хочет видеть тебя.

– Ну, сынок, кто ты? Что тебе нужно? – спросил Кероглу.

Юноша сперва поклонился Кероглу ответил на поклон.

– Ответь сначала, пропал у тебя табун или нет? – сказал юноша.

– Да, пропал. А что?

Юноша перевел дух.

– Дайте мне сначала передохнуть. Я устал.

– Садись! – сказал Кероглу.

Юноша сел. Размотал завязки, снял свои чарыхи, встряхнул и положил в сторону. Потом снял джорабы³, аккуратно встряхнул и положил их в сторонку. Затем поднял голову и сказал:

– Кероглу, я конюший Гара-хана баллыджинского. Вот уже три дня, как Гара-хан поймал твой табун. Я пришел известить тебя. И Дурат в этом табуне. По нему-то я и догадался, что табун этот твой.

Услышав это, Кероглу вскочил с места и крикнул:

– Дели-Гасан!

– Слушаю, Кероглу!

– Пока я не вернусь, не спускай глаз с этого парня. – Не спущу.

Потом Кероглу повернулся к удальцам:

Удальцы мои, по коням!

В Баллыджу мой путь лежит.

В дни сражений вы, как волки.

В Баллыджу мой путь лежит.

Если с удальцом отвага,

Враг не сделает и шага,

Будет страхом смят, бедняга.

В Баллыджу мой путь лежит.

Хлеб у подлого не трону.
Враг хитер, да я не промах,
Пусть не прячется в хоробах,
В Баллыджу мой путь лежит.

Стрелам бить врага не внове.
Ждем сраженья – наготове.
Гара-хан напьется крови.
В Баллыджу мой путь лежит.

Кероглу всегда в сраженьи –
Каждый час и каждый день я.
Не снесу я униженья.
В Баллыджу мой путь лежит.

Кончив петь, Кероглу птицей взвился на Гырата. Гырат заржал, взвился на дыбы и поскакал впереди отряда. Отряд помчался прямо в сторону Баллыджи. Пронеслись по полям, по дорогам, проскакали по долинам и взгорьям, и, как вихрь, как молния, примчались в Баллыджу. Оставив удалцов в окрестностях, Кероглу, переодевшись табунщиком и спрятав под полу египетский меч, вошел в город. Переходя с улицы на улицу, пришел он, наконец прямо к Гара-хану. А тот уже три дня как пригнал к себе табун. Только ни один из табунщиков не брался смотреть за табунном. Гара-хан и уговаривал их, и бранил, и приказывал стегать их плетьюми, и стращал, но ничего не помогало. Табунщики и конюхи проведали, что это кони Кероглу, и потому никто близко к ним не подходил.

Гара-хан снова приказал призвать к себе всех конюхов и табунщиков. Вдруг видит, идет какой-то человек, с виду настоящий Рустем-Зал, а по одежде будто табунщик. Обрадовался хан. «Вот это хорошо, – подумал он, – возьму-ка и его в табунщики и поручу ему табун...». Словом, подождал, пока Кероглу не подошел к нему.

Почтительно сложив руки на груди, Кероглу поклонился. Гара-хан ответил на поклон и спросил:

– Слушай, кто ты таков? По одежде ты, будто, табунщик?
– Да, хан, я и есть табунщик, – ответил Кероглу.—Не один год пас я в Ченлибеле табуны Кероглу, да вот уже месяц, как он прогнал меня.

– За что прогнал он тебя?

– Говорит, хватит, столько лет был табунщиком, теперь пора тебе стать моим игидом. А я не захотел, – говорю – был табунщиком и останусь им. Рассердился он и прогнал меня.

– А если я назначу тебя смотреть за табунном Кероглу, пойдешь?

Убедился Кероглу, что парень тот говорил правду и что табун у Гара-хана здесь. Притворился он, будто-знать ничего не знает, ни о чем не ведает, и спросил:

– Как так за табунном Кероглу?

– Табун Кероглу сейчас у меня, – сказал Гара-хан хвастливо.
– Я приказал пригнать его сюда.

Прикинулся Кероглу совсем простаком и опросил:

– Как заставил пригнать?

– А до этого тебе нет дела, как я его пригнал!

– Ладно, хан, а вдруг Кероглу узнает? Что ты тогда-будешь делать?

– Пускай узнает... Что он может сделать мне? Не удержался тут Кероглу и пропел:

У меня рука подобна лапе тигра, страшной лапе,
Разнесу твой край, как выйду я в сраженье, Гара-хан.
На спине Гырата сидя, замахнусь мечом тяжелым,
Онемеешь, знай, как выйду я в сраженье, Гара-хан.

И напрасно ты кичишься, и заносчив стал ты даром,
Видно, что еще не знаешь силу моего удара.
Булавой хребет сломаю и клинком прибавлю жара,
Лучше все отдай, как выйду я в сраженье, Гара-хан.

Все, что ты за жизнь наградил, отниму я в миг единый,
Все возьму – кумач и шелк твой, не оставлю пестрядины,

Подоженный мною дом твой сядет пеплом на седины,
К богу ты взывай, как выйду я в сраженье, Гара-хан.

Кероглу не убоится ни сраженья, ни могилы.
Пять врагов или пять сотен – у него достанет силы.

Кликнет клич, – перед Гыратом побежишь рысцей как:
милый.

Руки опускай, как выйду я в сраженье, Гара-хан.

Рассердился хан на эти слова Кероглу:

– Я хотел сделать тебя своим табунщиком, а вовсе не просил тебя тащить сюда Кероглу. Что ты все твердишь: Кероглу, Кероглу! Твой Кероглу – это проходимец, без роду, без племени. А я хан, да прихожусь родней самому иранскому шаху. Пусть бы даже Кероглу и пришел, мне ли его бояться? Пускай приходит. Я так возьму его в оборот, что еще один такой Кероглу вылезет у него из брюха.

Видит Кероглу, что Гара-хан чересчур уж хвастлив. Хотел было он сбросить одежду табунщика и сказать: «Я Кероглу, и вот я здесь». Но, послав в душе проклятие шайтану-искусителю, взял он свой саз и сказал:

– Нет, хан, ты ошибаешься.

Неправда, Кероглу не одинок.
Ты думал войска нет у Кероглу?
Исабала и Демирчиоглу,
Эйваз, Белли-Ахмед у Кероглу.

Он подлецам руки не подает,
Зато для правых, смелых – он оплот.
С балконом дом, ковры, и солнце льет
Сквозь хрустали свой свет у Кероглу;

Поможет он, когда придет напасть,
В сраженье другу не дает упасть,
Расстелет скатерть – потчует он всласть,
Богат и щедр обед у Кероглу.

Высок он ростом, дубу он полетать,
Везде стремятся честь ему воздать.
Его богатств тебе не сосчитать,
Любой игид воспет у Кероглу.

Не по душе пришлись хану прямые и резкие слова табунщика. Подозрительно посмотрел он на него, хотя ему в голову не пришло, что перед ним сам Кероглу, а все же дрожь пробежала у него по телу.

– Да ты, кажется, большой буян. У нас с тобой ничего не выйдет. Иди-ка отсюда по-добру, по-здорову. Табунщик из тебя не получится.

Сказав это, Гара-хан хотел было удалиться.

Видит Кероглу, что Гара-хан может улизнуть. Не дав опомниться, он схватил его за ворот. Сбросив с себя одежду табунщика, издал он свой боевой клич. У Гара-хана заложило уши, и стал он звать на помощь своих людей.

Но тут, удальцы, услышав клич Кероглу, налетели с мечами наголо. Все смешалось. Завязался бой. В разгар его Кероглу сам бросился на Гара-хана. Египетский меч сверкнул в воздухе и рассек череп Гара-хана так, будто молния врезалась в землю. Гара-хан тут же отправился в преисподнюю. Увидев гибель Гара-хана, войско его не выдержало. Многие пали, а остальные разбежались и скрылись, кто куда. Удальцы захватили все, что подороже и полегче и, забрав свой табун и с ним Дурата, пустились в обратный путь.

Перевалив через горы, пронесаясь по равнинам, добрались все до Ченлибея. Нигяр-ханум вышла им навстречу. Кероглу сошел с коня. Привели молодого конюшего Гара-хана. Подарив ему коня и меч, Кероглу сделал его своим удальцом.

Тут начался пир. Кравчий с полной чашей обошел всех, и все повеселели, точно каждый обновился душой. Нигяр-ханум с чашей в руке подошла к Кероглу:

– Послушай, Кероглу, – сказала она, – знаю я, что без боя и схваток у тебя не обошлось. Расскажи о твоей поездке в Баллыджу. С кем ты там столкнулся, с кем сразился?

Взял Кероглу из рук Нигяр-ханум чашу, осушил до дна, прижал к груди трехструнный саз и запел:

Что поводишь ты очами,
Ты открой, моя Нигяр?
Песнь моя, как жить отраднo
Мне с тобой, моя Нигяр.

В баллыджинской жаркой схватке
Враг дрожал как в лихорадке,
Засверкали только пятки
Предо мной, моя Нигяр.

Удальцы мои нежданно
Ворвались в кольцо их стана.
Поднял я клинок на хана
Огневой, моя Нигяр.

Эту битву не забудешь.
Я в бою страшнее чудищ,
С булавою не пошутишь.
Кровь рекой, моя Нигяр.

Лик врага не прояснится.
Кероглу им будет сниться.
И никем не повторится
Подвиг мой, моя Нигяр.

КЕРОГЛУ И БОЛУ-БЕК

Далеко-далеко разнеслась весть о том, что Элемгулу-хан подружился с Кероглу. Она достигла, наконец, Тогата, дошла и до самого Хасан-паша. Крепко задумался паша: если уж ханы и паша начнут водить дружбу с Кероглу, тогда его ничем не проймешь. Вот почему Хасан-паша стал поторапливать своих военачальников.

Одного гонца он отправил к Болу-беку, другого к Араб-Рейхану и пригласил их обоих к себе. Как только Болу-бек и Араб-Рейхан прибыли, Хасан-паша уединился с ними и устроил совет. Судили, рядили, писали, зачеркивали, решали, перерешали, думали, гадали, в конце-концов, согласились на том, что Болу-бек во главе своих войск двинется из Эрзинджана, Араб-Рейхан – из Карса, а сам Хасан-паша – из Тогата. После этих переговоров Хасан-паша остался в Тогате, Араб-Рейхан, взяв войско, отправился к Карсу, а Болу-бек прибыл в Эрзинджан к своим войскам.

А теперь расскажу вам о коварстве пашей. Все трое пашей были людьми лукавыми и коварными. В этом ни один из них не уступал другому.

Что касается Хасан-паши, то он был непрочь раззадорить Араб-Рейхана и Болу-бека, послать их на Кероглу, чтобы самому явиться под конец. Араб-Рейхану тоже хотелось, чтоб кто-нибудь первым начал действовать против Кероглу. Только Болу-бек решил опередить всех, чтобы честь победы принадлежала ему одному, а имена других пашей даже не упоминались. Поэтому, едва прибыв в Эрзинджан, он тут же начал готовиться к походу.

Ну, прошел день, два, а когда все было готово, взял он войско и двинулся к Ченлибелю. Не останавливаясь, не отдыхая нигде, дни и ночи они гнали коней и, наконец, затемно оказались на подступах к Ченлибелю. Осмотрев все кругом, Мехтер-Муртуз тотчас признал знакомые места. Пришел он к Болу-беку и сказал:

– Болу-бек, я знаю эти места. Дальше уже будет Ченлибель. Нам надо остановиться здесь и подождать утра. Кто может предугадать все козни и уловки Кероглу? Как бы ночью наше войско не попало в его ловушку.

Болу-бек одобрил мысль Мехтер-Муртуза. Приказал он войскам спешиться и разбить лагерь, а сам, взяв с собой Каджар-Алы, Мехтер-Муртуза и лучших начальников отрядов, решил объехать незнакомую местность.

Оставим их тут заниматься своим делом, а расскажу я вам о Кероглу.

Ранним утром Кероглу вышел из дому. Так, спокойно прогуливаясь, дошел он до скалы Аггая. Смотрит, по ту сторону Ченлибеля – тьма-тьмущая людей и лошадей, словно налетела стая черных воронов. Не захотелось ему поворачивать назад, чтобы сказать обо всем удалцам, он пошел напрямик, спустился вниз, а чтобы не быть замеченным, шел осторожно, скрываясь за холмами.

А тут на беду оказалось, что и Болу-бек со своими людьми, разведывая местность, шел тем же путем. Кероглу и столкнулся с Болу-беком лицом к лицу. Ни тому не спрятаться, ни другому.

– Отвечай, кто ты? – спросил Болу-бек.

Кероглу спокойно ответил:

– Я сторож.

Посмотрел Болу-бек на его могучую фигуру, на рост и осанку и спросил:

– Чей сторож?

– Да, здешний, ченлибельский сторож.

Обрадовался Болу-бек. Вот как удачно получилось: расспросит он этого сторожа и все разузнает о Ченлибеле.

– Скажи-ка, где сейчас Кероглу? – поинтересовался он.

– Вчера вечером он был в Ченлибеле. Если ночью никуда не уехал, значит и сейчас там. А тут, как на грех, подошел Мехтер-Муртуз. Он тотчас узнал Кероглу. Стараясь не попасться ему на глаза, он стал за его спиной и начал делать знаки Болу-беку:

«Несчастный, дескать, все он врет, никакой он не сторож, а самый настоящий Кероглу».

Окликнул своих людей Болу-бек, налетели воины схватили Кероглу и крепко-накрепко связали по рукам. Оглянулся Кероглу, узнал предателя и понял, что предал его ни кто иной, как Мехтер-Муртуз.

Видит Кероглу, нельзя ему выдавать себя: признается, его без долгих разговоров убьют, Ченлибель далеко, удалцы ни о чем не знают, врагов много, а сам он без оружия, без коня.

Рассказывают, что, попав в руки врагов, не мог он никогда признаться в том, что он Кероглу. «Если враг будет знать, что я схвачен, – рассуждал он, – то двинется на Ченлибель».

Вот почему, как ни допытывался Болу-бек, Кероглу упорно стоял на своем: мол, сторож я, и все тут. По приказу Болу-бека, Кероглу стали бить, но ничего от него не добились. Кероглу все твердил свое. Неподалеку было озеро. Болу-бек приказал его, связанного по рукам, опустить в воду. Кероглу едва не захлебнулся и все-таки не признался. Как ни мучили его, как ни истязали, он все твердил:

– Я сторож.

В конце-концов Болу-бек и впрямь подумал, что это не Кероглу, а сторож. Хотел было он уже приказать, чтобы ему развязали руки и отпустили, да Мехтер-Муртуз тут чуть из кожи не вылез.

– Несчастный, да рухнет твой дом, куда ты отпускаешь его? Врет он все. Это Кероглу.

Тогда Болу-бек сказал:

– Признайся-ка по доброй воле, что ты Кероглу, а не то все равно прикончу тебя.

Видя, что дело так повернулось, Кероглу запел:

Понапрасну ты не делай зла,
Ты поверь, Болу, не Кероглу я.
Ныне надо совершить добро.
Ты поверь, Болу, не Кероглу я,

Кероглу – игид, прославлен он,
Мощью и отвагой наделен,
Арабат его как вихрь силен,
Ты поверь, Болу, не Кероглу я,

Потом повернулся к Каджар-Алы и продолжал:

Слушай, о Каджар-Алы, постой,
Коль Исабала узнает мой,
Прилетит и всех пронзит стрелой.
Ты поверь, Болу, не Кероглу я.

И, наконец, обратясь к Мехтер-Муртузу, закончил свою песнь:

Для чего ты держишь эту речь?
Кто любовью сердце может сжечь?
У игида есть и щит и меч,
Ты поверь, Болу, не Кероглу я,

Славы Кероглу не тронет плен.
Не пробьешь ты ченлибельских стен.
Мой отец Алы, а я – Ровшан,
Ты поверь, Болу, не Кероглу я,

Прислушался к его словам Болу-бек и повернулся к Мехтер-Муртузу:

– Что же это ты, оказывается, обманываешь нас. Это-вовсе не Кероглу.

– Болу-бек, – ответил Мехтер-Муртуз, – я не один год был у него коннохом. Если б даже мне довелось у кожевника увидеть его шкуру, я бы тотчас признал ее. Какой он сторож? Кероглу он, и еще раз говорю вам – Кероглу! Болу-бек совсем растерялся. Как быть? После долгих споров и разговоров его люди предложили:

– Ни один из нас не видел Кероглу. Знает его только этот человек, а он говорит, что это Кероглу. Почему же нам не верить ему – своему человеку, а верить этому чужаку? Возьмем его с собой.

Болу-бек приказал войскам собираться в путь. Видит Кероглу, что нет, плохо дело, уводят его, и спросил:

– Значит теперь отвезешь ты меня к султану, стегнешь говорить, будто я Кероглу, и что ты поймал меня.

– Да. А как ты думал? – отвечал Болу-бек. – Что я везу тебя в гости, на пир?

Рассмеялся Кероглу и сказал:

– Ладно, если у тебя не хватает своего ума, веришь ты этим людям и увозишь меня, неужто и у султана ума не хватит? Или я лишился языка и не смогу объяснить ему? Или султан не увидит, что я простой, безоружный человек? Да разве таков Кероглу? Если бы изловить Кероглу было так просто, то зачем бы стало дело? Ну, хорошо, ты не видал и не знаешь Кероглу, а другие-то ханы и паши его знают? Да сам сын султана, Бурджу-Султан, прекрасно знает Кероглу. Что же скажут они?

После слов Кероглу опять усомнился Болу-бек и подумал: «А что если приведу я его, да вдруг окажется, что это вовсе не Кероглу? Да ведь я опозорюсь на весь свет. После этого мне или самому убить себя надо, или сделаться отшельником и не показываться людям на глаза».

Словом, по приказу Болу-бека Кероглу развязали руки. Когда он хотел уйти, Болу-бек сказал:

– Говорят, Кероглу – редкий игид и не знает страха, и никогда не солжет. Что было, то было. Видишь, и руки у тебя свободны. Теперь скажи прямо и честно, Кероглу ты или нет?

Рассмеялся Кероглу и ответил:

– Коль ты прямо и честно спрашиваешь, то и отвечу тебе прямо и честно. Да, я Кероглу!

Хотел было Болу-Бек поднять войска, но Кероглу сказал:

– Стой! Не трудись зря. Больше тебе меня не поймать. Но скажи мне, кто ты? Зачем пришел сюда?

Болу-бек решил схитрить и сказал:

– Кероглу, знай! Я Болу-бек из Эрзинджана. Хасан-паша послал меня, чтобы я схватил тебя и привел к нему, а взамен он обещал отдать за меня свою дочь Дунию-ханум.

Снова рассмеялся Кероглу:

– Ого, с какой легкостью Хасан-паша раздает из-за меня своих дочерей. Раз так, пусть так оно и будет. Благодаря мне, одна его дочь вышла замуж за плешивого Хамзу, а другая пусть выходит за тебя. Посмотрим, кому пообещает он остальных жен и детей, когда еще придет за мной... Я Кероглу. Пусть сама смерть грозит мне, а слову своему не изменю. Тебе вздумалось жениться на дочери Хасан-паши, а он за это требует, чтобы ты привел меня к нему, – ну что ж, не беда. Я согласен. Пойду я, захвачу свое оружие и вернусь. Вези меня к Хасан-паше, женись да его дочери, а до остального тебе дела нет.

Кероглу повернулся и пошел в Ченлибель. Вся свита в один голос стала упрекать Болу-бека:

– Зря ты выпустил его из рук. Вот увидишь – сейчас он соберет своих удальцов, нападет на нас и перебьет всех.

– Нет, – сказал Мехтер-Муртуз, – Кероглу и ловок и хитер, но что ни говорите, он смел и честен, он не обманет. Как сказал, так и сделает.

– Я знаю, что он придет, – подтвердил и Болу-бек. – Пусть приходит. А дальше вам дела нет. Если он Кероглу, то я Болу-бек!

А Кероглу тем временем добрался до Ченлибеля. Он знал, что если расскажет всю правду удальцам и женщинам, те не пустят его. Поэтому, не говоря никому ни слова, снаряжился он потихоньку. Взял оружие, сел на коня и вернулся обратно. Видят Болу-бек и его люди, что Кероглу едет. Едет, но как едет! Словно это дракон на слоне. Половина войска Болу-бека, перепугавшись насмерть, схватилась за животы.

Подъехал Кероглу и сказал Болу-беку:

– Болу-бек, я сдержал слово и вернулся. Я поеду с тобой. Только боюсь, что ты и в самом деле можешь возомнить. Тут уж лучше нам заранее условиться с тобой: надо нам сейчас сразиться, и тогда ты узнаешь мою силу, а я твою. Потом поедем. Но в сердце у меня сложилась песня. Я прежде спою ее, а потом померимся силами.

Сказав это, Кероглу пустил Гырата по кругу. Проехал из конца в конец и, остановив коня прямо перед Болу-беком, начал свою песню:

Подбоченься, стоял и приказывал ты,
Помнишь, пленником был у тебя Кероглу?
Ты командовал: вешайте, режьте его.
Помнишь, пленником был у тебя Кероглу?

Утешал себя: вечно пойдет оно так.
Ты предался шайтану, ты поднял кулак,
Ты топил меня в озере, подлый дурак.
Помнишь, пленником был у тебя Кероглу?

Ченлибель я построил на веки веков,
Не поддался я вздорным речам хитрецов.
Удалец я из всех семи тыщ удальцов.
Помнишь, пленником был у тебя Кероглу?

Кероглу я. И трус не осилит меня.
Не тяну я с возмездьем до судного дня.
Льется недругов кровь, удальца не пьяня.
Помнишь, пленником был у тебя Кероглу?

Болу-бек лицемерно ответил:

– Эх, Кероглу, как говорится, слуга не без вины, хозяин не без милости. Победителю не годится приканчивать побежденного. Что было, то минуло. Как хочешь, так и сделаем.

– Нет, – сказал Кероглу, – прикажи своим воинам, чтобы шли на бой, а не то я перебью вас всех.

И Кероглу обнажил свой египетский меч. Видят начальники отрядов, что Кероглу не шутит и собирается сразиться. Подняли они войска и со всех сторон напали на него. Издав свой, боевой клич, Кероглу бросился на врагов. Ударил направо, ударил налево. Смешал все войско, и бросилось оно врасыпную, словно куры и цыплята, завидевшие сокола. Кто вопит и родную мать зовет, кто плачет, кто о пощаде молит. Поднялось тут такое, что и не описать. Взыграло сердце Кероглу, и спел он:

Когда я налетаю на врагов,
Там трупы мы горой сложить должны.
А кровь из ран игида, как шербет,
Залижут лишь – они зажить должны.

Пыль с поля брани встанет к облакам.
Я выколю глаза моим врагам.
Дунию-ханум увидеть надо нам,
Ее узнать, чтоб не тужить, должны.

В горах засады строил Кероглу
И головы привязывал к седлу.
Я рассеку тебя мечом, Болу,
Кишки тебя всего обвить должны.

Видит Болу-бек, что войско его гибнет, и крикнул он Каджар-Алы:

– Эй, да обрушится дом твой, для чего я взял тебя сюда, ведь почти все войско перебито!

Волей-неволей Каджару-Алы пришлось обнажить меч.

Кероглу даже не дал ему расправить руки, издали поднял копьё и так метнул, что Каджар-Алы головой вниз повалился с лошади. В этом ли году скончался, в прошлом ли, не разберешь. Отправился он прямо на тот свет.

Видит Болу-бек, что иного выхода нет, и бросился в ноги Кероглу.

Соколом соскочил Кероглу на землю, налетел на Болу-бека, сел ему на грудь и пропел:

Велю я по рукам связать
И кровь пролью, Болу,
Заставлю мать твою рыдать,
Твою, твою, Болу.

Глаза твои забью золой
И в руки дам пятак худой,
Невесту сделаю вдовой
Твою, твою, Болу.

Недаром у моих дружин
Отец один и вождь один.
Тебя сомну я, тигра сын,
Убью, убью, Болу.

Насяду я на грудь твою,
Твой стан прямой крючком завью,
Огнем тебя спалю в бою,
Сгною, сгною, Болу.

Я Кероглу, тяжел мой меч,
Могу в куски тебя иссечь.
И голову снесу я с плеч
Твою, твою, Болу.

Поднялся Кероглу с груди Болу-бека и сказал:

– А теперь я в твоей воле. Вези, куда хочешь!

Охая и кряхтя, встал с земли Болу-бек.

– Эх, да ты не оставил на нас живого места! Где тут мне сообразить, что с тобой теперь делать и как везти?

Рассмеялся Кероглу и сказал:

– Не беда. Даст бог, как повезешь и отдашь меня Хасан-паше, да женишься на Дуние-ханум, на свадьбе все и пройдет. Ну, садись, поедем.

Оглянулся Болу-бек по сторонам:

– Нет, брат, я тебя никуда не повезу.

– Почему? – спросил Кероглу.
– Как говорят у нас, глаза боятся того, что видели. А видел я то, что видел. Вдруг тебе вздумается сыграть такую же шутку в дороге? Лучше с тобой никакого дела не затевать.
– Да не бойся! Я ничего не сделаю.
– Нет, милый мой! Мир праху твоего отца. Не надо мне ни дочери Хасан-паши, ни этих твоих шуток.
– Послушай, Кероглу не обещает ничего, но, пообещав, не изменяет своему слову. Раз ты опасаясь, на, свяжи меня по рукам и вези.
А Болу-беку только того и хотелось. Тотчас подмигнул он своим людям, что, вот, мол, время, не упускайте случая! И тотчас крепко-накрепко цепью скрутили Кероглу руки. Потом веревками привязали его к седлу.
Болу-бек приказал войскам двинуться в сторону Эрзинджана. Долго ехали, коротко ли, посреди дороги оглянулся Кероглу и подозвал Болу-бека:
– Болу-бек, смотри, помни, что пока не женишься, меня Хасан-паше не отдавай!
– Почему? – спросил Болу-бек.
– После той шутки, что я сыграю над ним, он дочь свою за тебя не отдаст. Раньше привези девушку в Эрзинджан, а потом выдай меня ему.
Увидел Болу-бек, что они уже покинули пределы Ченлибеля, и сказал:
– Пусть так! Как говоришь, так оно и будет. Но я хочу еще кое-что сделать.
– Что?
– Если я повезу тебя так, никто не поверит, что я поймал тебя. Был бы еще жив Каджар-Алы, они решили бы, что это сделал он. Но ты убил его. Знаешь, что хочу сделать теперь?
– Что?
Болу-бек оглянулся, потом поворотил коня и сказал Кероглу:
– Ты езжай, а я поеду, посмотрю, как там мои войска, вернись и тогда скажу.

Болу-бек прищпорил коня и отъехал назад.
Кероглу продолжал ехать вперед, ни о чем не догадываясь. Отъехав немного, Болу-бек снова поворотил коня. Не спуская глаз с Кероглу, он пустился во весь опор и, молнией налетев на Кероглу, что было силы нанес ему удар мечом по голове.
– Вот, что я хотел сделать, Кероглу!
Меч и обнаженная голова! Лезвие на несколько пальцев вонзилось в голову Кероглу. Алая кровь залила ему глаза и лицо.
– О, предатель! – воскликнул он. – Для чего ты сделал это?
– Чтобы поверили. Теперь мне поверят. Я должен был привезти или твою голову, или твое тело, а теперь везу и голову, и тело. Пусть ты Кероглу, зато я Болу-бек!
– Ты не виноват, виноват во всем я, – только и сказал Кероглу. – Мне и этого мало.
Никто не стал даже перевязывать рану Кероглу. Так и повезли его. Кероглу не на что было больше надеяться. В ту тяжкую минуту только вспомнил он Ченлибель, удальцов, Нигяр-ханум. Обернулся, посмотрел назад. Видит, вдали белеют две снежные вершины Ченлибеля. Защемило сердце Кероглу, и он пропел:

Родимых гор немая череда,
На вас мой снег, внизу мой сад остался,
Мне до его рукою не достать,
На дальней ветке мой гранат остался.

Схватил меня коварный Болу-бек,
Согнули цепи шею мне навек.
Где удальцы, готовые в набег?
Он там, игид – мой верный брат – остался.

Меня объяла смертная печаль.
Ведь извергу меня совсем не жаль.
Увижу вновь я вольный свет едва ль,
На долю мне лишь черный ад остался.

Мой друг, Гырат, душа моя, Гырат,
Кто сядет на тебя, тот будет рад.
Где скакуны копытами стучат?
Где мой Гырат, где мой Дурат остался?

Одно богатство у игид а есть:
Его отвага, мужество и честь.
Но где твоя любимая – невесть,
Ты без Нигяр – не счесть утрат – остался.

Проехали они еще немного. Вдруг навстречу караван. Посмотрел Кероглу и узнал среди купцов своего друга Ходжу-Азиза. Повернулся к нему Кероглу:

Взгляни, мой кровный брат, купец,
Меня увозят тайно.
Паду я жертвой за народ.
Меня увозят тайно.

Конца издевкам злобным нет.
Кто исцелит меня от бед?
Эйвазу передай привет.
Меня увозят тайно...

Я Кероглу, – враги кругом.
Веревкой связан я, узлом.
У Болу-бека стал рабом –
Меня увозят тайно...

Сначала Ходже-Азизу показалось, будто Кероглу говорит, что его тайно увозят к какой-то святыне. Подумал, подумал он и решил было, что, видно, Кероглу сошел с ума и удальцы везут его на богомолье, молить аллаха, чтобы возвратился к нему разум. Долго сокрушался Ходжа-Азиз, но тут увидел, что на голове Кероглу рана, что руки его связаны и следом идет огромное войско, а впереди Болу-бек. Ходжа-Азиз даже прикусил палец:

– О, неразумное сердце! – воскликнул он. – Тут, конечно,

какая-то тайна.

Не мешкая, поручил он караван своим путникам и во весь опор помчался в Ченлибель. Приехал Ходжа-Азиз и понял, что удальцы ни о чем не знают. Не знают даже, где Кероглу. Ходжа-Азиз рассказал им обо всем, что видел. Удальцы остолбенели и никак не могли догадаться, что бы это могло значить. Кто поверил, кто не поверил, один говорил так, другой этак, и не знали они, на что решиться. И вдруг видят идет ашуг Джунун. Но как?! Весь в кровавом поту! Ашуг Джунун только и спросил:

– Где Кероглу?

Ему передали все, что рассказал Ходжа-Азиз. Когда ашуг Джунун услышал об этом, то ударил себя обеими руками по коленям и сказал:

– Пропал Кероглу!

Все в один голос спросили:

– Да объясни толком, что случилось, откуда ты идешь? Что слышал?

– Знайте! – ответил ашуг Джунун. – Я иду прямо из Тогата. Паши идут на Ченлибель. Болу-бек двинулся со стороны Эрзинджана, Араб-Рейхан – со стороны Карса, а сам Хасан-паша – из Тогата. Это приказ султана. Вчера в Тогате я слышал, что войска Болу-бека пошли на Ченлибель.

Удальцы всполошились. Все рвали и метали, не находя себе места от гнева. Окликнул Дели-Гасан Дели-Мехтера и сказал:

– Седлать коней! Я сотворю с Болу-беком такое, что он будет помнить и на том свете.

Начали удальцы снаряжаться в поход. Нигяр сказала:

– Нет, Дели-Гасан! Оставлять сейчас Ченлибель всем нельзя. И потом куда вы поедете? Откуда мы знаем, куда повезет Болу-бек Кероглу: в Эрзинджан ли, в Тогат ли, или прямо в Стамбул? Уедете, задержитесь, а враг тем временем войдет в Ченлибель.

– А что же нам делать? – спросил Дели-Гасан.

– Пусть сначала едет кто-нибудь один, – сказала Нигярханум, – и уж, конечно, не тебе в этот раз ехать. Поедет один из

наших удальцов, разузнает, повыспросит, вернется, тогда решим, как нам быть.

Никто не мог ничего возразить Нигяр-ханум. Только спросили удальцы:

– Кому ехать? Поднялся Демирчиоглу:

– Мне! Я поеду.

Но Нигяр-ханум покачала головой:

– Нет, Демирчиоглу, – сказала она. – И тебе ехать нельзя. Слышал? Враги движутся на нас с двух сторон: от Карса и от Тогата. Каре лежит по эту сторону от нас. А Тогат? Тогат – по ту. Здесь на страже пусть стоит Дели-Гасан, там – ты. Пусть едет кто-нибудь другой.

Тогда поднялся с места Исабала:

– Нигяр-ханум, дозвожь, я поеду.

Все согласились – ехать должен Исабала, Тут же удалец оделся, взял оружие, оседлал коня, сел, распрощался с боевыми друзьями и женщинами. Хотел он уже было тронуться в путь, как Нигяр-ханум остановила его:

– Сначала отправишься в Эрзинджан. Если там нет Кероглу, поедешь в Тогат. А если и там его не будет, проберись в Стамбул. Но смотри, чтобы знать нам вовремя обо всем.

– Все исполню, – сказал Исабала, стегнул коня и поскакал к Эрзинджан.

Теперь оставим Исабалу в дороге, а удальцов готовиться к бою с врагом. О ком бы мне рассказать вам? О Болу-беке.

Болу-бек привел Кероглу прямо в Эрзинджан. Все темницы и подвалы показались ему ненадежными для такого пленника. И бросил он Кероглу на дно глубокого колодца у себя во дворе. А вокруг двора в несколько рядов расставил стражу. И написал Хасан-паше так: «Хасан-паша! Я захватил Кероглу. Сидит он у меня в колодце в Эрзинджане. По договору нашему должно бы мне отправить его к тебе в Тогат. Но прости меня за дерзость: я прошу прислать на один день Дунию-ханум сюда, чтобы она увидела своими глазами Кероглу тут, а затем, на то пусть будет твоя воля, – отвезу его куда прикажешь и когда прикажешь».

Прочитав письмо, Хасан-паша решил, что Болу-бек не доверяет ему, хочет таким путем заполучить Дунию-ханум в Эрзинджан и тогда уже выдать Кероглу. Разгневался Хасан-паша, кровь ударила ему в голову. Хотел было он послание бека разорвать в клочки и отправить фирман о том, чтобы завтра на рассвете Кероглу был в Тогате, да подумал: «Хорошо, сделаю я так, а он возьмет да пожалуется султану, и я из-за девушки навлеку на себя гнев султана».

Хотел или не хотел, а пришлось ему выполнять просьбу бека. Приказал он убрать и разукрасить крытые носилки и отправить под видом недалекого путешествия Дунию-ханум со всей ее свитой в Эрзинджан. А сам сел на коня и отправился в Стамбул, к султану с поздравлениями. Там, решил он, выведать мнение султана, а уж оттуда ехать в Эрзинджан.

Теперь пусть Хасан-паша едет своим путем-дорогою, а мы вспомним о Болу-беке.

Как только дошла до него весть о том, что Дуния-ханум прибудет, он выехал и устроил ей пышную встречу. Торжественно привез он ее в свой дворец.

А Дуния-ханум терпеть не могла Болу-бека. Еще тогда, когда узнала она, что Болу-бек ради нее идет на Кероглу, она порадовалась. «Вот и хорошо, – думала она, – может быть, Кероглу избавит меня от него».

А вышло наоборот! Кероглу, пред кем трепетали паши и ханы, попал в плен к какому-то Болу-беку. Дуния-ханум совсем растерялась и не знала, как быть. Долго раздумывала она и уже решила было броситься к отцу и молить его, чтобы сжалился он над девичьей судьбой. А тут Хасан-паша прислал сказать – пусть готовится она ехать в Эрзинджан.

Теперь представьте сами, каково было Дуние-ханум? Бедняжка была подобна осеннему листку, готовому при первом порыве ветра оборваться и упасть. Что она могла сделать?

Словом, стали надвигаться сумерки. Когда все смолкло и наступила полная тишина, Дуния-ханум встала, распахнула окно и села перед ним. Вскоре она услышала чей-то голос, и вся обрати-

лась в слух. Звуки доносились со двора. Кто-то пел, да так печально-печально, и голос доносился из глубины, будто поднимался он со дна колодца.

Позвала Дуния-ханум служанку и спросила:

– Что это такое? Кто поет в ночную пору?

– Госпожа, это Кероглу, – ответила служанка. – Болу-бек схватил его, привез и бросил тут на дно колодца. Вчера он тоже так пел.

Прислушалась Дуния-ханум и услышала песнь Кероглу:

В горах, в горах мой путь лежит,
Через вершины, ай медед!,
Вот где настгла, Кероглу,
Тебя кончина, ай медед!

Мой меч, где твой небесный свет?
Нет сил, чтоб дать врагу ответ,
Подстилки нет, одежды нет,
Гнетет кручина, ай медед!

Где пика, где мой конь лихой?
Простись со славой боевой.
Где Ченлибель могучий мой?
Моя дружина? Ай медед!

Душа моя в огне сейчас.
Кто может быть несчастней нас?
Приди на помощь, мой Эйваз.
Дождусь ли сына? Ай медед!

Я подстилал ковры под бок.
Кто в битве быть отважней мог?
Исабала, придешь ли в срок?..
Но степь пустынна, ай медед!

Дуния-ханум тихо спросила служанку:

– Можешь ты незаметно отвести меня к колодцу?

Прослезилась от радости служанка и ответила:

– Да буду я жертвой твоею, отведу, и еще как! Встала Дуния-ханум, взяла служанку и пошла к колодцу. Служанка окликнула Кероглу:

– Пожаловала дочь Хасан-паши Дуния-ханум. Она хочет поговорить с тобой.

– Добро пожаловать! – ответил Кероглу.

– Кероглу, – спросила Дуния-ханум, – как могло случиться, что ты, Кероглу, очутился в плену у этого ничтожного Болу-бека?

Вздохнул Кероглу на дне колодца, а служанка у колодца.

– Тому, что случилось, – сказал Кероглу, – уже не помочь. – Как вышло, так и вышло.

– Хочешь, мы пойдем, принесем веревки и вытащим тебя? – спросила Дуния-ханум.

– А сколько вас?

– Двое, – ответила Дуния-ханум. Кероглу рассмеялся:

– Ханум, не только две, а будь вас двадцать две, не хватило бы у вас сил вытащить меня.

– А как быть? Не хочу я, чтобы такой пехлеван, как ты, погиб от руки Болу-бека.

– Ханум, коли вы хотите помочь мне, будьте на страже. И как только услышите, что приехал кто-нибудь из моих удальцов, скажите ему, где я.

– А если никто не приедет, что тогда?

– Того быть не может! Завтра, самое позднее послезавтра, непременно кто-нибудь приедет за мной из Чен-либея.

– Хорошо, а что ты ешь, пьешь? Что прислать тебе?

– Ханум, по полтуши семи баранов, чурек из семи батманов муки, плов из семи батманов рису и семь бурдюков вина : – вот моя еда. Если можешь, пришли.

– Пришлю. Ночью же прикажу приготовить все и к утру пришлю. А завтра вечером приду сама.

Когда Дуния-ханум поднялась, чтоб уйти, Кероглу пропел ей со дна колодца:

Приди, приди, о дочь паши.
Придешь – я буду ждать тебя.
Как утра ясная звезда
Взойдешь – я буду ждать тебя.

Могилу вырой мне скорей.
И пусть Гырат стоит над ней.
Хоть далеко до судных дней –
Но все ж я буду ждать тебя.

Без милой Кероглу невмочь.
На светлом лике кудри – ночь.
Теперь должна ты мне помочь,
Придешь – я буду ждать тебя!

Словом, вернулась Дуния-ханум в свои покои и дала повару деньги на еду. Когда было приготовлено все, что хотел Кероглу, она послала ему поесть и попить.

Теперь послушайте, о ком? Об Исабале.

Светало, когда он добрался до Эрзинджана. Ездил он, ездил по городу, высматривал, да и подъехал ко дворцу Болу-бека. А Дуния-ханум, не сводя глаз с дорога, сидела у окошка. Смотрит она, едет какой-то всадник, и с виду совсем не похож на здешних людей. И по лицу, и по румянцу, и по загару видно, что это житель гор. Подозвала она его и спросила:

– Послушай, молодец, кто ты таков? Откуда едешь и куда держишь путь?

Исабала ответил на вопрос Дуния-ханум так:

Я не видал тут ханов и пашей.
О Кероглу скорей подайте весть.
Я закидаю камнями врагов.
О Кероглу скорей подайте весть.

Как волк голодный вою над врагом,
Предателя я заколю мечом,
Край разорю, возмездья грянет гром.
О Кероглу скорей подайте весть.

Кто знает тяжесть всех моих невзгод?
Лишь мысль о нем в моей душе живет.
Исабала за Кероглу умрет,
О Кероглу скорей подайте весть!

Когда он кончил петь, Дуния-ханум сказала:

– Послушай, не кричи так. Ты все выдашь врагу. Кероглу тут, сойди с коня и иди сюда.

Подъехал Исабала к воротам, а Дуния-ханум выслала ему навстречу служанку. Служанка подросла как раз вовремя. Видит, Исабала пререкается с начальником стражи. А тот не хочет впускать Исабалу во двор, да и все! Служанка бросилась к ним и крикнула стражнику:

– Как ты смеешь не впускать гостя Дуния-ханум? Пусть он войдет. Он едет от Хасан-паши, везет Дуние-ханум письмо.

Начальник стражи не посмел возразить. Служанка провела Исабалу прямо к Дуние-ханум.

Ну, пошли тут приветы, поклоны.

– Кероглу здесь, – сказала Дуния-ханум, – на дне колодца. Но сейчас его не вытацишь. Надо подождать до ночи.

Понял Исабала, что Дуния-ханум говорит дело, и решил ждать. Дуния-ханум усадила Исабалу, поели они, попили, и Исабала прилег отдохнуть немного с дороги.

Спит наш удалец и не ведает, что не успела служанка провести его к Дуние-ханум, как начальник стражи бросился к Болу-беку и рассказал ему об этом.

Смотрит Дуния-ханум, войска окружили дворец и поспешила к Исабале. Отрезала она от своих волос три благоуханные пряди, прижала, как струны саза, к беломраморной груди и пропела:

Подлый враг с четырех сторон –
Чужеземец, проснись, уходи.
Будет в сердце печаль о тебе.
Чужеземец, проснись, уходи!

Исабала вскочил на ноги. Смотрит, и впрямь, войска оцепили

двор. А все же никто не осмелился войти внутрь. Оглянулся он, видит Дуния-ханум плачет. Послушаем, что спел Исабала:

Не рыдай, о Дуния-ханум.
Пусть умру – ни за что не уйду!
За тебя я и жизнь отдам.
Пусть умру – ни за что не уйду!

Дуния-ханум ответила ему:

Там, в ущельях, где мрак и снег
Всех людей с лошадей поверг
И схватил Кероглу Болу-бек, –
Чужеземец, проснись, уходи!

Исабала еще раз спел:

Нет, не быть вековечным злу.
И кого он поверг во мглу?
Видно, он обманул Кероглу...
Пусть умру – ни за что не уйду!

Дуния-ханум повторила:

Много злобных врагов вокруг.
Для меня нет горше разлук.
Жизнь отдам тебе, я – твой друг:
Чужеземец, проснись, уходи.

Исабала стоял на своем:

Храбрецы быть на месте должны.
Меч не надо прятать в ножны.
Льву и сотни лисиц не страшны.
Пусть умру – ни за что не уйду!

Песня окончилась, и Исабала сказал:

– Теперь уже стемнело. Скажи мне, где Кероглу. Подошли они к колодцу. Хотел было Исабала окликнуть Кероглу, но Дуния-ханум остановила его:

– Пстой!

Потом повернулась к колодцу и сказала:

– Кероглу, никто из удалцов не пришел. Как нам быть? Болу-бек хочет сегодня повесить тебя.

– Не говори этого, ханум, – ответил Кероглу. Я своих удалцов знаю. Они придут непременно. Где бы ни были, а придут.

– Кто же из них придет? Назови хотя бы имя его! Кероглу ответил Дуния-ханум песней:

Вновь я доблестных вспомнил сегодня сынов, –
Демирчи, ты сейчас пригодился бы мне!
Искушенные в битвах мои сыновья,
В этот раз и Эйваз пригодился бы мне!

Средь игидов идущий сквозь ночь и туман,
С Арабатов летящий на вражеский стан,
Статный, с львиной повадкой Дели-Гасан
С ясной зоркостью глаз – пригодился бы мне!

Кероглу заслонивший в разгаре боев,
Расправляющий шелк своих черных усов, –
Исабала, семь ломавший подков, –
Самый сильный среди нас – пригодился бы мне!

Исабала не выдержал и крикнул:

– Джан Кероглу, я здесь. Но сейчас не время для песен. Враги окружили нас со всех сторон. Скорей выходи, посмотрим, что будет.

Исабала бросил в колодец конец веревки. В мгновение ока Кероглу выбрался оттуда. Кинулись они к конюшне, вывели коней и сели. Взглянул Кероглу на Дунию-ханум, взглянул на Исабалу и сказал:

– Дуния-ханум, увезу я и тебя. Я сам должен сыграть вашу свадьбу.

Потом обнажил он свой меч и запел:

Смотри, египетский мой меч,
Кинжал лезгинский нов – оберег.
Ты о кольчугу не звени,
Тебя я для врагов сберег.

К противнику приближусь, смел,
Уберегусь от сотни стрел.
Где доблести моей предел?
Я мощь свою, суров, сберег.

Я видел многие места –
И слава шла из уст в уста.
В далеком Ченлибеле, там,
Льва, погляди каков, – сберег.

Ошибся я – печаль в груди.
Но полюбуйся, погляди, –
Вот Арабат, он впереди -
Проворным я его сберег!

Кероглу ринулся на врагов. Едва воины бека завидели Кероглу, как бросились врассыпную. Не даром деда наши говорили, что глаза страшатся того, что видели. А воинам бека пришлось повидать, каков Кероглу в бою. В минуту площадь опустела. Увидел Кероглу, что и Болу-бек собирается улизнуть, подъехал к нему и запел:

Мой Болу-бек, узнай меня.
Я – леопард, твой слышу стон я.
Убью, нет жалости во мне.
Огнем безбожным опален я.

То погружаюсь в толщу вод,
То испытаю тьму невзгод.
Люблю, коль час сраженья бьет,
Услышать стали звон я!

Когда шагаю по хребту –
Душа уходит в высоту.
Пускай оскомина во рту –
Железо грызть рожден я.

Пред Кероглу открыта ширь.
Беру я дань с пашей – и мир
Узнай: я Бабай Эмир,
Хотя уж сед, силен я!

Кероглу с такой силой ударил Болу-бека мечом по голове, что тот, рассеченный надвое, грохнулся на землю.

Увидел это Мехтер-Муртуз и бросился чуть не под копыта Гырату.

– Кероглу, виноват, прости. Как говорится, раб не без вины, господин не без милости. Заклинаю тебя жизнью Эйваза.

– Ну, вставай, пойдем, – сказал Кероглу. Мехтер-Муртуз радостно вскочил с места и пошел впереди Кероглу. Подошли они к Исабале.

– Кероглу, кто это такой? – спросил тот.

– А ты взглядишь хорошенько! Всмотрелся Исабала и сказал:

– Да это же Мехтер-Муртуз!

– Он самый, – ответил Кероглу. – Верно, это Мехтер-Муртуз, указавший путь врагам нашим, предавший меня Болу-беку.

Хотел было Исабала вынуть меч из ножен, но Кероглу не дал.

Тут подъехали Дуния-ханум и служанка на конях. Кероглу спросил:

– Дуния-ханум, а это что за девушка?

– Это моя служанка, – ответила Дуния-ханум. – Если бы не она, не спасти бы нам тебя.

– Вот это дело! – сказал Кероглу. – Я думал, что на этот раз мы вернемся в Ченлибель с пустыми руками, а вышло иначе. Теперь мы возьмем удалцам сразу два подарка.

– Какие два подарка? – спросил Исабала.

Кероглу, указав на Мехтер-Муртуза и служанку, сказал:

– Один из них – вот этот, что отдал меня в руки врагу, а дру-

гой – эта женщина, что меня освободила. Какой же нужен еще лучший подарок для Ченлибеля?!

Словом, Кероглу, Исабала, Дуния-ханум и служанка, прихватив с собой Мехтер-Муртуза, поскакали в Ченлибель. Ехали они до тех пор, пока не доехали до ченли-бельских гор. При виде их сердце Кероглу дрогнуло, слезы навернулись на глаза. Много раз бывал Кероглу на чужбине. Но никогда он не тосковал так по родным горам, как в этот раз. Повернулся он в сторону гор и запел:

Когда-то я устраивал пиры –
Вы братьями моими были, горы.
Когда же подлый недруг наступал –
Сражения происходили, горы.

Громил я шахов, а в веселья час
С красавицами я шутил не раз.
Купцов я часто прятал среди вас, –
И тайн моих вы не открыли, горы.

Я Кероглу, нашел, чего искал.
Сооружал я крепость среди скал,
Ягненка из отары белой брал.
Вы неопроста меня любили, горы!

КЕРОГЛУ В КАРСЕ

Долго ликовали в Ченлибеле, радуясь благополучному возвращению Кероглу из Эрзинджана. Наконец-то у удальцов отлегло от сердца. Они рассказали Кероглу, как ашуг Джунун принес им весть о его злоклочениях.

– А где ашуг Джунун? – спросил Кероглу. – Я его не вижу.

– Мы отправили его в Тогат, – ответила Нигяр-ханум, – разузнать, что замышляет Хасан-паша.

Задумался Кероглу я сказал:

– Надо было послать его в Карс. Хасан-пашу я хорошо знаю. Да и ему известна сила нашего удара. Он не решится пойти на нас. Но Араб-Рейхан – человек смелый и притом он зол на меня.

Когда Кероглу, возвращаясь из Эрзинджана, подъезжал к Ченлибелю, надвигались сумерки. А беседа затянулась далеко за полночь. Наконец поднялся Дели-Гасан и сказал:

– Хватит! Пора разойтись. Кероглу устал, пускай отдохнет с дороги.

Удадьцы разошлись, а Кероглу, подложив под голову бурку, уснул. Только забрезжило утро и солнце еще не успело взойти, а

он уж поднялся. Взяв с собой удальцов, осмотрел он все горные проходы и подступы к Ченлибелю.

Видит, валлах¹, удальцы так укрепили проходы, такие устроили засады, нарыли столько рвов, что какой там Хасан-паша, если даже сам султан соберет воинов со всего света и двинется на Ченлибель, и то ни одна душа не проникнет сюда.

Осмотрел он все, что следовало осмотреть, поручил, что следовало поручить, сказал, что следовало сказать, и позвал Дели-Мехтера:

- Принеси мне одежду ашуга.
- На что тебе она? – спросили удальцы.
- Хочу поехать в Карс. Надо разузнать, что собирается делать Араб-Рейхан.

Как ни убеждали его, как ни упрашивали удальцы: «Оставайся, дескать, пусть едет кто-нибудь другой, ты недавно вернулся, да и нехорошо сейчас оставлять Ченлибель», – ничего не вышло. Переделся Кероглу, вскочил на коня и поехал к Карсу.

Долго ли ехал, коротко ли, не знаю, но только не успел он доехать до подножья горы Аладжалар, как видит из Карса едет какой-то всадник. Всмотревшись пристальней, Кероглу увидел, что это совсем еще юный паренек: о таких говорят, что усики у них лишь начинают пробиваться. «Вот хорошо, – подумал Кероглу, – остановлю-ка его, расспрошу, узнаю, что делается в Карсе».

- Эй, ты, стой! – крикнул он. – Откуда едешь? Юноша остановил коня.
 - Из Карса.
 - Куда держишь путь?
 - В Ченлибель.
 - А что тебе там нужно?
- Юноша смутился, потом подумал немного и сказал:
- Так. У меня небольшое дельце к Кероглу.
- Понял Кероглу, что скрывает тот что-то, и спросил:
- А что тебе до Кероглу? Какие такие у вас с ним дела? Разве ты знаешь его?
 - Знаешь?! – заносчиво ответил юноша. – Да мы с ним дружки-приятели. Я в месяц два, а то и три раза езжу к нему.

Видит Кероглу, что тот хотя и здорово прихвастнул, но как будто парень он не из плохих, наверное что-то важное скрывает. И, решив «будь, что будет», он сказал:

- Я Кероглу! Говори, что ты хотел сообщить.

Тут Кероглу, поняв, что юноша не поверил ему, слегка растегнул ворот, и блеснули под ашугской одеждой доспехи.

– Джан Кероглу, – сказал юноша, – прости меня! Я солгал, что мы приятели. Но сказал я это неспроста.

- Не беда. Говори, что ты хотел сообщить мне.

– Джан Кероглу, меня послала к тебе дочь карского паша, Хури-ханум. Знай – вот уже несколько времени, как туркменец Араб-Рейхан приехал и сидит в Карсе. Собирает он войско, чтоб двинуться на Ченлибель. Карсский паша обещал ему, если он возьмет Ченлибель, выдать за него Хури-ханум. Вот она и отправила меня рассказать тебе обо всем.

Кероглу принялся расспрашивать юношу. Спросило том, спросил о сем, но увидел, что тому больше сказать нечего. Знает он только то, о чем сказал. Задумался Кероглу – как ему быть: вернуться ль назад или поехать дальше? После долгого раздумья он спросил юношу:

- Скажи, есть у тебя в Карсе дом, или какое-нибудь жилище?
- Есть, а что?
- Если случится мне поехать в Карс, можешь ты приютить меня у себя на две-три ночи?

– Кероглу, как можешь ты спрашивать такое? Что я цыган какой-нибудь, чтоб у меня не было дома. Есть у меня и дом и старуха-мать, она может прислужить тебе. Все это, да и я сам в придachu, – твое.

- Тогда повори коня, поедем!

От радости юноша не знал, что и делать. Хлестнув коня, он поскакал вперед.

Юноша впереди, Кероглу следом, к вечеру приехали они в Карс.

- Около мечети юноша остановил коня и сказал:
- Слезай! Я живу здесь.

– Нет! – ответил Кероглу. – Раньше поведи меня к Хуриханум. Я должен расспросить ее обо всем. Может, мне и не придется здесь остаться.

– Воля твоя. Тогда иди прямо по этой улице, а я отведу лошадей в конюшню и вернусь.

Кероглу сошел с коня, отдал поводья юноше и пошел по улице.

Отвел парень лошадей в конюшню, привязал, засыпал им ячменя, потом прошел к матери и сказал:

– Скорей приготовь все, что надо, у меня гость. А я побегу на базар купить чего-нибудь.

– Кто же твой гость, сынок?

– Смотри, только никому не проговорись. Это сам Кероглу! Ну живей!

И юноша бросился догонять Кероглу.

Теперь оставим его бежать и посмотрим, что случилось с Кероглу.

Шел он, шел вдоль улицы и дошел до какого-то богатого дома. Смотрит, стоит у окошка девушка и до того хороша она собою, что, как говорится, брось пить, есть, стой и любуйся ее лучезарной красотой. На вид ей не больше четырнадцати–пятнадцати лет. А сама высокая, стройная, точно кипарис. Брови черные, глаза черные, кудри черные, родинки на лице черные... Эх, будто бы говорит: месяц, – не выходи, выйду я, солнце, – не всходи, взойду я... Такая красавица и Кероглу! Забушевало сердце его, окрылилась, взметнулась душа, прижал он к груди свой трехструнный саз и запел:

Отдать за тебя я готов свою жизнь.

Какого счастливица любимая ты?

При виде тебя мое сердце горит.

Какого счастливица любимая ты?

Вдоль стана распущены волны волос.

И очи сверкают, пронзая насквозь.

Глядишь – и дыхание оборвалось.

Какого счастливица любимая ты?

Влюблен Кероглу в доброй истины путь.

Смотрю, замирая, – как девственна грудь,

А очи – ночей не светлее ничуть;

Какого счастливица любимая ты?

Оставим Кероглу петь. О ком бы рассказать вам? Об этой самой девушке.

А была это ни кто иная, как дочь карсского паши, Хуриханум.

Она приняла Кероглу за ашуга. И только он начал воспевать ее глаза, брови, как Хуриханум поспешила закрыть лицо покрывалом. Черный шелк скрыл розовые щеки. Казалось, туман спустился на вершину горы, покрытую цветущими нарциссами и тюльпанами. Кто оставалось делать Кероглу?

Взял он саз, прижал к груди и запел:

Из-за тюля украдкой смотрящая вслед –

Брось платок, чтоб лицо твое видеть я мог!

Ты, влюбленных сжигающая дотла,

Брось платок, чтоб лицо твое видеть я мог!

Кероглу я, словам своим не изменю.

Я, как легкая бабочка, верен огню.

Я, других не любя, верность милой храню.

Брось платок, чтоб лицо твое видеть я мог!

В это время как раз подошел юноша. Видит он, что Кероглу нашел Хуриханум и порадовался – все вышло так удачно. «Пойду-ка я, не мешкая, на базар, – решил он. – Уже вечерет. Базар закроют, я ничего не сумею достать, и стыдно мне будет перед Кероглу». Откуда ж было знать ему, что они совсем не знают друг друга. Ни Хуриханум не знает Кероглу, ни Кероглу ее.

Подойдя ближе, юноша, первым делом, сложив руки на гру-

ди, почтительно поклонился Хури-ханум. Потом, усмехнувшись, указал на Кероглу, смотри, дескать, какой я молодец, пошел и привел его самого.

– Послушай, кто эта девушка? – опросил Кероглу.

– Да это же Хури-ханум... Дочь паши. А вы еще не знаете друг друга?

Хури-ханум поспешно отошла от окна и вышла на балкон. Только хотела она что-то сказать, как видит, паша вместе с Араб-Рейханом едут на конях.

– Отец и Араб-Рейхан едут, уходите скорей, – только и успела вымолвить девушка.

Хури-ханум вошла в свои покои, а юноша увел Кероглу, и они поспешно скрылись. Когда они подошли к мечети, юноша сказал:

– Джан Кероглу, сейчас паша и Араб-Рейхан в городе. Оставаться тебе здесь нельзя. Прошу, войди в дом, посиди у нас, а я сбегая на базар, вернусь, отдохнем ночью, а утром поглядим, что нам делать.

Кероглу кивнул головой, и юноша провел его к себе. Мать приветливо встретила Кероглу и попросила его присесть. Когда Кероглу уселся, юноша сказал:

– Теперь разреши, я загляну на базар и тут же вернусь.

Он вышел из дому.

Теперь оставим Кероглу отдыхать. О ком же рассказать вам? О юноше.

Когда он пришел на базар, лавки уже закрывались. Бросился он в одну лавчонку:

– Дядя, отвесь мне поскорей два батмана рису! У меня гость.

Закинув мешок с рисом за спину, поспешил он к мяснику. Видит, у мясника отличное мясо, но там давка. Стал юноша, расталкивая покупателей, прокладывая себе дорогу. Кого толкнул, кому дал пинка, рассердился кто-то и сказал:

– Что случилось? Не светопреставление, наконец? Подожди немного!

– Не могу ждать, – ответил юноша. – Мне надо купить еще кое-что, а лавки закрываются. У меня гость.

Тот сказал:

– Ну и что ж, что гость? Не с неба же он свалился.

Как ни бранили его все, юноша ничего не слушал и, отругиваясь и препираясь, протиснулся в лавку.

Рассердились люди на его грубость и сказали мяснику, чтобы он не давал ему мяса. Заупрямился мясник. Как юноша ни просил, ни молил, тот заупрямился, и все тут.

– Нельзя, говорю, значит нельзя. Отпущу всех этих людей, тогда дам и тебе.

Отчаявшись, юноша нагнулся к мяснику и шепнул ему на ухо:

– Несчастный, если б ты знал, кто у меня в гостях, ты бы так не поступал.

Мясник был большой шутник и насмешник.

– Кто же у тебя в гостях? – спросил он. – Скажи, и я тотчас отпущу тебя. Араб-Рейхан? Или, может быть, сам паша?

– Ни тот, ни другой, – ответил юноша. – Пожалуй, скажу, но только, чтобы никто не знал, гость мой – Кероглу!

Мясник расхохотался:

– Слышите, оказывается, у него в гостях Кероглу. Все рассмеялись, а мясник сказал:

– Сейчас отпущу тебе. Сколько же мяса надо? Четверть фунта или золотников пять–шесть?

– Что за четверть фунта? – удивился юноша. – Я тебе дело говорю. Давай батман!

Видят, нет, юноша не шутит. А на спине у него мешок. Словом, мясник взвесил мясо. И пошел по городу слух, что Кероглу в Карсе и гостит в доме такого-то. Кто поверил – поверил, а кто не поверил, начал судачить. Еще отцами и дедами сказано, что раз тайна вышла из-за зубов, удержать ее невозможно. Слух этот разнесся с быстротой молнии. Передавался из уст в уста, из уст в уста и дошел, наконец, до Араб-Рейхана и карского паши.

Едва услышав об этой новости, паша вскочил и сказал Араб-Рейхану:

– Собирай войско, пойдём и схватим его!

– Нет! Не забудь, что это Кероглу, – ответил Араб-Рейхан. –

Схватить его не так просто. Он перебьет все войско и ускользнет.

– Что же тогда делать?

– А ты и виду не подавай. Будто мы об этом ничего и не слышали. Пускай стемнеет. Когда все уснут, в полночь, возьмем войско и захватим его в постели. Иначе с ним ничего не поделаешь.

По приказу Араб-Рейхана войска сплошной стеной окружили город. Он приказал, чтобы до самого утра не выпускать и не впускать в город ни одного человека.

Словом, войска оцепили город, а паша Араб-Рейхан стали ждать. Когда же наступила ночь, они взяли своих воинов и напали на дом юноши.

Кероглу спал крепким сном и вдруг почувствовал, что несколько человек навалились на него. Быстро вскочив, повалил он одного в одну сторону, другого в другую, смотрит – дом полон людей. Оглянулся по сторонам – видит, ни меча нет подле, ни пики. И начал работать кулаками. Свалил одного, другого, пятерых, десятерых, видит – нет, ничего не получится. Бросился, вырвал у одного из нападавших меч и двинулся на врагов. Наконец, кое-как ему удалось выбраться наружу. Смотрит, и двор полон. Все пути отрезаны. Темень, а место незнакомое. Бросился он, куда глаза глядят. Сколько шел, как шел, сам не помнит, только смотрит – вдруг перед ним дверь. А враги идут по пятам. Делать нечего толкнул он дверь, прошел внутрь. А то оказался ход в минарет. Ну что было делать? Войско же, как будто знали все, – тотчас остановились у калитки. Кероглу только успел прикрыть ее, протянул руку, выворотил из лестницы, ведущей на минарет, два–три больших камня и завалил ими дверь. Потом, не останавливаясь, начал подниматься на минарет – посмотреть, что делается внизу.

Дошло до Араб-Рейхана, что Кероглу поднялся на минарет.

И он приказал войскам окружить минарет. Кероглу на минарете, войска внизу стали дожидаться утра.

Оставим их там в ожидании, а я расскажу вам о нашем юноше, хозяине дома.

Когда поиска заняли двор, он все понял. Догадался, что паша

проведал о том, что Кероглу у него. Не растерявшись, в темноте, он незаметно выбрался наружу и что было сил, бросился бежать. Как говорится, да поразит гнев имама того, кто не будет шибко бежать. Бежал он, бежал и прибежал в покои Хури-ханум.

Та тоже не спала. Только она увидела юношу, как спросила:

– Что случилось? Почему поднялись войска? Или они узнали что-нибудь о Кероглу?

Юноша рассказал ей все.

– Хорошо, что ты убежал, – заметила Хури-ханум. – А то тебя тоже схватили бы... Только скажи по правде, ты никому не проговорился, что Кероглу в городе?

Приздумался юноша и только теперь сообразил, что всему виной он сам. Тут чистосердечно признался он Хури-ханум о том, что говорил мяснику, что сказал мясник тем, кто был в лавке, – словом, передал все от начала до конца.

Хури-ханум молча опустила голову. Увидел юноша, что она так сердита, так сердита, что, как говорится, кольни ножом, и кровь даже не покажется.

Поднялся он с места и сказал:

– Пойду. Пусть схватят и меня и нас обоих повесят вместе. Такого бесчестья я не снесу, чтоб из-за меня мой гость был схвачен, а я остался в живых.

– Что с того, что ты пойдешь, и тебя тоже схватят? Какой от этого будет прок Кероглу?

– Что ж мне делать?

– Ступай и жди. Когда наступит утро и отзовут войска, оцепившие город, сядешь на быстроногого скакуна, помчишься в Ченлибель и расскажешь там обо всем.

Совет этот показался юноше разумным. Он поспешил на окраину города, спрятался и ждал до тех пор, пока не отперли городские ворота. Сел он тогда на коня и выехал за город.

Теперь оставим бедного парня в пути, а я расскажу вам о Кероглу.

Когда постепенно начало светать, видит он, что стоит на высоком минарете, а тот минарет со всех четырех сторон окружен

войсками. И нет перед Кероглу ни пути, ни выхода. Как быть? Спуститься? Но у него ни оружия, ни коня. Остаться тут? Но сколько можно здесь оставаться? Защемило у него сердце вспомнил он своих удалцов и запел:

Мой египетский меч в чужеземных руках!
Ваш задор удалой, о игиды, мне нужен!
Чтоб тела обезглавить, чтоб головы сечь –
Меч, враждебною кровью омытый, мне нужен!

Осушающий полную чашу легко,
Не боящийся недругов, бьющий клинком,
Как тростинку, ломающий вражье древко –
Мой Эйваз, мой боец знаменитый мне нужен!

Всадник тот, что всегда услужить мне готов,
Мне служивший, как брат, средь боев и пиров,
Поднимающий восемьдесят пудов –
Демирчиоглу с сердцем открытым – мне нужен!

Ты – мой Дели-Гасан, весь закованный в сталь,
На врага уходящий в полночную даль,
Приносящий противнику смерть и печаль,
Льющий кровь, а не воду на пол, – ты мне нужен!

Кероглу призывает Сафара² опять.
Горьким бедам и мору конца не видать.
Видно снова придется врагов убивать
Мудрый друг, сединою покрытый, мне нужен!

Пока Кероглу пел, начала заниматься заря. Стало светло. Туман рассеялся. Посмотрел Кероглу с вершины минарета в сторону Ченлибеля, но как ни всматривался, что ни делал, увидеть Ченлибель ему не удалось. Казалось, горы нарочно загородили его, и пропел Кероглу:

Спустилась с неба пара журавлей
Меж гор, что стали от луны белей.
Любимая с любимым в ссоре – ей
Как мне помочь, когда она вдали?

Пусть золотое яблочко чуть-чуть
Надкусит – серебром ему блеснуть.
О если бы к Нигяр открылся путь,
В любимый край, там, где весна вдали!

На сердце Кероглу темным-темно.
Кипит оно – и горечи полно,
С друзьями целый век разлучено, –
Меж нами та гора, темна, вдали...

Когда же стало совсем светло и наступил день, солнце взошло и разлило сияние по горам, вдали, наконец, сверкнули снежные вершины Ченлибеля. Это еще больше опечалило Кероглу:

На вершинах далеких гор
Утром глыбами снег покажется.
Ни друзья мои, ни Ченлибель,
Ни любимая мне не кажется.

Всюду пики, стрела и лук.
Удалцов моих нет вокруг.
Я один, замыкается круг,
Но позором – бежать мне кажется.

Мое сердце – в дыму, в беде.
Заклинанья к чему в беде?
И Эйваза не видно нигде.
Мир теснее вдвойне мне кажется.

Серна с гор спустилась вдали...
Видеть милую силушь вдали.
Нет, не сокол над ликом земли –
Хищник там, в вышине, мне кажется.

Кероглу сам себе не рад.
Не смеется, не знает отрад.
Может быть, на ветке гранат
В милой мне стороне покажется?

А Араб-Рейхан только радовался, слыша как печально поет Кероглу. Вместе с пашой подошел он к минарету и окликнул Кероглу:

– Доброе утро, Кероглу! Аллах никогда не допустит, чтоб долг остался непоплатенным. Все-таки попался ты ко мне в руки!

– Араб-Рейхан, – ответил Кероглу, – у тебя со мной свои счета. К чему ты собрал сюда все это войско? Дай мне дорогу, я опущусь, и мы с тобой сразимся.

– Нет, Кероглу! Во второй раз я себя провести не дам. Если я позволю тебе сойти оттуда живым и невредимым, то все назовут меня дурнем.

– Что же ты думаешь делать?

– Думаю, что тебе нужно сдаться. Пусть там, наверху, тебе свяжут руки и спустят вниз.

– Согласен, сдаюсь. Иди свяжи мне руки.

– Нет, не я! Я туда подниматься не стану.

– Ну что ж. Кто хочет, пусть идет!

Видит Араб-Рейхан, что сказал глупость. Никто не осмелился подняться наверх. И приказал он тогда, чтобы пришли лучники.

Понял Кероглу, что Араб-Рейхан собирается осыпать его стрелами, и сказал:

– Послушай, я считал тебя умным человеком, а ты, оказывается, совсем поглупел. Что мне твои стрелы, если я могу в любую минуту скрыться в минарете?

Видит Араб-Рейхан, нет, и эта его затея никуда не годится, Кероглу прав. Тогда он сказал:

– Ладно, пусть будет так. Зря расходовать на тебя стрелы не будем. Сиди себе там, а мы постоим тут.

Кончится тем, что ты умрешь от голода и жажды, а мы завладеем твоим трупом.

«Да, дело скверно, – сказал себе Кероглу. – Тут и впрямь умрешь от голода и жажды». И задумался он, как быть. После долгих раздумий, понял – остается одно: крепко припугнуть всех их, и сказал:

– Неужто по-твоему я так глуп, что один-одинешенек приду сюда? Сейчас мой гонец достигнет Ченлибеля. Вскоре все семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов окружают Карс. Посмотрим, как вы тогда запоете?!

Задрожали от страха паша и Араб-Рейхан. Паша точно очнулся от сна.

– Эй, посмотрите, куда девался этот негодяй, сын старухи, – крикнул он. – Что-то я не вижу его. Наверно, его-то он и послал в Ченлибель.

Стали искать юношу. Бросились туда, сюда. Какое там! Где было найти его? Пропал он, и все. Дело было ясно. Пристал паша к Араб-Рейхану:

– Скорей, придумай что-нибудь! Если его удальцы налетят на город, они камня на камне не оставят!

По-приказу Араб-Рейхана пришли землекопы с лопатами и кирками.

– Сройте минарет сейчас же, – приказал он. – Тогда или Кероглу со страху сдастся, или же свалится он вместе с минаретом и убьется. А тогда говорить с удальцами будет легче.

Принялись землекопы рыть вокруг минарета. Видит Кероглу, что дело плохо. Но, подумав немного, решил: «Не беда! Пускай себе роют. Когда я увижу, что минарет вот-вот упадет, спущусь и стану вниз, у двери. Посмотрим, кто из нас потом пожалеет. Но уж если выберусь отсюда живым, то я знаю, что мне делать!»

Оставим землекопов работать кирками и лопатками, а Кероглу ждать наверху, послушайте, расскажу я вам о юноше.

Он сказал так, что, когда подъезжал к подножью Ченлибеля, конь под ним пал. Вышли удальцы из засады, схватили его и привели прямо в Ченлибель.

– Кто ты? Откуда едешь? – спросил Дели-Гасан. Юноша рассказал от начала до конца все, как было и стал плакать и молить:

– Скорей! А то Кероглу убьют!

Удальцы сказали Нигяр-ханум:

– Нигяр-ханум, решай, слово за тобой. Скажи, что делать?

– Покидать всем Ченлибель сейчас нельзя, – ответила она. – По-моему, надо поступить так: Дели-Гасан с тысячей удальцов останется на своем месте и Демирчиоглу с тысячей удальцов на своем. Остальные же, во главе с Эйвазом, пусть едут выручать Кероглу.

Потом повернулась к Дели-Гасану:

– Что ты скажешь?

И Дели-Гасан, и Демирчиоглу, и Эйваз – все согласились с Нигяр-ханум. Удальцы мгновенно вскочили на коней. Дали коня и юноше, и он поскакал впереди.

Ехали, ехали и, наконец, доехали до окрестностей Карса.

– Сток! – крикнул Эйваз. – Если так мы войдем в город, Кероглу могут убить.

Отделил Эйваз семьсот удальцов, и каждую сотню поставил под начало храбрейшего из них. Одну сотню взял себе. Остальным же удальцам приказал оцепить Карс и ждать, а в разгар боя ворваться в город.

Семьсот удальцов, шесть вожаков, Эйваз и юноша с мечами нагло двинулись на город. Не дав страже перевести дух, ворвались они прямо на улицы. Каждый отряд двинулся по одной из улиц, а сам Эйваз, взяв с собой юношу с сотней отборных удальцов, пошел по главной. И какая же, как бы вы думали, это была улица?

Да та самая, по которой шел накануне Кероглу и увидал Хури-ханум. Проехали они немного, и показался дворец Хури-ханум. Увидел юноша, что она стоит у окна и не сводит глаз с дороги. Тотчас он хлестнул коня и подскакал к окну.

– Хури-ханум, дай муштулуг, я привел самого Эйваза вместе с удальцами. Сейчас Араб-Рейхану покажут такое, что...

Посмотрела Хури-ханум, видит скачет отряд всадников с мечами наголо и каждый из них стоит тысячи бойцов. А впереди несется юноша, прекрасный как ясный месяц. И поняла она, что это Эйваз. Хури-ханум немало слышала о нем, только никогда не

видала его. Смотрит, о аллах, это такой красавец, такой красавец, что никакой Юсиф не может сравниться с ним. И будь у нее не одно, а тысяча сердец, всеми влюбилась бы в Эйваза. Отделила она три локона от своих черных как ночь волос, прижала их к высокой груди и пропела:

Скажи, как ты попал сюда,
Прославленный Эйваз?
Не хочет меч держать в ножнах
Прославленный Эйваз.

Волнение сердца – как река,
Что безгранична, широка.
Хан дрогнет, побегут войска,
Прославленный Эйваз.

Пришел ты с горестью какой?
Пусть будет на душе покой.
Тебя Хури введет в покой,
Прославленный Эйваз!

Тогда Эйваз ответил:

Из дальних стран приехал я,
Не спрашивай меня.
Остался я на полпути,
Не спрашивай меня.

Пришел за розой соловей.
От горя вяну, все желтей.
Я – раб, где свет души моей?
Не спрашивай меня.

Султанов обрекаю злу.
Развею пепел и золу.
Эйваз, ищу я Кероглу,
Не спрашивай меня!

Теперь послушайте о Кероглу.

Землекопы так подрыли минарет, что с минуты на минуту он мог рухнуть. Видя это, Кероглу спустился и стал у самого выхода. В ту минуту до его слуха донесся чей-то голос. Вслушавшись, он узнал, что поет Эйваз. Все было забыто. Исчезли страхи и опасения. Поднялся Кероглу на самую вершину минарета, издал от радости свой боевой клич и пропел:

Слава тебе, аллах, –
Это Эйваза голос.
Вспомнил он обо мне,
Это Эйваза голос.

Вступить он в бой спешит.
Глаз кровью налит, косит.
Разгневан и зол игид.
Это Эйваза голос.

Руки свяжет – узел к узлу,
Врага повергая во мглу.
Он не забыл Кероглу –
Это Эйваза голос!

Не успел Кероглу допеть, как в городе началось настоящее столпотворение. Обернулся Араб-Рейхан, посмотрел, о аллах, летит отряд всадников с обнаженными мечами, да так, будто стая соколов налетает на плещущихся в озере уток и гусей. Побежал он в другой конец площади, чтоб созвать начальников отрядов. Смотрит, такая же сотня мчится и с той стороны. Обернулся, видит третий отряд обратил в бегство триста-четыреста его воинов, теснит и преследует их по пятам.

Растерялся Араб-Рейхан, не зная, что делать. В эту минуту подъехал к нему карсский военачальник и крикнул:

– Чего ты медлишь? Удальцы живой стеной окружили город. Спасайся!

– Вижу. Пускай идут, – ответил Араб-Рейхан. – Ты с войском будь наготове. Как только они войдут в город, ты ударь им в тыл!

– Куда ударить в тыл! Посмотри, что делается?! Пять–шесть тысяч удальцов оцепили город. Да это только первые вестники!

Смотрит Араб-Рейхан удальцы уже окружили площадь.

В это время раздался боевой клич. Обернулся Араб-Рейхан, видит, скачит отряд, а впереди Эйваз. Эйваз тотчас узнал Араб-Рейхана и крикнул:

– Или сейчас же выдай нам Кероглу, или я сровню город с землей и вывезу ее в мешках.

Но и Араб-Рейхан был храбрым игидом. Вышел он вперед и сказал:

– Эйваз, смотри, вон Кероглу на минарете!

Поднял Эйваз голову и увидел Кероглу.

– А теперь смотри сюда! – и Араб-Рейхан протянул палец к подножью минарета.

Увидел Эйваз – минарет вот-вот рухнет, а двести землекопов с кирками и лопатами только и ждут приказа Араб-Рейхана.

– Кероглу в моих руках, – сказал Араб-Рейхан. – Стоит мне сделать знак – и минарет рухнет. Ты приехал освободить Кероглу. Так давай лучше не будем уничтожать наши войска. Сразимся сами на этой площади. Если ты одолеешь меня, пусть и Кероглу и все остальное будет в твоей воле. Делай, что хочешь. Если одолею я, тут уж дело мое, как захочу, так и поступлю.

Посмотрел Эйваз на Араб-Рейхана, поднял голову, посмотрел на Кероглу и, повернувшись, увидел, что Хури-ханум пришла, стала на площади и смотрит на них. Казалось, весь мир пошел кругом перед глазами Эйваза. Испустив боевой клич, прошелся он по площади.

Кероглу смотрел с минарета. Видит он, что Эйваз собирается схватиться с пехлеваном. Кероглу хорошо знал силу и повадки Араб-Рейхана. Знал он, что Эйвазу с ним не справиться и крикнул что было силы:

– Эйваз, не начинай боя. Если он игид, пускай сразится со мной.

Но какое там! Эйваз не услышал ничего, и крикнул снова тогда Кероглу:

– Послушай, Эйваз, пусть минарет рухнет, со мной беды не случится. Не бойся, пускай делают, что хотят!

Но разве Эйваз слышал что-нибудь? Обратился он в разгоряченного львенка, кусающего цепь. Пройдя вокруг площади, остановился он перед Араб-Рейханом и запел:

Коль смел ты бой начать, паша, –
Теперь сразимся – ты и я.
Узнаешь силу ты мою,
Теперь сразимся – ты и я.

Возьму я пику, нравом крут.
Пусть должное нам воздадут.
Лицом к лицу мы встанем тут,
Теперь сразимся – ты и я.

Считаю глупой речь твою.
Знай, я тебя сражу в бою
И кровь твою мечом пролью;
Теперь сразимся – ты и я.

Друзей я должен отличать
От недругов – не мне ль бежать?
Хочу я нынче бой начать –
Теперь сразимся – ты и я.

Эйваз я, смело я стою.
Сердца я злые разобью.
Ты ж – покажи себя в бою –
Теперь сразимся – ты и я!

Окончив песню, Эйваз пустил коня. И Араб-Рейхан пустил своего коня. Увидел Кероглу, что тут уж ничего не поделаешь, издал боевой клич и пропел:

Когда на Дурата садится Эйваз –
Птицы в небе летать не должны.

Все, кто в час поединка к нему попадут, –
На колени пред ним стать должны.

Налетит на врага – тот не кажет лица,
В город вступит–разрушит его до конца,,
Ханы падают ниц: ведь удар храбреца
Храбрецы отражать должны!

Он отважен – в глазах его блещут огни,
Перед тем, кто изведаль тяжелые дни,
Кто прошел и Шаму, и Мисру, – лишь
одни

Смельчаки устоять должны!

Словом, Араб-Рейхан и Эйваз схватились. Дротики и булавы не привели ни к чему. Взялись оба за мечи. Мечи переломились и выпали из рук, подняли они пики, пики не помогли, тогда, сойдя с коней, схватились они врукопашную.

Точно змеи обвили они друг друга. Словно плугом взрыли всю площадь. Эйваз еще юный, не успевший узнать всех уловок, и Араб-Рейхан, старый пехлеван, побывавший во многих переделках. Как говорят, в пехлеванской науке для него не осталось ни одного темного уголка. Многих прославленных богатырей одолел он снискав тем и себе славу.

Улучив минуту, схватил он Эйваза за плечо и стиснул жилы. Потемнело в глазах у Эйваза. Весь мир закружился перед ним. Увидел Кероглу, что Эйваз пропадает. Не выдержало сердце его. Крикнул Кероглу так, что содрогнулись горы и скалы, и пропел тогда он:

Жизнь и душа моя, Эйваз
Взгляни, не опуская глаз,
Чтобы в сердца друзей сейчас
Вошла печаль – не допусти!

Потом обернулся к стоящей на площади Хури-ханум и пропел:

Стоит она, как горный хан,
И смотрит, смотрит как султан.
Как хищный сокол, сквозь туман,
В бой, где сверкает сталь, – пусти.

Клинок сверкает впереди.
Закрыты другу все пути.
Я Кероглу, чтобы в груди
Была печаль – не допусти.

Слова Кероглу словно влили силы в Эйваза, и он вырвался из рук Араб-Рейхана.

Восторженные крики удальцов понеслись к небу. Прошелся Эйваз вокруг площади и пропел:

Кероглу отдал приказ –
Должен, должен я твою
Голову разбить сейчас,
Должен, должен я твою.

Как у волка – щелк зубов.
Саблею пролью я кровь,
И потом отнять любовь
Должен, должен я твою.

Я – Эйваз, мне – побеждать.
Услужу Хури опять –
И забвению предать
Должен имя я твое!

И словно разъяренный лев, накинулся он на Араб-Рейхана. С первого же удара простер его на землю.

Не давая опомниться, сел ему на грудь и теперь сам стиснул, как тисками, плечи Араб-Рейхана. На губах Араб-Рейхана выступила пена. Увидел это Кероглу и пропел:

Попал ты в страшную беду.
Арабоглу³, Арабоглу!
Окутал саваном себя
Арабоглу, Арабоглу!

Без дани будет жизнь плоха,
Без жизни и земля глуха.
Ты – плен, ты – нечисть, ты – блоха,
Арабоглу, Арабоглу.

Ты Кероглу теперь узнал,
И род его, поверь, узнал,
С тобою шутку я сыграл,
Арабоглу, Арабоглу!

Эйваз, выпустив вдруг плечи Араб-Рейхана, схватил его за пояс. И крикнув: «Уповаю на твою помощь!», поднял Араб-Рейхана на воздух, со всего размаха бросил наземь и снова сел ему на грудь.

Вся площадь пришла в ликование. От криков восторга звон стоял в ушах.

Посмотрел Кероглу с высоты минарета на Араб-Рейхана и запел:

На вершинах высоких гор
Непогода, туман бывают.
Снег идет и сугробы лежат,
Злые ветры, бураны бывают.

Коль силен, благороден игид,
Коль рука у него не дрожит
И скакун у него знаменит –
Острый меч и багряным бывает.

Если друга свойского нет,
Полководца у войска нет
И сражений геройских нет –
Горе поздно иль рано бывает.

Хищный сокол летит, высок,
Он охотится у осок.
Кто в краю чужом одинок,
Тот несчастен, обманут бывает.

Не кичись, не ярись, подожди,
Острый камень не жми к груди,
На ристалище не выходи –
Стан могучее стана бывает!

Кероглу сделал знак Эйвазу. Тот вынул кинжал и приставил его к горлу Араб-Рейхана. Потом обернулся к Кероглу, узнать, чего он хочет.

Кероглу сказал:

– Эйваз, как-то раз в честном бою я победил его и подарил ему жизнь. А он предательски поступил со мной. Предателям же нет на земле места!

Эйваз не стал больше ждать. Вонзив острие кинжала, он в одно мгновение отделил голову от тела Араб-Рейхана.

Тотчас удальцы открыли дверь минарета. Кероглу вышел на площадь.

Войска Араб-Рейхана, видя своего предводителя мертвым, сдались.

Удальцы вступили в город. Как ни искали пашу, найти не могли. Он, как говорится, обратился в кусок сдобного теста и выскользнул из рук.

– Не беда, – сказал Кероглу. – Это тоже особая храбрость. У таких людей десять доблестей. Девять из них – бегство, а десятая – умение вовсе не попадаться на глаза. Не ищите его больше!

Словом, сели удальцы на коней. Все были наготове. Кероглу приказал, и отряды двинулись. Смотрит Кероглу только Эйваз не сел на коня, и как будто не думает садиться. Он спросил:

– Эйваз, чего ты ждешь?

Эйваз промолчал. Кероглу спросил снова. Эйваз опять ничего не ответил. Когда же Кероглу спросил его в третий раз, взял

Эйваз саз, обвел глазами площадь, остановил взгляд на одной ее стороне и спел:

На вершине высокой горы -
Мне снежок розоватый видится.
Голубоглазая мне
В одежде крылатой видится.

К дому друга я подхожу,
На груди шнурки развяжу;
Я устами ее дышу –
На груди два граната видятся.

Обернулся Кероглу, взглянул в ту сторону, куда смотрел Эйваз, и что же видит? Хури-ханум рассыпала свои шелковые кудри вдоль стана, опустила голову на плечо и смотрит так печально, так печально, словно раненая газель. Понял все Кероглу и задумался, как быть, а Эйваз закончил песнь:

Я Эйваз, не сдержат тоску,
Не щеголять мне больше в шелку,
В Ченлибеле гулять не смогу –
Мир, тискамы зажатый, видится...

Все стало ясно для Кероглу. Тут и думать было больше не о чем. Хлестнул он коня и, проезжая мимо Хури-ханум, протянул руку, поднял ее на скаку, усадил на коня и поехал. Эйваз мгновенно сел на своего коня и поскакал следом.

Словом, выехав из города, удальцы поехали в Ченлибель.

Не успели они проехать немного, как видят, едет по дороге юноша, на крупе его коня сидит еще кто-то. Поравнялся с ним Кероглу и спросил:

– Куда ты, приятель?

– В Ченлибель, – ответил тот. – Оставаться в Карсе мне теперь нельзя.

– А кто же это с тобой на коне?

– Мать моя. Мы переезжаем к вам навсегда.

Словом, где прямой дорогой, где обходным путем, приехали все в Ченлибель.

Тут уж была встреча, так встреча! Радовались все, обнимались...

Приказал Кероглу, и у ног Хури-ханум было заколото семьсот семьдесят семь жертвенных баранов.

– Я должен, – сказал Кероглу, – сыграть Эйвазу такую свадьбу, какой еще никто не видывал.

– Кероглу, сейчас не время играть свадьбу, – возразили удалыцы.

– Нет, сейчас как раз время. – ответил Кероглу. – Хасан-паша собирался сделать дело руками Болу-бека и Араб-Рейхана. Болу-бека я разрубил пополам и привез его невесту Дунию-ханум. Отправив Араб-Рейхана в преисподнюю, привез Хури-ханум. Разгромлю Тогат и привезу в Ченлибель самого Хасан-пашу.

Началась свадьба. Собрались все. Увидел Кероглу, – Эйваза нет, и спросил:

– А где Эйваз?

– Таков обычай, – ответил Дели-Гасан. – Ты его отец. Пока ты не разрешишь, он не придет:

Прижал Кероглу к груди свой саз и пропел:

Позовите Эйваза, пускай он придет,
Дайте чашу, еда пусть с приправою будет.
Дайте нарды скорее, начните игру,
Бросьте кости – нам это забавою будет.

В рост Эйваза сошью я богатый халат –
Был всегда им доволен и нраву был рад.
Заколите баранов, костры пусть дымят,
Ешьте, пейте – веселье пусть славное будет.

Пусть высокие горы не тонут во мгле,
Подозрения тень не лежит на челе.
Дам пятьсот я туманов тому, в чьем седле
Голова будет биться, кровавою будет!

Дели-гасан и Демирчиоглу привели Эйваза. Посмотрел Кероглу на него, на его рост, стан, наряд, оружие и, конечно, на журавлиное перо на шапке.

Взыграло его сердце. Прижал он к груди свой саз и запел:

Наряден, разоделся ты
В зеленое и алое, Эйваз.
Из-за тебя, из-за твоей красоты –
Сраженья небывалые, Эйваз.

Что месяц! Лик твой – красота,
Завидно солнцу неспроста.
Что сахар, коль сладки уста –
В нем сладость малая, Эйваз.

Я, Кероглу, силен в борьбе.
Иду я по прямой троне.
Да буду жертвою тебе,
Богатство жалую, Эйваз.

Кероглу указал Эйвазу место. В эту минуту пришли сказать, что Нигяр-ханум просит разрешения привести Хури-ханум.

Кероглу разрешил. Женщины ввели Хури-ханум. Взглянул Кероглу и увидел, что она несколько не уступает Эйвазу. Нигяр-ханум так нарядила, так разукрасила Хури-ханум, что и не рассказать.

Увидев Кероглу, Хури-ханум зарделась и быстро убрала чолку⁴. Поднялся Кероглу, взял саз, вошел в круг и запел:

Хури, коль аллаха чтишь –
Пусть кудри твои ниспадают.
Не опускай их вдоль спины –
Пусть кудри твои ниспадают.

Ты – как лебедь, – и сто храбрецов
За тебя бы пролили кровь.
Не забудь же моих ты слов:
Пусть кудри твои ниспадают.

Кероглу я, свет моих глаз,
Чтобы дружба роднила нас
При муже таком, как Эйваз,
Пусть кудри твои ниспадают.

Рассказывают, что свадьба Эйваза длилась ровно сорок дней и сорок ночей. В день, когда Хасан-паша устроил поминки по Араб-Рейхану, Эйваз и Хури-ханум достигли желанного.

КЕРОГЛУ В ДЕРБЕНДЕ

О чем бы поведать вам теперь?

Послушайте, что расскажу я вам о молодости Кероглу.

Дело это было давнее. Еще тогда, когда только-только подружившись с Дели-Гасаном, вместе с ним вил он себе гнездо в Ченлибеле. Удальцы лишь начинали слетаться на их зов. В ту пору Кероглу еще не ездил в дальние края. Но Ченлибель стоял на караванных путях, и слух о нем люди успели разнести повсюду. И имя Кероглу уже было везде известно.

Однажды удальцы собрались вокруг Кероглу. Каждому лестно было рассказать о том, что ему довелось видеть или слышать. Рассказал один, рассказал другой, очередь дошла до удальца из Железовратого Дербенда.

– Ну, а ты о чем поведаешь нам? – спросил его Кероглу. – Говорят, Железовратый Дербенд славный город.

– И правду говорят, Кероглу, – ответил удалец. – О, Дербенд – это не простой город! Но сколько ни есть там редкого и прекрасного, а ничто не может сравниться с Мовминэ-ханум.

- Что это за Мовминэ-ханум?
- Она дочь дербендского Араб-паши.

Удалец так расписал Мовминэ-ханум, что Кероглу, даже не повидав ее, полюбил всем сердцем.

Когда удалцы разошлись, Кероглу, оставшись наедине с Дели-Гасаном, открылся ему.

- Что же, следуй велению сердца, — сказал Дели-Гасан.

Поднялся Кероглу, надел доспехи, взял оружие, вскочил на Гырата и поехал прямо в Дербенд. А Ченлибеля и удалцов поручил Дели-Гасану.

Что ни день, то новый привал, что ни ночь, то новая стоянка, перевалил он через горы, промчался сквозь леса, перемахнул через доли и, наконец, доехал до Дербенда. Город показался ему хорош. Верхом на коне ехал он по улицам, посматривая вокруг.

Видит народ, клянусь аллахом, приехал в город богатырь, да какой! Точно сын Рустам-Зала. Разнеслась по городу эта весть. Всполошились все. Собрался народ поглазеть на Кероглу. Слух о нем достиг и ушей Араб-паши. Послал Араб-паша своего визиря:

- Ступай, позови его к нам.

Визирь пошел, разыскал Кероглу и привел к паше. Тот усадил Кероглу и спросил:

- Отвечай, игид, кто ты? Зачем приехал сюда?
- Араб-паша, — ответил Кероглу, — зачем я приехал, так просто не расскажешь. Разреши, скажу об этом под звуки саза.

Араб-паша сказал:

- Говори!

Прижал Кероглу к груди свой трехструнный саз и запел:

Араб-паша, я так тебе скажу:
Я из Мурадбейли, спешить я должен.
Коль недруг злой со мною вступит в бой —
Египетским мечом разить я должен.

Имеешь сад, так рви его цветы.
Отдам я жизнь во имя красоты.

Пришел я за мечтой, и если ты
Противишься — меч обнажить я должен.

Из Ченлибеля в этот край пришел,
Я, Кероглу, поклявшись, знай, пришел,
За милой, что светла, как рай, пришел
Красавиц выбрать, отличить я должен.

Араб-паша никогда не видел Кероглу, но о его удали и отваге слышался вдоволь.

– Игид, судя по твоим словам, ты Кероглу из Ченлибеля? — опросил он.

- Да, он самый.

– Добро пожаловать в наши края. А все же объясни мне толком, чего ты хочешь?

Снова прижал Кероглу к груди саз и запел:

Араб-паша, я молю и прошу:
Пусть девушка эта красавицей будет.
И нравом уживчива, и добротой,
И сладкоречием славиться будет.

И верною мужу да будет она,
И телом прекрасна и ликом ясна,
И как игиды в сраженьи сильна.
Наследник ее пусть всем нравится будет.

Чтоб ранила бровь, чтоб глаза — как заря,
Чтоб не болтала бы лишнего зря.
Пусть сплетен не любит и, ласку даря,
Лишь доброго дела участницей будет.

Всегда враждовал Кероглу с подлецом.
Люблю храбрых я с открытым лицом.
Родится сынок — быть ему храбрым, —
Хоть камни и небо от крови багровыми будут!

Араб-паша понял, в чем дело. Догадался он, что Кероглу сватает его дочь Мовминэ-ханум. Взял он саз из рук Кероглу и ответил ему:

Эй, салам, Кероглу, наши девушки, знай,
Своенравны, сердиты обычно бывают.
Неуживчивы и непокорны они,
И неласковы и злоязычны бывают.

Скажешь слово – услышишь десяток в ответ.
Неприветливым будешь – спасения нет,
Зазеваешься – не оберешься ты бед:
Бьют они муженьков горемычных, бывает.

Скажешь: «сядь!» – не садятся, упрямы, горды.
Словно дикая лошадь, не знают узды.
Не захочет – к руке не притронешься ты.
И сварливыми до неприличья бывают.

От султана, от хана не скроют лица.
Не пугаются крови, храбрей храбреца.
Коль такая родит от тебя молодца –
Он в сраженьи игидом отличным бывает.

– Паша, вот такая девушка и нужна мне, – сказал Кероглу.
Прямое и смелое слово Кероглу понравилось Араб-паше.
Собрал он визирей и векилов на совет. Те, говорят, соглашайся.

Араб-паша послал людей к Мовминэ-ханум. А она ответила,
что поступит по воле отца.

Стали готовиться к свадьбе. Попировали и отдали Мовминэ-ханум за Кероглу.

Ровно сорок дней и сорок ночей пробыл Кероглу в Дербенде.
Когда же наступил день сорок первый, он сказал:

– Ну, Мовминэ-ханум, пожили мы тут, довольно, собирайся
и поедem в Ченлибель.

– Не оставлю я родной земли и никуда не поеду, – ответила
она.

Как ни убеждал Кероглу, Мовминэ-ханум все «нет» да «нет». Видит Кероглу, что не сломить ему ее упрямства. Снял с себя золотой браслет, дал Мовминэ-ханум.

– Я уезжаю. Коли ты не хочешь ехать, оставайся. Возьми этот браслет и сохрани его. Если у нас родится дочь, продашь и сделаешь ей подарок, если же сын, наденешь ему на руку, он придет и разыщет меня.

Попрощался Кероглу с женой, сел на Гырата и вернулся в Ченлибель. Удальцы снова собрались вокруг него.

– Кероглу, почему ты вернулся один? – спросил Дели-Гасан. Взял Кероглу свой саз, прижал к груди и ответил так:

Не открылась любимая мне, Гасан,
Не сверкнула мне оком, – что говорить...
За тебя мне в огне гореть, Гасан.
Горе в сердце глубоко, что говорить...

С ней расставшись, едва не умер я,
Я лишился надежды, слезы струя.
О где ты, властительница моя.
Тесен мир мне жестокий, что говорить...

Для Кероглу день ненастным стал,
К себе самому безучастным стал,
Любя Мовминэ, я несчастным стал.
Не хищник я – сокол, – что говорить...

Теперь оставим Кероглу с его удальцами в Ченлибеле. О ком же я расскажу вам? О Мовминэ-ханум в Дербенде.

Ровно через девять месяцев, девять дней и девять часов родился у Мовминэ-ханум сын. Назвала она его Гасаном. Мальчик рос не по дням, а по часам. Прошел лишь месяц, а уж ему и два года можно было дать. Ну, взяли к нему мамок, нянек, а позже и моллу. Вырос Гасан, стал большим, рослым, и дед, Араб-паша, поручил его пехлеванам и людям, знающим военное дело. Те стали обучать его верховой езде, борьбе, стрельбе из лука.

А надо вам сказать, что был он мальчиком непослушным и озорным. И минуты не посидит спокойно. Не раз Араб-паша бранил и увещевал его. Но дедовы слова Гасану входили в одно ухо, а в другое – выходили. И делал он все, что вздумается. За это дед прозвал Гасана Кюрдоглу¹. Так это имя за ним и осталось.

Кюрдоглу вырос и стукнуло ему восемнадцать лет.

Как-то раз он поспорил с каким-то плешивым. Тот ему, этот ему, и Кюрдоглу, не задумываясь, хватя плешивого кулаком по уху. Кое-как, вырвавшись из рук Кюрдоглу, плешивый пустился наутек и крикнул:

– За что бьешь меня, эй, ты, выродок, не знающий своего отца? Слова эти крепко задели Кюрдоглу.

– Кому ты это говоришь? – крикнул он, бросившись вдогонку за плешивым.

Всюду он искал его, но найти никак не мог.

Повернулся Кюрдоглу и пришел прямо к своей матери. Видит Мовминэ-ханум, что идет ее сын и все в нем так и горит–кипит. Кровь, как говорится, готова брызнуть из его глаз. .

– Дитя мое, что случилось? – спросила Мовминэ-ханум.

– Мать, скажи, кто мой отец?

Не хотелось Мовминэ-ханум признаться сыну. Ведь был он у нее один-единственный, зеница ее ока. Подумала она: «Скажу ему правду, а он возьмет да уедет». И решила обмануть его:

– Дитя мое, нет у тебя отца.

Понял Кюрдоглу, что не хочет мать говорить ему правды, и сказал:

– Сознайся, мать, кто мой отец? Не скажешь, я тут же покончу и с тобой и с собой. На улице, на базаре меня называют не знающим своего отца.

Тут уж Мовминэ-ханум видит, что ничего не поделаешь.

– Родной мой, – сказала она, – не хотела я говорить тебе. Но раз так пришлось, знай, – есть у тебя отец. Это – Кероглу из Ченлибеля, тот, перед кем трепещут ханы и пашы.

– Почему ты до сих пор молчала об этом? – спросил Кюрдоглу.

– Сын мой, ты ведь еще дитя, боялась я, что скажу, а ты пойдешь искать его и попадешь в руки врагам. У отца твоего много врагов. Проведают они, что ты сын Кероглу, и убьют тебя.

Встал Кюрдоглу и сказал:

– Ну, мать, скрывала до сих пор и хватит! Разреши, я поеду и отыщу отца.

Как ни молила, ни упрашивала Мовминэ-ханум, все было напрасно. Наконец, кое-как успокоив сына, она попросила:

– Хорошо, дай мне одну ночь сроку. Я подумаю я завтра дам тебе ответ.

А сама тем временем потихоньку дала знать обо всем своему отцу.

Позвал Араб-паша к себе Кюрдоглу и сказал:

– Дитя, ты видишь, что я стар. Кроме тебя, нет у меня никого. Что тебе делать в Ченлибеле? Оставайся, и будь пашой вместо меня! Мы напишем, отец твой приедет, и ты повидаетесь с ним.

– Нет, дедушка! Пашой я не буду. Я поеду! – ответил Кюрдоглу.

Тогда Араб-паша сказал:

– Разлучать отца с сыном нехорошо. Раз уж так захотелось тебе, поезжай. Но смотри, не забывай свою мать и меня. Пойди, возьми из казны денег, а из табуна выбери себе лучшего коня, садись и отправляйся. Будь счастлив!

Кюрдоглу распрощался с дедом, пошел в казну, взял сколько нужно было денег. Оттуда он отправился в степь, где пасся табун. Но какого бы коня не подводил к нему злосчастный табунщик, ни один не нравился Кюрдоглу.

Наконец, выбившись из сил, табунщик сказал:

– Тут тебе табун, а тут ты, выбирай сам!

В табуне был серый жеребец. Никто не осмеливался подойти к нему. Жеребец понравился Кюрдоглу. Табунщик сказал:

– Поймать его мне не под силу. Лови сам. Оказывается, жеребец тот родился от гнедой кобылы и Гырата.

Поймал его Кюрдоглу, оседлал, и, усевшись на серого жеребца, поскакал прямо на базар к оружейнику по имени Фатали.

– Мастер, выкуй мне меч! – сказал он ему.

Чтобы не задерживать покупателя, мастер протянул ему один из готовых мечей. Но Кюрдоглу схватил одной рукой за рукоять, другой – за конец клинка, и только хотел согнуть, как сломался меч надвое. Мастер протянул ему второй. Кюрдоглу сломал и его. Протянул мастер третий меч. И с тем – такое же. Сломался и четвертый. Видит мастер, что если дело пойдет так, в лавке не останется ни одного меча, и сказал:

– Я человек бедный. У меня семья, детей целая куча. И все они живут от трудов моих. Зачем ты ломаешь и бросаешь добро.

– Чем я виноват? – ответил Кюрдоглу. – Я просил тебя выковать мне хороший меч. А ты даешь мне эти...

– Хорошо, скажи, какой меч тебе нужен? – спросил оружейник.

Кюрдоглу ответил ему песней:

Эй, мастер, изготовь мне меч, пусть он
Не длинным, не коротким, гладким будет.
Пускай он будет острым с двух сторон,
Входить в сердца по-рукоятку будет.

Возьми сталь Хоросана – твердый сплав,
Хорошей нет, – плохую ты оставь.
Слона, змею ли меч сразит, кровав, –
Зверь удирать во все лопатки будет.

Далек мой дом, степь далеко лежит.
Пускай мой меч имеет славный вид.
Из лучшей стали, жалить, ядовит,
Как скорпион, он без оглядки будет.

Я Кюрдоглу. Добыча – храбрецу.
Кто равен в мире моему отцу?
Мечу – закалка добрая к лицу.
Куда б ни бил – пусть грозным в схватке будет.

Мастер понял, что от него нужно. Выковал он ему меч наполовину из хоросанской, наполовину из местной чистейшей стали. Заплатив с лихвой и за этот и за все сломанные мечи, Кюрдоглу встал, привесил меч к поясу, сел на коня, приехал к матери и попросил ее:

О жизнь моя, о мать моя,
Пусти меня в дорогу!
Твоею жертвой буду я,
Пусти меня в дорогу!

Мовминэ-ханум ответила:

О жизнь моя, мой сын, мой свет,
Тебя вручаю богу.
Да буду жертвою твоей,
Тебя вручаю богу.

Кюрдоглу пообещал:

Заветы матери храня,
Я кровь пролью среди огня,
Найду отца в ночи, среди дня,
Пусти меня в дорогу!

Мовминэ-ханум протянула сыну браслет:

Знай, Кероглу тебя зовет.
И в Ченлибеле он живет,
Браслет – его залог, и вот
Тебя вручаю богу.

Кюрдоглу попросил:

Да будет ясным разговор,
И да прекрасным будет взор.
Благослови – зовет простор,
Пусти меня в дорогу.

Мовминэ-ханум благословила его:

Я Мовминэ, мой ясен слог,
Бровь – полумесяц, взгляд глубок.
Тебя вскормила я, сынок,
Тебя вручаю богу.

Мовминэ-ханум надела браслет на руку Кюрдоглу, исцеловала его в щеки и глаза.

– Сын мой, смотри, упаси аллах, открыть кому-нибудь, кто ты такой. Как только узнают, что ты сын Кероглу, тебя убьют.

Словом, распрощались мать с сыном; Мовминэ-ханум обратилась к молитве, а Кюрдоглу поскакал в Ченлибель.

Проехав три дня и три ночи, доехал, наконец, он до владений курдистанского Ахмед-хана.

Подъезжая к одной деревне, видит он, что красавица-курдянка, стоя у родника, набирает в кувшин воды. Только собрался Кюрдоглу повернуть коня к роднику, как девушка подняла голову. Едва встретились их взгляды, показалось Кюрдоглу, что молния поразила его. Невольно остановил он коня. Должно быть то же почувствовала и девушка.

Но еще отцами и дедами нашими было сказано, что упрямей курдянок трудно сыскать. Она, что норовистая лошадь, не допустит ни взять ее за уздцы, ни вложить ногу в стремя.

Кюрдоглу попросил у девушки воды. Мехри-ханум – так звали ее – протянула ему чашу. Взял Кюрдоглу и осушил ее, словно чашу любви.

Увидела Мехри-ханум, что Кюрдоглу – юноша, достойный того, чтобы принять от него любую жертву. Но нарочно, желая испытать его и узнать, тверд ли он в своем слове, пропела:

Жизнь отдам за твою красоту, богатырь...
Уходи, мне твоею любимой не быть.
Поцелуешь – окрасятся кровью уста.
Уходи, мне твоею любимой не быть!

Послушаем, что ответил Кюрдоглу на слова Мехри-ханум:

Я к любимой, покинув отчизну, пришел.
Без тебя, без красавицы я не уйду!
Узнаю тебя, птица из райских садов,
Без тебя, без красавицы, я не уйду!

Мехри-ханум пригрозила:

Крикну: «Гой!» --со стены в тебя пустят стрелу.
Крикну: «Гей!» -- дрогнет море, упав на скалу.
Крикну: «Гуй!» – уведут в казематы, во мглу.
Уходи, мне твоею любимой не быть!

Кюрдоглу признался:

В путь с собою я взял материнский наказ.
Не посмею повысить свой голос сейчас.
Если даже убьешь – задыхаясь, томясь,
Без тебя, без красавицы я не уйду.

Мехри-ханум снова пригрозила:

Кликну войско, нахлынет оно, как туман,
И пришельцу на шею накинута аркан.
Не увидишь Мехри – и погибнешь от ран.
Уходи, мне твоею любимой не быть.

Кюрдоглу рассердился:

Опрокину я войско – верна моя речь.
Кровью я обагрю несгибаемый меч.
Кюрдоглу будет недругам головы сечь.
Без тебя, без красавицы, я не уйду!

А Мехри-ханум нравилось сердить Кюрдоглу. И, чтобы еще больше раззадорить его, она спросила:

Кто ты, чтоб эту речь вести?
Эй, чужеземец, уходи!
Иль надоела жизнь тебе?
Эй, чужеземец, уходи!

Кюрдоглу стоял на своем:

Я ради милой в этот край
Пришел, и в сердце – рана, знай.
Не угрожай и не пугай, –
Приехал увезти тебя.

Мехри-ханум опять начала пугать его:

Коль крикну – прибегут сюда
И руки скрутят без труда,
В колодец бросят навсегда.
Эй, чужеземец, уходи.

Кюрдоглу тоже пригрозил:

Вскричав, навстречу побегу,
Не дам пощады я врагу.
Жить без тебя я не могу -
Приехал увезти тебя!

Мехри-ханум, наконец, согласилась:

Ахмед-хана дочь, – внемли, –
Я как звезда горю вдали.
Согласна я, ты сватов шли...
Эй, чужеземец, уходи!

Кюрдоглу признался ей во всем:

Зовусь людьми я –Кюрдоглу.
Сын родины, -- душа в пылу.
Я храбр, как волк, – сын Кероглу,
Приехал увезти тебя.

Все было сказано. Мехри-ханум взяла кувшин и пошла, а Кюрдоглу повернул коня и поехал следом за ней.

Приблизились они ко дворцу. Открыла Мехри-ханум одну из дверей и вошла. Кюрдоглу понял, что это дворец Ахмед-хана. Ну, и как говорится, не лентясь, подъехал прямо к ханским воротам.

Бросились ферраши² донести хану, что приехал какой-то юноша, выглядит он так-то и так-то и хочет видеть хана.

Ахмед-хан разрешил, и Кюрдоглу провели к нему. Вошел Кюрдоглу, поклонился. Ахмед-хан ответил на поклон. Когда же, по приглашению хана, Кюрдоглу сел, повернулся к нему Ахмед-хан и спросил: - Ну, игид, говори, что тебе нужно?

Кюрдоглу с детства не любил кривить душой и говорил всегда все напрямик. Что бывало у него на сердце, то и на языке. Вот он и сказал:

– Ахмед-хан, пришел я просить отдать за меня, по велению аллаха и по законам пророка, дочь твою Мехри-ханум.

Увидев саз за плечом Кюрдоглу, Ахмед-хан подумал, что он ашуг, и сурово сказал ему:

Смотри, в беду ты попадешь.
От сделки откажись, ашуг.
Мне речь твоя не по душе.
От сделки откажись, ашуг.

Послушаем, что Кюрдоглу ответил хану:

Придется бой мне начинать.
Отдай Мехри, тогда уйду.
Тебе немилым станет свет.
Отдай Мехри, тогда уйду.

Ахмед-хан предостерег самонадеянного ашуга:

С чем ты пришел и что даешь?
Что обещанья стоят? Грош!
Хоть любишь, милую, а все ж
От сделки откажись, ашуг.

Кюрдоглу потребовал:

В моей душе бесценный груз.
Я с трусами не подружусь.
Моей стрелы узнаешь вкус,
Отдай Мехри, тогда уйду.

Ахмед-хан опять пригрозил ему:

Несчастье ждет тебя, смотри.
Блеснет стрела в лучах зари.
Нет, не отдаст отец Мехри.
От сделки откажись, ашуг!

Кюрдоглу твердил свое:

У Кюрдоглу и слава есть
И щит, и меч кровавый есть,
И в сердце пламень лавы есть.
Отдай Мехри, тогда уйду!

Ахмед-хан снова повторил без саза то, что сказал под саз:

– Дочь свою я за тебя не отдам. С чем пришел сюда, с тем и уходи.

– Я Кюрдоглу! Пока не получу Мехри-ханум, никуда не уйду.

Такая надменность Кюрдоглу заставила Ахмед-хана усомниться, – ашуг ли перед ним.

– Коли ты так кичишься, скажи прежде, кто ты таков? Откуда приехал и куда держишь путь?

Прижал Кюрдоглу к груди свой саз и ответил:

Знай, Ахмед-хан, чрез Дагестан
Мой путь лежать был должен.
В руках мой меч, но горя меч
Меня терзать был должен...

Мой щит – защита хороша:
Заплачешь в страхе, не дыша.
Средь гор – печаль Араб-паша
Мою унять был должен.

Я, смелый Кюрдоглу, – и вот
Рука тяжелый меч берет.
И в Ченлибель мой путь ведет –
Отца встречать я должен!

Услышал Ахмед-хан про Ченлибель и призадумался. Верно, это один из удалцов Кероглу, решил он. Мигнул он своим людям, и человек пять-шесть набросились на Кюрдоглу.

Увидел Кюрдоглу, что Ахмед-хан повернул дело по-иному. Тотчас вспомнились ему слова матери. Понял он, что Ахмед-паша один из врагов его отца.

Взялся Кюрдоглу за меч и начал калечить стражу хана.

Видит Ахмед-хан, – дело плохо. Кое-как пробрался он к двери, вышел и кликнул свое войско.

Со всех сторон налетели воины Ахмед-хана. Тогда и Кюрдоглу, не мешкая, бросился из дворца. Рубя мечом направо и налево, добрался он до своего коня. Вскочил на него и кинулся на войско.

Воины пешие, а Кюрдоглу конный! Стал он одного за другим колоть, и рубить. Сражаясь так, повернулся он к Ахмед-хану и пропел:

Скажу тебе, мой Ахмед-хан, –
Я еду, еду в Ченлибель!
Меня увидев, никнет враг.
Я еду, еду в Ченлибель.

Как лев, залягу среди скал,
Чтоб мой аркан легко взлетал,
Чтоб враг в мученьях погибал.
Я еду, еду в Ченлибель.

Покорен матери во всем.
В разлуке я с моимотцом.
Сын Кероглу – своим путем
Я еду, еду в Ченлибель!

Приказал Ахмед-хан и своим воинам сесть на коней.
Бросились они к коням. Увидел это Кюрдоглу и запел:

Пришпорьте коней, начинается бой
Суровый в округе сегодня.
Окрасятся кровью сады и поля,
Пройдем луг за лугом сегодня.

Пусть двинется войско сквозь крики и стон.
Пусть камень растает, как воск, раскален,
Бойцы с четырех налетают сторон,
Летят друг за другом сегодня.

Коль я садовод – урожая хочу,
Айва и гранат созревают – хочу,
Любимую нынче желаю, хочу,
Бей – кончишься в муке сегодня!

Кончив петь, Кюрдоглу снова кинулся на войско. Воины смешались и отступили.

Теперь оставим их, пусть они сражаются, а я расскажу вам о Мехри-ханум. Видит она, что войска ее отца обратились в бегство, и поняла, что нельзя ей больше медлить. Бросилась она к отцу, склонилась ниц, поцеловала землю у ног его и сказала:

– Отец, родной, зачем обрек на погибель воинов? Не таков этот человек, как ты думаешь. Это сын Кероглу из Ченлибеля. Его нельзя ни схватить, ни убить. А если бы даже и удалось тебе захватить его и предать казни, как ты тогда ответишь его отцу?

Задумался Ахмед-хан и внял разумным словам дочери. Позвал визиря и сказал:

– Визирь, дай совет! Скажи, как мне поступить?

Визирь на это ответил:

– Да будет долговечной жизнь правителя! Совет мой таков: надо дать ему то, что он просит. Это сын ченлибельца Кероглу. Против такого врага нам не устоять, а породнимся с ним, силы наши умножатся, и велико будет наше могущество в глазах всех ханов и пашей.

Ахмед-хан сказал:

– Тогда поспеши, останови кровопролитие.

Приказал визирь войскам начать отход. Воины, словно спасенные от жала змеи, повернули обратно. Визирь бросился к Кюрдоглу:

– Игид, остановись. Хан хочет говорить с тобой.

Но Кюрдоглу неистовствует и слушать не хочет.

– Никаких ханов-манов не признаю! – кричал он. – Или отдайте за меня Мехри-ханум, или же сровняю здесь все с землей.

– Остановись, послушай меня, что я хочу тебе сказать, – ответил визирь.

А тот свое:

– Ничего знать не знаю, или отдайте за меня Мехри-ханум, или сровняю ваш город с землей и посею тут репу.

Тогда визирь крикнул во всю мочь:

– Эй, отдаем, отдаем, душа моя! Это я и пришел сказать тебе.

Кюрдоглу тотчас опустил меч.

– Ну, коли отдаете, тогда кончено!

Словом Ахмед-хан выдал дочь за Кюрдоглу и сыграл свадьбу по всем обычаям своего народа.

В день свадьбы, когда привезли невесту, Кюрдоглу сказал:

– Мехри-ханум, а теперь мне придется тебя не на долго покинуть. Я поеду, найду своего отца, и тогда вернусь.

И Мехри-ханум и Ахмед-хан согласились с ним.

Настало утро, простился Кюрдоглу с Мехри-ханум, простился с Ахмед-ханом, простился с визирем и пустился в путь-дорогу.

Что ни день, то новый привал, что ни ночь, то новая остановка.

Едет он день, едет два, на третий день встречается ему на дороге какой-то старик. Остановив коня, Кюрдоглу почтительно

поклонился старцу. Старец ответил на поклон.

Тогда обратился к нему Кюрдоглу:

Старик, жизнь за тебя отдам,
Дай весточку о Кероглу.
Живет ли в Ченлибеле он?
Дай весточку о Кероглу.

Пройду по долам и морям,
Пройду по вражеским краям,
Не поздоровится врагам,
Дай весточку о Кероглу.

Мне, Кюрдоглу, неведом страх.
Сразу я недругов в боях.
О Ченлибеле, удальцах
Дай весточку, о Кероглу...

То, что было сказано под саз, Кюрдоглу повторил в без саза, снова спросив о Ченлибеле и Кероглу.

- Сын мой, ты на верной дороге, – ответил старец. – Видишь вон те две горы? Это Ченлибель. Еще проедешь немного и доберешься туда.

Простившись со старцем, Кюрдоглу поскакал к Ченлибелю и добрался до Ягы-горуга.

Видит Кюрдоглу, что и сам он и конь выбились из сил, и не захотелось, ему в таком виде предстать перед Кероглу.

Слез он с коня, пустил его пастись, а сам прилег, чтобы немного отдохнуть, а потом уже ехать в Ченлибель.

Теперь оставим Кюрдоглу отдыхать, коня пастись, о ком бы рассказать мне вам? Об удальцах Кероглу..

В тот час Демирчиоглу, Эйваз и Исабала упражнялись в воинском искусстве. Смотрят, вдруг в Ягы-горуге пасется чей-то конь. Всмотрелись, видят – кто-то, пустив коня на траву, сам улегся и в ус не дует.

– Ну, други, – сказал Исабала, – вы продолжайте заниматься своим делом, а я пойду взгляну, кто это там разлежся.

Исабала повернул коня и в один прыжок очутился в Ягы-горуге.

– Эй, послушай, кто ты? – спросил он у юноши. – Как ты смел пустить сюда коня? Вставай, бери его и езжай за мной.

Дерзкими показались Кюрдоглу слова Исабалы. Рассердился он, поднялся, молча одной рукой снял Исабалу с коня и бросил оземь. Затем, связав его по рукам и ногам, снова разлежся на траве.

Подождали удальцы, подождали, видят, что Исабала не возвращается. Пошел Демирчиоглу разузнать, что там случилось, а Кюрдоглу и его схватил, связал по рукам и ногам и положил рядом с Исабалой. Пришел Эйваз, и того постигла та же участь.

Тут удальцы бросились к Кероглу, чтобы рассказать ему обо всем. Встал он, взял оружие и пошел.

Видит, дело тут нешуточное. Его прославленные удальцы брошены на землю и лежат рядышком, точно назначенные к закланию жертвенные бараны.

Удальцы сделали знак Кероглу: – Берегись, мол, с этим молодцом надо держать ухо востро.

Подошел Кероглу к Кюрдоглу и спросил:

– Сын мой, скажи, кто ты таков.- Откуда приехал и куда держишь путь?

Кюрдоглу встал. Едва взглянул он на Кероглу, как в нем заговорила родная кровь, словно что-то почуяло сердце.

– Скажи, игид, кто ты? – спросил он. – Как зовут тебя?

– Раньше ответь, как смел ты без спрося придти сюда? Как смел так поступить с ними?

– Игид, изволь, я сейчас уйду отсюда и их отпущу.

Только скажи мне, кто ты. Как зовут тебя?

– Развяжи им раньше руки, а тогда я покажу тебе кто я.

Слова его задели за живое Кюрдоглу, и он ответил песней:

Из Дагестана пришел я сюда,
Приехал, до вашего края дошел.
И дань не платил я, а дань собирал,
И многих в беду повергая, пришел.

Расстался я с матерью милой, чтоб вновь
Потоком дымилась врагов моих кровь,
До Ченлибеля дошел я, суров,
Сюда бы я, и умирая, дошел.

Игид Кюродглу – в сердце рану несу,
Хожу со щитом, меч держу навесу
Я всех уложу – смерть, гляди, на носу,
Я, многих врагов убивая, пришел!

– Живо развяжи им руки, - повторил Кероглу. - Тогда поговорим.

Рассердился Кюродглу и крикнул:

– Я связал, а ты, если сможешь, развяжи.

Сказав это, Кюродглу обнажил меч. И Кероглу выхватил египетский меч и бросился на противника. Завязался бой. Удары мечей о щиты гремели раскатами грома. Сколько бились они, не знаю, но видят, наконец, что мечами ничего не добьешься, отбросили мечи и схватились в рукопашную.

Каких только уловок не применяли они! Напрягали все силы. Да не выходит ничего, и только! Наконец, оба выбились из сил. Уселись они, чтобы отдышаться. Отдохнув, поднялись схватились вновь. Напрягся Кюродглу и поставил Кероглу на колени. Смял, положил под себя, сел ему на грудь и сказал:

– Игид, скажи свое имя.

А Кероглу держался своего старого правила: никогда зря не называл себя. И в таких переделках он всегда назывался вымышленным именем.

– На что тебе мое имя?—отвечал он. – Раз уложил, прикончь!

Встал Кюродглу и сказал:

– Нет, пока не назовешь себя, не убью!

Кероглу ответил:

Зачем ты должен имя знать мое?
Кровь вражью льющий, на долины – я.
Смерть сеющий, громящий города,
Их превращающий в руины – я.

Кюродглу не захотел отстать от него:

Клич издающий, словно львиный рев,
Сроднивший в дружбе славных удальцов,
Меч обнаживший в пламени боев,
Врагов разящий в грудь и спину – я.

Кероглу ответил ему на это:

Игид не покидает свой народ.
Коль сокол утку взял – не отдает.
И в страхе шахи, коль иду в поход.
На трупы новый прах низрину я.

Кюродглу продолжал:

Пашу я в бегство обратил, храбрец,
В ущелье загнан не один боец.
Пощады ты попросишь, наконец, –
На череп – череп нынче кину я.

Кероглу скрыл, кто он:

Не Кероглу – его подобьем стал, –
Я нынче и Салсал³, и Рустам-Зал,
Я, свергший шахов, ханов убивал.
Гордился кличем – ревом львиным я!

Кюродглу же назвал себя:

Я Кюродглу, я свой огонь мечу,
На недругов свой меч я опушу,
И все сполна с врагов я получу, –
Узнать, что ценно – не премину я!

– Раз не называешь своего имени, значит трусишь,
– сказал Кюродглу. – А я с трусами не знаюсь. Возьми, дарю тебе твоих удальцов. Развяжи им руки и бери с собой.
– Нет, по дедовскому обычаю положено нам биться до трех раз.

Сказав это, Кероглу ухватил Кюрдоглу за пояс, и бой разгорелся снова. И на этот раз Кюрдоглу повалил Кероглу. Но опять у него не поднялась рука убить его. Встал он и сказал:

– Игид, хватит!

– Нет, схватимся еще раз, – ответил Кероглу.

Рассердился Кюрдоглу и закричал:

– Помни, игид, на этот раз одолею – не пожалею.

– Если на этот раз одолеешь, я сам себя убью.

Схватились они еще раз. И тут Кероглу пустился на хитрость...

Но оставим их тут биться, о ком бы мне рассказать вам? О Нигяр-ханум.

Один из удалцов побежал к ней и сказал:

– Приехал могучий пехлеван. Он схватил и связал по рукам Демирчиоглу, Эйваза, Исабалу, дважды одолел Кероглу и поклялся, что если одолеет в третий раз, то убьет его.

Нигяр-ханум, удалцы и женщины бросились к Ягы-горугу. Прибежали, видят, оба пехлевана, словно львы, терзают друг друга.

Попыталась было Нигяр-ханум растащить их, где там! И с трепетом смотрела она на борьбу – молодого, неопытного, горячего с Кероглу – опытным и крепким, как столетний дуб.

Выбился из сил, наконец, Кюрдоглу. Издал Кероглу боевой клич, схватил Кюрдоглу за грудки и бросил наземь. Сел ему на грудь, вынул кинжал и уж хотел снести ему голову, как вдруг Нигяр-ханум вырвала у него кинжал и сказала:

– Дважды он дарил тебе жизнь, а ты, один раз одолев, хочешь убить его. Так не поступает Кероглу.

Узнал Кюрдоглу тогда, что перед ним сам Кероглу. Не смог он сдержать своей радости и сказал:

Рожден я в этом мире храбрецом.

Приятен, знатен в каждом месте я.

Рыдать я заставляю всех врагов.

С рукою крепкой, с жаждой мести я.

В скитания пустился с малых лет
И сразу погрузился в море бед.
Предателям я мстил, искал их след –
Отважен я и полон чести я.

Пусть друг придет и раны исцелит –
Люблю друзей, для них – я верный щит.
Я Кюрдоглу, сын Кероглу, игид.
Я дагестанец, всем известен я!

Все точно остолбенели. – У меня нет сына! Ты лжешь! – сказал Кероглу.

– Есть! – ответил Кероглу. – Я сын дочери Араб-паши, Мовминэ-ханум. А вот и твой браслет.

Кюрдоглу снял его с руки и показал Кероглу. Взыграло сердце Кероглу, обнял он своего сына и прижал к груди.

Сын, буду жертвою твоей.
Я – Кероглу, я – Кероглу.
Свергаю злых я пашей,
Я – Кероглу, я – Кероглу.

Врагов разить не трудно мне –
Им тесно в собственной стране!
Дай весточку о Мовминэ.
Я – Кероглу, я – Кероглу.

Хвала тебе, ты всех сильнее.
Враг струсит – ты с размаху бей.
Сын, буду жертвою твоей.
Я – Кероглу, я – Кероглу.

Говорят в народе, что в тот день в Ченлибеле был такой праздник, такое веселье, такой пир, какого люди никогда и не видывали. А потом Кюрдоглу, испросив разрешение Кероглу, отправился к Ахмед-хану привезти Мехри-ханум.

ПОХОД ХАСАН-ПАШИ НА ЧЕНЛИБЕЛЬ

Гонцы прибывали за гонцами. Что ни день до султана доходили новые вести, одна мрачнее и печальнее другой: то смерть Болубека, то гибель Араб-Рейхана. А тут донесли, что отыскан сын Кероглу. Да какой сын?! Судите сами хоть бы по тому, что он дважды одолел самого отца!

Услыхав эту новость, султан совсем утратил покой. Поспешно отправил он гонца к Хасан-паше с наказом; – как говорится, если даже у тебя в кастрюле перекипает масло, все должен бросить и поспешить ко мне.

Прочитав письмо, Хасан-паша крепко призадумался. Прикинул и так и эдак. Ехать, но как можно ехать? Не ехать, как тут не поедешь! Думал, гадал и в конце концов решил, что надо ехать. Приготовился паша к поездке, отдал нужные распоряжения и отправился в Стамбул.

Султан встретил Хасан-пашу такими словами:

– Хасан-паша, скажи, пожалуйста, чего ты ждешь? Не того ли, чтоб Кероглу пришел и разделался с тобой в Тогате, а со мной в Стамбуле?

Хасан-паша начал выкручиваться, привел тысячу разных доводов, но ни один из них не стоил и ломаного гроша.

Напоследок султан сказал:

– Хасан-паша, знать ничего не знаю! Даю тебе сорок дней срока. Или ты должен разгромить Ченлибель и привезти мне голову Кероглу, или на сорок первый день по моему приказу ты сам будешь болтаться на виселице.

Хасан-паша не посмел и заикнуться в ответ. Поехал он прямо в Тогат, собрал своих военачальников и начал готовиться к походу.

Оставим теперь Хасан-пашу готовиться к походу, о ком бы мне рассказать вам? Об ашуге Джунуне!

Разузнав все и выведав, ашуг Джунун поспешил в Ченлибель и обо всем, что уже известно нам, рассказал Кероглу.

– Не беда, – сказал Кероглу, выслушав Джунуна. – Пусть приходит к нам. Занимайтесь своим делом. С Хасан-пашой мы встретимся здесь.

Выступил тогда вперед Дели-Гасан и сказал:

– Кероглу, не надейся только на себя. Это тебе не Болубек и не Араб-Рейхан, это Хасан-паша! Надо и нам подготовить ему встречу.

Все удалцы и женщины поддержали Дели-Гасана. В конце концов, порешили, что Дели-Гасан с тремя тысячами отборных удалцов займет все горные дороги и проходы от Ченлибеля до Тогата.

Начали ждать Хасан-пашу.

Прошел день, прошло пять, пятнадцать дней, о Хасан-паше ни слуху, ни духу.

Как-то раз, рано поутру, смотрит Кероглу дозорный ведет какого-то человека, с виду напоминающего посла, Кероглу спросил его:

– Кто ты? Чего тебе надобно?

Низко поклонившись, тот сказал:

– Кероглу, я посланец твоего друга Элемгулу-хана. Пришел известить тебя, что Элемгулу-хан со своей свитой едет к тебе в гости.

- Добро пожаловать! - ответил Кероглу. - Мы всегда рады гостям.

Призвал он Демирчиоглу, Эйваза и Гюрджуоглу-Мамеда и сказал:

- Поторапливайтесь! Сделайте все необходимые приготовления! Надо так встретить Элемгулу-хана, чтоб Гюрджуоглу-Мамеду и Ругийе-ханум не пришлось краснеть.

Пошли тут приготовления. Кто резал баранов, кто разжигал костры, кто чистил коней, кто наряжался. Со стороны могло показаться, что ченлибельцы готовятся к свадьбе. Кероглу поспешно отправил гонца к Дели-Гасану, – дескать, ждем гостей, пусть и он приедет поскорей. Потом, обратясь к посланцу, Кероглу спросил:

- А когда изволит пожаловать хан?

- Кероглу, – ответил посланец, – он уже изволил прибыть. Я оставил его со свитой у родника, в трех агаджах от Ченлибеля, он сказал, что подождет там Кероглу.

Кероглу вскочил.

- Несчастный! Чего же ты молчал столько времени? Опозорил ты меня перед ханом. Говори, сколько их человек?

- Вместе с самим ханом сто пятьдесят человек, - ответил посланец.

По приказу Кероглу семьсот удальцов сели на коней, и Дели-Мехтер оседлал и привел Гырата. Вложил Кероглу ногу в стремя, но, словно вспомнив что-то, повернулся вдруг к Белли-Ахмеду:

- Белли-Ахмед, до моего возвращения закуешь посланца по рукам и ногам в цепи и смотри, не спускай с него глаз.

Белли-Ахмед надел на шею посланцу тяжелую цепь от сохи. А тот возопил:

- Как? Что? Я пожалуюсь самому, хану. Где это видано, заковывать в цепи посланца гостя?

- Поспокойней, друг, поспокойней! – уговаривал его Белли-Ахмед. – Такой уж у нас порядок. Вернется Кероглу и тебя примут с самым большим почетом.

Но посланец продолжал волноваться:

- Не нужно мне вашего почета. Сейчас же освободите меня, и я уйду.

О чем подумал, что решил Кероглу, не ведомо мне, только выхватил он египетский меч, бросился на посланца и схватил его за горло:

- Отвечай немедленно, кто ты и зачем пришел сюда? Иначе снесу тебе голову с плеч.

Тут посланец повалился в ноги Кероглу:

- Пощади! Прости, виноват я – порождение зла. Каюсь. Оплочал. Сжался надо мной. У меня целая орава детей. Прости, и я все расскажу тебе.

- Прощаю, рассказывай, – мрачно сказал Кероглу, – только помни – солжешь, пеняй на себя!

- Клянусь аллахом! Если скажу хоть слово неправды, поступай со мной, как знаешь. Расскажу все, что есть. Обещай только отпустить меня.

Удальцы и женщины растерянно стояли. Никто не понимал, что бы все это могло значить. Кероглу сказал:

- Повторяю, простил я тебя. Рассказывай!

- Джан Кероглу, все, что я наговорил тут с утра – все ложь. Я даже не знаю – не ведаю, кто такой Элемгулу-хан. Послал меня сюда тогатский Хасан-паша. С пятнадцатитысячным войском он пришел сюда. Хочет он сначала обманом захватить тебя, а потом двинуться на Ченлибель.

- Ладно, а где сейчас его войско? – спросил Кероглу.

- Мы подошли сюда еще наперед, к вечеру. Ночью Хасан-паша велел войскам скрыться в горных проходах. А теперь со ста пятьюдесятью воинами ждет тебя у родника.

Задумался Кероглу. А в ту минуту вбежал удалец, посланный к Дели-Гасану:

- Нет нигде ни Дели-Гасана, ни удальцов. Я осмотрел все кругом. Все горные проходы открыты.

Поднялся Кероглу, схватил его за горло и крикнул:

- Что говоришь?

- Джан Кероглу, зачем губишь меня? Я говорю то, что есть. Не веришь, пошли людей и проверь.

Тотчас несколько удальцов бросились в горы, проверили,

видят удалец сказал правду: нет нигде ни Дели-Гасана, ни его воинов. Глаза Кероглу налились кровью. Такое сделалось с ним, что никто не решился раскрыть рта, вымолвить хоть словечко. Только Нияр-ханум вышла вперед и сказала:

– Кероглу, не время медлить. Что случилось, то случилось. Теперь надо придумать что-нибудь. Говори, что делать. Враг у порога...

Казалось, Кероглу спал, и его разбудили. Поднялся он, но как?! Словно сама гора Гаф с грохотом двинулась с места.

– Ничего, – только и сказал он, – пускай!

Потом повернулся к Эйвазу:

– Возьмешь семьсот удальцов и займешь проходы. Если хоть одна душа проникнет в Ченлибель, я сам, своей рукой снесу с тебя голову.

Потом, повернувшись к Дели-Мехтеру, сказал:

– Возьми семьдесят удальцов. Мы поедем навстречу Хасан-паше.

Тут вздох прошел по рядам удальцов. Понял Кероглу, что им не по душе такой план, да из страха ни один не осмеливается возразить.

– Живей, – крикнул тогда он. – Хасан-паша не должен пронюхать, что мы проведали о его кознях.

А потом спросил Демирчиоглу:

– Не боязно тебе, нет?

– Джан Кероглу, – рассмеялся Демирчиоглу, – разреши – и я цепью от сохи прогоню их за Тогат. Когда я чего-нибудь боялся?

– Приготовь свою цепь, – ответил Кероглу, – она пригодится. Возьмешь оставшихся удальцов и займешь проход к Ягы-гору-гу. Как только я начну рубить, ты ринешься на войско. Пусть поляжем все там, до единого, только вражьей ноге не вступить в Ченлибель. Но смотри, трусов к себе в отряд не бери. Трус все может испортить.

Словом, Кероглу сказал, что надо было сказать, поручил, что следовало поручить, вскочил на коня и, взяв с собой Дели-Мехтера с семьюдесятью удальцами, пустился в дорогу.

Всколыхнулся Ченлибель. Кликнул Эйваз – и выступили две тысячи удальцов. Кликнул Демирчиоглу – выступили другие две тысячи. Поднялись и женщина сняли с себя золото, серебро, драгоценности, взяли мечи, щиты, вооружились и следом за Эйвазом пошли к горным проходам.

Теперь оставим каждого за своим делом, поедем следом за Кероглу.

Кероглу со своими удальцами поехали к роднику. Едет себе, будто ни о чем не подозревает. Еще не доехал он до родника, а уж убедился, что посланец сказал правду: человек сто пятьдесят собрались там. Увидали они Кероглу, удальцов, и все поднялись с места. Подъехал Кероглу, поклонился гостям и спросил:

– А где же хан?

Тут выступил вперед Хасан-паша и сказал:

– Кероглу, никакого хана нет. Вместо хана приехал паша. Это я потревожил тебя. Надеюсь, что простишь меня. Боялся я, что ты не приедешь, да потому и послал гонца от твоего дружка Элемгулу-хана.

– Вот и славно, что приехал, – ответил Кероглу. – Гость – свет наших очей! Пожалуйста, поедем! Все мы вам рады, всем – почет и место!

– Если б не знал я твоего гостеприимства, – сказал Хасан-паша, – не стал бы ехать сюда из Тогата. Ты человек отважный и благородной души, не станешь позорить меня на старости лет.

– Упаси бог! Позор на голову твоим врагам. Пожалуйста, поедем! Эй Дели-Мехтер, покажи гостям дорогу.

– Нет, Кероглу, давай побеседуем тут. Все равно ведь, там или тут. Будет время, даст аллах, приедем и в Ченлибель. Да и не хотелось бы мне так ехать в Ченлибель. С помощью аллаха я приеду туда совсем иначе.

Кероглу понял куда гнет Хасан-паша. «Э, да я скорей увижу труп твой, – подумал он. – С помощью аллаха приедешь ты в Ченлибель, только так, как мне этого хочется».

Пока шел разговор с Хасан-пашой, Кероглу посматривал то в одну, то в другую сторону. Видит, старая лиса так искусно скрыл свои войска, что ни души не увидишь.

– Ну, Кероглу, – сказал Хасан-паша, – сойди с коня. Потолкуем с тобой здесь, у родника..

Оглянулся Кероглу на удальцов, нет, видно не хотят они, чтобы он спешился. Да и, честно говоря, сходить сейчас с коня просто глупо! Но ум говорит одно, а гордость и самолюбие – другое.

«Если не сойду с коня, все решат, что я струсил», -подумал Кероглу, и соскочив с коня, отдал поводья Дели-Мехтеру, а сам подошел к Хасан-паше. Все это произошло так быстро, что удальцы не успели остановить его.

Кероглу и Хасан-паша уселись друг против друга у родника, и Хасан-паша сказал:

– Кероглу, меня послал к тебе султан. Не пора ли тебе перестать враждовать с ним? Я хочу помирить вас. Султан говорит: «Кероглу – мой старший сын, а Бурджу-Султан – младший. Хочет, пусть едет ко мне, хочет – пусть остается в Ченлибеле, а будь его воля, поставлю его начальником над всеми своими войсками». ...Вот так! Ты уже не ребенок, сам понимаешь, что добром все это не кончится. Побуйствовал и хватит. Как говорят у нас, выкинь ты этот камень из своего подола. Поедем отсюда со мной в Стамбул, к султану и покончим со всем этим..

– Хасан-паша, – ответил Кероглу, – одни люди действуют языком, другие – руками. Мне приходилось больше действовать руками, поэтому я не умею так ловко говорить, как ты. У меня слово одно, и слову своему я не изменю. Пока на этом свете живет султан и живу я, я ему враг. Не думай, что меня легко провести. Для чего султан прислал тебя сюда, зачем ты приехал, все это мне известно. Я – Кероглу! Не таков я, чтобы ты мог обмануть меня и заманить в ловушку. Пока я вас не тронул, бери свои войска и убирайся! И султану, и тебе – я враг!

Тут Кероглу поднялся. Поднялся и Хасан-паша. Насторожился Кероглу. Но не успел он заметить, как подал знак Хасан-паша, вдруг видит – со всех сторон поднялись войска и движутся на него.

Понял Кероглу, что как он думал, так оно и есть. Войска Хасан-паши окружили его. Да и сколько же их! Люди, точно грибы,

поднялись из-под земли. В мгновение ока со всех четырех сторон Кероглу и его удальцов окружили войска паши.

Посмотрел Кероглу и сказал:

– Хасан-паша, только что ты называл меня старшим сыном султана. К чему же столько войск, столько оружия для того, чтобы отвезти сына к отцу?

– Кероглу, теперь ты мой пленник, – ответил Хасан-паша. – Тут пятнадцать тысяч воинов. Будь у тебя в запасе еще тысяча жизней, все равно не ускользнешь из моих рук. Так не бери еще на душу грех, не проливай зря крови. Сдайся по доброй воле.

Оглянулся Кероглу, видит, враги все надвигаются, и его удальцы, что камень в оправе, взяты со всех сторон в кольцо.

– Хасан-паша, – сказал он, – ты не раз попадался мне в руки, а я не трогал тебя. Не потому, что я боялся тебя, или не мог убить. Нет, я щадил и берег тебя ради этого дня. Теперь посмотрим, на чьей стороне будет аллах – на твоей или на моей.

Пошел было Кероглу к своему коню, но по знаку Хасан-паши, воины с обнаженными мечами набросились на него. Дели-Мехтер собрался окликнуть удальцов, да Кероглу остановил его:

– Подожди!

Потом повернулся к Хасан-паше и сказал:

– Хасан-паша, не губи понапрасну людей. Сядем на своих коней и сразимся. Или ты убьешь меня, или я убью тебя. На том и кончим,

– Все это ты болтаешь из трусости, – ответил Хасан-паша. – Вижу я тебя насквозь. Тебе хочется выиграть время. Но не выйдет. По фирману султана я должен привезти ему твою голову или тебя самого.

И Хасан-паша приказал:

– Схватить и связать его по рукам и ногам.

Воины бросились на Кероглу. Кинулся он вперед, выставив свое копьё, махнул им направо, налево, расчистил себе путь и вырвался. Дели-Мехтер выпустил из рук поводья Гырата. Гырат, заржав, во весь опор примчался к Кероглу. Подобно соколу взлетел Кероглу на своего верного коня. Потом повернулся к Хасан-паше и пропел:

Эй, не болтай, паша, коль начал бой,
Иль потерял ты разум, эфенди?
Край разгромлю и опрокину трон, –
Ты не моргнешь и глазом, эфенди.

С твоей повадкой, хваткой я знаком, –
Меч обнажу открыто, не тайком.
Своею подлой кровью, под огнем,
Напьешься доотказа, эфенди.

Перед султаном не склоню главу.
Прося пощады, упадешь в траву.
Я Кероглу – игидов созову,¹
Враг разбежится сразу, эфенди!

Издав свой боевой клич, Кероглу кинулся на врагов. Крикнул и Хасан-паша. Воины бросились на Кероглу с четырех сторон. Повернулся он в сторону Ягы-горуга и спел:

Эй, игиды, садитесь скорей на коней,
Сокрушительной схватки день наступил.
Поглядите, изменники вышли на бой, –
Их валить в беспорядке – день наступил.

Разве струсит отважный в решительный час?
Вынув меч, мы добьемся возмездья, борясь.
Кто, коварно укрывшись, смотрит на нас –
Убивать без остатка – день наступил.

Удалой. Кероглу, гневом ярым дыши!
Не тебя ли убить захотели паши?
Старый враг на тебя нападает, спеша, –
Пусть покажет нам пятки – день наступил!

Демирчиоглу довольно было и намека. Крикнул он, и две тысячи удальцов, обнажив мечи, двинулись на войска султана. Хасан-паша приказал своим воинам сразиться с удальцами.

– Видишь, Хасан-паша, – сказал Кероглу. – Теперь ты в моих руках. Одним ударом я могу вогнать тебя в могилу. Но пока не трону. Командуй своими войсками!

Бой разгорелся. Увидев, как бьются удальцы, не выдержал Кероглу, встрепенулось сердце его, и он запел:

По коням, отважные удальцы!
Султана мы скинем с трона, э-гей!
Разрушим владенья, сождем и уждем,
Высокий дворец мы разрушим, э-гей!

Убийцу убить – благородная цель.
Мы пленных врагов поведем в Ченлибель,
И шах протрезвится – спадет с него хмель.
Его мы светильник потушим, э-гей!

Лишь клич мой враждебных достигнет ушей,
Попросят враги о пощаде скорей.
Султанов уждем, наизнанку пашей
Мы вывернем черные души, э-гей!

Гейсара уждем и сардара уждем,
И малых, и старых с собой уведем.
Перед Арабатом – чудесным конем
Погоним врагов мы послушных, э-гей!

Счастлив Кероглу, – наступил его час.
И кравчим в меджлисе да будет Эйваз.
Булгар-ханум, свет голубых твоих глаз
Мы встретим, увидим, послушай:, э-гей!

Только кончил он петь, как позади раздался боевой клич, подобный грому. И Кероглу и Хасан-паша, оба обернулись разом.

Смотрит Кероглу, Дели-Гасан с тремя тысячами удальцов ударил сзади по войскам Хасан-паши. Удивился Кероглу, не мог понять, что происходит. Показалось ему, что Дели-Гасан идет на помощь Хасан-паше. Но где там! В мгновение ока Дели-Гасан

смял и опрокинул войска Хасан-паши и погнал их. Грянул бой, да какой еще бой! В пылу сражения Дели-Гасан крикнул:

- Эй, Демирчиоглу, бей! Половину тебе, а остальных мне. Посмотрим, кто раньше разделается.

Услыхав это, Демирчиоглу бросил меч на землю, снял с пояса цепь от сохи и крикнул:

– Дели-Гасан, у меня людей мало, вижу, если не начать работать цепью, мне за тобой не угнаться!

И стал он крутить цепью. Впереди Демирчиоглу, позади Дели-Гасан, а посередине сам Кероглу. И подались войска Хасан-паши вправо и влево.

А тут еще поднялся Эйваз, вскочил на коня, кликнул залегших в засаде удальцов, и все две тысячи воинов во главе с Эйвазом ринулись в схватку. Пустил тогда Кероглу Гырата, проехал по ругу и пропел:

Эй, мчись, Гырат, врагу назло.
И удалец глядит светло.
Над вражьей, с саблей наголо,
Летит он головой.

Хранишь ты мужество свое,
Грудь – это доблести жильё.
И поднимается копьё,
Звенит над головой!

Вступаю в бой: заржет Гырат –
И вот уж птицы не летят.
Пашей и ханов бить я рад -
И щит – над головой!

Эйваза лучше – нет бойца,
Врага добьет он до конца.
И жертвую за молодца,
Игид, я головой!

Есть у игида совесть, честь,
В дни испытаний – сила есть.
И множество друзей – не счесть -
Сберутся вокруг него!

Понял Хасан-паша, что дело плохо. Если и дальше пойдет так, ни один из его воинов не выберется отсюда живым. «Эх, будь, что будет» – крикнул он и во главе отряда, окружавшего его, бросился на Кероглу. Обнажил Кероглу свой египетский меч и поскакал навстречу паше. Ударил вправо, ударил влево и обратил всех его воинов в бегство. Повернулся он тогда к своим удальцам:

Султан послал на нас войска.
Игиды, бейте, так желаю я.
Как муравьи, ползите там и тут,
Величие родного края – я.

Что нам враги – и пятьдесят, и сто!
Насмешки, осуждение – ничто!
Что мне овраг – стервятника гнездо!
Я – лев, в бою повелеваю я!

Я, с юных лет прославленный везде,
Перед пашою не склонюсь в беде.
Кувшин с водой ломается в воде.
В бою, клянусь, не отступаю я.

Речь Кероглу да слышится кругом.
С мечом в руках сражаюсь я с врагом.
Пред шахом не склонюсь – пусть грянет гром.
Игидов-братьев возглавляю я!

Не выдержав натиска удальцов, войска султана сдались. Крикнул Кероглу – и сражение было окончено. Пленников, во главе с Хасан-пашой, повели в Ченлибель.

Увидев отца, Дуния-ханум бросилась навстречу Кероглу. Сняв с головы покрывало, хотела было она бросить его под ноги

Кероглу, чтобы тот подарил ей жизнь Хасан-паши. Но Кероглу не допустил этого. Схватил ее за руку, поднял, сам накиннул ей покрывало на голову и сказал:

– Постой, Дуния-ханум! Я не убью его. У меня с ним особый разговор.

Потом повернулся к удальцам и спросил:

– Где Дели-Гасан?

Дели-Гасан выступил вперед, обнажил меч, положил на вытянутые руки и, опустившись на колени, сказал: – Кероглу, должно мне повиниться перед тобой. Прости меня. Не спросив твоего приказа, оставил я горные проходы, взял удальцов и ушел. А причина была тому такая: с вечера дозорные донесли мне, что Хасан-паша с войсками идет на Ченлибель. Видел я, как он расставил войска и укрыл их в засаде. Думал, – пошлю к тебе гонца, в Ченлибеле все всполошатся, враг-хитер – догадается и повернет по-иному. Потому-то, взяв удальцов, ночью бесшумно вывел я их и стал позади султанского войска.

Выслушал его Кероглу и сказал:

– Молодец! Я так и думал. И не прощать, а благодарить мне тебя надо за сегодняшнее дело.

Потом повернулся к Хасан-паше и сказал:

– Хасан-паша! Так уж пришлось, что из-за меня ты выдал свою дочь, Доню-ханум, за плешивого Хамзу, а другую, Дунию-ханум, хотел отдать за Болу-бека, да досталась она Исабале. Слышал я, – есть у тебя еще одна дочь по имени Булгар-ханум. Ее, хочешь – не хочешь, а должен ты отдать за Дели-Гасана. Не думай долго, напиши письмо и пошли. Пускай Булгар-ханум приедет сюда. Не бойся, насильно не выдадим. У нас такой обычай, – по душе пришелся – выходи, а нет – не прогневайся. Понравится – выйдет, а не понравится – опять дочь твоя. Это тебе мое первое условие.

– Говори уж сразу и второе, – проворчал Хасан-паша.

– Пиши пока, потом скажу и второе.

Видит Хасан-паша, никуда не денешься. Взял бумагу и написал все, что сказал Кероглу. Тот сложил бумагу, спрятал, а потом сказал:

– Хасан-паша, теперь слушай мое второе условие. Да то даже и не условие! Пора свершиться обету, данному мной!

Кероглу обратился к Дели-Мехтеру:

– Эй, Дели-Мехтер, приведи сюда Гырата и Дурата.

Дели-Мехтер тотчас подвел к Кероглу обеих коней.

– Хасан-паша, – сказал Кероглу. – Мой отец, Алы-киши, считая тебя за человека, хотел, чтобы эти кони достались тебе. А ты из-за них велел выколоть ему глаза. С того дня, как пришел я сюда, в Ченлибель, дал я обет. Теперь настал час исполнить его. Не убью я тебя. А пока ты жив, останешься у нас в Ченлибеле конюхом и будешь ходить за этими конями.

Рассказывают, что через несколько дней Булгар-ханум прибыла в Ченлибель. Кероглу выдал ее за Дели-Гасана и сыграл свадьбу.

А Хасан-паша до конца дней своих остался в Ченлибеле и ходил за Гыратом и Дуратом..

СТАРОСТЬ КЕРОГЛУ

Рассказывают, что состарился Кероглу, устал от сражений и битв. Захотелось ему остаток дней спокойно дожить в Ченлибеле. Распрощался он с удалцами, расковал Гырата и пустил его на волю. Но верный конь не покидал Ченлибеля. Днем пасся на лугу, а к ночи возвращался в свое стойло.

Говорят, что удалцам не хотелось расставаться с Кероглу. Но как ни просили они, как ни уговаривали, Кероглу стоял на своем.

В Ченлибеле остались только Нияр, Кероглу да Гырат.

Однажды Кероглу отправился на Гоша-булаг – поклониться могиле своего отца. На обратном пути пришлось ему идти через Аггая. Смотрит, Нияр одна-одинешенька сидит на скале и смотрит на дорогу.

Медленно подошел Кероглу и сел рядышком. А Нияр грустная-грустная. Черные брови нахмурены, голубые глаза, – как весенние тучи, только и ждут, чтобы разразиться дождем. Прижал Кероглу к сердцу свою верную подругу. Осыпая поцелуями ее

лицо и глаза, спросил, отчего она так печальна. Тяжко вздохнула Нияр:

– Так! Вспомнила прошлые дни. В Ченлибеле звенело в ушах от ржания коней, крика удалцов, ударов мечей. Из страха перед тобой птица, и та, не осмеливалась пронестись над этими дорогами. На твой боевой клич отзывались горы. Где теперь эти дни?

Кероглу принялся утешать Нияр. Но как ни старался, не мог развеять ее грусть. Наконец, взял ее за руку, поднял и, чтоб хоть немного рассеять, повел к подножью Ченлибеля.

Долго ли, коротко ли, наконец, вышли они на дорогу. Не успели пройти немного, видят, какой-то человек пасет у дороги пару быков. Через плечо у него перекинута какая-то любопытная штука, наполовину из дерева, наполовину из железа. Как ни всматривался Кероглу, а догадаться не мог. Такого он еще никогда не видывал. Что это за штука! Посох не посох. Палица? Нет, это не было и палицей. Любопытство овладело Кероглу. «Ай, аллах, – подумал он, – что же это все-таки такое?»

Подошел Кероглу и поздоровался с незнакомцем. Тот ответил на поклон.

– Брат мой, – спросил Кероглу. – Да не стыдно мне спросить, что это у тебя за плечом?

– Ружье! – ответил тот.

А Кероглу впервой и слышать такое слово. Он спросил:

– Брат, а что такое ружье?

Понял тот, что Кероглу не приходилось видеть ружья, и ответил:

– Это такое оружие. Вот тут лежит пуля. Стоит сделать вот так – и оно выстрелит. Пуля выходит отсюда, из дула, и летит. И в кого ни попадет: в человека ли, в зверя – убьет наповал.

– Как это, в кого ни попадет? – удивился Кероглу.

– Ну, в кого ни попало: в человека, зверя, птицу.

Не поверил Кероглу словам его:

– Чтоб такое могло убить человека? Ну, бей в меня, посмотрим, как оно убьет?

– Душа моя, – сказал незнакомец, – ступай себе своей дорогой, не толкай меня на злое дело.

– Нет! - упорствовал Кероглу. – Или ты должен сейчас же выстрелить, чтоб я посмотрел, или, выходит, ты лжешь.

Человек свое, а Кероглу свое. Понял, наконец, незнакомец, что тот не отстанет, и сказал:

– Брат мой, выстрелить в тебя я не могу. Но коли ты так пристал, что ж, так и быть, пускай ради тебя пропадет один бык.

Взял он свое ружье и прицелился в одного из быков. Не успел раздаться выстрел, как бык повалился наземь. Кероглу бросился к нему. Видит, бык убит наповал. Вернулся он к незнакомцу, опустил руку в карман и заплатил за быка. Потом взял ружье, осмотрел со всех сторон и спросил:

– Скажи, брат, ты говорил, попади оно в человека, убьет его, да?

– Ну да, убьет!

– Значит, если ты захочешь, можешь теперь этим убить и меня?

Рассмеялся тот и сказал:

– Не только я, даже малый ребенок и тот, если захочет, может убить тебя.

Крепко задумался Кероглу. Насупились густые брови. Нахмурилось чело так, что морщины нависли одна над другой. Казалось, глаза его обратились в стоячие озера. Мрак окутал лицо. Видит Нигяр – точно бремя всех горестей мира легло на плечи Кероглу. Подошла она к нему и взяла за руку. Видит, Кероглу сам не свой. Долго стоял он так, наконец, успокоившись немного, пришел в себя, вернул ружье незнакомцу и медленно начал:

Дрожат мои руки, не видят глаза –
Я старею иль время мое постарело?
Ни песнь, ни слова не идут на уста,
Я старею иль время мое постарело?

Обо мне, об игиде, в меджлисе скорбят.
Меч бессилён, не надо железных лат.
Что за время! Лишь плут и мошенник богат.
Я старею иль время мое постарело?

Времена беспощадны. О, горечь времен!
Смелых вешает трус и предатель силен.
Пред стервятником–сокол отважный склонен,
Я старею иль время мое постарело?

Смерть подходит, на склоне печального дня.
Миновали шум-гам, хай-харай, суетня.
Появилось ружье – смелым смерть, западня.
Я старею иль время мое постарело?

Кероглу на Гырате скакал тут и там.
Бил по черепу, спины ломал я врагам.
Клич кричал и как молния шел по краям...
Я старею иль время мое постарело?..

Допел Кероглу песню, снял с себя свой египетский меч, бросил на землю и сказал:

– Настало время предателей и мошенников. Теперь смелость и отвага, геройство и доблесть гроша медного не стоят. С этого дня не зваться мне больше Кероглу.

И он пошел по дороге. Как Нигяр ни звала, как ни окликала его, Кероглу даже не обернулся. Тогда она нагнулась, подняла с земли египетский меч, привесила его к поясу под своей одеждой и пошла следом за Кероглу.

Кероглу до того опечалился, что все шел да шел, сам не зная, куда идет. Еще недавно он увещевал и успокаивал Нигяр-ханум, а теперь она принялась увещевать и успокаивать его. Но какое там! Кероглу как будто и не слышал ее слов. Скорей отозвались бы камни и стены, Кероглу же продолжал молчать.

Шли они, шли и, наконец, к вечеру подошли к какому-то городу. Только побрели они по одной улице, как Кероглу услышал какой-то шум. Обернулся он, посмотрел и увидел высокое здание и троих людей: закинув веревки, они взбирались на крышу. Остановился Кероглу. Остановилась и Нигяр и опросила:

– Что случилось? Почему ты стоишь тут?

– Кажется, эти люди собираются ограбить этот дом.

Подожду, посмотрю, что будет дальше.

– Какое нам дело. Пойдем своей дорогой.

– Нет, кто видит воровство и молчит – значит тоже крадет.

Подожду и посмотрю, что они сделают.

А оказывается, в том доме хранилась сокровищница иранского шаха. Увидел Кероглу, что грабители разо брали крышу и полезли внутрь. Подождал он, пока они не покончили со своим делом. Взяли, что хотели взять, уложили, что следовало уложить, но когда, спустившись, собрались они уже уйти, Кероглу схватил их:

– Отвечайте, кто вы такие? Что делаете тут в ночную пору?

Грабители подумали, что Кероглу – один из сторожей. Хотели было наброситься на него, но Кероглу, не дав им времени, связал всех по рукам и ногам и уложил друг возле друга. Грабители принялись просить его. Однако, сколько они ни уговаривали, сколько денег и золота ни сулили, Кероглу и слушать не хотел. Наконец, один из воров сказал:

– Брат мой, ты поймал нас, теперь, если смилуешься и отпустишь нас – хорошо, не отпустишь – ничего не поделаешь. Но мы люди здешние и знаем нрав всех наших горожан. А ты совсем не похож на жителя этих мест. Что мы тебе ни сулили, ты не поддавался. И потому хочу задать тебе один вопрос. Только прошу честно ответить на него.

– Если станешь просить отпустить вас, – ответил Кероглу, – не трать зря время. Знай, этого не будет. А другое что хочешь спросить, спрашивай. От роду я не лгал и не солгу.

– Брат, скажи мне только одно, кто ты? Чем ты занимаешься?

– Я Кероглу!

Казалось, вору услышали самую радостную для себя весть? Так и возликовали они. Атаман, смеясь, сказал Кероглу:

– Мир праху отца твоего! Раз ты Кероглу, зачем тебе было хватать и вязать нас? Развяжи, нам руки. Ведь это казна твоего врага. Ты еще должен быть нам благодарен...

Но Кероглу прервал его:

– Пусть казна будет чья угодно, я до нее не дотронусь. Первые мои враги – вору, вот такие бездельники и негодяи, как вы.

Слова его задела атамана.

– Послушай, – сказал он Кероглу, – ведь ты только и знал, что грабил шахов и пашей, что это вдруг ты стал таким праведником?

– Это верно, – ответил Кероглу, – что я всегда грабил и увозил богатства шахов и пашей. Но я не воровал, как вы. Я добывал свое в честном бою. Я побеждал, громил врага, и тогда увозил его богатство. Что бы я ни делал, я делал все открыто, честно сражаясь. Вы презренные трусы и только позорите честных и храбрых людей, называясь одним именем с ними.

Поняли тогда грабители, что Кероглу не отпустит их.

Наступило утро, пришел казначей, и Кероглу передал воров в его руки, а сам вместе с Нигяр пошел осмотреть город.

Бросился казначей прямо к шаху и рассказал ему обо всем, что видел и слышал. Шах тотчас послал людей, и те нашли Кероглу и привели его.

Кероглу вместе с голубоглазой Нигяр предстал перед шахом. Смотрит падишах, – перед ним старик. Но по всему облику, по осанке видно, что это не простой человек, и он спросил:

– Старик, скажи, что здесь произошло? Где ты поймал их?

Рассказал Кероглу все, как было. Тотчас по приказу шаха вору были брошены в темницу. Потом шах сказал Кероглу:

– Старик, честь тебе и хвала за то, что ты поймал грабителей. Я пред тобой в долгу не останусь. Сейчас прикажу и выдадут тебе сколько надо. Но скажи мне, кто ты? Чем занимаешься? Откуда идешь и куда путь держишь?

Слова падишаха снова разбредили рану Кероглу. Казалось, напомнили они ему обо всех его горестях. Эх, до чего тяжелой показалась Кероглу горечь одиночества. Ченлибель, удалыцы, минувшие дни, – все, все это предстало перед его взором.

«О, вероломный, подлый мир! – подумал он. – Посмотри, до чего я дожил – падишах предлагает мне подачку».

Не выдержало сердце Кероглу, взял он свой трехструнный саз, прижал к груди и запел:

Имевший в Ченлибеле власть и силу.
Теперь несчастен, стар я, Кероглу.
Когда-то окруженный удальцами,
Теперь несчастен, стар я, Кероглу.

Когда-то, чужа мощных сил прилив,
Врага разил я, статен и красив.
Согнулся стан, а был он, как элиф.
Теперь несчастен, стар я, Кероглу.

Лежавший, словно лев, в ущельях гор,
Метавший свой тяжелый шестопер,
Моих врагов обрекший на позор,
Теперь несчастен, стар я, Кероглу.

Скакун моей души, ты утомлен.
Врага разивший с четырех сторон,
Друживший с теми, кто был смел, силен,
Теперь несчастен, стар я, Кероглу.

Веселья не осталось и следа.
Расставшийся с Эйвазом навсегда,
С испепеленною душой, беда,
Теперь несчастен, стар я, Кероглу.

Падишах узнал Кероглу. Но видит, как говорится, что было, то миновало. От прежнего Кероглу не осталось и помину.

- Кероглу!. – сказал он. – Я шах Ирана, а ты Кероглу. Мы всегда были врагами. Но теперь судьбе угодно было, чтобы ты сам, по своей воле, явился ко мне, и притом сделал для меня доброе дело. С этого дня отрекаюсь от вражды. Согласись остаться у меня.

– Нет, не могу я оставаться у тебя, – ответил Кероглу. – Позволь нам уйти.

– Кероглу, ты постарел. Прежний разгул тебе не по силам. Не те уж годы. Оставайся при мне, будь мне советчиком!

Кероглу покачал головой – нет, мол, и нет. Видит шах, что не

убедит он его и решил отпустить с миром. Приказал привести двух коней, дать им и проводить.

Теперь оставим Кероглу и Нигяр в дороге, а вы послушайте о шахе.

После ухода Кероглу в сердце шаха запало сомнение. «О, неразумный! – думал он. – Не надо было мне отпускать его. Что ни говори, а волк остается волком. Пока он был в моих руках, надо было не упускать случая, а разделаться с ним».

Призвал шах одного из своих военачальников и приказал ему взять людей, поскакать в обход и преградить дорогу Кероглу, самого его убить, а жену доставить во дворец. Военачальник взял людей, поехал обходным путем и в узком ущелье устроил засаду.

Теперь оставим их тут в ожидании, а я расскажу вам, о ком? О Кероглу и Нигяр.

Кероглу и Нигяр, ничего не подозревая, ехали своей дорогой. Ехали они, ехали и когда доехали до того самого ущелья, видят – вдруг отовсюду на них уставились дула ружей. Военачальник крикнул из засады.

– Стойте!

Кероглу молча остановил коня. Остановила коня и Нигяр..

Военачальник крикнул опять:

– Сойдите с лошадей!

Кероглу сошел с лошади, потом, подойдя к Нигяр, помог и ей сойти с коня.

– Брось наземь все оружие!

– Никакого оружия у меня нет, – ответил Кероглу. – У меня с собой только саз.

Военачальник успокоился и расхрабрился. Выйдя из засады, он подошел к Кероглу и приказал своим людям:

– Связать его по рукам!

Несколько человек бросились к Кероглу. Он не проронил ни слова. Начали связывать ему руки. Нигяр в изумлении смотрела на Кероглу и не понимала, что с ним такое. Взглянул Кероглу на Нигяр и промолвил:

– Не удивляйся, Нигяр-ханум. Пусть связывают, наше время

миновало. Теперь настала их пора. Разве не видишь? У них в руках те самые ружья. Теперь орлы и соколы должны склониться перед стервятниками. С это го дня мир наш стал миром подлецов и предателей.

Кероглу связали руки. После этого военачальник разделил своих людей на два отряда. Одному приказал взять Кероглу и идти к ущелью, а другому – посадить Нигяр-ханум на коня и отвезти в город. Видит Кероглу, что хотят разлучить его с Нигяр. Не выдержало сердце его. Посмотрел он на себя, на свои связанные руки, посмотрел на голубоглазую Нигяр, оглянулся на людей, вооруженных ружьями, и запел:

Я вершина вершин, чьи снега
Не растают – душа ясна моя.
Мое дело – грабить купцов,
Знают – сила пока нужна моя!

Я с самого детства игид.
Пика камень насквозь пронзит.
Не устал я от многих битв.
И рука, как прежде, сильна моя.

Где Эйваз, чья хватка верна,
Чье призванье – с врагом война.
Эх, меняются времена –
Снегами исходит весна моя.

Где Ахмед, что дротик метал,
Демирчиоглу, что был, как металл.
Тяжкий день для меня настал.
Нету помощи – в чем вина моя?

Чашу б я, Кероглу, осушил,
Снова недругов я б разил.
Разве можно, чтоб враг пленил
Нигяр – ведь любовь она моя!

Бросилась Нигяр-ханум к Кероглу. Повернулся он к военачальнику и сказал:

– Не разлучайте нас. Если ведете, ведите нас вместе, отпускаете – отпустите вдвоем!

– Нельзя! – ответил военачальник.

– Не думайте, что я слаб, беспомощен, или стал трусом, – сказал Кероглу. – Нет, но я дал себе слово непроливать больше крови, провести остаток жизни мирно. Не принуждайте же меня нарушить свой обет.

– Нельзя, – сказал военачальник. – Нам приказа но тебя убить, а ее отвезти.

– Чье это повеление? – спросил тогда Кероглу. – Куда вы везете ее?

– Это повеление владыки мира, шаха Ирана! Властелин наш сам соизволил послать нас, схватить тебя и убить, а потом привезти к нему твою жену.

Услыхав сколь вероломен падишах, Кероглу издал свой старый боевой клич. Содрогнулись горы и скалы, а он пропел:

О люди, люди, о народ.
Душа темнее ночи стала.
Гоненье злобного врага
Мне горем, смерть пророча, стало.

Далек мой друг, а ночь темна.
Воздастся недругу сполна.
Но трусость, – что за времена, –
Ум смельчаков порочить стала.

Я Кероглу, звенит копьё.
В веках теперь мое жильё.
Уж имя грозное мое
Звучать теперь по-волчьи стало!

Потом напряг он силы – веревки расползлись на нем в клочья и упали на землю. Воины шаха так были ошеломлены, что не

знали, повернуть ли к нему ружья дулом или прикладом. Тут верная Нигяр вынула из-под одежды египетский меч и вручила его Кероглу. Тот сразу же ринулся на врагов. В мгновение ока искалечил он и перебил всех воинов и поверг их наземь. Потом вскочил на коня, посадил на его круп Нигяр и поскакал прямо к Ченлибелю.

Дошла до шаха весть, что Кероглу перебил всё его войско, а сам снова вернулся в Ченлибель. Видит шах, что испортил дело, и стал опасаться, что если Кероглу снова соберет вокруг себя удальцов, справиться с ним будет трудно.

Тотчас разослал он гонцов и призвал к себе визирей, векилов, серкяров. Пошли суды и пересуды, и после долгих раздумий и колебаний, наконец, решили, – пока Кероглу не успел еще собрать вокруг себя удальцов, взять войска и пойти на Ченлибель.

Словом, начал шах готовиться к походу на Ченлибель.

Теперь оставим их готовиться, о ком бы мне рассказать вам? Об ашуге Джунуне!

Ашуг Джунун услышал, что шах собирает войска, чтоб идти походом на Кероглу. Не теряя времени, завязал он потуже чарыхи и пошел прямо в Ченлибель.

Не разбирая ни дня, ни ночи, шел он, и, наконец, дошел до Ченлибеля.

Кероглу и Нигяр снова сидели на Аггая. Завидев ашуга Джунуна, Кероглу вскочил. Два верных товарища кинулись друг другу в объятия. После первых приветствий Кероглу спросил:

– Что нового? С чего бы это ты вспомнил старого друга?

Прижал ашуг Джунун к груди свой саз и запел:

Скажу тебе я, Кероглу:
Враги нагрянут скоро,
Плачевен будет твой конец,
Враги нагрянут скоро.

Враг должен быть побит любой,
Не забывай свой клич лихой,

Не прекращай с неправдой бой.
Враги нагрянут скоро.

Нет больше сил, а я пою.
Не видеть розы соловью.
Я одряхлевший здесь стою.
Враги нагрянут скоро.

Окончилась песня, и Кероглу сказал:

– Ашуг Джунун, объясни толком, что ты хочешь мне сказать?

Ашуг Джунун повторил то, что спел под саз. Кероглу задумался.

– Кероглу, – сказала Нигяр-ханум, – не время раздумывать. Говори, посмотрим, что скажешь.

Повернулся Кероглу к ашугу Джунуну:

Прошу тебя, ашуг Джунун,
Зови Эйваза поскорей.
Несчастливым сделаю врага.
Зови Эйваза поскорей.

Не пряча подлости своей,
Враг точит нож против друзей –
По-одному нас бить ловчей.
Зови Эйваза поскорей.

Но пусть не празднуют паши,
Не тешат радостью души.
Им Кероглу не утрашить,
Зови Эйваза поскорей.

Ашуг Джунун поднялся и ответил:

– Кероглу, нельзя терять времени. Пойду, разыщу удальцов. Кероглу отпустил его. Не успел, как говорится, ашуг перевести дух, как ему снова пришлось пуститься в путь-дорогу.

Теперь оставим Кероглу и Нигяр в Ченлибеле. Посмотрим, что сделал ашуг Джунун.

Долго ходил, долго бродил ашуг Джунун, но нигде не мог найти Эйваза. Перебрался за горы, прошел через доли и однажды встретил Демирчиоглу. Видит ашуг Джунун, Демирчиоглу косит траву. Взял он свой саз и запел:

Слушай, Демирчиоглу:
Враг идет на Ченлибель,
Со щитами и в кольчугах.
Враг идет на Ченлибель.

В грудь мою огонь ворвался,
Я с отрадою расстался.
Кероглу один остался.
Враг идет на Ченлибель.

Там не слышно больше саза,
Оборвалась песня сразу,
Нет Гасана, нет Эйваза.
Враг идет на Ченлибель.

Удальцы! О где вы? Кто вы?
Были вы разить готовы.
Я не слышу ваше слово.
Враг идет на Ченлибель.

Кероглу считает луны,
Старость лишь тревожит струны.
Слушай дряхлого Джунуна:
Враг идет на Ченлибель.

Повторил ашуг Джунун все, что сказал под звуки саза.

– Я знаю, где Эйваз, – сказал Демирчиоглу. – Пойдем, найдем его.

Демирчиоглу работал день и ночь в поле, на лугу, давно не стригся, не брился, и весь зарос. Пришел он к цирюльнику и сказал:

– Мастер, мне надо ехать, скорей подстриги и побрей меня.

Видит цирюльник, что лицо Демирчиоглу так заросло, что работы здесь на весь день, и хотел он как-нибудь – отделаться от него:

– Сейчас не могу, бритва затупилась, сначала я должен отдать поточить ее.

Демирчиоглу ответил ему:

Послушай, ты, уста-баши,
Побрей меня как следует,
Не притворяйся новичком,
Побрей меня как следует,

На Кероглу стремится враг,
Он волком рыскает в горах...
Скорей, не то узнаешь страх,
Побрей меня как следует.

Не уподобься ты врагу,
Не медли. А не то могу
Согнуть твой стан прямой в дугу.
Побрей меня как следует.

У Демирчи характер крут.
Посмешищем ты станешь тут.
Отдам тебя мечу на суд.
Побрей меня как следует.

Все это Демирчиоглу пропел так грозно, что цирюльник понял – будет он отказываться, тот оторвет ему голову. И тихо, молча, взяв бритву, начал он брить Демирчиоглу. Когда кончил он свое дело, Демирчиоглу вынул деньги, расплатился и вместе с ашугом Джунуном пустился в дорогу. Сколько они шли, не знаю, сколько не шли, не ведаю, наконец, пришли и нашли Эйваза. Едва Эйваз увидел ашуга Джунуна и Демирчиоглу, как взял свой саз:

С ченлибельских дальних гор
Что за вести принесли вы?
Из родимых снежных мест
Что за вести принесли вы?

Жив ли Арабат мой там?
Все ли нет конца пирам?

Рубят ли главы пашам?
Что за вести принесли вы?

Грудь расправил бы Эйваз,
В новый бой вступил сейчас,
Встретил б Кероглу хоть раз...
Что за вести принесли вы?

Не успел Эйваз кончить петь, как ашуг Джунун ответил ему:

Весть прянес я с Ченлибеля,
Торопись, мой брат, в поход.
Трудный путь преодолел я.
Торопись, мой брат, в поход.

С Кероглу что нынче случилось?
Он один, один под старость,
Только ждать тебя осталось,
Торопись, мой брат, в поход.

Знать Джунуна не тебе ли?
Об Эйвазе струны пели.
Враг подходит к Ченлибелю,
Торопись, мой брат, в поход.

Повторил без саза ашуг Джунун то, что спел, и добавил:

– Кероглу сказал, где бы ни был Эйваз, пусть спешит ко мне.
– Хорошо, – ответил Эйваз, – я поеду, а вы идите за удальцами.

Сел Эйваз на коня и отправился в Ченлибель, а ашуг Джунун и Демирчиоглу пошли за Дели-Гасаном.

Оставим Эйваза без усталости, без остановки скакать в Ченлибель.

Демирчиоглу и ашуг Джунун искали, искали и, наконец, разыскали Дели-Гасана.

Увидел ашуг Джунун, что Дели-Гасан постарел. Совсем одряхлел. Опечалился ашуг Джунун, взял саз и запел:

Летел стрелой ты прежде на султана,
Твой острый взор орлиный где теперь?
Ты ханских палачей сметал в сраженьи,
Твой зычный голос львиный где теперь?

А тот, кто пировал на Ченлибеле,
С кем рядом ты скакал в огня метели,
От чьих ударов головы летели,
Эйваз – в каких долинах, где теперь?

Мог открывать Джунун врага затеи,
Ты выходил на битву, свирепея,
И прятались от ужаса злодеи,
Все это, друг старинный, где теперь?

Верно, что Дели-Гасан сильно постарел, но, как говорится, старый ли, молодой ли, лев остается львом. Он был прежним Дели-Гасаном! Взял он саз из рук ашуга Джунуна:

С врагом сражаться, грудь на грудь сойтись –
Еще достанет силы у меня.
Враг никогда не вступит в Ченлибель,
Скорей найдет могилу у меня.

Ударю булавой – гора падет,
От страха враг покоя не найдет,
Сердца султанов ужас оплетет,
Враги всегда унылы у меня.

Дели-Гасан был дружбою силен,
И клятвы дружбы не забудет он.
К врагу, покуда он не побежден,
Нет жалости постылой у меня.

Слова Дели-Гасана очень порадовали и Демирчиоглу и ашуга Джунуна. Сели все трое на коней и поехали по горам, по долам, по селам и деревням. В несколько дней собрали они всех удальцов, и пустились все вместе к Ченлибелю.

Оставим удальцов ехать, теперь послушайте о Кероглу.

После того как он послал ашуга Джунуна за Эйвазом, ждал он день, ждал два – никто не едет. На третий день, рано поутру, Кероглу снова сидел на вершине Аггая и смотрел на дорогу. Увидела Нигяр, что Кероглу очень печален. Встала, подошла и села около него. Обернулся Кероглу, посмотрел на Нигяр, взял саз и запел:

Одолел меня враг, одолел.
Постарел я, Нигяр, постарел.
Вот и жизни приходит конец.
Постарел я, Нигяр, постарел.

Для предателя родины нет,
А храбрец словно в броню одет.
Где коней моих огненных след?
Постарел я, Нигяр, постарел.

Кероглу не страшится врагов,
Чашу полную пьет до краев.
Где Эйваз – свет моих удальцов?
Постарел я, Нигяр, постарел.

Только было хотела Нигяр успокоить, подбодрить Кероглу, как заметила – на дороге пыль клубится вперемешку с туманом, туман мешается с пылью. Всмотрелась она пристальней, видит – лежит Эйваз на шее коня и летит, словно стрела, пущенная из лука. И Кероглу и Нигяр вскочили с места.

Примчался Эйваз, соскочил с коня, поздоровался сначала с Нигяр, потом с Кероглу. После первых приветствий и расспросов сели они и начали беседу. Кероглу рассказал Эйвазу все, что было. Эйваз рассказал ему об удальцах.

Потом Кероглу отправил Эйваза на поиски Гырата. Встал Эйваз, взял аркан и отправился к Ягы-горугу. Не успел он уйти, как Кероглу и Нигяр увидели – едут Дели-Гасан, ашуг Джунун, Демирчиоглу, а за ними и все удальцы.

При виде верных друзей не выдержало, забушевало сердце Кероглу, прижал он к груди свой саз и так приветствовал своих удальцов:

Опять улыбнулась мне жизнь.
Привет вам, мои удальцы.
Прощаюсь с тоской одиночества,
Привет вам, мои удальцы.

Вы здесь погостите-ка лучше,
Пашей мы сегодня проучим,
Возмездье с султанов получим.
Привет вам, мои удальцы.

Мы на ноги землю подыдем,
Кровь пустим ручьями густыми,
Пашей похватаем живыми.
Привет вам, мои удальцы.

Пришельцам достойно ответим,
Калеными стрелами встретим,
Огня не избегнуть, сгореть им.
Привет вам, мои удальцы.

Зима обратилась весною,
Вы песнь подхватите за мною.
Я радостью полон земною.
Привет вам, мои удальцы.

Удальцы соскочили с коней. Поздоровались с Нигяр и с Кероглу. В эту минуту донеслось ржание. Обернулись все и увидели – летит Гырат, словно сокол, а на нем Эйваз. Объехал конь вокруг Ченлибеля, подкакал, остановился прямо перед Кероглу и заржал так, что задрожали горы.

Прижал тогда Кероглу к груди свой трехструнный саз и запел:

Вот конь ступает по траве,
Ликуй, пари, моя душа.
О светлой радости – весне
Заговори, моя душа.

Опять Гырата подкую
И растопчу пашей в бою.

Как кравчий, смельчаков семью
Ты одари, моя душа.

Смел Кероглу, и тем силен.
Я выйду в бой, вооружен,
Мечом снесу султанский трон,
Ты суд твори, моя душа.

Оставим удальцов в Ченлибеле. Теперь расскажу я вам о шахе.

Когда приготовления были закончены и войска собраны, призвал падишах Алы-хана и Мехти-хана, поручил им командовать войском и отправил в поход. Шли войска, шли и, наконец, дошли до подступов к Ченлибелю.

Дозорные тотчас сообщили об этом Кероглу. Приказал он предводителям отрядов скликать удальцов. Когда все были в сборе, взял Кероглу свой саз и запел:

К оружию, удальцы мои!
Враги навстречу нам идут.
Войска их движутся вперед,
По снеговым горам идут.

В моих словах неправды нет.
В глазах врага потушим свет.
Да будет меч стальной воздет
К высоким небесам. Идут!

Построимся в могучий ряд.
Они идут, они вопят,
Наверно, гибели хотят.
Лисицы в гости к львам идут.

Для удальцов преграды нет,
В засаде встретим мы рассвет.
Пусть наш Эйваз, Белл и-Ахмед
С фирманом по рядам идут.

Как тигры, вступим в гущу сеч,
Чтоб головы сносить им с плеч.
За Кероглу, поднявши меч,
Игиды по пятам идут.

Допев песню, отдал Кероглу саз Нигяр-ханум и взял в руки свой египетский меч. Тотчас Дели-Мехтер подвел к Кероглу Гырата. Кероглу сел на коня, обнажил египетский меч и обернулся к удальцам:

Удальцы мои! На бой пора нам.
Пусть создатель сыновей хранит.
Люди узнают бойца по ранам,
А изменник будет вечно бит.

Клич издай подобно Рустам-Залу,
Бей врага по общему сигналу,
Бей клинком, что повергает скалы,
И да будешь крепким ты, игид.

Победит лишь тот, кто верит в силу,
В ком отвага сердце закалила.
Мать, что труса под крылом взрастила,
Не сумеет омыть слезами стыд.

Кравчий носит – осушайте чаши.
Нет, не мы, – враги боятся наши.
Сабле, строй враждебный разрушавшей, –
Слава! Пусть змеей в ножнах лежит.

Вечно будет жить моя отвага.
Без любви игид не ступит шага.
Кто от Кероглу бежит, бродяга, –
Пусть позором будет тот покрыт.

За это время подошли и войска ханов. Посмотрел Кероглу на своих удальцов, посмотрел на врагов и испустил такой громовой клич, что птицы в небе застыли в своем полете. Повернулся Кероглу к Эйвазу:

Злобный враг нагрянет скоро,
Вот он, враг, гляди, Эйваз.
Взгромоздил на горы горы,
В битву выходи Эйваз.

Сердце, как орел, взлетело,
Мощен дух, хоть дряхло тело.
Сабля – друг мой – заблестела,
На врага иди, Эйваз.

Конь подков лишен не будет,
Кероглу согбен не будет,
Удалец сражен не будет,
Вражью кровь пролей, Эйваз.

И Кероглу бросился на вражеское войско. Со всех сторон налетели и удальцы.

Рассказывают, что в тот день в Ченлибеле начался такой бой, какого не видывали от сотворения мира. Обагранные вражьей кровью камни Ченлибеля атели точно красные маки и тюльпаны.

А надо вам сказать, что ханы прибегли к хитрости. Они сначала двинули половину войска, а остальных оставили в засаде, чтобы выведать силы удальцов, а потом уже, в подходящую минуту, ударить по ним. Теперь, видя, что битва проиграна, приказали они остальным войскам выйти из засады, ударить в самую середину и окружить Кероглу.

Словом, войска выскочили из засады. Но и Кероглу не оплошал. Он тоже оставил Дели-Гасана с его отрядом в засаде. Теперь повернулся он к Эйвазу:

Пусть явится Дели-Гасан, зови отважного скорей.
Удар тяжелый нанесен врагу сегодня будет.
Кто верх возьмет – тот верх возьмет, а кто умрет, –
пускай умрет,
Игид отвагой вознесен и славой поднят будет.

Поставь отважных в первый ряд, ведь новичкам
не место тут:
Погибнут сами и друзей своих на гибель обрекут,
А коль окажется, что мне не вырваться из вражьих
пут, –
Тогда уж в жилах мне не кровь, а хна пригодней
будет.

Поверьте мне, я никогда не говорил неправды вам:
Пусть обратится каждый в льва и силой будет
равен львам.
В сраженье праведном себя мы не дадим побить
врагам,
Пусть с жизнью распростится враг и в преисподней
будет.

Я Кероглу, я Эмирай, мне для победы хватит
сил.

Еще такого храбреца никто на свете не родил.
В сраженье несговорчив я, пускай придет хоть
Азраил,
Врагов перекрещу мечом, хоть тысячи их будут.

Посмотрела Нигяр-ханум на удальцов, посмотрела на Кероглу, посмотрела и на врагов.

Как раз в ту минуту Кероглу подъехал к ней. Увидел – глаза Нигяр налились слезами. Вот-вот разразятся дождем, как апрельские тучи. Обернулась Нигяр на ржанье Гырата. Увидела Кероглу и только могла выговорить:

– Джан Кероглу!..

Дрогнуло сердце Кероглу, забилося сильнее. Раздался его громовой боевой клич и потом – песня:

Кто смел – стоит, кто трус – бежит,
Весь мир гремит – грохочет,
В сраженье вступит мой игид –
Весь мир гремит – грохочет.

Закрутит ус лихой игид,
Натянет лук – стрела летит,
Ударит булавой о щит –
Весь мир гремит – грохочет.

Палят орудья. Бог велик,
Избавь от бед рабов твоих.
Лишь Кероглу издаст свой клик –
Весь мир гремит – грохочет.

Удальцы смяли и опрокинули врагов, ни один шахский воин не вернулся назад. Когда затих бой, повернул Кероглу коня к Ченлибелю. Схватил тогда ашуг Джунун Гырата под уздцы. Остановился Кероглу. Остановились и удальцы.

– Кероглу, – сказал ашуг Джунун. – Давно уж, ты простился с удальцами, и славное имя свое хотел забыть. Теперь скажи, что будет дальше? Хочешь ли опять, ты жить один, или удальцы останутся с тобой?

– Эх, ашуг Джунун! – ответил Кероглу. – Верно, хотел я отказаться от прежней жизни, да вижу, не бывать тому. Пока в этом жестком мире владычествуют султаны, шахи, паши, ханы, я буду все тем же, прежним Кероглу.

Потом обернулся он к удальцам и, указав на них рукою, сказал:

– Пока есть на свете они, будем и мы!

Раздались радостные, торжествующие крики удальцов. Кони заржали, сверкнули мечи. Гырат поднялся на дыбы и заржал так, что дрогнули горы. Прижал ашуг Джунун к груди своей трехструнный саз. И все вместе-они снова стали подниматься в Ченлибель.

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ

1. «Кероглу»

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Инв. № 480. Записано в Кировабаде в 1936 г. у ашуга Гусейна Бозалганлы. Опубликовано в первом издании дастана в 1941 г.

2. «Кероглу». («Кто такой Кероглу?»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 495. Записано в Таузе в 1936 г. у ашуга Асада. Опубликовано в первом издании дастана в 1941 г.

3. «Кероглу».

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 493. Записано Гумметом Ализаде в 1937 г. в Казахе у ашуга Али. С некоторыми изменениями включен в книгу «Кероглу», изданную Азернешром в 1941 г.

4. «Гаф».

Состоит из 12 глав. Собрано А. Ходзько. Издано в 1842 г. на английском языке. В 1856 г. переведено С. Пенном на русский язык.

5. «Нигяр» («Рассказ о Кероглу и Нигяр»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 510. Записано у Мелика Султана Ахмед оглы в селении Гоби (близ Баку) в 1933 г. Впервые издано в первом издании дастана в 1941 г.

6. «Демирчиоглу»

Записано в 1937 г. у ашуга Гусейна. В несколько обработанном виде напечатано в том же году в «Литературной газете» под заглавием «Отрывок из Кероглу». В настоящее издание включены следующие части дастана: «Приход Демирчиоглу в Ченлибель», «Эрзерумский поход Кероглу» и «Путешествие в Тогат».

7. «Демирчиоглу».
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 495. Записано в 1936 г. у ашуга Асада в Таузе. В русском переводе публикуется впервые.
8. «Демирчиоглу» («Как приводят Демирчиоглу»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 517. Записано в 1936 г. у ашуга Алы. На русском языке публикуется впервые.
9. «Демирчиоглу»
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 531. Записано Гумметом Ализаде в 1938 г. в Таузе у ашуга Мирзы. С некоторыми изменениями включен в книгу «Кероглу», изданную Азернешром в 1941 г.
10. «Дели» («Дели-Гасан и Кероглу»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 946. Записано в 1937 г. в Дивичинском районе у ашуга Гасанбала. В русском переводе публикуется впервые.
11. «Демирчиоглу» («Приход Телли-Ханум»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 526. Записано в 1938 г. у ашуга Ибрагима Карачыоглу в Кировабаде.
12. «Джунун» («Кероглу и ашуг Джунун»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 530. Записано в 1938 г. Гумметом Ализаде у ашуга Али в Казахе.
13. «Джунун» («Приход Джунуна»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 518. Записано в 1936 г. в Таузе у ашуга Мирзы.
14. «Эйваз» («Приход Эйваза»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 502. Записано в 1936 г. в Таузе у ашуга Асада.
15. «Туркмен» («Туркменский поход Кероглу»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 524. Записано в 1934 г. Гумметом Ализаде у ашуга Али в Казахе. С некоторыми изменениями включено в книгу «Кероглу».

16. «Гамза» («Похищение Гамзой Гырата»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 528. Записано в 1936 г. у ашуга Гусейна Бозалганлы в Таузе.
17. «Гамза» («Похищение Гамзой Гарыта»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 502. Записано в 1936 г. у ашуга Асада в Таузе.
18. «Гамза» («Похищение Гырата Гамзой»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 523. Записано в 1936 г. у ашуга Ислама в Кировабаде.
19. «Тогат» («Путешествие Кероглу в Тогат»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 532. Записано в 1937 г. Гумметом Ализаде у ашуга Али в Казахе. Включено в книгу «Кероглу», изданную Азернешром в 1941 г.
20. «Багдад» («Багдадский поход Кероглу»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 522. Записано в 1937 г. у ашуга Гусейна Бозалганлы в Таузе.
21. «Багдад» («Багдадский поход Кероглу»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 533. Записано в 1938 г. Гумметом Ализаде у ашуга Исрафила в Кировабаде. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).
22. «Махбуб» («Приход Махбуб-Ханум»)
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 534. Записано в 1929 г. Гумметом Ализаде у ашуга Мухаммеда в Казахе. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).
23. «Агджа Гузу»
Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 525. Записано в 1936 г. у Джалила Мурадоглу в Хизинском районе.
24. «Раб» («Побег раба»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 519. Записано в 1935 г. у ашуга Мехти Насибоглу в Таузе.

25. «Баязид» («Путешествие Кероглу в Баязид»).

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 535. Записано в 1937 г. Гумметом Ализаде у ашуга Али в Казахе. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

26. «Баллыджа» («Путешествие Кероглу в Баллыджу»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 536. Записано в 1937 г. Гумметом Ализаде у ашуга Мухтара в Ордубаде. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

27. «Бейляр» («Кероглу и Бейляр»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 497. Записано в 1937 г. у ашуга Алиша Самедоглу в Забрате (Баку).

28. «Болу» («Кероглу и Болубек»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 537. Записано в 1938 г. Гумметом Ализаде у ашуга Садыга в Казахе. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

29. «Болу» («Кероглу и Болубек»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 520. Записано в 1938 г. в Шемахе.

30. «Грузия» («Путешествие Кероглу в Грузию»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 490. Записано в 1936 г. у ашуга Бейдюза в Кубе.

31. «Адил» («Кероглу и Адил-паша»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 538. Записано в 1935 г. у Али Иолдашоглу в селекции Джорат (близ Баку).

32. «Кероглу» («Храбрость Кероглу»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 539. Записано в 1938 г. Гумметом Ализаде у ашуга Мухаммеда в Казахе. Включено в книгу «Кероглу».

33. «Старость» («Старость Кероглу»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низа-

ми. Инв. № 540. Записано в 1939 г. Гумметом Ализаде у ашуга Али в Казахе. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

34. «Кероглу» («Старость Кероглу»).

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 541. Записано в 1938 г. Гумметом Ализаде у ашуга Гамбара в Заяме. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

35. «Дербенд» («Бой Кероглу»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 529. Записано в 1936 г. у ашуга Гусейна Бозалганлы в Таузе.

36. «Дербенд» («Дербендский поход Кероглу»).

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 521. Записано в 1932 г. у поэта Вели в селе Бозалганлы (Таузском районе). Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

37. «Булгейс» («Кероглу и Кюрдоглу»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 520. Записано в 1935 г. у ашуга Мехти Насибоглу в Таузе.

38. «Доня» («Доня-ханум»).

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 488. Записано в 1936 г. у ашуга Теймура в Шамхоре.

39. «Айпара» («Кероглу и Айпара»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 494. Записано в 1936 г. у ашуга Джангира в селекции Маштаги (близ Баку).

40. «Хонхар» («Кероглу и Хонхар»)

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Инв. № 495. Записано в 1936 г. у Башира Асадоглу в Забрате (Баку).

41. «Кероглу»

Фольклорный архив Института литературы и языка им. Низами. Записано у Гуммета Ализаде. Включено в книгу «Кероглу» (Азернешр, 1941 г.).

АЛЫ-КИШИ

При составлении этого рассказа взяты в основу варианты «Кероглу», записанные у ашугов Асада, Бозалганлы и Алы.

Во всех вариантах, имеющих на азербайджанском языке, отца Кероглу зовут Алы-киши, только в варианте «Гаф» (С. Пенн) он носит имя Мирза Сарраф. В «Гафе» (С. Пенн) Мирза Сарраф не только хороший табунщик, но и астролог.

1. *Киши* – мужчина. В данном случае: мудрый старец, простолюдин.

2. В отдельных вариантах по-разному описывается рождение жеребцов Гырата и Дурата. В вариантах ашугов Бозалганлы и Алы, а также в повествованиях других ашугов, говорится, что из моря вышло два жеребца. В варианте «Кероглу» (ашуг Асад) из моря выходит один жеребец. От Гырата у второй кобылицы родился Дурат. В варианте «Гаф» (С. Пенн) также сперва рождается Гырат. По рассказу других, жеребцы выходят из озера, находящегося близ границы Нахичевани и Армении.

3. *Рустам* – Рустам-Зал, герой поэмы Фирдовси «Шах-намэ».

4. *Зумруд-булаг*, *Зумруд* – изумруд, *булаг* – родник (изумрудный родник); прозрачная, как изумруд, вода.

5. В некоторых вариантах Алы-киши на сороковой день приходит посмотреть жеребцов в конюшню. Взглянув на Гырата, он заметил у него на крупе впадину и спросил у Ровшана, не падал ли

свет на коня. Ровшан ответил, что в потолке конюшни есть маленькое, словно проколотое иголкой, отверстие. Алы-киши поручил сыну поправить крышу.

6. В варианте «Кероглу» (ашуг Асад) изготовление египетского меча описывается так.

После того как испытали жеребцов, Ровшан, по приказанию отца, взяв свою мать и Дурата, направился в родное село Мурадбейли. Он оставляет их там, а сам возвращается обратно. Алы-киши посылает его к мастеру-лезгину, чтобы тот изготовил меч.

Мастер отдает Ровшану изготовленный меч, и он отправляется мстить за отца.

В этом варианте сам турецкий султан приказал выколоть глаза Алы-киши. При встрече с султаном во время сражения Ровшан убивает его сына и визиря. Вместе с отцом он бежит в Мурадбейли и, собрав вокруг себя храбрецов, обосновывается в Ченлибеле.

Первыми присоединяются к Кероглу его удальцы: Исабала, Белли-Ахмед, Коса-Сафар, Чопур-Мехти, Алайпозан, Тыпдагыдан, Танрытанымаз и Дилбилмез.

7. *Гоша-булаг*. *Гоша* – смежный, *булаг* – родник; родники, расположенные рядом.

8. В варианте «Кероглу» (ашуг Бозалганлы Ровшан) умывается водою из первого родника. Воду второго родника пьет сам и дает пить Гырату. Он, по совету отца, ночью спит у Гоша-булага. От воды этого родника у Ровшана появляется исполинская сила и пробуждается дар ашуга. Гырату, после того как он тоже испил воды из Гоша-булага, приписывается способность понимать все, что происходит в душе Кероглу.

9. *Исрафил* – по религиозным представлениям ангел, который звуками своей трубы должен воскресить всех мертвых в день страшного суда (соответствует архангелу Гавриилу в православном вероисповедании).

10. *Дели* – в современном азербайджанском языке значит безумец, в прежнее время словом дели именовали храбрецов, удальцов, народных героев.

11. *Кероглу Кер* – слепой; **оглу** – сын; сын слепца.

12. В варианте «Кероглу» (ашуг Али) Алы-киши, после того как ему выкололи глаза, вместе с Ровшаном уходит прямо в Ченлибель. Испытание жеребцов тоже происходит в Ченлибеле.

КЕРОГЛУ И ДЕЛИ-ГАСАН

1. *Игид* – герой, удалец.

2. *Саз* – струнный музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого ашуги обычно исполняют свои песни.

3. *Сын Эджема* – (в данном контексте) сын иной страны.

4. *Слепой шайтан* – здесь в смысле дьявола-искусителя.

5. *Шестопёр* – род булавы с наконечником в форме пучка перьев стрел.

6. *Аленно* – город в Сирии, известный в средние века торговлей рабами.

Этот рассказ у всех ашугов почти одинаков. В нем говорится о встрече Кероглу с Дели-Гасаном и о том, как они сперва бьются, а потом братаются.

КЕРОГЛУ В СТАМБУЛЕ

В основу этого рассказа взяты варианты «Кероглу» (Гуммет Ализаде) и «Нигяр» (Мелик Султан).

В этом рассказе говорится о приходе Белли-Ахмеда в Ченлибель, о путешествии Кероглу в Стамбул и встрече его с Нигяр, о битве с сыном султана Бурджу-Султаном, о том, как привозят Нигяр в Ченлибель. Некоторые ашуги называют этот рассказ «Как Нигяр привозят в Ченлибель».

1. Образ из старинного народного поверья о радуге.

2. *Белли* – знаменитый.

3. *Пехлеван* – богатырь

4. *Суфра* – скатерть.

5. *Чарыхи* – простая крестьянская обувь из сыромятной кожи.

6. *Ханум* – госпожа.

7. В варианте «Дербенд» (ашуг Вели) эту гошму (ашугская песня, импровизация) Кероглу посвящает Мовминэ-ханум. Поэтому последнее четверостишие относится к Мовминэ-ханум.

8. *Мехтер* – конюх. Кероглу всех своих бойцов, даже не носивших оружия, например, конников и ашугов, называл дели (т. е. удалец).

9. *Тирмэ* – дорогая узорчатая шаль.

10. Выражение, основанное на образах азербайджанских народных сказок. В глиняном горшке колдуньи поднимаются на небо, чтобы наблюдать за тем, что происходит на земле. В известной степени соответствует Бабе-Яге в русских сказках.

11. *Эфенди* – господин. Кероглу часто иронически называет так пашей и ханов.

12. *Иман* – совесть, а также вера.

13. *Чавуш* – глава паломников.

14. *Лба и чалма: аба* – плащ из грубой шерстяной материи; *чалма* – головной убор.

ПРИХОД ДЕМИРЧИОГЛУ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

В основу этого рассказа взяты варианты «Демирчиоглу» ашугов Гусейна, Асада, Али и Ислама. Некоторые ашуги не считают его самостоятельным рассказом и соединяют с «Эрзерумским походом Кероглу». В отдельных вариантах Дели-Гасан именуется Демирчиоглу Дели-Гасан. Здесь нет Дели-Гасана, выступающего как персонаж уже во втором из приводимых нами рассказов – «Кероглу и Дели-Гасан». Но и в этих вариантах видно (и по стихотворному тексту и по другим признакам), что речь идет о разных лицах. Такое соединение имен или различное наименование одних и тех же героев является одной из особенностей разных вариантов эпоса «Кероглу».

Ашуги по-разному описывают, как Демирчиоглу привозят в Ченлибель.

В варианте «Демирчиоглу» (ашуг Асад) говорится, что Демирчиоглу привозят в Ченлибель при помощи ашуга Джунуна.

В этом варианте Демирчиоглу всего лет тринадцать—четырнадцать. Но он уже очень силен и крепок. Когда подковывали Гырата, Кероглу увидел Демирчиоглу, и он приглянулся ему. Кероглу решил взять его с собой в Ченлибель и сделать одним из своих удальцов. Он сообщает о своем намерении ашугу Джунуну. Джунун с помощью двух голубей заманивает Демирчиоглу, уводит его из города, и тогда Кероглу похищает подростка.

В варианте «Демирчиоглу» (ашуг Гусейн) события разворачиваются несколько иначе.

Здесь Демирчиоглу все деньги, которые дал ему Кероглу за то, что подковали его коня, смял и возвратил обратно. В конце концов он за труд попросил у Кероглу разрешение лишь один раз сесть на Гырата. Кероглу воспользовался этим, и когда Демирчиоглу сел на коня, он тоже вскочил на него и поскакал в Ченлибель.

В последних двух вариантах Кероглу на следующий день приводит Демирчиоглу к отцу и, получив его согласие, оставляет молодого богатыря у себя.

Прозвища упомянутых здесь удальцов имеют определенный смысл.

1. *Чопур-Сафар* – рябой Сафар.
 2. *Алайпозан* – разбивающий полкй.
 3. *Тыпдагыдан* – разбивающий центр вражеских сил.
 4. *Тохмазгуран* – бьющий булавой.
 5. *Геридонмаз* – необорачивающийся.
 6. *Танрытаньмаз* – безбожный.
 7. *Дилбилмез* – упрямый, непонятливый, не поддающийся никаким уговорам.
 8. *Горджуоглу* – сын грузина.
 9. *Горхуганмаз* – бесстрашный.
 10. *Демирчиоглу* – сын кузнеца.
 11. *Папах* – мужской головной убор, символ мужества.
- Приводимое здесь выражение означает – «пусть не буду достоин называться мужчиной».

ЭРЗЕРУМСКИЙ ПОХОД КЕРОГЛУ

В основу этого рассказа положены варианты «Демирчиоглу» ашугов Асада, Гусейна и Ибрагима. Этот же рассказ имеет еще пять вариантов, которые по своей композиции весьма отличаются друг от друга. Одни ашуги «Приход Демирчиоглу в Ченлибель» объединяют с «Эрзерумским походом Кероглу», другие выделяют из этого повествования эпизод о том, как приходит ашуг Джунун в Ченлибель и рассказывают об упомянутых здесь трех событиях отдельно, придавая каждому из них сюжетную самостоятельность.

Так как эти события связаны с описанием подвигов Демирчиоглу и приездом Телли-ханум в Ченлибель, то ашуги называют этот рассказ иногда и так: «Как Демирчиоглу привез Телли-ханум в Ченлибель».

1. *Джунун* – то же, что и дели: удалец, храбрец.
2. По обычаю, ашуг, победивший на поэтическом состязании, отбирал у побежденных ашугов их сазы.
3. *Гара-пехлеван* – черный богатырь.
4. *Фирман* – приказ, повеление.
5. По-разному изображается в различных вариантах приход ашуга Джунуна в Ченлибель. В варианте «Джунун» (ашуг Алы) Кероглу видит караван, проходящий в окрестностях Ченлибеля. Он один нападает на караван и требует дань у купеческого старшины. Тот, притворно соглашаясь, дает распоряжение каравану направиться в Ченлибель, а тайком приказывает своим людям захватить Кероглу. Вооруженные купцы нападают на него. Происходит короткая схватка. Купцы, побросав оружие, сдаются Кероглу и приводят караван в Ченлибель. Когда распаковывают выюки, из одного большого сундука выходит с сазом на плече ашуг. Это ашуг купеческого старшины Джунун. Выясняется, что у ашуга была легкая рука и он всегда приносил счастье, поэтому купец посадил его в сундук и спрятал от Кероглу. Ашуг Джунун говорит, что хочет остаться в Ченлибеле у Кероглу. Кероглу отпускает купцов, а ашуга Джунуна оставляет у себя. С того дня Джунун становится ашугом Кероглу.

В варианте – «Джунун» (ашуг Мирза) купец по имени Саррафи-Заркулах со своим караваном проходит вблизи Ченлибеля. Один из удальцов Кероглу, карауливший в проходе Аггая, увидев караван, хотел сообщить об этом Кероглу, но потом решил пойти сам, напугать их именем Кероглу, задержать и привести в Ченлибель. Он садится на коня и подъезжает к каравану. Саррафи-Заркулах спрашивает, кто он такой и чего хочет. Тот отвечает, что он ашуг. Саррафи-Заркулах дает ему пятьсот золотых. Удалец возвращает ему деньги и предлагает направить караван в Ченлибель. Саррафи-Заркулах в ответ смеется. Разозлившись, удалец прижимает к груди свой саз и, подобно Кероглу, поет гошму.

Саррафи-Заркулах, услышав имя Кероглу, разгневался и сказал:

– Ты тоже, наверно, из тех, кто выколол глаза отцу, чтобы называться Кероглу. Уходи отсюда!

Удалец возвращается в Ченлибель и рассказывает обо всем Кероглу. Тот берет с собой нескольких удальцов и преграждает Саррафи-Заркулаху путь. Начинается битва. Кероглу побеждает. Самого Саррафи-Заркулаха он освобождает за его храбрость и мужество, а караван приводит в Ченлибель. Когда распаковывают вьюки, из большого сундука выходит ашуг Джунун.

В варианте «Дели» (ашуг Гасанбала) во время пира Кероглу требует, чтобы удальцы привели ашуга. Дели-Гасан уходит и приводит из Эрзерума ашуга. В этом варианте имя у ашуга не Джунун, а Джаван.

Встреча Джунуна с Телли-ханум в отдельных вариантах излагается по-разному. В варианте «Демирчиоглу» (ашуг Бозалганлы) ашуг Джунун с самого начала живет у Кероглу. Здесь говорится, что однажды Кероглу, смотрел в зеркало и вздыхал. Джунун понял, что Кероглу грустит по поводу того что бездетен. В том же варианте причиной бездетности является не Кероглу, а Нигяр. Поэтому ашуг Джунун советует ему жениться на другой, а сам едет в Эрзерум, чтобы подыскать ему невесту.

Джунун слышал о Телли-ханум, но не может отыскать ее. Встретив на улице плешивого, он спрашивает у него, где дом

Телли-ханум. Плешивый боится показать дом Джефер-паши. Наконец, они решают так: плешивый берет у ашуга трубку от кальяна и убегает. Ашуг бежит за ним, якобы для того, чтобы поймать его. Плешивый роняет трубку у дома Джефер-паши. Таким образом, ашуг Джунун узнает, где живет Телли-ханум.

6. *Попугай* – здесь в смысле олицетворения красноречия.
7. *Делибаши* – глава удальцов.
8. На Востоке устраивались бои верблюдов.
9. *Меджлис* – собрание, здесь – общество, пиршество.
10. *Мейдан* – площадь, здесь – поле сражения.
11. *Кимиягер* – алхимик.

КАК ЭЙВАЗА ПРИВЕЗЛИ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

В основу этого рассказа взяты варианты: «Эйваз» (ашуг Асад), «Эйваз» (ашуг Бозалганлы), «Туркмен» (ашуг Алы).

В них говорится о том, как тоскует Нигяр из-за того, что у нее нет детей, как ашуг Джунун находит Эйваза и сообщает об этом в Ченлибель. Там же описывается туркменский поход Кероглу, его битва с Араб-Рейханом и появление Эйваза в Ченлибеле.

Ашуги иногда называют этот рассказ «Туркменский поход Кероглу».

1. *Ходкар* – производное от худабендигяр – прозвище турецких султанов.
2. *Искендер* – Александр Македонский.
3. *Юсиф* – Иосиф Прекрасный.
4. *Агсаккалы* – седобородые.
5. *Карасаккалы* – чернобородые.
6. *Дастан* – эпос, сказание. Выражение, приведенное, здесь, означает: – «имя его не сходило с уст».
7. *Миср* – Египет.
8. *Халладж Мансур* – суфий, живший в X столетии.
9. *Карс, Кагызман, Муш, Чанаккала и Сарыкамьш* – названия турецких городов.
10. *Аладжалар* – название горы.

11. *Сарбан* – погонщик верблюдов.
 12. *Батман* – мера веса на Востоке, в разных местах различная – от трех до восьми фунтов.
 13. *Туман* – денежная единица.
 14. *Чин-Мачин* – дальняя страна, в данном случае – Китай.
- В этих вариантах по-разному говорится о том, откуда Эйваз родом. Одни ашуги говорят, что он из Тогата, а другие – что, он сын мясника из Гянджи. Большая часть ашугов придерживается того мнения, что он родом из Туркмении.
15. *Той* – свадьба. Иногда употребляется в смысле пиршества.

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО

В основу этого рассказа положены варианты «Багдад» ашугов Бозалганлы Асада; Алы и Исрафила, именуется он также как «Багдадский поход».

Здесь повествуется о том, как Эйваз, Демирчиоглу и Белли-Ахмед едут за журавлиным пером, как Аслан-паша берет их в плен и как Ходжа-Азиз приносит об этом весть в Ченлибель; дальше описывается Багдадский поход Кероглу и его встреча с Гизироглу.

1. В варианте «Багдад» (ашуг Асад) Ходжа-Азиз приходит в Ченлибель, но вначале ничего не говорит Кероглу об Эйвазе. Кероглу по обычаю угощает своего друга. Виночерпий приносит вино. Ходжа-Азиз не пьет и просит, чтобы вино поднес ему Эйваз. Кероглу поет гошму, в которой говорится о том, что он послал Эйваза за журавлиным пером, а тот не вернулся, попав в руки врагов.

Затем Ходжа-Азиз поет гошму, которая приводится в данном сборнике.

В варианте «Багдад» (ашуг Бозалганлы) еще до прихода Ходжи-Азиза Кероглу поет своим удалцам другой вариант той же гошмы, содержание которой мы привели выше. Он также жалеет о том, что послал Эйваза, который попал в руки врагов, и упрекает себя, за это.

В основных вариантах эта гошма состоит из семи четверостиший, в «Походе в Баязид» ее поет Нигяр-ханум.

2. *Сардар* – военачальник, наместник.
3. *Ходжа* – почтенный купец.

4. В варианте «Багдад» (ашуг Асад) вместе с Эйвазом уходят Демирчиоглу и Исабала. Услышав рассказ Ходжи-Азиза, Нигяр плачет. Кероглу поет ей гошму, в которой, утешая ее, обещает отправиться за Эйвазом и вернуться с ним.

В варианте, записанном со слов неизвестного ашуга, Кероглу поет о том, что послал Эйваза за журавлиным пером, что тот не вернулся и теперь окружен врагами, а сам Кероглу от горя лишился рассудка.

5. В «Сборнике» стихотворений» поэта А. Гараджадаги имеется еще один вариант этой гошмы, где говорится: «Эйваз, сын мой, вставай. Во сне я видел, что Демирчиоглу попал в беду, зовет на помощь и ждет. Приведи Гырата, оседлай его. Разбудите Алай-позана, пусть кровью окрасятся мечи. Пусть пока Демирчиоглу сносит удары. В нем много мощи, у него сильные руки. Я спал и видел дурной сон. Никто не знал, что меня ожидает». «Кто любит меня, пусть придет, Демирчиоглу приходится плохо» (подстрочный перевод).

6. *Чоха* – верхняя мужская длиннополая одежда.
7. *Хурджун* – ковровая переметная сума.
8. *Сэдр-эзам* – главный визирь.

9. В варианте «Багдад» (ашуг Асад) эта гошма (в подстрочном переводе) поется так:

«Где мой храбрый Кероглу? Пришел на это поле сражения, чтобы от его боевого клича все вы разбежались в разные стороны. У Эйваза нет выхода. Кероглу получит дань, если только поднимет египетский меч и поле сражения покроет кровью. Допроси Демирчиоглу, допроси. Свали на него всю вину, убей нас, двоих удальцов, только, паша мой, пожалей Эйваза».

10. *Гизир* – доверенный слуга.

11. Начало этой гошмы в некоторых вариантах звучит так: «Путь мой в Тогат–город». Но ни в одном варианте Гизироглу Мустафа-бек не участвует в путешествии в Тогат. В «Кероглу» (ашуг Гуммет Ализаде) эта гошма дается как самостоятельная.

12. *Алапача* – белоногий.

ПОХИЩЕНИЕ ГЫРАТА ХАМЗОЙ

В основу этого рассказа взяты варианты «Тогат» (ашуг Асад), «Хамза» (ашуг Бозалганлы), «Хамза» (ашуг Асад), «Хамза» (ашуг Ислам). Сюжет их сводится к следующему: плешивого Хамзу посылают в Ченлибель похитить Гырата. Кероглу отправляется в Тогат, бьется с Хасан-пашой и возвращается с Гыратом. Этот рассказ иногда называется «Путешествие Кероглу в Тогат».

В азербайджанском фольклоре плешивый (точнее, пораженный паршой) – это обычно хитрец и ловкач, умело выходящий из любого положения.

1. В варианте «Тогат» (ашуг Алы) имя тогатского паши Махмуд-паша, а в варианте «Хамза» (ашуг Бозалганлы) его называют султаном. Хасан-паша в других вариантах именуется Аслан-пашой.

2. *Дастархан* – небольшая дорожная скатерть.

3. Приход Хамзы в Ченлибель в вариантах описывается с разными подробностями. В вариантах «Хамза» (Тимур), когда Хамза дошел до Ченлибея, удалцы играли в *чилингагадж* (игра с палочками, *чилинг* колышек с оструганными концами для детской игры).

Воины стояли в десяти шагах друг от друга. Белли-Ахмед взял Хамзу за ногу и бросил как колышек Араб-оглу. Тот перебрал его Бурун-Ахмеду, а Бурун-Ахмед – Эйвазу. Кероглу сидел на камне около Эйваза и смотрел на игру удалцов. Эйваз сказал:

– Ага Кероглу, поймай колышек!

Кероглу поймал Хамзу на лету и поставил на землю.

– Кто ты, молодец? – спросил Кероглу потерявшего сознание Хамзу.

– Ага Кероглу, – ответил, очнувшись, Хамза, – я слышал, что птицы на небе и люди, попавшие в беду, живут твоим хлебом. Я пришел подметать возле твоих дверей, жить у тебя.

– Кероглу, – сказали удалцы, – не нравится он нам. Разрешите, дадим ему один-два пинка, пусть издохнет. Его, наверно, паши послали лазутчиком.

Говорят, что там не было женщин. Только одна Нигяр-ханум сидела с Кероглу.

– Кероглу, – сказала она, – правда, мне не нравятся его глаза. Он принесет нам беду. Но не убивай его, пусть уйдет.

– Да нет, какая от него беда? Пусть подметает у нас... Слушай, ты откуда?

– Отец мой родом из Гафа, а я сам иранец, – ответил Хамза. – Приехал из Ирана.

– Сынок, а что ты еще можешь делать?

– Кероглу, скажи, чем еще могу служить тебе?

– Умеешь складывать стихи?

– Почему же нет?

– Если сложишь стихи о моей ханум, я тебя оставлю здесь.

Хамза посмотрел и увидел, что у ханум большие, как чаши, глаза, щеки, как атлас, губы, как каймак (сливки, снятые с топленого молока), зубы, как жемчуг, брови, как змеиное жало.

И начал Хамза петь гошму, где восхвалял красоту Нигяр-ханум.

Когда он закончил, Кероглу произнес:

– Сынок, если бы сказано было тобою плохо, я поступил бы с тобой иначе. – Потом обратился к своим удалцам и сказал. – Не трогайте его, пусть остается у нас.

В варианте «Гамза» (ашуг Ислам) рассказывается, что в Ченлибеле жил цирюльник по имени Ахмед. Плешивый Хамза доехал до его дома. На рассвете он остановился и захотел узнать, кто тут хозяин. Жена цирюльника вышла во двор. Хамза стоял и прислушивался. Он слышал, что служанки из соседних домов говорят. «Чего это так рано вышла во двор Периджахан-ханум?» Оказывается, жена цирюльника Ахмеда в мужской одежде часто ходила вместе с удалцами на битву. На этот раз, выйдя в мужской одежде во двор, она увидела безобразного пришельца. Взглянув на него, она сказала:

– Уходи отсюда, противный такой. Смотрите, кто-мне попался навстречу! Тут бы встретиться с зеркалом и гребенкой (намек на плешивую голову Хамзы).

Плешивый Хамза догадался, что это женщина, и сказал:

– Ханум, родная, не убивай меня!

Едва он произнес эти слова, как Периджахан-ханум замахнулась на него саблей.

– Почему ты меня называешь женщиной? Я мужчина!

Тогда Хамза сказал:

– Ханум, не убивай меня. Я хочу сказать тебе несколько слов, скажу, потом убей.

Периджахан-ханум остановилась. Ей захотелось узнать, что у него на уме, что он скажет.

Плешивый Хамза спел гошму, где восхвалял красоту Периджахан-ханум и умолял не убивать его.

Когда он кончил петь, Периджахан-ханум спросила:

– Это ты сам сложил или от кого-нибудь перенял?

– Нет, ханум, – ответил Хамза, – мы все в нашем роду слагаем песни.

– Встань! – сказала Периджахан-ханум и велела служанкам: – Разожгите средний оджак (место, где разводят огонь). Поставьте на него котел, как вскипит вода, приготовьте кусок мыла.

Вода вскипела. Периджахан-ханум привела плешивого Хамзу. По ее приказанию его мыли до тех пор, пока кожа не сошла с его головы и она стала похожа на качан свежей капусты. Потом она позвала лекаря и Хамзу совсем вылечили от парши.

И Хамза подумал: «Я сюда приехал за конем, но не остаться ли мне у Периджахан-ханум?».

– Периджахан-ханум, Кероглу не бывает здесь? – спросил он ее.

– Зачем тебе Кероглу?

– Да просто так. Кероглу всюду славят. Я давно хотел повидать его.

– Каждый день к вечеру, – сказала Периджахан-ханум, – он проезжает мимо нашего дома, возвращаясь к себе. Если хочешь увидеть его, выходи и посмотри.

Хамза вышел. Вскоре послышался топот. Хамза увидел – едет человек, подобного которому он никогда не видел. Хамза смотрел

во все глаза и увидел, что усы у этого человека – каждый толще топорлица, а сам он такой огромный! Подбородок у него до груди. «Наверно, Кероглу» – подумал Хамза и сразу припал к его ногам.

Кероглу заметил, что кто-то повис у его ног. Носком сапога поднял Хамзу и отбросил в сторону, как папаху. Хамза встал, чтобы опять припасть к его ногам.

Кероглу схватил его за шиворот:

– Эй, кто ты такой, чем занимаешься?

– Кероглу, – ответил Хамза, – я пришел жить у тебя, если примешь.

Кероглу увидел, что говорит с ним какой-то гололобый и спросил:

– Что ты умеешь делать?

– Ничего я не умею делать. Если разрешишь, буду подметать у тебя двор. Кроме этого, я ничего не умею.

– Иди за мной, – сказал Кероглу.

Плешивый Хамза пошел за Кероглу. Тот велел ему подметать двор.

Прошло некоторое время, и Кероглу увидел, что двор он держит в чистоте и не требует никакой платы. Кероглу позвал его и сказал:

– Раз ты такой усердный, то, верно, сможешь делать еще что-нибудь. Дай-ка я назначу тебя конюхом. Присматривай за лошадьми.

– Не смогу, – ответил Хамза.

– Я приставлю к тебе конюха, он научит тебя.

– Тогда пойду.

С этого дня Плешивый Хамза стал конюхом.

Дальше повествуется (за незначительным исключением) то же, что и в приводимом нами тексте.

Вариант «Хамза» (ашуг Бозалганлы) мало чем отличается от варианта «Хамза» (ашуг Ислам). Только здесь Периджахан-ханум не жена цирюльника Ахмеда, а почему-то – Эйваза. Ни в одном из вариантов, за исключением «Кероглу в Карсе», Эйваз не женится. Это видно и в записях ашуга Гуммета, а также в самостоятельных

гошмах. Основываясь на этом, мы тоже привели историю женитьбы Эйваза в главе «Кероглу в Карсе». В начале одного из вариантов Периджахан-ханум является женой Эйваза, в конце – Кероглу выдает за Эйваза жену Хамзы Дуния-ханум.

Эпизод у старухи тоже по-разному описан. Рассказывают об этом ашуг Гусейн Бозалганлы и ашуг Асад в «Эрзерумском походе». Только в их передаче у старухи гостил не Кероглу, а Демирчиоглу.

4. *Гырх Дейирмандар* – сорок мельниц.
5. *Донузлук* – узкое пространство у жернова на мельнице.
6. *Хогга* – мера веса.
7. *Чувал* – большой мешок из домотканной ковровой ткани.
8. *Кял-оглан* – презрительное прозвище плешивого Хамзы.
9. Существовало поверье, что саламандра рождается в огне.
10. *Гялинбаджи* – обращение в молодым женщинам.
11. *Джин* – злой дух.
12. *Муштулуг* – награда принесшему счастливую весть.

13. В вариантах «Хамза» (ашуг Бозалганлы) Кероглу после битвы направляется в Ченлибель и по дороге останавливается у родника. Тут он встречается с юношей, приехавшим из Эрзерума. Во время беседы выясняется, что юноша – сын служителя, который вместе с Алы-киши был конюхом у Гасан-хана. Услышав о похищении Гырата, юноша отправился в Тогат узнать, что произошло. Кероглу рассказывает ему о случившемся и дает много денег. Потом берет свой саз и в песне спрашивает о своей родине.

14. *Сурьма* – черная краска для ресниц.

ПРИЕЗД МАХБУБ-ХАНУМ В ЧЕНЛИБЕЛЬ

В основу этого рассказа взяты варианты: «Махбуб» (ашуг Мухаммед) и «Кероглу» (ашуг Гуммет). В них говорится о встрече ашуга Джунуна с дочерью румского паши Махбуб-ханум; о том, как Белли-Ахмед поехал в Рум и был там схвачен; о том, как Махбуб-ханум сообщила Кероглу о пленении Белли-Ахмеда и как, наконец, она прибыла в Ченлибель.

1. *Рум* – Греция (иногда ашуги так именуют Турцию).

2. *Эфлатун* – Платон.

3. *Логман* – легендарный восточный мудрец и врач.

4. *Махбуб* – возлюбленная, любимая.

5. Эту гошму в другом варианте «Кероглу» (ашуг Гуммет) поет Кероглу. Между указанным вариантом и рассказом, приводимым в настоящем сборнике, имеется существенное различие. В варианте ашуга Гуммета за Махбуб-ханум едет в Рум сам Кероглу, а освобождает его Белли-Ахмед. В настоящем варианте в Рум едет Белли-Ахмед и на выручку ему приходят Танрытанымаз и Тыпдагыдан. Таким образом, гошмы, приписываемые Белли-Ахмеду, в варианте ашуга Гуммета приписываются Кероглу, а гошмы, которые поют Танрытанымаз и Тыпдагыдан, в первом варианте поет Белли-Ахмед.

Большинство ашугов рассказывают о том, что у Кероглу было четыре коня: Гырат, Дурат, Арабат и Агджа-Гузу. О первых трех конях между ашугами нет разногласия, а об Агджа-Гузу мнения расходятся. Некоторые ашуги приписывают имя одной из женщин Чен-либеля, другие же настаивают на том, что так звался один из удалцов Кероглу. В 1935 г. в селении Гоби (близ Баку) Джалилом Мурадоглу был записан рассказ об Агджа-Гузу. В нем Агджа-Гузу – сын врага Кероглу Хасан-паши. Рассказ по своему стилю резко отличается от эпоса «Кероглу». Поэтому он не включен в настоящее издание в качестве самостоятельной главы. Мы излагаем его вкратце, так как он свидетельствует об интересной эволюции образа Кероглу в устном народном творчестве.

В этом рассказе Агджа-Гузу и Перизад-ханум, дочь его дяди Джефер-паши, обручены еще с младенчества.

Перизад-ханум очень красивая и образованная девушка. Особенно гордится она хорошим знанием молитвы «Исми-азем» («Великое имя»). Перизад-ханум решила: «Я не стану женой Агджа-Гузу. Я такая ученая, такая красивая, буду услаждать себя «Исми-аземом».

Однажды в школе она предложила Агджа-Гузу:

– Ами-оглу (сын дяди по отцу), давай выйдем погулять.

Вышли. Перизад-ханум в глубоком ущелье сказала Агджа-Гузу:

– Ами-оглу, покажи здесь все, чему ты научился. А что знал Агджа-Гузу, что мог он показать? Перизад-ханум сказала:

– Теперь ты подожди и посмотри, кто сюда придет. Она прочла «Исми-азем».

Собрались все хищники.

– Ами-оглу, – сказала Перизад-ханум, – лучше я уйду с этими хищными зверями и буду бродить по миру, чем выйду за тебя. Один раз в год навещу Стамбул и снова уйду.

И тут львиная шкура обвила шею Перизад-ханум, она превратилась в льва, зарычала и ушла.

Агджа-Гузу, увидев это превращение Перизад-ханум, потерял сознание. Три дня не приходил он в себя. Взглянул на него святой Али и крикнул, держа в руках чашу вина:

– Агджа-Гузу, не печалься! Она достанется тебе. Куда бы ни пошла Перизад-ханум, она достанется тебе. Выпей это вино! Я отдаю тебе свои силы.

Агджа-Гузу выпил вино и, обернувшись, увидел, что святой Али уже исчез. Опечаленный, вернулся он в город и узнал, что Джефер-паша и Хасан-паша очень тревожатся за своих детей. Дядя его спросил:

– Сынок, где Перизад-ханум? Где вы были в эти дни?

– Ами-гызы (дочь дяди по отцу) мне сказала так и так, – ответил Агджа-Гузу, – а сама превратилась в льва и ушла вместе с хищниками. Теперь я тоже должен идти.

Отец его долго плакал, молил и просил не уходить,

– Нет, я должен идти, – твердил Агджа-Гузу.

Отец обещал ему все свои сокровища:

– Все даю тебе, не уходи.

– Нет, я должен идти, – повторял Агджа-Гузу. Агджа-Гузу все богатство свое превратил в деньги, навьючил все свое состояние на верблюдов и сказал:

– Я пойду к Кероглу за помощью. Он найдет мне Перизад-ханум, где бы она ни была.

Попрошавшись, вышел из Стамбула, приехал в Ченлибель. Была пятница. Кероглу один караулил в Даш-гале. Увидав, что из Стамбула пришел маленький караван, Кероглу пошел ему навстречу. На верблюде сидел юноша.

«Не стану я пачкать из-за него свой меч кровью, – подумал Кероглу. – Закричу разок, и он от страха очумеет. Верблюдов я возьму себе. А его жалко. Не буду убивать этого юношу».

Кероглу издал свой клич и пошел к Агджа-Гузу. Тот даже не вздрогнул. Кероглу удивился. «Может быть, этот юноша глухой?» Когда Кероглу произнес это, Агджа-Гузу вынул ногу из стремени и промолвил:

– Я не глухой. Просто я не боюсь тебя.

Кероглу был поражен, что юноша оказался таким смельчаком. Обратился он к нему с четверостишием и тот ответил ему тем же. Кероглу угрожал Агджа-Гузу, но тот держался храбро.

Пришлось обоим храбрецам вступить в бой. Но Кероглу совсем не хотел драться, и он решил открыть свое имя. Может быть, думал он, юноша меня не знает и потому не боится. И Кероглу пропел гошму, в которой назвал себя.

– Кероглу, тебя-то я и искал, – сказал Агджа-Гузу. – Из Стамбула я прямо к тебе пришел.

Кероглу спросил:

– Агджа-Гузу, скажи, зачем ты приехал?

– У меня есть возлюбленная, – ответил Агджа-Гузу. – Ее зовут Перизад-ханум. Вместе со львами удалилась она в эти горы. Пришел я к тебе за помощью.

– Это в моей власти. Раз ты пришел ко мне за помощью, где бы ни была твоя возлюбленная – на земле или на небе, – я, клянусь своим добрым именем, найду ее, чтобы ты достиг желанного.

Кероглу привел Агджа-Гузу в Ченлибель и в песне велел Дели-Гасану созвать всех, кто готов отдать свою жизнь за друга.

Пришли только трое: Дели-Эйваз, Демирчиоглу и Алайпозан. Остальные не явились. Кероглу с тремя удальцами отправился в горы искать Перизад-ханум.

Перизад-ханум увидела, что едут четверо мужчин, словно ангелы смерти, и подумала:

«Как они попали сюда? Сюда ведь не может входить человек. Сейчас я раскину перед ними бахчу. Если это действительно, люди, они соблазняются. Если же они божьи ангелы, то не соблазняются».

Прочитав коротко «Исми-азем», она раскинула на склоне гор бахчу. Кероглу увидел арбузы и сказал:

– Эй, Гасан, что это за дыни и арбузы в этих горах? Что это за место? Слезь, поедим эти дыни и арбузы.

Слезли с коней. Какой арбуз ни разрезали, все были горьки, как яд. Поднялись, сели на коней, сказав: «Это Перизад-ханум своим колдовством сделала их горькими».

Увидели, что где-то вьется тонкий дым. Кероглу крикнул:

– Эй, Перизад-ханум!

Из какого-то укромного места выползла как змея Перизад-ханум и в человеческом облике показала Кероглу.

– Сойди с коня, я посмотрю, кто ты, – сказала она.

– Там, откуда ты вышла, не поместится даже моя рука, – ответил Кероглу. – Куда мне сойти? У тебя нет дома. Где ты меня примешь?

Перизад-ханум прочла «Исми-азем» и на склоне торы вырос семиэтажный дом.

– Пожалуйста, вот тебе и дом, – сказала она. Потом, идя впереди, проводила туда Кероглу и его спутников, ловко привязала их лошадей, вышла со словами «Добро пожаловать» и сказала Кероглу:

– Ты, кажется, ашуг? Воспой меня на вершине этих гор!

Кероглу поет гошму, где возвеличивает Перизад-ханум, а та говорит:

– Ашуг, как тебе не стыдно! Пой так, чтобы не было ни слова «возлюбленная», ни слова «грудь». Выбирай мужественные слова.

Кероглу отвечает ей четверостишием, где слов этих нет.

– Ну вот, так и пой, – одобрила Перизад-ханум.

Кероглу поет ей в песне, что на высоких горах виднеются снега, а перед его смущенным взором – прекрасноокая возлюбленная.

Перизад-ханум рассердилась и ответила в песне, что может ужалить его, как змея.

Кероглу возразил ей песней, где снова употребил слово «возлюбленная». Перизад-ханум опять упрекнула его за это.

Кероглу увидел, что стены дома сжались, и пропел четверостишие о том, что ему здесь тесно, как в могиле.

Перизад-ханум рассердилась:

– Если ты еще раз произнесешь слово «возлюбленная», я испелю вас всех.

Кероглу опять отвечает ей песней со словом «возлюбленная».

Перизад-ханум убедилась, что этот человек не знает страха, все твердит свое и, разгневавшись, сказала:

– Кто ты такой? Зачем пришел сюда? Говори, не то сейчас вас всех уничтожу.

– Перизад-ханум, – ответил Кероглу, – если ты опять будешь угрожать, то от нас ничего другого не услышишь. Оставь свои угрозы, тогда скажу, кто я и зачем пришел.

– Говори!

Кероглу поет гошму, в которой говорится, что он, Кероглу, пришел за Перизад-ханум, и потом сказал ей:

– Перизад-ханум, я – Кероглу, пришел за тобой, чтобы увезти тебя к Агджа-Гузу.

Перизад-ханум, узнав, что перед ней Кероглу, устыдилась своих поступков и сказала:

– Кероглу, раз пришел ты, то я пойду. Но Агджа-Гузу трус. За него я не выйду.

– Да что ты, – ответил Кероглу, – какой он трус?! Агджа-Гузу захватил Ченлибель, сделал меня своим рабом и послал за тобой в горы.

– Ну, раз он стал таким храбрым, – сказала Перизад-ханум, – и послал тебя ко мне с просьбой, едем.

Кероглу посадил Перизад-ханум на коня Демирчиоглу, который держал его за узду. Перизад-ханум привезли в Ченлибель. Там семь дней и семь ночей праздновали свадьбу Перизад-ханум и Агджа-Гузу.

Агджа-Гузу встал, поцеловал руку Кероглу и сказал:

– Кероглу, пока я жив, буду слугой твоим.

– А ты говорил, что он сделал тебя своим рабом, – воскликнула Перизад-ханум. – Что это значит? Теперь он твой слуга?

– Перизад-ханум, – засмеялся в ответ Кероглу, – ты нас хотела победить колдовством, а мы тебя хитростью.

Агджа-Гузу и Перизад-ханум остались у Кероглу в Ченлибеле и стали его удальцами.

6. *Уста* – мастер.

7. *Аферин* – bravo!

КЕРОГЛУ В БАЯЗИДЕ

В основу этого повествования взяты рассказы «Гул» (ашуг Мехти), «Баязид» (ашуг Алы) и «Кероглу» (ашуг Гуммет).

Здесь повествуется о приходе раба в Ченлибель, о том, как был задержан Ахмед-таджирбаши, как отправились воины в Баязид и как Кероглу поехал за ними. Этот рассказ ашуги называют также «Как Эйваз был послан за мясом джейрана».

1. *Таджирбаши* – глава купечества.

2. *Агадж* – мера длины, около 7 километров.

3. *Серкяр* – военачальник, управитель.

4. *Горуг* – заповедник, в данном случае заповедное пастбище.

5. *Фархад* – легендарный каменотес, один из героев поэмы Низами «Хосров и Ширин».

6. *Баяты* – народные четверостишия.

Нам известен ряд вариантов этого повествования. Все они очень близки друг другу. Некоторыми особенностями привлекает к себе внимание вариант, записанный со слов ашуга Башира Асадоглу. Учитывая, что для будущих исследований этот вариант может иметь известное значение мы считаем нужным изложить его здесь.

Вариант этот таков.

Рассказывают, однажды Кероглу, собрав к себе семьсот семьдесят семь своих удальцов, сидел в Ченлибеле. Давно он нигде не бывал. Позвал Эйваза и сказал:

– Сколько времени уже, как я нигде не был. Дайте мою ашугскую одежду.

Он взял ее и оделся. Удальцы не хотели, чтобы он ушел. Кероглу прижал к груди свой саз и пропел:

– Удальцы мои, пусть Эйваз будет вашим главой в моем отсутствии. Я должен быть в Стамбуле.

Он назначил Эйваза начальствовать, поручил ему Гырата, а сам пешком вышел из Ченлибея.

Кероглу шел в одежде ашуга. По дороге он заметил несколько палаток и остановился. Кероглу так хорошо видел, что ему не нужно было подзорной трубы. Он взгляделся и понял, что там расположилось войско.

Он продолжал идти.

Чье же это войско? Кулу-бека!

Кулу-бек хотел захватить Кероглу.

Кероглу подошел и убедился, что Кулу-бек тоже здесь. Пошел он прямо к воинам. Люди Кулу-бека увидели, что пришел ашуг, и, окружив его, сказали:

– Ашуг, сыграй, послушаем!

– Я очень голоден, – ответил Кероглу, – сначала накормите меня, потом сыграю.

Люди Кулу-бека отвели Кероглу к повару и дали поесть.

Оставим Кероглу здесь за едой, послушайте о его удальце. Этот удалец убежал и примкнул к отряду Кулу-бека. Как только он увидел Кероглу, то пошел и сообщил:

– Кероглу сам пожаловал к нам.

Кулу-бек приказал поймать Кероглу и связать ему руки.

Теперь послушаем о двоюродной сестре Кулу-бека Дуния-ханум.

Дуния-ханум смотрела с балкона, увидела, что ведут Кероглу и сказала окружающим ее девушкам:

– Жаль! Наверно, его захватили вероломством.

Кероглу видит Дуния-ханум и поет песнь о том, как он грустит о Ченлибеле и Нигяр-ханум, о своих удальцах, о том, что его захватил Кулу-бек и что ему сейчас очень тяжело. Заканчивая

песню, он говорит, что Дуния-ханум ему нравится и, что он взял бы ее с собой в Ченлибель.

Кулу-бек сказал удальцу, изменившему Кероглу:

– Ты должен убить его.

Но воину было жаль Кероглу, не убил он его. Повел и бросил в колодец глубиной в сорок аршин.

Послушайте об удальцах и Эйвазе.

Увидел Эйваз, что Кероглу не возвращается и позвал удальцов.

– Нам нужно пойти на помощь Кероглу. Узнаем, где он остался.

Исабала вышел вперед:

– Я пойду.

Эйваз согласился. Исабала сел на коня и уехал.

Пусть Исабала продолжает свой путь, послушайте о Дуния-ханум.

Дуния-ханум увидела во сне Исабалу и влюбилась в него. С думой об Исабале рано утром встала она и пошла гулять по саду. Путь Исабалы лежал через этот сад. Дуния-ханум узнала Исабалу, как только увидела его, и подозвала к себе:

– Во сне я влюбилась в тебя, ты должен жениться на мне.

Дуния-ханум очень понравилась Исабале. Пусть оба, взявшись за руки, останутся здесь. Мы забыли о Кероглу.

Кулу-бек хотел жениться на своей двоюродной сестре Дуния-ханум. Ходкар (так называют ашуги турецкого султана) обещал Кулу-беку Дуния-ханум, если он убьет Кероглу. Сообщили ходкару, что дочь его встретилась с удальцом Кероглу Исабалой. Ходкар послал триста всадников поймать Исабалу. Дуния-ханум смотрела с балкона и увидела, что едут триста всадников. Поняла, что отнимут у нее Исабалу. Быстро подошла, взяла одну свою косу, натянула, как саз, и пропела.

– Уходи, родной мой Исабала, не оставайся в этих местах.

– Любимая моя, Исабала умрет, но не уйдет отсюда, – ответил ей Исабала.

Дуния-ханум поняла, что он ничего не боится, но начала уговаривать:

– Скажут триста всадников, уходи, Исабала, не оставайся здесь.

– Что они сделают такому, как я, – ответил тот, – умрет Исабала, но не уйдет отсюда.

Дуния-ханум сказала:

– Они похожи на голодных волков. Кероглу уже поймали, связали ему руки. Уходи, Исабала, не оставайся здесь.

– Кероглу сам пришел сюда, – ответил Исабала, – разве его поймали? Умрет Исабала, не уйдет отсюда.

Исабала собрался выйти. Эйваз поспешил с удальцами, уничтожил триста воинов ходкара. Исабала подошел к Эйвазу и показал, где спрятан Кероглу. Удальцы бросили веревку, подняли Кероглу из колодца. Потом двинулись на ходкара.

Посмотрим, что сказал Кероглу, когда встретился с ходкаром лицом к лицу:

– Эй, ходкар, куда ты денешься? Кероглу со своими львами пришел к тебе, взял твою крепость. Одно только имя Кероглу страшит тебя.

Кероглу дал знак удальцам, и те повесили ходкара у городских ворот.

– Пойдем за Дуния-ханум, приведем ее, – сказал Кероглу удальцам.

– Дуния-ханум привел Исабала, – ответили удальцы. Когда же приехали в Ченлибель, Кероглу отдал девушку Исабале и сыграли свадьбу. Кероглу позвал на свадьбу свою няню Рейхан и спросил ее:

– Чего не хватает на свадьбе?

– Гусятины, – сказала няня. Эйваз встал со своего места;

– Я найду гусятину.

Кероглу разрешил Эйвазу поехать за гусятиной.

Эйваз вывел своего коня, взял с собой Демирчи-оглу-Гасана, и они приехали прямо на озеро Хасан-паши.

Поймали всех гусей и уток, зарезали их, зажарили, поели, напились допьяна. Хасан-паша передали:

– Удальцы Кероглу зарезали и съели всех гусей и уток.

Хасан-паша послал своих людей, поймал удальцов и заключил под стражу. Был у Кероглу друг по имени Юмруг-Ахмед. Он услышал, что Эйваз схвачен, пришел к тюрьме. Попросил у сторожей разрешение и пробрался к Эйвазу. Эйваз, увидев Юмруг-Ахмеда, написал Кероглу такое письмо: «Помоги нам, смерть подстерегает нас. Мы в плену у Хасан-паши. Он очень жесток, может убить» (в оригинале письмо написано в стихах).

Эйваз написал письмо, отдал Юмруг-Ахмеду, чтобы тот отнес Кероглу.

Кероглу долго ждал Эйваза, а тот не возвращался. Собрал он удальцов и сказал:

– Давайте, пойдём за Эйвазом!

В это время подоспел Юмруг-Ахмед, отдал Кероглу письмо. Кероглу прочел письмо, узнал, что Эйваз просит помощи. Он показал удальцам письмо. Удальцы сели на коней и поехали к Кероглу спасать Эйваза.

Теперь послушайте о Гырате. Кероглу мчался на нем, как ветер. Гырат подумал: «Сколько Кероглу ездит на мне, посмотрю, ценит он меня или нет?» Гырат замедлил шаг. Тогда Кероглу прижал свой саз к груди и спел гошму, где воздал хвалу Гырату и просил его поторопиться, потому что «попал в беду сокол» (то «есть Эйваз»).

Кончив петь, Кероглу правой рукой погладил Гырата, и конь пустился вскачь. Доехали до пашни и увидели, что чем-то опечаленный старик жнет хлеб. Кероглу спросил его:

– Почему ты такой грустный?

– Зачем тебе знать? Езжай своей дорогой!—ответил старик.

– Хочешь, мы сожнем твой хлеб?

– Не надо.

– Почему же ты грустный? Скажи!

Старик увидел, что Кероглу не отстает от него, и ответил:

– Поймали удальца Кероглу Эйваза. Сегодня Хасан-паша казнит его.

– Не бойся, не казнит.

Потом приказал удальцам убрать хлеб на поле старика. Удальцы мигом сжали весь хлеб и направились в Санджагалы.

Кероглу остановился на окраине и сказал:

– Удальцы мои, вы подождите здесь, а я пойду в одежде ашуга на площадь. Как только правой рукой проведу по правому усю, вы тут же бросайтесь с обнаженными мечами.

И он вышел на площадь. Люди Хасан-паши, приняв Кероглу за ашуга, сказали:

– Ашуг, что ты знаешь? Спой!

Кероглу спел гошму о том, что Эйваз и Демирчиоглу должны быть с ним рядом.

Люди Хасан-паши попросили Кероглу спеть что-нибудь другое. Кероглу понял, что все может раскрыться и если он еще хоть немного задержится, Эйвазу придет конец. Быстро провел он правой рукой по правому усю – удальцы с обнаженными мечами бросились на площадь, порубили всех, убили Хасан-пашу, освободили Эйваза и вернулись.

Как видим, начало этого варианта сходно с «Эрзинджанским походом» («Кероглу и Болу-бек»), а конец сюжетно перекликается с «Кероглу в Баязиде». Этот вариант интересен своим сходством с девятым меджлисом «Гаф» (С. Пенн). Можно сказать, что это наиболее хорошо сохранившийся вариант данного рассказа.

ПОБЕГ РАБА

В основу этого рассказа положен вариант «Гул» (ашуг Мехти). Здесь повествуется о том, как раб нашел приют у Элемгулу-хана; о битве Демирчиоглу, Гюрджуоглу-Мамеда и Танрытаньмаза с Элемгулу-ханом, а также о том, как удальцы Кероглу подружились с Элемгулу-ханом и, наконец, как привели в Ченлибель дочь Элемгулу-хана Ругию-ханум. Есть еще и другое название рассказа: «Как Гюрджуоглу-Мамед привозит в Ченлибель Ругию-ханум».

1. Свинья по законам ислама считается нечистым животным, поэтому никто из мусульман свиней не держал. Пословица же подчеркивает, что у хана всего было в избытке.

2. *Дашлыдере* – каменистое ущелье.
3. *Векилы* – доверенные лица, советники.
4. *Меджнун* – герой поэмы Низами «Лейли и Меджнун», безумный от любви.
5. *Аман* – пощада.
6. *Кази* – мусульманский верховный судья.
7. *Кебин* – брачный договор.
8. *Шомпур* – вертел, прут для жарения мяса над огнем.

ПРОПАЖА ДУРАТА

В основу этого рассказа положены варианты «Баллыджа» (ашуг Мухтар) и частично «Дурат» (ашуг Гасанбала).

Здесь рассказывается о том, как пропал Дурат вместе с табуном из Ченлибеля, о путешествии Кероглу в Баллыджу, о битве его с Кара-ханом и о возвращении табуна. Ашуги называют этот рассказ также «Походом Кероглу в Баллыджу».

1. *Нукер* – слуга, прислужник.
2. *Арабат* – арабский конь.
3. *Джорабы* – шерстяные носки.

КЕРОГЛУ И БОЛУ-БЕК

В основу этого рассказа взяты варианты: «Бегляр» (ашуг Алиш), «Болу» (ашуг Садыг), «Болу», «Кероглу» (ашуг Гуммет).

Здесь говорится, как Болу-бек приходит в Ченлибель и подло заманивает в свою ловушку Кероглу, о встрече Кероглу с Дуния-ханум в Эрзинджане; о том, как приходит Исабала в Эрзинджан и освобождает Кероглу из темницы; о битве Кероглу с Болу-беком и, наконец, о том, как приводят Дуния-ханум в Ченлибель. Этот рассказ называют еще «Эрзинджанский поход Кероглу».

1. *Ай медед!* – на помощь!

КЕРОГЛУ В КАРСЕ

В основу этого рассказа положены варианты «Кероглу» (ашуг Гуммет), «Гюрджюстан» (ашуг Бехбед) и «Адил-паша» (ашуг Алы).

Здесь повествуется о том, как Араб-Рейхан готовился в Карсе к наступлению на Ченлибель; о дочери карсского паши Хури-ханум; о прибытии в Карс Эйваза и о его битве с Араб-Рейханом; о том, как Хури-ханум привозят в Ченлибель.

1. *Валлах* – ей-богу!
2. *Сафар* – имя одного из удалцов Кероглу. Он известен под именем Коса-Сафар.
3. Арабоглу – сын араба.
4. В день свадьбы невесте подрезают на лбу волосы челкой.

КЕРОГЛУ В ДЕРБЕНДЕ

В основу этого рассказа положены варианты: «Ву-руш» (ашуг Бозалганлы), «Дербенд» (ашуг Вели), «Булгейс» (ашуг Мехти) и «Кероглу» (ашуг Гуммет). В них рассказывается о том, как Кероглу пришел в Дербент и женился на Мовминэ-ханум; о сыне Кероглу - Кюрдоглу и его женитьбе на дочери Ахмед-хана Мехри-ханум, о том, как он приехал в Ченлибель и нашел там своего отца.

О женитьбе Кероглу на Мовминэ-ханум в вариантах приводятся разные подробности. В варианте «Дербенд» (ашуг Вели) Мовминэ-ханум, услышав о мужестве и смелости Кероглу, сама пишет ему письмо, после чего тот едет в Дербенд.

В варианте «Вуруш» (ашуг Бозалганлы) девушку зовут не Мовминэ-ханум, а Махбуба, причем она туркменка.

В варианте «Булгейс» (ашуг Мехти) девушка тоже является дочерью туркменского Сулейман-паши. Зовут ее Булгейс-ханум. Здесь рассказывается, что по пути в Туркмению Кероглу видит двух мальчиков, которые, сидя на одном коне, защищаются от врага. Дети эти оказываются сыновьями Сулейман-паши. Кероглу, изумленный смелостью малышей, решает во что бы то ни стало

взять себе в жены девушку из Туркмении. Дети сообщают ему, что у Сулейман-паши есть красивая и смелая дочь по имени Булгейс. Кероглу едет в Туркмению и женится на девушке.

В варианте «Дербенд» (ашуг Вели) Кероглу женится на Мовминэ, уже будучи женат на Нигяр. Его за Мовминэ в Дербенд посылает сама Нигяр.

Различно в разных вариантах и описание встречи Кероглу с Кюрдоглу.

В варианте «Булгейс» (ашуг Мехти) Кероглу узнает, что в Туркмении есть пехлеван по имени Султан-Али. О его смелости и необычайном коне говорят так много, что Кероглу решает встретиться с ним и вызвать его на бой. При этом он не знает, что Султан-Али его собственный сын. Однажды Кероглу, ничего не сказав удальцам, садится на коня и едет в Туркмению. По дороге он встречается с Султан-Али. В первой же схватке Султан-Али свалил Кероглу и, обнажив меч, хотел отрубить его голову. Тут Кероглу поет гошму, прося молодого человека не убивать его, старика.

Султан-Али отпускает Кероглу, и тот возвращается в Ченлибель. Однако он не может примириться со своим поражением и через несколько дней едет опять в Туркмению. На том же месте он снова встречается с Султан-Али, ударяет его булавой и валит на землю. Когда Кероглу поднимает меч, чтобы отрубить юноше голову, то видит на его руке браслет и узнает в нем своего сына. Он поет гошму, в которой жалеет о своем поступке.

Отец с сыном возвращаются в Ченлибель и вскоре берут к себе и Булгейс-ханум.

В варианте «Вуруш» (ашуг Бозалганлы) Кероглу убивает Султан-Али и по браслету на его руке узнает, что он был его сын. Скорбя, Кероглу привозит тело сына в Ченлибель и там хоронит. Он хочет поймать коня убитого юноши, но конь убегает в Туркмению. Чтобы отомстить за сына, Махбуба-ханум одевается в мужскую одежду и в сопровождении нескольких воинов отправляется в путь. Конь приводит ее прямо к тому месту, где был убит Султан-Али. Кероглу в это время с несколькими удальцами едет в

Туркмению к Махбубе-ханум, чтобы рассказать о том, как все произошло. Они встречаются, но не узнают друг друга, так как лица у них закрыты покрывалом. Кероглу видит коня Султан-Али и не хочет оставить его в чужих руках. Кероглу и Махбуба-ханум вступают в бой. Кероглу свалил Махбубу-ханум. Покрывало открывается, и ой узнает ее. Кероглу рассказывает о случившемся Махбубе-ханум, но, сколько он ни просит, ему не удается уговорить ее переехать в Ченлибель. Махбуба-ханум возвращается, чтобы до конца дней своих носить траур по убитому сыну.

Кроме этих вариантов, имеется еще один – «Кероглу и Айпара», записанный в 1936 г. в селении Сарай (близ-Баку) со слов ашуга Джахангира. В этом варианте девушку зовут Айпара, она дочь Халид-паши из Стамбула. Вариант этот близок к волшебным сказкам. Гошмы, имеющиеся в нем, в художественном отношении очень слабы. Краткое содержание его таково.

Кероглу в ашугской одежде едет в Стамбул. Прогуливаясь по улицам, он видит на балконе Айпару-ханум. Она обручена со своим двоюродным братом Осман-беком. Айпара-ханум много слышала о Кероглу и хотя не видела его, но за глаза полюбила. Служанка Айпары-ханум Санам узнает Кероглу и по приказанию своей госпожи приглашает его в дом. Кероглу остается у Айпары-ханум. Проходят дни, месяцы. Однажды Санам предлагает Кероглу свою любовь, но, тот, верный Айпаре-ханум, прогоняет коварную служанку и даже ударяет ее по лицу. Из носа Санам течет кровь. Кероглу уходит к Айпаре-ханум. Озлобленная Санам рассказывает обо всем Осман-беку. Тот со своими людьми окружает дом Айпары-ханум. Кероглу хочет вступить в бой, но Айпара удерживает его, дает ему другую одежду и через тайный ход хочет вывести из дома. Но Кероглу не уходит. Он идет к людям Осман-бека и, никем не признанный говорит, что удальцы Кероглу окружили дворец Халил-паши. Люди Осман-бека уходят, а бек один идет к Айпаре-ханум. Кероглу выходит и засады, хватает бека, бросает его в глубокий колодец и заваливает жерновом.

После этого Кероглу с Айпарой-ханум переселяется в другое место. У Айпары-ханум от Кероглу родится сын. Его называют Самандом.

ПОХОД ХАСАН-ПАШИ НА ЧЕНЛИБЕЛЬ

Здесь рассказывается о нападении Хасан-паши на Ченлибель и его поражении.

1. Эта гошма в «Кероглу» (ашуг Гуммет) дается в ряду самостоятельных стихотворений, как обращение к Гюльбанги-паше. Имя это встречается только в варианте «Хамза» (ашуг Асад), и то всего один раз, причем говорится, что Гюльбаяги является пашой Ускудара. Возможно, что имелся и самостоятельный рассказ о Кероглу и Гюльбанги-паше.

СТАРОСТЬ КЕРОГЛУ

В основу этого рассказа взяты варианты «Кероглу» (ашугов Алы, Мухаммеда, Гамбара, а также записи Гуммета).

В варианте «Кероглу (ашуг Мухаммед) Кероглу отпускает всех своих удальцов. С ним остается только Эйваз.

Кероглу становится мельником.

Враг его паша, узнав, что он остался один, нападает на Кероглу. Вместе с Эйвазом Кероглу побеждает войско паши и снова поднимается в Ченлибель.

В варианте «Кероглу» (ашуг Асад) в Ченлибеле с Кероглу остается Нигяр. Кероглу ловит грабителей, захвативших казну паши. Паша хочет оставить Кероглу у себя, но тот не соглашается остаться у своего врага и уходит. По дороге на него нападают разбойники. Кероглу убивает их и возвращается в Ченлибель.

1. *Элиф* – первая буква арабского алфавита, имеющая прямое начертание.

Служанка Санам готовит новые козни против Кероглу.

Однажды ночью Кероглу видит во сне Ченлибель и своих удальцов. Считая это плохим предзнаменованием, он решает совершить намаз (молитву). Рано утром он поднимается на башню и начинает громким голосом произносить слова молитвы.

Санам видит и сообщает об этом Халил-паше. Тот собирает войска и ночью наступает на крепость, в которой живет Кероглу.

Санам при помощи аркана поднимается на башню, и открывает все двери. Кероглу застают спящим и связывают его. Проснувшись, он видит себя, Айпару-ханум и сына Саманда в плену у врага. В последнюю минуту он успевает надеть свой браслет на руку сына. Когда их ведут к Халил-паше, Санам оставляет ребенка у придорожного камня. По приказанию Халил-паши Кероглу бросают в глубокий колодец, Айпару-ханум заточают в темницу.

Далее рассказывается, что на окраине города жила одна старуха, у которой была собака. Однажды собака почуяла волка. Подкрадываясь к нему, она добирается до камня и видит, что волчица кормит своим молоком ребенка. Собака начинает лаять, волчица убегает; собака берет ребенка и приносит в свой двор. Мальчик остается у старухи.

Удальцы долго ждут Кероглу, и наконец, отправляются за ним. Эйваз пускает Гырата вперед. Гырат находит колодец, куда был брошен Кероглу. Удальцы освобождают его. Кероглу со своими удальцами нападает на войско Халил-паши. Халил-пашу убивают. Потом освобождают Айпару-ханум из темницы и возвращаются в Ченлибель. Но, сколько ни ищут, не могут найти Саманда.

Вариант кончается тем, что Кероглу с Айпарой-ханум в Ченлибеле справляют свадьбу.

1. *Кюрдоглу* – здесь сын Кероглу и женщины из племени кюрдов.

2. *Ферраш* – слуга, исполнитель воли правителя.

3. *Салсал* – легендарный герой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	V
Алы-киши.....	1
Кероглу и Дели-Гасан	14
Кероглу в Стамбуле.....	21
Поход Демирчиоглу в Ченлибель	47
Эрзерумский поход Кероглу.....	55
Как Эйваза привезли в Ченлибель.....	91
Журавлиное перо.....	121
Похищение Гырата Хамзой	147
Приезд Махбуб-ханум в Ченлибель	190
Кероглу в Баязиде	216
Побег раба	241
Пропажа Дурата	259
Кероглу и Болу-бек	269
Кероглу в Карсе	293
Кероглу в Дербенде.....	319
Поход Хасан-паши на Ченлибель	342
Старость Кероглу	356
Основные варианты	379
Комментарии	384

Кероглу

Эпос

Составитель
М.Г.Тахмасиб

Предисловие
Г.Араслы

Перевод прозаического текста
Ю.Гранина

Перевод стихотворного текста
И.Оратовского
А.Плавника

Редактор
Д.Гликштейн

Оформление художника
А.Кязимова

Редактор издательства
Г. Дондаров

Техредактор
Ш. Агаева

Баку - 1959

Формат 60x90/16. 26 п.л. Тираж 500
Отпечатано в типографии “Хатун плюс” ЛТД.
Тел.: (+994 12) 498 56 38